

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

Этнографическаго Отдѣла Императорскаго Общества Любителей
Естествознанія, Антропологии и Этнографіи,

состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

Кн. II.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Секретаря Этнографическаго Отдѣла
Н. А. Янчука.

МОСКВА.

„Русская“ типо-литографія, Тверская, д. Гандбургъ.

1889.

Печатать разрешается. Москва, 7 октября 1889 г. Президентъ Императорскаго
Общества Любителей Естественнаго, Антропологическаго и Этнографическаго,
Ординарный Профессоръ *Всеволодъ Миллеръ*.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
I. Отголоски иранскихъ сказаній на Кавказѣ. В. Θ. <i>Миллера</i>	1
Дополненіе: замѣтка о персидскихъ эпическихъ произведеніяхъ въ грузинскомъ переводѣ. А. <i>Хаканова</i>	36
II. Тушины. А. С. <i>Хаканова</i>	40
III. Очеркъ вѣрваній крестьянъ Елатомскаго уѣз. Тамбовской г. А. П. <i>Звонкова</i>	63
IV. Палій и Мазепа въ народной поэзіи. В. В. <i>Каллаша</i>	80
V. Оскаръ Кольбергъ (по поводу 50-лѣтія его дѣятельности). Н. А. <i>Яичука</i>	124
VI. Положеніе неспособныхъ къ труду стариковъ въ первобытномъ обществѣ. Гл. II. В. В. <i>Каллаша</i>	135
VII. Библіографія.	170—232
I. Книги и ученые изданія (170 и 227).—II. Журналы (188).—III. Газеты (195).	
VIII. Извѣстія и замѣтки.	233—239
Этнографич. Отдѣлъ Имп. Общ. Люб. Естествозн., Антропол. и Этнографіи.—Имп. Моск. Археологич. Общество.—Имп. Рус. Географич. Общество.—Петровское Общ. изслѣдователей Астраханскаго края.—Уральское Общ. Любит. Естествознанія.—Харьковское Историко-филологич. Общество.—Латышское Общество.—Научно-промышленная выставка въ Казани.—Восьмой съѣздъ русскихъ естествоиспытателей.—Музеи: въ Елисаветградѣ, въ Уральскѣ, въ Смоленскѣ.—Публичныя лекціи въ Вязьмѣ.—Международный этнографическій конгрессъ въ Парижѣ и пр.	
Приложеніе: портретъ Оскара Кольберга.	

Отголоски иранскихъ сказаній на Кавказѣ.

Самое раннее указаніе на распространеніе иранскихъ эпическихъ сказаній въ Закавказьѣ, именно въ Арменіи, находимъ мы у армянскаго историка Моисея Хоренскаго (половина V в. по Р. X.). Предлагая, по просьбѣ своего патрона, правителя Арменіи Саака Багратуни, объясненіе парсійскимъ легендамъ о Бюраспѣ Аждахака (въ Зендавестѣ *Aiđahaka baevagaspō*), армянскій историкъ, какъ благочестивый монахъ, предпосылаетъ своему объясненію слѣдующія характерныя слова: „Ненавистныя для меня рассказы и дѣйствія, *молва о которыхъ оскорбляли мой слухъ* (слѣдовательно эти рассказы были распространены среди армянъ), теперь собственной рукой начертываю, придаю смыслъ ихъ безсмысленности, излагаю здѣсь событія древнѣйшія, недоступныя даже для самихъ Парсовъ, только чтобы сдѣлать тебѣ угодное и, если можно, полезное“¹⁾.

Давая затѣмъ эвгемеристическое толкованіе, согласно вкусамъ своего времени, парсійскому миѳу объ Аждахака, Хоренскій въ другомъ мѣстѣ своей исторіи (I, гл. VШ), говоря о великанѣ Торкѣ, назначенномъ царемъ Вахаршакомъ правителемъ запада, представляетъ другое любопытное свидѣтельство о томъ, что главная личность персидскаго эпоса — Рустамъ—былъ извѣстенъ армянамъ: „Если желаешь,—говоритъ онъ обращаясь къ Сааку,—я расскажу тебѣ о немъ (т. е. Торкѣ) невѣроятныя и нелѣпыя сказки, какія Парсы

¹⁾ Исторія Арменіи—пер. Н. О. Эмена. М. 1858, стр. 73.

разсказываютъ о Ростомѣ Сагчикѣ, имѣвшемъ силу ста двадцати слоновъ“... 1)

Имѣя въ виду въ настоящей статьѣ прослѣдить въ кавказскихъ народныхъ сказаніяхъ отголоски иранскаго эпоса, считаемъ необходимымъ припомнить сначала нѣкоторые историческіе факты.

Достаточно бросить бѣглый взглядъ на отношенія закавказскихъ народностей въ древніе и средніе вѣка къ ихъ персидскимъ сосѣдямъ, чтобъ составить себѣ понятіе о томъ, какъ широко и глубоко должно было проникать въ Закавказье вліяніе иранской культуры. Еще въ періодъ Ахеменидовъ нѣкоторыя народности Закавказья входили въ составъ обширной Персидской монархіи. Изъ списка податей, приводимаго Геродотомъ и основаннаго на официальныхъ документахъ, мы узнаемъ, что при Артаксерксѣ I цѣлый рядъ закавказскихъ племенъ вносили дань въ богатую казну Ахеменидовъ. Таковы Каспіи, давшіе свое имя Каспійскому морю, и Павсики, Пантиматы и Дарейты, составлявшіе 11-ю область персидскаго государства, Армяне, входившіе съ сосѣдними съ ними племенами (до Чернаго моря) въ составъ 13-й области, Матиены, Саспейры, Алародіи (18-я область), Мосхи, Тибарены, Макроны, Моссинэки и Мары (19-я область 2). По словамъ того же историка, „жители Колхиды и ихъ сосѣди до Кавказскаго хребта согласились (sic) подносить подарокъ персидскому царю (владѣнія персовъ простираются только до этихъ поръ, вся же сѣверная часть Кавказа находится внѣ ихъ власти).“ 3) По приказу персидскаго монарха, закавказскія племена выставляли отряды въ персидское войско и принимали участіе въ отдѣльныхъ походахъ,

1) Тамъ же, стр. 84. По поводу этого мѣста ученый переводчикъ Хоренскаго Н. О. Эвинъ замѣчаетъ вполне справедливо: „Вероятно, въ V в. персидскіе рапсоды воспѣвали такіе подвиги Рустема, которые въ XI в., во время Фердуси, были уже забыты; ибо нашъ авторъ увѣряетъ, что персидскому царю приписывали силу ста двадцати слоновъ (стр. 286).

2) Herodot. III. 92—94.

3) Ibid. III 97.

сохраняя каждое свое національное вооруженіе, но подчиняясь командѣ персидскихъ военачальниковъ ¹⁾. Конечно, нельзя думать, чтооь соприкосновеніе закавказцевъ съ персами во время походовъ могло глубоко распространять иранскую культуру въ горахъ Закавказья. Но несомнѣнно, *многотыя* черты этой культуры какъ въ области матеріальнаго, такъ и въ области духовнаго быта, могли уже въ эти отдаленныя времена проникнуть на Кавказъ и сохраниться тамъ тѣмъ прочнѣе, что съ паденіемъ древняго персидскаго царства вліяніе Ирана на нѣкоторыя области Закавказья не прекращается, но продолжается при владычествѣ Паряевъ и особенно усиливается въ періодъ средневѣковой персидской монархіи Сасанидовъ (отъ 226 до 651 г. по Р. Х.). Исторія Арменіи и Грузіи представляетъ длинный рядъ фактовъ, указывающихъ на политическое вліяніе иранцевъ на эти области. Уже во II в. до Р. Х. паряевскіе Аршакиды склонны смотрѣть на Арменію, какъ на вассальную страну, и Митридатъ I (6-й аршакидъ) возводитъ на ея престолъ своего брата Вах'аршака. Вся исторія этой несчастной страны сводится въ періодъ паряевскаго царства (отъ 250 г. до Р. Х.—226 по Р. Х.) къ происходившей въ ней ожесточенной борьбѣ между паряевами и римлянами, причемъ въ различныхъ перипетяхъ этой продолжительной войны на престолъ Арменіи восходили то паряевскіе, то римскіе ставленники. Вмѣшиваясь свободно во внутреннія дѣла Арменіи, какъ ближайшей и сосѣдней страны, паряевскіе цари простираютъ свое вліяніе и на болѣе отдаленныя области—Иберію, Албанію и привлекаютъ ихъ къ участию въ своихъ войнахъ съ римлянами и къ усиленію своего вліянія на Арменію. Еще рѣшительнѣе и свободнѣе распоряжаются въ Закавказь могущественные цари династіи Сасанидовъ. Уже первый сасанидъ Ардеширъ I (226—240) подчинилъ себѣ Арменію, изгнавъ изъ нея слабые римскіе отряды, и съ тѣхъ

¹⁾ См. описаніе вооруженія закавказскихъ отрядовъ въ арміи Ксеркса у Геродота VII, 67, 78.

поръ армянскіе цари только время отъ времени выходятъ изъ подъ вліянія Сасанидовъ, если послѣднимъ измѣняетъ счастье въ войнѣ съ Римомъ и затѣмъ Византіей. Наконецъ въ 5-мъ вѣкѣ (428 г.) Армения утрачиваетъ и свою національную царскую династію и, какъ прочія области персидской монархіи, управляется персидскими *марзбанами*. Въ той части ея (Персарменіи), которая была во власти персовъ ¹⁾ Сасаниды, эти ревностные пропагандисты національной религіи персовъ—ученія Заратуштры, стараются силой оружія и интригами распространить государственную религію и вытѣснить христіанство. Особенно упорнымъ пропагандистомъ магизма является Іездегердь II (438—457), котораго царствованіе можетъ быть названо послѣднимъ кровавымъ періодомъ борьбы ученія Заратуштры съ ученіемъ Христа въ Закавказьи (Арменіи, Иберіи, Албаніи). На успѣшность своей попытки Іездегердь могъ рассчитывать (хотя послѣдствія показали, что онъ заблуждался), особенно въ виду того, что задолго до христіанства среди народностей Закавказья былъ распространенъ культъ иранскихъ божествъ. Тѣ немногія свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о дохристіанской религіи Арменіи и Грузіи, представляютъ намъ въ пантеонѣ этихъ странъ на ряду съ національными богами боговъ древнеиранскихъ.

Такъ, дохристіанскимъ армянамъ были извѣстны иранскія божества: Арамаздъ (въ Авестѣ Ahura Mazda^o), богиня Анахита, Михрь (авест. Mithra) и друг. ²⁾, имѣвшія много храмовъ въ предѣлахъ Арменіи. Въ Грузіи процвѣталъ въ Мцхетѣ культъ Армаза, въ святилищѣ, сооруженномъ по преданію основателемъ первой грузинской династіи Фарнавазомъ (носящимъ кстати вполнѣ иранское имя) ³⁾. Этотъ

¹⁾ Другая половина Арменіи была подъ властью Византіи.

²⁾ См. Н. Эмина—Очеркъ религіи языческихъ Армянъ. М. 1864.

³⁾ Вахушта сообщаетъ, что статуя Армаза была громаднаго размѣра обложенная въ золото; глаза идола были сдѣланы изъ драгоценныхъ камней и блестящая корона изъ такихъ же камней украшала его голову. У подножія статуи совершалось религиозное празднество, сопровождавшееся обильными жертво-

иранскій культъ, смѣшавшійся въ Грузіи съ мѣстнымъ идоло-служеніемъ. былъ особенно поддерживаемъ правительствомъ съ тѣхъ поръ, какъ по прекращеніи (со смертью царя Ас-фагура въ 265 г. по Р. Х.) династіи Аршакидовъ въ мужской линіи, наслѣдницей престола осталась единственная дочь этого царя и высшее сословіе страны обратилось къ Шапору, персидскому царю, съ просьбой возвестъ на престолъ Грузіи его сына Миріана, женивъ его на дочери Ас-фагура. Эта религіозная и династическая связь Грузіи съ Персіей продолжалась до эпохи водворенія въ Грузіи христіанства (въ 1-й четверти IV в.); но и послѣ религіознаго разрыва Сасаниды, пользуясь слабостью этого государства, не оставляютъ надежды искоренить новую религію, и послѣдней нерѣдко угрожала серіозная опасность, особенно въ царствованіе фанатика Іездегерда II, когда подъ вліяніемъ религіозныхъ преслѣдованій и пропаганды маговъ низшія сословія грузинскаго народа стали сильно уклоняться отъ христіанства ¹⁾. При сасанидѣ Кобадѣ (490—531) персы свободно хозяйничаютъ въ Грузіи и занимаютъ своими гарнизонами даже крѣпость въ Даріальскомъ ущельѣ, отрѣзая такимъ образомъ эту страну отъ сѣверо-кавказскихъ народовъ, которые нерѣдко являлись вспомогательными отрядами въ грузинскихъ и византійскихъ войскахъ. Преемникъ Кобада Хозро Аноширванъ (631—578) обращаетъ еще большее вниманіе на Закавказье—Албанію, Иберію—и на горные проходы. Онъ возстановляетъ крѣпость Дербендъ и учреждаетъ въ разныхъ областяхъ, прилегающихъ къ этому важному военному пункту, персидскія вассальства подъ управленіемъ наслѣдственныхъ шаховъ, которые для собственныхъ интересовъ должны были зорко охранять съ этой стороны персидскую границу. Опасность, угрожавшая христіанству въ Закавказьѣ, устранилась лишь чрезъ пятидесятилѣтіе по смерти Кобада, когда послѣ ряда поражений, нанесенныхъ

привошеніями—быковъ, барановъ, козъ и даже дѣтей и завершавшееся шромъ. См. Вахушта и Баратовъ—Исторія Грузіи I, стр. 38, 45.

1) Баратовъ—Исторія Грузіи II, стр. 27.

императоромъ Иракліемъ персидскому царю Хозро Парвезу, Персія лишается своего политическаго вліянія на Кавказѣ. Императоръ разрушаетъ храмы поклоненія огню въ Ганзакѣ (нынѣ Елисаветполь) и другихъ мѣстахъ Закавказья, изгоняетъ изъ Грузіи въ 629 г. всѣхъ огнепоклонниковъ, отказавшихся принять христіанскую вѣру, и съ этого времени вѣковая борьба магізма съ христіанствомъ можетъ считаться оконченной, а черезъ нѣсколько лѣтъ, съ покореніемъ Персіи арабами (въ 642 г.), огнепоклонство лишается уже всякой внѣшней поддержки и падаетъ окончательно.

Однако вѣковое религіозное вліяніе Персіи на Кавказѣ не могло не оставить даже послѣ своего превращенія слѣдовъ въ народныхъ вѣрованіяхъ и обычаяхъ. Такіе слѣды особенно въ восточной части Закавказья, подвергшейся при Аноширванѣ персидской колонизаціи, дѣйствительно были указываемы въ свидѣтельствахъ нѣкоторыхъ средневѣковыхъ писателей и въ нѣкоторыхъ народныхъ повѣрьяхъ и обрядахъ, сохранившихся до нашихъ дней. Но оставляя въ сторонѣ этотъ вопросъ, нуждающійся въ специальной разработкѣ, отмѣтимъ, что не менѣе сильно, чѣмъ въ вѣрованіяхъ, отразилось персидское вліяніе на южнокавказскихъ языкахъ. Множество персидскихъ словъ проникло въ грузинскій языкъ, а армянскій словарь преисполненъ ими до такой степени, что даже нѣкоторые лингвисты, принимающіе въ расчетъ лексическую сторону языка болѣе, чѣмъ фонетическую и морфологическую, склонны видѣть въ армянскомъ языкѣ языкъ иранской группы.

Переходя послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній къ вопросу о вліяніи Персіи на Закавказье въ области произведеній словесности, мы вступаемъ на почву еще совсѣмъ не разработанную и которую мы сами, конечно, не имѣемъ притязанія разработать. Мы желаемъ только указать на интересъ, который должны представить въ будущемъ систематическія изслѣдованія, предпринятыя въ этой области специалистами арменистами и иберистами для исторіи литературныхъ вліяній, подтвердить эту мысль нѣкоторыми

примѣрами распространенія завѣдомо иранскихъ (персидскихъ) сказаній на почвѣ Кавказа и приблизительно опредѣлить періодъ времени, въ теченіе котораго могло происходить это вліяніе Ирана на Закавказье.

Изъ иранскихъ эпическихъ героевъ, усвоенныхъ сказаніями кавказскихъ народностей, мы избираемъ двухъ наиболѣе популярныхъ, Рустема и Бежана. Имя перваго богатыря до сихъ поръ одно изъ употребительныхъ на Кавказѣ личныхъ именъ, а древній сказочный носитель его является общеизвѣстнымъ идеаломъ храбрости и силы. Такъ, при изображеніи совершенствъ какого нибудь сказочнаго царевича, рассказчикъ говорить, что онъ былъ прекрасенъ какъ Искандеръ Зюлькарнейнъ (Александръ Македонскій въ восточныхъ версіяхъ Александріи), уменъ, какъ Логманъ (извѣстный индійскій мудрецъ), *храбръ, какъ Рустема Залъ* ¹⁾. Между похождениями Рустема наибольшимъ распространеніемъ въ народныхъ кавказскихъ сказаніяхъ пользуется его встрѣча и битва съ роднымъ сыномъ, плѣнявшая народную фантазію своей глубоко трагической развязкой.

Разсмотримъ 3 версіи этого сказанія: *сванетскую, пшавскую и осетинскую*.

По *сванетской* версіи, сообщенной въ газ. Иверія (1887 № 214) ²⁾, Ростомъ былъ туранецъ (sic), жилъ въ царствѣ Кекевоза (перс. Кей-Каусъ) въ „Карал“ (?) и проводилъ жизнь въ борьбѣ съ *дэвами* и кабанамн. Онъ имѣлъ двухъ братьевъ—Гиви и Гургена и одного племянника Бежана, сына Гиви. Кекевозъ дорожилъ Ростомомъ, такъ какъ безъ него *дэви* погубили бы его царство. Когда *дэви* наводняли царство и похищали у жителей даже дѣтей изъ колыбели, тогда Ростомъ, по просьбѣ Кекевоза, истреблялъ ихъ и очищалъ царство. Когда Ростомъ состарился, Кекевозъ собралъ народъ и предложилъ позаботиться о томъ, чтобы

¹⁾ См. народн. сказки закавказскихъ Татаръ—Захарова въ Сборн. Мат. для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. VI, Отд. II, стр. 124.

²⁾ Русскій переводъ этихъ легендъ былъ обязательно сдѣланъ для насъ А. С. Хахановымъ.

Ростомъ оставилъ послѣ себя сыновей, которые продолжали бы дѣло отца и спасали отечество отъ дѣвовъ. Ростомъ, какъ герой, не хотѣлъ имѣть связи съ женщиной. На собраніи была одна женщина, которая вызвалась завлечь богатыря. Царь обѣщалъ ей большую награду, если она исполнитъ свое слово. Женщина пригласила Ростома на ужинъ, а послѣ ужина уговариваетъ его остаться у нея ночевать. Долго отказывался Ростомъ, но наконецъ согласился. Хозяйка приготовила три постели и на одну изъ нихъ указала Ростому. Когда богатырь заснулъ, она прилегла къ нему. Проснувшись, Ростомъ сильно разсердился на то, какъ осмѣлилась женщина лечь рядомъ съ богатыремъ, которому повелѣно отъ Бога не знать женщинъ, такъ какъ онъ посвятилъ себя исключительно геройскимъ подвигамъ, и перешелъ на другую постель. Но женщина и тутъ не оставила его въ покоѣ; она перешла къ нему, и когда онъ перешелъ на третью постель, снова послѣдовала за нимъ. Когда наконецъ она высказала подозрѣніе, что онъ лишенъ мужской силы, Ростомъ, устыдившись, долженъ былъ исполнить ея желаніе. На другой день, покидая ее, онъ объявилъ, что, въ случаѣ рожденія сына, она должна называть его Зурабомъ. Когда мальчикъ подростетъ и захочетъ пуститься на геройскіе подвиги, пусть она надѣнетъ ему на шею *шарми* (гривну) и привяжетъ его шлемъ къ сѣдлу: по этой примѣтѣ Ростомъ узнаетъ сына, если ему придется съ нимъ встрѣтиться. Дѣйствительно, у женщины родился сынъ, прекрасный, какъ звѣзда. Ночью онъ росъ на $\frac{1}{4}$ аршина, днемъ на 4 пальца. Когда онъ подросъ и выходилъ въ поле, то билъ всѣхъ сверстниковъ, не щадя и сыновей Кекевоза. Царевичи однажды упрекали его тѣмъ, что отецъ его пропалъ безъ вѣсти. Тогда Зурабъ отправился отыскивать отца, и мать передъ его отъѣздомъ надѣла на него *шарми*. На дорогѣ въ Караю Зурабъ встрѣтился съ дьяволомъ, принявшимъ видъ женщины. Эта женщина стала издѣваться надъ юношей, смѣясь надъ его женскимъ украшеніемъ и шлемомъ, привязаннымъ къ сѣдлу. Зурабъ, не

обративъ на это вниманія, ѳдетъ дальше. Діаволь въ другомъ видѣ снова встрѣчается ему и повторяетъ свои насмѣшки. Наконецъ послѣ 3-й встрѣчи съ діаволомъ, богатырь, выйдя изъ себя, прячетъ шарни въ карманъ и шлемъ подъ сѣдло. Прибывъ въ Караю, гдѣ охотился Ростомъ, Зурабъ до вечера убилъ столько звѣрей, что сдѣлалъ себѣ изъ ихъ костей палатку, гдѣ и расположился на ночлегъ. Замѣтивъ въ полѣ палатку, Ростомъ подѣхалъ къ ней и, не видя на пріѣзжемъ богатырѣ своихъ примѣтъ, вызываетъ его на поединокъ. Въ первой схваткѣ Ростомъ всадилъ Зураба въ землю до колѣнъ, а Зурабъ Ростомъ до спины. По обычаю богатырей поединокъ долженъ былъ возобновиться на второй и на третій день. Оставшись побѣжденнымъ вторично, Ростомъ замыслилъ хитростью убить пріѣзжаго богатыря. Онъ заказалъ кузнецу два копыя и спряталъ ихъ въ своихъ ноговицахъ. Когда въ третьей сваткѣ Зурабъ повалилъ его, Ростомъ, лежа на землѣ, всадилъ оба копыя ему въ животъ. Умирая Зурабъ проклинаетъ своего убійцу и грозитъ ему мщеніемъ Ростомъ, своего славнаго отца: „взойдешь ли ты, говоритъ онъ, на скалу, Ростомъ обратится туромъ и догонитъ тебя; пустишься ли въ море, онъ поплыветъ за тобою форелью; войдешь ли въ землю, онъ обратится въ крысу и не оставитъ мою смерть безъ отмщенья“. Пораженный горемъ, Ростомъ разспрашиваетъ сына, и тотъ объясняетъ, почему онъ скрылъ свои примѣты. Ростомъ старается излѣчить раны сына, но напрасно: Зурабъ уже похолодѣлъ. Тогда въ отчаяніи отецъ обращается съ молитвой къ властителю міра и даетъ обѣтъ 12 лѣтъ просидѣть въ ямѣ, не видя солнца, если воскреснетъ Зурабъ. Выкопавъ затѣмъ яму въ 12 сажень глубины, онъ сходитъ въ нее съ трупомъ сына и сидитъ въ ней безъ пищи и питья. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ подзываетъ къ ямѣ дьякона царя Кекевоза и посылаетъ его просить у царя для Зураба воды, воскрешающей мертвыхъ. Коварный царь даетъ дьякону чашу воды, но приказываетъ ему, подходя съ нею къ Ростому, нарочно оступиться и пролить

воду; иначе, говорить онъ, „Ростомъ съ такимъ сыномъ-богатыремъ отниметь у насъ царство“. Дьяконъ исполнилъ приказаніе царя, но Ростомъ, разгадавъ ихъ хитрость, посылаетъ изъ ямы угрозы дьякону и царю.

Десять лѣтъ уже сидитъ Ростомъ въ ямѣ. Борода у него отросла до ногъ. Онъ продѣлываетъ волосы бороды между пальцами Зураба, сдѣлавъ такимъ образомъ „чіанури“ (скрипку) и наигрываетъ на ней печальные мотивы, воспѣвая несчастное убійство сына. Между тѣмъ дѣви и кабаны наводнили царство Кекевоза. Братья Ростомъ—Гиви и Гургенъ—не способны были защитить страну; племянникъ, Бежанъ, былъ совсѣмъ молодъ. Кекевозъ проситъ Гиви послать сына его Бежана противъ враговъ. Гиви исполняетъ просьбу царя и посылаетъ Бежана, давъ ему въ руководители его дядю Гургена... (Далѣе въ сванетскомъ сказаніи слѣдуетъ описаніе походовъ Бежана, которыя мы разсмотримъ позже). Послѣ того, какъ Бежанъ былъ заключенъ царемъ Афросуапомъ въ яму, Кекевозъ возлагаетъ всю надежду на одного Ростомъ и посылаетъ къ нему дьякона съ мольбой о помощи. Дьяконъ, наступивъ на камень, закрывавшій яму Ростомъ, кричитъ ему грознымъ голосомъ: „встань, старикашка, безъ тебя дѣви и кабаны разорили насъ!“ Ростомъ, выведенный изъ себя этой дерзостью, бросаетъ трупъ Зураба, въ которомъ уже начинали показываться признаки жизни, выходитъ изъ ямы и приказываетъ дьякону достать бритву и осла, навьюченнаго пулями. Дьяконъ исполняетъ приказаніе. Тогда Ростомъ сбрилъ ему бороду и положилъ его подъ осла и сказалъ: „если несправедливо поступилъ со мною дьяконъ, то я разсѣку однимъ ударомъ осла, навьюченнаго пулями, и дьякона, чрезъ котораго я второй разъ убилъ сына“. Дѣйствительно, однимъ ударомъ онъ разсѣкъ осла и дьякона и всадилъ мечъ въ землю на 12 сажень. Затѣмъ онъ идетъ къ царю. Кекевозъ съ двумя сыновьями выходитъ ему на встрѣчу, но Ростомъ, помня его коварство, раздавилъ царевичамъ головы, чтобы и Кекевозъ почувствовалъ, какъ тяжело потерять сына.

Сдѣлаемъ теперь нѣсколько замѣчаній по поводу приведеннаго сванетскаго сказанія.

Сравнивая его съ извѣстнымъ эпизодомъ о Рустемѣ и Зорабѣ, поэтически обработаннымъ поэтомъ Фердуси, мы находимъ въ сванетскомъ пересказѣ какъ бы остовъ этого иранскаго преданія, но остовъ не той редакціи, которую находимъ у тусскаго поэта, а какой-то, повидимому, болѣе простой и вѣроятно болѣе ранней. Впрочемъ, слѣды болѣе грубыхъ изводовъ проглядываютъ и у Фердуси, который, какъ поэтъ и эстетикъ, старался внести въ свой пересказъ болѣе изящества и благородства.

Сванетская женщина, грубо преслѣдующая Ростома, польстившись на царскую награду, такъ же мало напоминаетъ изящную Техминэ Фердуси, какъ наша баба Горынична въ ея связи съ Ильей Муромцемъ. Однако Фердуси не настолько уклонился отъ древняго преданія, чтобъ совсѣмъ замаскировать ту черту, что инициатива той любовной связи, отъ которой произошелъ Зорабъ, принадлежала не Рустему, а Техминэ. Послѣдняя ночью проникаетъ въ спальню Рустема, признается ему въ страстной любви и желаніи имѣть отъ него сына. Не трудно видѣть, какія были ближайшія послѣдствія этого ночного визита. Но Фердуси, желая соблюсти законныя формы, говоритъ, что Рустемъ, выслушавъ любовное признанье, согласился стать мужемъ царицы, послалъ *мобеда* (жреца) испросить согласіе ея отца на бракъ, и царь, обрадованный этимъ, устраиваетъ свадьбу, согласно съ обычаями страны ¹⁾.

Далѣе въ сванетской версіи отсутствуетъ цѣлый рядъ деталей извѣстныхъ изъ Фердуси. Она ничего не знаетъ о выборѣ Зорабомъ коня предъ отправленіемъ въ Иранъ, о присылкѣ властителемъ Турана Афрасиабомъ войска Зорабу и обоихъ полководцевъ Бармана и Гумана, которымъ поручено всячески препятствовать Зорабу узнать своего отца Рустема, о взятіи Зорабомъ *бълаю* замка, о его битвѣ съ

¹⁾ Mohl—Le livre des Rois, t. II, p. 62.

амазонкой Гурдаферидой, о вызовѣ царемъ Кей-Каусомъ Рустема при извѣстіи о побѣдахъ Зураба надъ иранцами и о похожденияхъ Рустема, предшествующихъ его встрѣчѣ съ сыномъ ¹⁾). Послѣ второго неудачнаго для него боя, Рустемъ у Фердуси не прибѣгаетъ къ такому коварству, какъ сванетскій Ростомъ. Онъ только проситъ божество возвратить ему въ полномъ объемѣ его прежнюю силу, отъ части которой онъ нѣкогда самъ отказался, такъ какъ погрязалъ отъ тяжести въ землю. Получивъ свою силу обратно, Рустемъ повалилъ Зураба и распоролъ ему „груды бѣлыя“. Въ окончаніи рассказы персидскій и сванетскій также значительно расходятся. Оба сохранили ту подробность, что Рустемъ обращается къ царю Кей-Каусу за „живой“ водой; но, по версіи Фердуси, царь просто отказываетъ посланному Рустемомъ Гудерзу въ воскрешающемъ средствѣ; сванетская же версія вводитъ какого то коварнаго *діакона*, проливающаго „живую“ воду по приказу Кекевоза. Далѣе Фердуси описываетъ подробно обрядъ оплакиванья Рустемомъ убитаго сына, прекращеніе войны съ Тураномъ, путешествіе Рустема съ войскомъ, сопровождавшимъ похоронныя носилки, въ Забудлистанъ, плачь старика Заля надъ трупомъ внука, построеніе Рустемомъ склепа, но ничего не говоритъ о долготнѣмъ пребываніи въ немъ Рустема и объ убіеніи послѣднимъ двухъ сыновей Кей-Кауса. Всѣ эти черты несходства между разсмотрѣнными версіями древне-иранскаго сказанія указываютъ на то, что въ основѣ сванетскаго пересказа долженъ лежать не тотъ изводъ, который поэтически обработалъ Фердуси.

Переходимъ къ *тиавскому* сказанію о Ростомѣ, сообщенному въ газ. „Иверія“ (1889 № 82).

Однажды богатырь Ростомъ увидѣлъ высокую скалу, съ вершины которой капала кровь. Онъ приставилъ къ скалѣ чинарь, взобрался на вершину и нашелъ тамъ исполнскаго чернаго араба. Великанъ сидѣлъ, всадивъ въ землю меж-

¹⁾ Ibid. стр. 66—117.

ду колънами кинжалъ, и когда начиналъ дремать, ударялся лбомъ объ остріе кинжала и тотчасъ просыпался. Ростомъ спросилъ его: „братецъ, зачѣмъ ты такъ дѣлаешь?“ Арабъ открылъ глаза и говоритъ: „счастье твое, что ты назвалъ меня братомъ, а то ты пострадалъ бы“. Затѣмъ онъ объяснилъ Ростому, что онъ подстерегаетъ краснаго араба, который поднимется съ чудной красавицей съ востока изъ Краснаго моря и пройдетъ мимо скалы. Черный арабъ будетъ биться съ краснымъ изъ-за красавицы и потому подстерегаетъ его, боясь заснуть. Ростомъ предложилъ черному арабу уснуть, обѣщаясь караулить и во-время разбудить его. „Ты меня не разбудишь,— сказалъ ему черный арабъ,— если не ударишь меня кинжаломъ въ босую ногу“. Такъ и сдѣлалъ Ростомъ, когда вскорѣ затѣмъ красный арабъ разлилъ свѣтъ на востокъ. Ростомъ пожелалъ помочь черному арабу въ борьбѣ съ краснымъ. Черный приказалъ ему вырыть яму и сидѣть въ ней во время борьбы, укрывшись такимъ образомъ отъ ужаснаго вѣтра, который поднимется отъ ногъ борцевъ. Если красный арабъ начнетъ осиливать, пусть Ростомъ выйдетъ изъ ямы и крикнетъ; тогда красный потеряетъ бодрость. Ростомъ исполнилъ все это, и черный арабъ отбилъ у краснаго красавицу, а Ростомъ оставался у побѣдителя въ качествѣ слуги. Это безславное положеніе стало ему наконецъ невыносимо, и онъ задумалъ убить великана. Поддравшись къ нему во время сна, онъ пытается отрубить ему голову его же кинжаломъ, но не можетъ даже поднять оружіе великана. Тогда онъ своимъ кинжаломъ отрубилъ арабу обѣ ноги. Великанъ приподнялся и бросилъ свои отрубленные ноги такъ сильно, что деревья съ корнями взлетѣли вверхъ. Затѣмъ Ростомъ напалъ на искалѣченнаго араба, убилъ его и хотѣлъ взять съ собою красавицу. Но она убѣжала отъ него и крикнула: „не можетъ быть моимъ мужемъ тотъ, кто измѣной и коварствомъ убилъ араба, а не лицомъ къ лицу, какъ подобаетъ герою“. Ростомъ не могъ пустить стрѣлу въ убѣгающую красавицу, такъ какъ герой не можетъ поднять руку на женщину; но

онъ взобрался на гору, крикнулъ такимъ громкимъ голосомъ, что красавица упала, и онъ овладѣлъ ею. Покидая красавицу, Ростомъ даетъ ей особый знакъ и велитъ ей пришить его къ одеждѣ будущаго сына, когда онъ вырастетъ и задумаетъ искать отца. Самъ Ростомъ возненавидѣлъ съ этихъ поръ всѣхъ женщинъ и черный цвѣтъ.

Зурабъ—такъ назвала красавица сына—былъ такъ силенъ, что еще 6-и мѣсяцевъ отъ роду, сжимая пальчики въ рукѣ, обращалъ ихъ въ порошекъ. Однажды одинъ обиженный имъ мальчикъ сказалъ ему: „если ты ужъ такъ силенъ, то отыщи своего пропавшаго отца“. По настоянію Зураба, мать рассказала ему объ отцѣ, и онъ отправился его разыскивать. Чтобъ испытать сына, какъ онъ встрѣтитъ врага, мать одѣлась въ мужское платье, вооружилась и въ видѣ всадника подскакала на пути къ Зурабу, требуя, чтобъ онъ отдалъ ей оружіе. Зурабъ ударилъ копьемъ въ лошадь всадника, шапка съ него упала, и рассыпались женскіе волосы, по которымъ Зурабъ узналъ свою мать. Последняя, довольная мужествомъ сына, благословила его въ дальнѣйшій путь и вернулась домой.

Зурабъ прибылъ въ какой-то городъ. Здѣсь одинъ старикъ по „знаку“ призналъ въ немъ сына Ростомъ и, опасаясь, что отецъ съ сыномъ будутъ причинять городу еще больше несчастій, сталъ издѣваться надъ *знакомъ* Зураба, говоря, что съ нимъ онъ похожъ на женщину. Зурабъ спряталъ знакъ за пазуху. Старикъ рассказалъ въ городѣ о пріѣздѣ Зураба, и, по его совѣту, горожане отправляются просить Ростомъ сразиться съ пріѣзжимъ богатыремъ. Ростомъ идетъ къ дому, гдѣ остановился Зурабъ, и смотритъ на богатыря черезъ окно въ крышѣ. Зурабъ подзываетъ его къ двери, но Ростомъ не входитъ и отвѣчаетъ, что завтра они будутъ биться. Въ первой схваткѣ осилилъ Зурабъ. Ростомъ прекратилъ бой. Ночью онъ отточилъ ножъ и утромъ вызвалъ Зураба на вторичный поединокъ. Но Зурабъ снова повалилъ стараго богатыря. Тогда, лежа на землѣ, Ростомъ вонзаетъ неожиданно ножъ въ Зураба. Юноша, смертельно раненый,

угрожаетъ противнику местию своего отца. Пораженный его словами, Ростомъ требуетъ „знака“ и Зурабъ, умирая, указываетъ себѣ за паузу. Въ надеждѣ воскресить сына, Ростомъ посылаетъ къ кузнецу Кевху Маганадзе за „живой“ водой. Маганадзе былъ врагъ Ростомъ и не желалъ воскрешенія его сына, но все-же послалъ воды съ дьякономъ, которому велѣлъ, приблизившись къ Ростому, споткнуться и пролить воду. Въ отомщеніе за это Ростомъ прибѣжалъ къ Кевзу Маганадзе и убилъ двухъ его сыновей, а самъ бросился въ море, но не могъ утонуть и все плавалъ на поверхности. Городъ обѣщалъ крупную награду тому, кто выманитъ Ростомъ на берегъ. Одинъ старикъ беретъ за это предпріятіе съ условіемъ, чтобъ его кормили на общественный счетъ, пока онъ живъ, и похоронили, когда умретъ. Онъ идетъ на море и начинаетъ полоскать въ водѣ черную шерсть. Ростомъ не вытерпѣлъ и подошелъ къ старику: „безумецъ, развѣ можетъ воронъ побѣлѣть, хоть бы безъ конца мыть его пескомъ!“ Старикъ отвѣтилъ: „а кто когда-либо воскресилъ слезами умершаго?“ Ростомъ вышелъ на берегъ и остался на землѣ, проклиная свою несчастную судьбу.

Все начало приведенной сказки едва ли принадлежитъ къ иранскимъ сказаніямъ о Рустемѣ и противорѣчитъ характеру героя. Лицо, служащее у чернаго араба, затѣмъ убивающее его коварнымъ образомъ и отвергаемое красавицей, конечно, не имѣетъ ничего общаго съ эпическимъ Ростомомъ. Въ шавскомъ сказаніи скомкано и спутано содержаніе двухъ разныхъ сказокъ, и потому первая часть, до рожденія Зураба, можетъ быть нами оставлена въ сторонѣ. Замѣтимъ только, что нѣкоторыя черты — черный богатырь (арабъ), красный богатырь и красавица морского происхожденія — встрѣчаются въ грузинскомъ разсказѣ о походеніяхъ героя Бадри Яманисдзе, входящемъ какъ эпизодъ (porte 2 me) въ составъ романа о походеніяхъ богатырей Дареджановъ (Daredjaniani), во главѣ которыхъ стоитъ популярный въ грузинскихъ сказаніяхъ герой Амиранъ ¹⁾.

1) У автора „Барсовой Шкуры“ Шота Руставели читается четырехстишіе

Остальная часть шавскаго сказанія довольно близка къ сванетскому. Отмѣтимъ только черты несходныя. Такъ, въ шавскомъ, встрѣчъ Зураба съ Рустемомъ предшествуетъ нападеніе на Зураба переодѣтой въ мужскую одежду женщины. Сказаніе видитъ въ ней мать Зураба, желавшую испытать его мужество. Но очевидно этотъ мотивъ представляетъ отголосокъ поединка иранскаго Зураба съ амазонкой Гурдаферидъ, о полѣ которой онъ узнаетъ, также какъ въ сванетской сказкѣ, по волосамъ, разсыпавшимся изъ-подъ сорваннаго съ нея шлема ²⁾).

Въ другой подробности — въ высматриваніи Рустемомъ прѣвѣжаго богатыря чрезъ отверстие въ крышѣ — можно видѣть отголосокъ ночного тайнаго посѣщенія иранскимъ Рустемомъ замка, въ которомъ жилъ Зурабъ, причемъ Рустемъ убиваетъ ударомъ кулака Зендѣ Резма, замѣтившаго его случайно ³⁾).

Яма, въ которой, по сванетской версіи, нѣсколько лѣтъ сидитъ Ростомъ у трупы сына, замѣнена въ *тильсской* моремъ, попавшимъ сюда изъ другого сказанія ⁴⁾), повидимому принадлежавшаго къ циклу походовъ Дареджановъ, отдѣльныя черты которыхъ и въ другихъ кавказскихъ сказкахъ переплетаются съ походами Ростомъ. Такъ, въ осетинскихъ сказкахъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, Ростомъ принадлежитъ, какъ и Беза (Бежанъ), къ богатырскому роду Дареджановъ.

Увѣжая изъ дому, — сообщаетъ *осетинская* сказка, записан-

(№ 1637 по изд. 1841 г.), гдѣ говорится, что „Моисей Ховскій въ Имеретіи прославилъ Амирана Дареджанидзе. См. Brosset—Melanges Asiatiques, t. VIII pp. 423 и 428. Содержаніе рукописнаго романа Daredjaniani см. въ Bulletin Scientifique de l' Acad. Impér. t. III, 1838, стр. 7 и слѣд.

²⁾ Mohl—II, p. 75.

³⁾ Mohl—II. 101.

⁴⁾ Такъ въ осетинскоі сказкѣ о Дареджанѣ Амиранѣ, сынъ Ростомъ, живеть сначала въ морѣ и затѣмъ посредствомъ хитрости, къ которой прибѣгаютъ его братья Бадри и Руси, выходитъ на берегъ. См. Осет. Этюды I, стр. 145; ср. также I стр. 17.

ная г. Кайтмазовымъ ¹⁾),—Ростомъ оставилъ жену свою беременною и велѣлъ ей прислать къ нему сына, какъ только тотъ выростеть. Такъ какъ Зурапъ-ханъ, какъ вообще всѣ Даредзаны, выросъ быстро, то мать захотѣла испытать его, какъ наказывалъ ей мужъ. Зурапъ-ханъ, схвативъ буйвола за заднія ноги, перебросилъ его чрезъ семь этажей. Тогда мать снарядила его въ путь; между прочимъ, она велѣла ему привязать за сѣдломъ пукъ прутиковъ и не отвязывать ихъ ни въ какомъ случаѣ, хотя черти всячески будутъ нарочно надъ нимъ смѣяться. Зурапъ-ханъ отправился въ путь. На дорогѣ встрѣчаются ему нѣсколько человѣкъ, которые стали расхваливать его, говоря, что никогда еще не было въ ихъ сторонѣ такого вѣдока, только его безобразить этотъ пукъ, привязанный за сѣдломъ; они совѣтовали ему отвязать и бросить его. Зурапъ-ханъ не послушался. Забѣжавъ впередъ, черти опять ему встрѣтились и повторили то-же самое. И на этотъ разъ Зурапъ-ханъ былъ благоразуменъ; но когда это повторилось въ третій разъ, Зурапъ-ханъ, не подозрѣвая обмана, не выдержалъ—бросилъ пукъ и поѣхалъ дальше. Онъ подвѣзжалъ уже къ городу Абрасеть, когда завидѣлъ его Ростомъ, который, смотря на него, не мало удивлялся: „всадникъ будто изъ Даредзанъ, а за сѣдломъ его нѣтъ отличительныхъ прутьевъ.“ Онъ крикнулъ на него. Зурапъ-ханъ будто и не слышалъ. Ростомъ крикнулъ во второй разъ,—то-же самое, въ третій разъ—все одно: Зурапъ-ханъ даже вниманія не хочетъ обратить на него; такъ-же спокойно слѣзъ онъ съ лошади и пустилъ ее въ садъ. Ростомъ, не встрѣчавшій еще такого пренебреженія къ себѣ, бросился на незнакомца, и они стали бороться. Въ то время, какъ Зурапъ-ханъ повалилъ Ростомъ, послѣдній вынулъ изъ-за ногавицы ножъ и всадилъ его Зурапъ хану въ животъ.— „Горе твоему очагу“,—сказалъ Зурапъ-ханъ, умирая: „у меня есть отецъ, Ростомъ, который поймаетъ тебя за ногу, если

¹⁾ См. Сборн. Матеріаловъ для описанія мѣстностей и племень Кавказа. Вып. VII, 1889, отд. II, стр. 18.

ты вздумаешь отъ него спастись на небо, и за чубъ, — если въ землю: нигдѣ тебѣ отъ него не укрыться!»

Ростомъ, узнавъ сына, сталъ рыдать и рвать на себѣ волосы. Но ничего нельзя было уже сдѣлать. Тогда онъ вошелъ съ трупомъ сына въ подземелье (бынелеть) и тамъ круглый годъ пробылъ съ нимъ, отростивъ до колѣнъ бороду. Ни на минуту не выпускалъ онъ его изъ объятій, обливая его горькими слезами. Наконецъ, боги сжалялись надъ нимъ: въ день, когда настала годовщина несчастнаго событія, Зурапъ-ханъ сталъ шевелиться...

Далѣе, какъ и въ сванетской сказкѣ о Ростомѣ, называется походженіе Безана, которое мы рассмотримъ ниже.

Осетинская сказка ближе къ сванетской, чѣмъ къ пшавской. Такъ же, какъ въ первой, насмѣшки чертей, принявшихъ человѣческой видъ и три раза встрѣчавшихся Зурабу на пути, заставляютъ сына спрятать знаки, по которымъ его могъ бы узнать отецъ. И такъ же, какъ въ сванетской сказкѣ, въ осетинской Ростомъ съ трупомъ Зураба спускается въ яму. Последняя черта, не извѣстная изъ сказанія о Рустемѣ у Фердуси, представляетъ, повидимому, подробность, вошедшую въ иранское сказаніе уже на Кавказѣ, хотя мы и не можемъ уяснить ея источника. Основная мысль въ ней та, что по прошествіи извѣстнаго времени мертвецъ могъ бы быть воскрешенъ: онъ начинаетъ уже проявлять признаки жизни, но внезапный перерывъ сидѣнія около оживлявшагося трупа, снова приводитъ его въ прежнее состояніе.

Нѣсколько сходный мотивъ встрѣчается въ осетинскомъ сказаніи о Нартѣ Урызмегѣ. Чудесный мальчикъ-богатырь сопровождаетъ этого богатыря на войну и помогаетъ ему въ осадѣ замка Чилахсартонова. Чилахсартонъ ранитъ мальчика стрѣлою. „Въ то время, — продолжаетъ сказка, — было такъ: если кого перенесутъ за три долины, то уже тому смерти не было. Урызмегъ положилъ мальчика на спину и перенесъ его за двѣ долины. Сырдонъ былъ злодѣемъ для Нартовъ. Онъ сказалъ Урызмегу: „Ага, Урызмегъ! твою дружину разбили, а ты колдуньяна сына на спину положилъ и несешь.“ Урызмегъ бро-

силъ мальчика, когда услышалъ эти рѣчи. Поэтому мальчикъ умеръ“¹⁾. Если мы замѣтимъ, что въ другихъ осетинскихъ сказаніяхъ чудесный мальчикъ богатырь оказывается безыменнымъ сыномъ Урыэмэга²⁾, помогающимъ отцу въ его подвигахъ и, по одному сказанію, нечаянно убитымъ своимъ же отцемъ³⁾, то сходство вышеприведеннаго мотива съ сибѣніемъ Ростомъ въ ямѣ и прерваннымъ воскрешеніемъ Зурба станетъ еще ярче.

Переходя къ разсмотрѣнію сказаній о Бежанѣ, которыя на Кавказѣ тѣсно переплелись съ сказаніями о боѣ Рустема съ сыномъ, считаемъ не лишнимъ напомнить въ главныхъ чертахъ ту персидскую редакцію, которую поэтически обработалъ Фердуси.

Разсказъ о походахъ Бижена открываетъ тусскій поэтъ описаніемъ роскошнаго пира царя Кей-Хосру съ его богатырями (пехлеванами), среди которыхъ засѣдаютъ Гивъ, Гургинъ и Биженъ, сынъ Гива. Въ залу пиршества вводятъ посольство отъ Ираманцевъ, живущихъ на границѣ между Ираномъ и Тураномъ. Посланники просятъ защитить ихъ область отъ исполинскихъ кабановъ, которые ее опустошаютъ. Царь, обѣщая богатую награду, вызываетъ охотниковъ изъ среды своихъ пехлевановъ. Всѣ молчатъ, и только Биженъ выражаетъ готовность схватъ биться съ кабанамн. Въ спутники и совѣтники слишкомъ юному богатырю даетъ царь Гургина. Запасшись для охоты гепардами и соколами, оба отправляются въ путь и достигаютъ лѣса, въ которомъ бродятъ страшные кабаны. Биженъ рассчитываетъ, что и Гургинъ приметъ участіе въ бою, но тотъ благоразумно уклоняется. Биженъ бьется одинъ, убиваетъ множество кабановъ и привозитъ ихъ головы къ окраинѣ лѣса, гдѣ его ждалъ Гургинъ. Тотъ поздравляетъ его, но въ душѣ завидуетъ и задумываетъ его погубить. Онъ рассказываетъ ему,

1) См. Осет. Этюды I, стр. 45.

2) См. Осет. Тексты Шифлера, стр. 71—86 и Сборн. свѣд. о Кавказскихъ Горцахъ, Вып. V, отд. II.

3) Осет. Тексты Шифлера, стр. 72.

что недалеко отъ нихъ, на границѣ Турана, есть прелестная поляна, гдѣ веселится съ своимъ штатомъ дивная какъ пери дочь туранскаго царя Афросіаба Менижэ. Биженъ хочетъ полюбоваться на красавицу; ѣдетъ къ указанному мѣсту и, скрытый за кипарисомъ, любитъся играми турецкихъ женщинъ. Менижэ замѣтила пехлевана, плѣнилась имъ и послала къ нему свою кормилицу узнать, кто онъ. Онъ называетъ свое имя и тайно приходитъ въ шатеръ Менижэ, которая бросается ему на шею. Угостивъ его обильнымъ ужиномъ и напоивъ его, царица увозитъ его спящаго въ свой дворецъ, и проснувшись Биженъ очутился ея любовникомъ. Нѣкоторое время царица удается скрыть его присутствіе, но наконецъ все было донесено Афросіабу, который приходитъ въ ярость отъ такого оскорбленія. Посланный схватить Бижену Герсивезъ, обѣщавъ ему сохраненіе жизни, выманиваетъ у него оружіе. Бижену связываютъ и приводятъ къ Афросіабу. Тотъ велитъ его повѣсить, но, склонившись на убѣжденія Пирава, рѣшаетъ посадить его скованнаго по рукамъ и ногамъ въ глубокую яму на пожизненное заключеніе. Свою дочь онъ прогоняетъ и она должна жить около ямы, гдѣ сидитъ ея любовникъ, и питаться подаяніемъ. Менижэ ежедневно собираетъ милостыню и кормитъ Бижену, бросая ему хлѣбъ въ яму. Между тѣмъ коварный Гургинъ возвращается въ Иранъ и говоритъ, что Биженъ погнался за онагромъ съ арканомъ, исчезъ и не возвратился. Отецъ Бижену Гивъ, подозрѣвая со стороны Гургина коварство, жалуется царю. Тотъ велитъ наложить на Гургина оковы и обѣщается узнать о мѣстопребываніи Бижену, посмотрѣвъ въ чудесную чашу семи *кисверовъ* (частей земли). Дѣйствительно, чаша открываетъ ему, что Биженъ сидитъ въ ямѣ у царя Афросіаба и что царская дочь его кормитъ. Затѣмъ царь посылаетъ Гива за Рустемомъ, который одинъ въ состояніи освободить Бижену, *своею смука* ¹⁾. Рустемъ, по обыкновенію, не торопится: нѣсколь-

1) Гивъ былъ женатъ на дочери Рустема и отъ нея имѣлъ сына Бижену.

ко дней пируетъ съ гостемъ и затѣмъ отправляется ко двору. Звѣсь онъ прежде всего испрашиваетъ у царя пощады Гургину, затѣмъ снаряжаетъ свою экспедицію. Онъ велитъ навьючить всякими драгоценными товарами сотни верблюдовъ и съ огромной свитой, подъ видомъ купца, отправляется въ Туранъ. Въ городѣ Афросіаба онъ нанимаетъ домъ и начинаетъ торговать. Менижэ, узнавъ о прибытіи купцовъ изъ Ирана, отправляется къ Рустемъ, рассказываетъ ему объ участи Бижена и проситъ помощи. Рустемъ, чтобы не выдать себя, говоритъ, что не знаетъ Бижена, но даетъ ей изъ состраданія къ узнику дичь, въ которую вкладываетъ свой перстень. По этому перстню Биженъ узнаетъ о прибытіи Рустема и посылаетъ къ нему Менижэ. Тогда Рустемъ открываетъ цѣль своего пріѣзда и велитъ Менижэ ночью зажечь костеръ передъ входомъ въ яму Бижена, обѣщаясь прійти его выручить. Менижэ исполняетъ приказаніе. Ночью Рустемъ съ своей дружиной подходитъ къ ямѣ, отваливаетъ покрывавшій ее камень, который всѣ его спутники напрасно усиливались отвалить, и прежде, чѣмъ вытаскать Бижена, беретъ съ него клятву, что онъ не будетъ мстить Гургину. Получивъ отъ Бижена обѣщаніе, Рустемъ бросаетъ ему арканъ и вытаскиваетъ его наружу. Затѣмъ освобожденный вмѣстѣ съ Менижэ скачетъ въ Иранъ, а Рустемъ совершаетъ еще ночное нападеніе на дворець Афросіаба и, разбивъ его дружину, преслѣдуетъ ее на разстояніи нѣсколькихъ фарсанговъ. Наконецъ всѣ благополучно возвращаются въ Иранъ ¹⁾.

Вотъ краткое содержаніе романа Бижена и Менижэ, изложеннаго Фердуси въ пространной повѣсти, обильно украшенной цвѣтами восточнаго краснорѣчія. Въ нѣкоторыхъ кавказскихъ народныхъ версіяхъ это романическое иранское преданіе сохранило почти только остовъ, а личность Менижэ, этой любящей женщины, прокармливающей млостыней своего возлюбленнаго, сохранилась даже не во всѣхъ изводахъ.

¹⁾ См. Mohl—о. с. III, стр. 231—327.

Похожденіе Бежана, какъ мы сказали, приводится въ тѣсную связь съ окончаніемъ сказанія объ убіеніи Ростомомъ его сына. Въ то время, когда Ростомъ сидитъ въ ямѣ, говорится въ *сванетскомъ* разсказѣ, царь Кеневозъ (а не Кей-Хосру, какъ у Фердуси) посылаетъ Бежана вмѣстѣ съ Гургеномъ прогнать кабановъ, опустошавшихъ его царство. Бежанъ убилъ столько кабановъ, что ихъ клыками наполнилъ 100 аробъ; Гургенъ же, испугавшись, влѣзъ на дерево и оттуда смотрѣлъ на побоище, по окончаніи котораго помогъ Бежану выдергивать клыки. Затѣмъ онъ предлагаетъ Бежану идти къ иранскому (sic) царю Афросуапу и просить у него дочь красавицу Маруджану. Онъ дѣлаетъ это изъ хитрости: туранцы и иранцы — кровные враги; Бежана убьютъ иранцы, а Гургенъ присвоитъ себѣ убитыхъ кабановъ. Когда Бежанъ отправился овладѣть красавицей, Гургенъ привезъ клыки къ царю Кекевозу и разсказалъ, что самъ перебилъ кабановъ, а Бежанъ, испугавшись ихъ, обратился въ бѣгство, но былъ настигнутъ кабаномъ и убитъ. За такой подвигъ Гургенъ получилъ почетное званіе у царя. Между тѣмъ Бежанъ прибылъ къ башнѣ, въ которой Афросуапъ держитъ свою дочь. Послѣдняя увидѣла Бежана, влюбилась въ него и поручила своей служанкѣ ввести его тайкомъ въ башню, гдѣ онъ и остается при ней нѣкоторое время. Узнавъ объ этомъ, Афросуапъ окружаетъ башню войскомъ. Бежанъ перебилъ половину его, а другую обратилъ въ бѣгство. Визиря совѣтуютъ царю прекратить осаду, позволить Бежану жениться на Маруджанѣ, а затѣмъ овладѣть имъ хитростью. Царь послушался совѣтниковъ. Сыграли свадьбу. Когда Бежанъ спалъ ночью, на него наложили оковы, но онъ разорвалъ ихъ какъ нитку. Удивились царь и визиря и рѣшили отъ него же самого узнать, чѣмъ его можно связать. Уговорили служанку вывѣдать объ этомъ у Бежана, и послѣдній проговорился, что его можно связать только тетивою его собственнаго лука. Такъ ночью и связали его. Царь радуется и глумится надъ Бежаномъ. Бежанъ говоритъ, что еслибъ ему дали *лашти* (булава изъ

металла), онъ перебилъ бы всѣхъ иранцевъ. Афросуапъ хочетъ его убить, но его визирь Шевлохъ, туранецъ по происхожденію, знавшій Ростома, отговариваетъ царя и совѣтуетъ ему бросить Бежана въ яму и чтобы Маруджана сама доставляла ему пищу, добывая ее какъ знаетъ. Афросуапъ велѣлъ вырыть въ городѣ своемъ *Нарти* (который будто бы существуетъ и донынѣ) яму. Туда посадили Бежана, закрывъ яму громаднымъ камнемъ. Родъ Ростома имѣлъ „минутные часы“ (sic), посмотрѣвъ на которые, можно было видѣть весь міръ. По выходѣ изъ ямы, въ которой онъ оплакивалъ Зураба, Ростомъ, взглянувъ на часы, увидѣлъ Бежана въ ямѣ. Тогда онъ взялъ съ собой 12 молодыхъ богатырей, посадилъ ихъ въ мѣшки, которыми нагрузилъ ословъ, и съ такимъ караваномъ отправился въ городъ Афросуапа. Жена Бежана узнаетъ о его прибытіи и сообщаетъ мужу, что пріѣхалъ человекъ очень похожій лицомъ на него. Бежанъ посылаетъ ее къ пріѣзжему съ разспросами. Ростомъ въ свою очередь посылаетъ узнику кольцо съ мизинца, письмо и курицу. Изъ письма Бежанъ узнаетъ, что дядя Ростомъ придетъ ночью освободить его съ 12 богатырями. Маруджана разводитъ огонь около ямы. Никто изъ товарищей Ростома не можетъ отвалить камня, но онъ бросаетъ его такъ сильно въ башню, что ея чершина обрушивается, а камень летитъ дальше, ударяется въ скалу и затѣмъ падаетъ въ средину города *Нарти*, разрушивъ его до основанія. Освобожденный Бежанъ и 12 богатырей ѣдутъ домой. Афросуапъ съ войскомъ догоняетъ ихъ, но Ростомъ, отправивъ впередъ Бежана съ дружиной, одинъ остается, чтобы встрѣтить непріятеля. Вырвавъ съ корнемъ громадный кедръ и очистивъ его отъ вѣтвей, Ростомъ бросилъ имъ въ Афросуапа и пригвоздилъ его съ конемъ къ землѣ. Затѣмъ онъ догоняетъ товарищей. Бежанъ хотѣлъ убить Гургена, но Ростомъ исходатайствовалъ у племянника прощеніе дядѣ ¹⁾.

При всей близости сванетскаго разсказа къ персидскому

1) См. Иверія, 1887, № 214. Легенда „Ростомъ-герой“.

у Фердуси, цѣлый рядъ деталей указываетъ на то, что въ основѣ сванетскаго лежитъ не тотъ изводъ, который былъ обработанъ персидскимъ поэтомъ. Прежде всего мы отмѣчаемъ странное явленіе, что Иранъ и Туранъ помѣнялись ролями. Ростомъ, этотъ главный паладинъ Ирана, въ кавказскихъ разказахъ сталъ туранцемъ, а жесточайшій врагъ Ирана Афросіабъ сталъ царемъ Ирана. Такая перестановка объясняется, конечно, историческими отношеніями Закавказья къ Ирану т. е. Персіи. Персіане, эти враги христіанства, нерѣдко опустошавшіе Закавказье своими походами, были настолько ненавистны грузинамъ, что даже заимствуя національные сказанія о борьбѣ Ирана съ Тураномъ, закавказскія племена не могли допустить, чтобъ герои Ростомъ, Бежанъ и другіе были иранцами, и не измѣняя содержанія иранскихъ сказаній, чисто вѣшнимъ образомъ переименовали иранцевъ въ туранцевъ. Любопытный примѣръ тому, какъ легко и просто и съ какими поверхностными измѣненіями усваиваются національныя сказанія одного племени другимъ!

Далѣе, связавъ между собою хронологически два сказанія — бой Рустема съ сыномъ и освобожденіе Бежана изъ плѣна — сванетская сказка называетъ царемъ Турана (sic), пославшимъ Бежана биться съ кабанамъ, того же Кекевоза, хотя по персидскимъ преданіямъ похождения Бижена приурочиваются къ царствованію Кей-Хосру.

Отмѣтимъ далѣе такія детали сванетскаго разказа, которыхъ не находимъ у Фердуси. Дочь Афросуапа Маруджана, соотвѣтствующая персидской Менижѣ, живетъ въ башнѣ и туда призываетъ Бежана. Въ персидскомъ разказѣ первое свиданіе Менижѣ съ Биженомъ происходитъ въ палаткѣ на полянѣ и затѣмъ охмелѣвшаго Бижена переносятъ въ замокъ царевны. Сванетскій Бежанъ одинъ прогоняетъ цѣлое войско, осаждавшее замокъ, разрываетъ желѣзныя оковы, какъ нитку, и попадаетъ подъ власть Афросуапа только тогда, когда проговорился, что можетъ быть связанъ тетивою собственнаго лука. Чудесный кубокъ семи кешверовъ,

въ который смотритъ царь Кей-Хосру у Фердуси, замѣненъ какими-то „минутными часами“, на которые смотритъ самъ Ростомъ. Караванъ съ драгоценными товарами, сопровождающій персидскаго Рустема въ его экспедиціи въ Туранъ, замѣненъ двѣнадцатью богатырями, сидящими въ мѣшкахъ, навьюченныхъ на ословъ; сванетскій Ростомъ пріѣзжаетъ въ *иранскій* городъ Нарти, слѣдъ котораго яко-бы существуетъ и доселѣ. Узнику Бежану онъ сообщаетъ о цѣли своего пріѣзда не только перстнемъ, но сверхъ того (въ силу эпической амплификаціи) *курницей* и *письмомъ*. Громадный камень, покрывавшій яму Бежана и брошенный вверхъ Ростомомъ, уничтожаетъ въ своемъ паденіи весь городъ Нарти, а брошенный тѣмъ же богатыремъ въ Афросуапа кедръ пригвоздилъ „иранскаго“ царя вмѣстѣ съ конемъ къ землѣ. Ничего подобнаго нѣтъ въ персидской редакціи, по которой Афросиабъ, хотя и разбитый, спасся бѣгствомъ и еще много зла впоследствии причинялъ Ирану. Всѣ эти различія въ подробностяхъ показываютъ, что въ иранское сказаніе на почвѣ Кавказа проникли отдѣльныя черты изъ другихъ сказокъ.

Осетинская передача сказанія о Безанѣ отличается крайней бѣдностью деталей.

„Въ то время, какъ Ростомъ находился въ *Абрасетъ-городѣ* (въ ямѣ съ трупомъ сына), *братъ* его Беза охранялъ отъ враговъ какой-то другой народъ. Онъ завелъ тамъ любовницу, и жители за это вознамѣрились извести его какимъ нибудь путемъ, но средство нужно было найти повѣрнѣе; это средство указалъ имъ Гурджень, холопъ Беза. Онъ научилъ враговъ Беза связать послѣдняго во время сна тетивой его собственнаго лука. Этой тетивы онъ не разорветъ и его легко будетъ убить. Шесть человекъ взялись за одинъ конецъ, шесть за другой и стали пилить тетиву. Когда она была перепилена, лукъ выпрямился и ударилъ державшихъ его съ такою силой, что трехъ убилъ съ одной стороны, трехъ съ другой. Теперь враги ожидали только дня, когда Беза заснетъ.

А *Даредзаны*, заснувъ, спали безъ просыпу цѣлую недѣлю. Беза заснулъ. Враги вырыли большую яму, связали его тетивой лука и вкатили въ эту яму, наваливъ на него громадный камень. Жена Ростомъ, посмотрѣвъ въ это время въ зеркало, имѣвшее силу отражать все, по желанію смотрѣвшаго въ него, узнала объ этомъ и послала сказать мужу, находившемуся въ подземельѣ, чтобы онъ поторопился, оставивъ сына, такъ какъ сынъ у нихъ еще можетъ родиться, а брата не дастъ ему уже никто. Ростомъ, услышавъ такую вѣсть, бросилъ сына, начинавшаго уже шевелиться, и поспѣшилъ на помощь къ брату. Онъ отвалилъ камень и развязалъ Беза. Когда обнаружилось, что предателемъ его былъ холопъ Гурджень, Беза хотѣлъ его задушить, но Ростомъ не позволилъ ему пачкаться собачьей кровью. Тогда братъ просилъ только позволить ему бросить въ Гурджена за наказаніе яблокомъ. Ростомъ позволилъ ему это. Беза, вырѣзавъ яблоко въ серединѣ, налилъ его свинцомъ и ударилъ имъ Гурджена въ грудь. Яблоко-свинецъ пролетѣло насъвозь, и Гурджень упалъ мертвый¹⁾.

Вотъ въ какомъ жалкомъ видѣ сохранилось древнее иранское сказаніе у Осетинъ, переваливъ за кавказскій хребетъ! Отъ всего поэтического эпизода о любви Менижѣ къ Бижену, донесся лишь глухой отголосокъ въ томъ, что Безанъ гдѣ-то, у какого то народа завелъ любовницу и жители, неизвестно почему, за это вознамѣрились его извести. Поэтичѣскаго имени „любовницы“, ея отца Афросіаба, и родственныя отношенія между Рустемомъ, Везаномъ и Гурджиномъ перепутаны. Изъ внука Беза (Биженъ) перечисленъ въ младшаго брата Ростомъ, а Гурджень сталъ холопомъ Беза. Незначительная деталь, которую мы находимъ въ сванетскомъ пересказѣ и которая отсутствуетъ въ персидскомъ, именно связываніе героя тетивой его собственнаго лука,—почему-то приплась по вкусу осетинамъ и получила даже хотя не совѣмъ осмысленное пополненіе. Перепиленная тетива, преж-

¹⁾ См. Сборникъ матеріаловъ для описанія маѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. VII, 1869 г. Отд. II, стр. 19 и слѣд.

де чѣмъ ею былъ связанъ Беза, убила 6 человекъ, хотя не объяснено, какъ не замѣтилъ Беза въ теченіе нѣкотораго времени отсутствія тетивы на своемъ лукѣ. Чудесный кубокъ Кей-Хосру и „минутные часы“ Ростомъ замѣнены чудеснымъ зеркаломъ, въ которомъ видитъ Безана жена Ростомъ, мать Зурапъ-хана. При этомъ осетинскій рассказчикъ вводитъ ту черту (извѣстную изъ другихъ народныхъ сказаній), что *братъ* стоитъ выше *сына*, и заставляетъ Ростомъ покинуть уже воскресавшаго Зурапъ хана, чтобы поспѣшить на помощь брату. Тотъ же рассказчикъ не могъ помириться съ безнаказанностью Гурджена, и послѣдній долженъ быть убитъ за свое коварство.

Въ приведенномъ осетинскомъ рассказѣ экспедиція Безана съ Гурдженемъ противъ кабановъ оставила только самый глухой слѣдъ. Рассказчикъ только упоминаетъ, что Беза охранялъ отъ враговъ какой-то народъ. Но болѣе яркій отголосокъ, доказывающій, что эта деталь еще не совсемъ исчезла на почвѣ Осетіи, находимъ мы въ другомъ осетинскомъ рассказѣ, записанномъ нами въ Алагирѣ и скомкавшемъ весьма страннымъ образомъ оба разсматриваемыя нами иранскія сказанья: объ убіеніи Ростомомъ сына и о похожденіи Безана.

Приводимъ этотъ рассказъ, какъ любопытный образчикъ контаминаціи въ народныхъ сказаніяхъ.

„Ростомъ и Безанъ были изъ рода Сануасовыхъ. Безанъ былъ младшимъ. Однажды имъ послали сказать изъ сада: „Ростомъ! Ангетовскія желѣзано-рылыя свиньи вашь виноградникъ съѣли“. Безанъ туда отправился. Жена его была беременна и сказала: „Ты идешь, а мнѣ что дѣлать? Какъ ты узнаешь, мальчикъ-ли будетъ у меня или дѣвочка?“ Онъ сказалъ: „Если будетъ мальчикъ, то по какимъ мѣстамъ пойду, тамъ пойдетъ побѣгъ *стрѣлового дерева*; это будетъ знакомъ моего пути“. Онъ пошелъ и сторожилъ садъ. Затѣмъ у него родился мальчикъ. Ночью онъ на ладонь росъ, днемъ на локоть и скоро сталъ играть стрѣлой.

Однажды дочь колдуньи шла по воду, и мальчикъ стрѣлою

пробилъ ей ведро. Дѣвушка ему сказала: „если уже ты такой хорошій мальчикъ, зачѣмъ же твоего отца вошь съѣла?“¹⁾ Мальчикъ съ плачемъ вошелъ въ свой домъ. Мать сказала ему: „что съ тобою? что плачешь?“—Отъ кого я родился, сказалъ онъ, былъ у меня отецъ?“—„Былъ“, сказала она.—Такъ гдѣ-же онъ? Мать сказала: „Теперь ты малъ, туда не пойдешь!“—Отчего не пойду? Покажи мнѣ дорогу къ моему отцу. Мать пошла и направила его по отцовской дорогѣ, по побѣгу стрѣловаго дерева. Мальчикъ ушелъ и шелъ впередъ. Безана въ шатрѣ не было, мальчикъ тамъ съѣлъ; Безанъ ушелъ за добычею. Возвращаясь назадъ, онъ увидѣлъ мальчика издали, началъ къ нему подкрадываться, подкрался къ нему, выстрѣлилъ въ него и убилъ. Мальчикъ сказалъ ему (умирая): „Хорошаго мужа сына ты убилъ!“—Какого рода племени этотъ мужъ?—спросилъ его Безанъ. „Я Безановъ сынъ“,—сказалъ мальчикъ. Безанъ себя ружьемъ по головѣ колотилъ; потомъ пошелъ, сдѣлавъ себѣ жилище подъ землею, сталъ тамъ сидѣть и просидѣлъ годъ. Еще три дня оставалось до года, когда ему такъ крикнулъ Сырдонъ: „У! у! ради одного ребенка чего ты подъ землею сидишь?“ Если бы еще эти три дня прошли, то мальчикъ былъ бы воскрешенъ,—поясняетъ сказка. Этого болѣе не выдержалъ Безанъ и оттуда вылѣзъ. Не догнавъ Сырдона, онъ вынулъ свой кинжалъ, вонзилъ себѣ въ грудь и умеръ²⁾.

Приведенная сказка можетъ служить примѣромъ того крайняго искаженія, которому иногда подвергаются эпическія сказанія, занесенныя далеко отъ первоначальной своей родины. Всякіе слѣды иноземнаго происхожденія Ростомъ и Безана стерты. Они являются уже осетинами изъ какого-то рода Сануасовыхъ (Сануастѣ) и рассказанное событіе произошло уже не въ глубокой древности, такъ какъ Безанъ застрѣлилъ сына изъ *ружья*, хотя глухо упоминается о какомъ-то стрѣловомъ деревѣ (фатқад.). Начало сказки за-

1) Т. е. твой отецъ бездомный нищій.

2) Осетинскіе Этюды. Ч. I, стр. 79, № XV. Ростомъ и Безанъ.

имствовано изъ сказанія о Безанѣ, такъ какъ *амьентовскія* желѣзно рылья свиньи соотвѣтствуютъ гигантскимъ ирмянскимъ кабанамъ (Фердуси), но въ дальнѣйшемъ разсказчикъ совсѣмъ позабылъ о Ростомѣ, и его роль сыноубійцы переходитъ къ Безану. Настоящаго единоборства отца съ сыномъ уже нѣтъ. Отецъ, безъ всякой мотивировки, подградывается къ малолѣтнему сыну и убиваетъ его. За то сохраненъ мотивъ оплакиванья отцемъ сына въ ямѣ, мотивъ, какъ мы видѣли, неизвѣстный въ редакціи Фердуси, но встрѣчающійся въ другихъ кавказскихъ пересказахъ поединка отца съ сыномъ. Это *сидѣніе* отца съ трупомъ сына въ ямѣ нашло себя въ разсматриваемомъ разсказѣ приличную мотивировку: мальчикъ могъ бы быть воскрешенъ, еслибъ сидѣніе не было внезапно прервано (срав. пересказы сванетскій и пшавскій). Нарушителемъ сидѣнья удачно введенъ Сырдонъ, который всегда дѣлаетъ все на зло нартамъ въ осетинскихъ сказаніяхъ. Онъ пристыжаетъ отца его любовью къ сыну—и, по осетинскимъ понятіямъ о приличіи, слова Сырдона дѣйствительно оскорбительны, потому что постороннему говорить отцу о его женѣ или дѣтяхъ, а тѣмъ болѣе о его любви къ нимъ, считается, по осетинскимъ понятіямъ, неприличнымъ и оскорбительнымъ. Понятно, что Безанъ „не выдержалъ“ и выльзъ изъ ямы. Наконецъ сказка кончается смертію отца (Безана-Ростома), чего нѣтъ ни въ одномъ изъ прочихъ кавказскихъ пересказовъ и чего не было въ „иранскомъ“ основномъ преданіи.

Мы видѣли, что по сю сторону кавказскаго хребта, въ обоихъ осетинскихъ сказаніяхъ, уже стерты слѣды персидской національности героевъ. Ростомъ и Безанъ принадлежатъ либо къ роду Даредзановыхъ, либо Сануасовыхъ и уже не являются представителями Ирана въ борьбѣ съ Тураномъ (или наоборотъ, какъ въ закавказскихъ сказаніяхъ). Но нѣкоторые слѣды Турана, быть можетъ, еще укрываются гдѣ нибудь въ Осетіи. По крайней мѣрѣ, по словамъ г. Кокіева, ему случилось въ Бесланѣ слышать разсказъ, въ которомъ, между прочимъ, упоминалось, что Ростомъ

убить влaстителя Туранцевъ (амардта Туранту алдару ¹⁾). Съ своей стороны высказываемъ догадку, что въ названіи города *Абраотъ*, быть можетъ, мы имѣемъ послѣднее искаженіе имени Афрасиабъ, сванет. Афросуапъ.

Разсмотрѣнные нами кавказскіе пересказы *двухъ* эпизодовъ изъ походовъ Рустема въ достаточной степени показываютъ, насколько сохраняются еще доселѣ иранскія эпическія сказанія на почвѣ Кавказа. Несмотря на тысячелѣтнюю давность, на рядъ искаженій и смѣшеній, даже въ жалкой осетинской сказкѣ о Ростомѣ и Безанѣ еще съюзитъ иранскій прототипъ. Мы прослѣдили на Кавказѣ измѣненія двухъ цѣлыхъ эпизодовъ изъ персидскаго эпоса, но *отдѣльныя* черты, занесенныя въ кавказскія сказки разныхъ народностей изъ того же источника, встрѣчаются весьма часто. Однако такіе отдѣльные сходные съ персидскими мотивы въ сказкахъ представляютъ уже второстепенный интересъ, въ виду того, что, при существованіи сходныхъ мотивовъ въ сказкахъ самыхъ различныхъ народностей, мы же всегда можемъ быть увѣрены, что та или другая черта заимствована именно изъ персидскихъ сказаній. Мы ограничимся поэтому лишь нѣсколькими примѣрами такихъ сказочныхъ мотивовъ, которые *могли бы* быть сведены къ персидскому эпосу, хотя безъ полной убѣдительности.

Такъ осетинскіе нарты, по однимъ сказаніямъ — Созрыко, по другимъ — Батразъ, рождаются не естественнымъ путемъ, а выходятъ на свѣтъ Божій чрезъ искусственный разрѣзъ, подобно Рустему, котораго матери (Рудабѣ) было сдѣлано кесарское сѣченіе ²⁾. Богатырь-сынъ, не знающій своего отца, допытывается о немъ у матери подъ угрозой ее убить. Такъ осетинскій Батразъ (Батырадъ) идетъ къ матери и угрожаетъ выжечь ей грудь раскаленнымъ желѣзомъ, если она не скажетъ ему правды объ отцѣ ³⁾. Съ угрозой же обращается

¹⁾ См. Осет. Этюды I. Введеніе, стр. 12.

²⁾ Mohl—о. с. I 277.

³⁾ Сборн. св. о кавк. горцахъ, вын. V.

къ матери Зурабъ, чтобъ узнать, кто былъ его отецъ и гдѣ онъ находится ¹⁾, и Дарабъ въ сказаніяхъ объ Александрѣ (Искандеръ-Наме) ²⁾. Нѣкоторыя черты изъ иранскихъ сказаній о Ростомѣ, напримѣръ, сраженіе его съ *блѣмъ дивомъ*, сохранились въ удинской сказкѣ о Рустомѣ, ³⁾ но главное ея содержаніе не имѣетъ ничего общаго съ похождениями иранскаго богатыря. Считаая подобныя отдѣльныя аналогіи весьма мало доказательными, мы въ заключеніе коснемся другого вопроса: въ какое время могли быть занесены на Кавказъ отголоски эпическихъ сказаній Ирана и откуда можно ждать разъясненія тѣхъ послѣдовательныхъ измѣненій, которымъ они подверглись на почвѣ Кавказа?

Выше мы привели важное свидѣтельство Моисея Хоренскаго о томъ, что въ его время (V в.), когда Закавказье находилось подъ могущественнымъ вліяніемъ Сасанидовъ, эпическія сказанія Ирана и въ томъ числѣ „Ростеміада“ были извѣстны туземному населенію. Завоеваніе персами Дербенда въ VI в., занятіе горныхъ проходовъ и иранская колонизація восточной части Кавказа должны были еще болѣе содѣйствовать распространенію иранскихъ вѣрованій, мѣровъ, обычаевъ и эпическихъ сказаній. Въ областяхъ Закавказья, подчиненныхъ вліянію персовъ, героическія сказанія Ирана находятъ для себя не менѣе благодарную почву, чѣмъ въ другихъ областяхъ обширной персидской монархіи, въ которой въ VI вѣкѣ являются первыя попытки къ собиранію историческихъ преданій, къ составленію такъ называемой „Книги царей“. По извѣстному свидѣтельству Фердуси царь Хосро Аноширванъ (531—578) отдалъ приказаніе собирать во всѣхъ областяхъ государства народныя преданія о древнихъ царяхъ и герояхъ и всѣ эти записи хранить въ дворцовой библіотекѣ. Эта работа была снова предпринята при послѣднемъ сасанидѣ Іеадгердѣ III

1) Mohl—о. с. II 64.

2) См. Spiegel—Eranische Alterthumskunde. II, p. 584.

3) См. Сбор. мат. для описанія мѣстн. и племей Кавказа. Вып. VI, 1898. Приложеніе, стр. 20—28.

(632—651), приказавшемъ *дижкану* ¹⁾ Данишверу, одному изъ наиболѣе родовитыхъ и свѣдущихъ людей при дворѣ въ Мадаинѣ, привести въ порядокъ записи, собранныя Аноширваномъ, и пополнить съ помощью *мобедовъ* (духовныхъ) встрѣчающіеся въ нихъ пробѣлы ²⁾. Сводъ, составленный Данишверомъ, былъ въ VIII в. уже переведенъ на арабскій языкъ гебромъ Рузбѣ, извѣстнымъ болѣе подъ именемъ Абдалла Ибнъ-аль-Мокаффа, и этотъ переводъ (не дошедшій до насъ) носилъ названіе „Исторіи царей“. Арабское завоеваніе Персіи не только не подавило, но напротивъ послужило къ возрожденію національнаго эпоса. Едва халифатъ начинаетъ обнаруживать признаки слабости, какъ въ Иранѣ поднимается сначала глухая, затѣмъ открытая реакція въ національномъ духѣ. Национальные правители отдѣльных областей Персіи стараются освободиться отъ политическаго вліянія Багдада: при ихъ дворахъ господствуетъ персидскій языкъ и оказывается покровительство національной литературѣ и преданіямъ старины съ политическою цѣлью—поднятія народнаго духа для борьбы съ халифатомъ. Уже основатель первой національной династіи (софаридовъ) на престолѣ Персіи Якубъ, сынъ Леиса, заботится о переводѣ съ пеглевійскаго на современный ему персидскій языкъ историческаго свода Данишвера и о пополненіи собранныхъ послѣднимъ матеріаловъ. Этотъ историческій трудъ, оконченный въ концѣ IX столѣтія и носившій обычное названіе „Книги царей“, распространился въ многочисленныхъ спискахъ въ Хорасанѣ и Иракѣ. Не меньшимъ рвеніемъ къ собиранію матеріаловъ по исторіи и народному эпосу отличались дальнѣйшія персидскія династіи—Саманидовъ и Газневидовъ, а вѣкъ Махмуда (997—1030), 2-го царя династіи Газневидовъ, можетъ считаться золотымъ вѣкомъ эпической поэзіи Ирана. При его дворѣ собирается цѣлая

¹⁾ Подъ *дижканами* (*dihkan*) разумѣются члены высшаго земельнаго дворянства, производящіе себя отъ древнихъ національныхъ родовъ и дорожившіе поэтому народными преданіями.

²⁾ См. Mohl—I. Предисловіе, стр. V.

плеяда даровитыхъ поэтовъ, и царь, страстный любитель національной литературы, поручаетъ тусскому пѣвцу, знаменитому Абульгасиму Мансуру, съ прозвищемъ *Фердуси*, великое дѣло созданія народной исторической поэмы, въ которой были бы поэтически обработаны преданія старины, начиная отъ древнѣйшихъ временъ.

Знаменитый поэтъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ отнесся къ своей работѣ. Онъ долго изучалъ все, что по части собиранія народныхъ историческихъ преданій было сдѣлано его предшественниками, самъ продолжалъ разыскивать родовыя преданія среди представителей древнихъ фамилій, и въ своемъ твореніи указываетъ для отдѣльныхъ сказаній, вошедшихъ въ его обработку „Шахъ-намэ“, ихъ непосредственный источникъ, т. е. лица, отъ которыхъ онъ ихъ слышалъ. Извѣстно, что великая историческая поэма Фердуси получила для всего Ирана громадное значеніе: она до сихъ поръ въ глазахъ персіянъ является и неоспоримымъ историческимъ источникомъ, и высокимъ образцомъ эпической поэзіи. Художественная обработка массы мѣстныхъ родовыхъ преданій, высокій патріотизмъ автора, благоговѣніе предъ доблестью древнихъ героев—все это содѣйствовало подъятію національнаго самосознанія и съ новою силою пробудило въ персидскомъ обществѣ любовь къ народнымъ сказаніямъ. Успѣхъ Фердуси вызвалъ въ теченіе XI и части XII в. появленіе цѣлаго ряда подобныхъ же историко-эпическихъ поэмъ, которыя, на основаніи народныхъ преданій, поэтически разрабатывали біографіи отдѣльныхъ богатырей древности, иногда упоминаемыхъ „Книгой царей“, иногда не захваченныхъ ею. Изслѣдователи персидской литературы упоминаютъ много такихъ рукописныхъ весьма обширныхъ поэмъ, сохраняющихся въ европейскихъ и восточныхъ бібліотекахъ, напримѣръ: Гершаспъ-намэ (книга о богатырѣ Гершаспѣ), Самъ-намэ (о богатырѣ Самѣ внугѣ Гершаспа), Джихангиръ-намэ (о Джихангирѣ, сынѣ Рустема), Фарамурзъ-намэ (о богатырѣ Фарамурзѣ), Бану-Гушаспъ-намэ (о дочери Рустема Бану-Гушаспѣ), Барзу-намэ (о Бар-

зу, сынъ Зораба), Бахманъ-намэ (Бахманъ—сынъ Исфендіара) и друг. ¹⁾ Авторы большинства подобныхъ иногда весьма обширныхъ поэмъ пользуются народными историко-эпическими сказаніями, вплетая въ нихъ мотивы изъ фантастическихъ сказокъ, столь любимыхъ на востокѣ.

Это подавляющее богатство и разнообразіе эпическихъ сказаній Ирана дѣлаетъ понятнымъ то явленіе, что отголоски иранскаго эпоса звучатъ еще доселѣ далеко за предѣлами Персіи. Подвиги главныхъ иранскихъ богатырей уже рано становятся достояніемъ народныхъ сказаній въ Закавказьѣ, и персидскій эпосъ на ряду съ другими сторонами персидской культуры оказываетъ значительное вліяніе на расцвѣтающую при Багратидахъ грузинскую литературу. Такъ національный поэтъ Грузіи Шота Роставели заявляетъ, что онъ взялъ сюжетъ для своей поэмы (Барсова шкура) изъ персидскаго (см. строфа 16) и переложилъ его въ грузинскіе стихи „не сокращая и не умаляя рѣчи“ (стр. 21). И хотя до сихъ поръ зватоки персидской литературы не нашли прототипа знаменитой грузинской поэмы, но вліяніе персидской поэзіи на Роставели представляется несомнѣннымъ. Хотя въ „Барской шкурѣ“ въ женскихъ личностяхъ (Тиватинѣ, Нестанъ-Дареджанѣ) находятъ идеализированныя черты Тамары, къ которой, по преданію, Руставели пылалъ глубокою страстью, хотя въ этой поэмѣ природа, люди, обычаи—чисто грузинскіе, но главное содержаніе ея—любовныя похожденія героевъ, романтическія приключенія, битвы, скитанія по разнымъ странамъ—Аравіи, Индіи, царству Морей, землѣ Каджовъ, письма съ назидательными размышленіями въ стилѣ Фердуси, которыя пишутъ другъ другу дѣйствующія лица, сравненія и эпитеты въ персидскомъ духѣ, упоминанія *диговъ*, воззванія героя Автандила къ планетамъ (Сатурну, Юпитеру, Марсу, Венерѣ, Меркурію), сравненіе героевъ съ Рустемомъ и т. п.—все это ярко свидѣтельствуетъ о томъ, что авторъ былъ хорошо знакомъ съ про-

3) См. Mohl—I. Preface стр. LXII—LXXXI.

изведеніями персидской поэзіи. Изъ того, что *до сихъ поръ* не найденъ персидскій прототипъ любовнаго сюжета „Барсовой шкуры“, еще нельзя заключать, что такого прототипа не было, и убѣжденіе г. Чубинова (выраженное имъ въ предисловіи къ его изданію), что Руставели *не* заимствовала сюжета у восточныхъ писателей, кажется намъ преждевременнымъ ¹⁾. Вообще историко-сравнительный методъ до сихъ поръ не былъ прилагаемъ къ произведеніямъ грузинской поэзіи, и это составляетъ для исторіи перехода восточныхъ сказаній на Кавказъ существенный пробѣлъ, восполнить который должны изслѣдователи грузинской литературы. Они оказали бы немалую услугу для исторіи литературнаго общенія востока съ западомъ, познакомивъ насъ подробно съ содержаніемъ тѣхъ многочисленныхъ рукописныхъ „исторій“ и „поэмъ“, которыхъ списки появлялись время отъ времени въ статьяхъ покойнаго академика Броссэ.

Отъ *ибериствова* должно ожидать обстоятельнаго изслѣдованія и того вопроса, который мы могли только затронуть въ нашей статьѣ,—вопроса о переходѣ иранскихъ эпическихъ сказаній на Кавказъ. Мы знаемъ, на примѣръ, изъ указаній Броссэ, что въ грузинской литературѣ существуютъ обработки „Рустеміады“ и эпизода о любви Бежана къ Менижэ; ²⁾ и для насъ весьма важно было бы знать, въ какомъ отношеніи эти обработки находятся къ изложенію этихъ сюжетовъ у Фердуси, къ какому времени они относятся, и насколько грузинскія версіи иранскихъ сказаній были попу-

1) Руставели самъ говоритъ въ строфахъ 15 и 16: „Я, Руставели, своимъ искусствомъ созидаю это твореніе. Вотъ я хочу перевести по грузински разсказъ персидскій, словно крупную жемчужину, переходящую изъ рукъ въ руки. Я ее нашелъ и переложилъ стихами, совершивъ дѣло достохвальное. Пусть дѣло рукъ моихъ смягчитъ горделивыхъ красавицъ.“ См. статья г. Гулака—о „Барсовой кожѣ“ Руставели—въ Сбор. мат. для опис. мѣстн. и племенъ Кавказа IV стр. 129—187.

2) Такъ акад. Броссэ (Melanges Asiat. VIII p. 438) упоминаетъ исторію Ростома (Rostomiani), обработанную Хосро Турманидзе. См. о ней Comptes rendu de l'Acad. pour 1837 p. 98, и исторію Бежана и Маниджаны (Bejaniani), напечат. въ Тюленсѣ въ 1875 г.

лярны въ обществѣ. Только послѣ такихъ предварительныхъ разысканій можно будетъ отвѣтить на другіе вопросы, для рѣшенія которыхъ у насъ въ настоящее время нѣтъ матеріаловъ, именно: отражаются ли въ народныхъ кавказскихъ сказаніяхъ объ иранскихъ богатыряхъ грузинскія *литературныя* обработки или отголоски *устныя*, занесенныхъ на Кавказъ, иранскихъ сказаній или, наконецъ, то и другое соединенно?

Всев. Миллеръ.

Замѣтка о персидскихъ эпическихъ произведеніяхъ въ грузинскомъ переводѣ.

Настоящая замѣтка составлена по просьбѣ Вс. О. Миллера въ прибавленіе къ статьѣ почтеннаго профессора: „Отголоски иранскихъ сказаній на Кавказѣ“. Имѣя въ виду постепенно знакомить русскихъ читателей съ сюжетами ниже поименованныхъ персидскихъ эпическихъ произведеній, переведенныхъ на грузинскій языкъ, я ограничусь теперь однимъ сухимъ, далеко не полнымъ перечнемъ ихъ, указывая, гдѣ возможно, время жизни и имя переводчика.

1) *Баба-Амиріани*, рассказъ по содержанію сказочнаго характера, переведенъ, судя по одному древнему каталогу, въ XIII вѣкѣ, при царицѣ Русудани, знатокомъ персидскаго языка *Соломономъ Тархнишвили*.

2) *Даннисіани*, переводъ неизвѣстнаго автора, содержаніе сказочное. Рукописей Даннисіани мало сохранилось.

3) *Камиліани*, романъ названный по имени персидскаго царя „Камиль-Алькамиліани“. По припискѣ къ одному манускрипту можно заключить, что онъ переведенъ въ царствованіе царицы Русудани.

4) *Бараміани*, повѣсть три раза переведенная на грузинскій языкъ—въ XIII, XVII и XVIII вв. „Общество распространенія грамотности среди грузинъ“ въ Тифлисѣ приобрѣло переводы „Бараміани“ въ стихахъ и прозѣ. Въ прозаической формѣ повѣсть напечатана въ 1879 въ Тифлисѣ.

5) *Сиринозіани* существуетъ въ прозаическомъ и въ стихотворномъ переводѣ. Первый переводъ точнѣе второго.

6) *Саридоніани*, героическій сюжетъ этого произведенія извѣстенъ поэту *Абдуль Мессіа Шавтели*, жившему при царицѣ Тамарѣ (1184—1212). Переводъ сдѣланъ подѣ сильнымъ вліяніемъ извѣстной поэмы „Барсова Шкура“, принадлежащей перу гениальнаго поэта Руставели. „Саридоніани“ издана въ Тифлисъ въ 1879.

7) *Утрутіани*, сказочный рассказъ, былъ очень распространенъ въ Грузіи. Шавтели, вышеупомянутый поэтъ XIII вѣка, написавшій „Прославленіе царицы Тамары“, хорошо знаетъ названное персидское сочиненіе.

8) *Маргалитіани*, съ сказочнымъ содержаніемъ; переводъ какого-то *Орбелишвали*, быть можетъ, не позже XI вѣка: актъ XI столѣтія упоминаетъ „Маргалитіани“.

9) *Тангиріани*, рассказъ названный такъ переводчикомъ въ честь автора *Тангури*. По одной припискѣ къ рукописи „Тангиріани“, онъ переведенъ въ XIV вѣкѣ.

10) *Небротіани*, книга религіознаго содержанія; извѣстны двѣ рукописи, писанныя церковнымъ алфавитомъ — *хумури*.

11) *Варшикіани*, поэма. Форма и содержаніе ясно свидѣтельствуютъ, что она написана послѣ героическаго рассказа *Караманіани* ¹⁾. На основаніи древняго каталога ²⁾, составленнаго Іоанномъ Тбидели по желанію грузинскихъ царевичей, слѣдуетъ думать, что названная поэма переведена *Тусцивали* въ XIII в. при царѣ Давидѣ Наринѣ. Поэма издана въ Тифлисъ, 1885 г.

12) *Букетъ цвѣтовъ*, сборникъ стихотвореній персидскаго поэта *Мазометь Рай-Хана*; переведенъ на грузинскій языкъ *Георіемъ* царевичемъ (XIV вѣкѣ).

13) *Гулустіани* имѣетъ своимъ содержаніемъ подвиги героя Гуласпа. Во всей Грузіи извѣстенъ пока одинъ манускриптъ.

1) *Караманіани* напечатанъ на грузинскомъ языкѣ, кажется, въ 16-й частяхъ. Книга очень распространена въ народѣ.

2) Каталогъ этотъ рукописный и принадлежитъ тифлисскому „Обществу распространенія грамотности среди Грузинъ“.

14) *Усупъ-Касиміани*, героическій разсказъ о персидскихъ богатыряхъ Усупъ и Касимъ. Переведенъ въ XV вѣкѣ при царѣ Александрѣ (1414—1442).

15) *Ростоміани*—переводъ поэмы Фердуси „Шахъ-Намэ“. Переводчикъ *Хосро Турманидзе* (1580—1640), *) извѣстный книжникъ, воспитывался сначала въ Карталинѣ, былъ короткое время въ Имеретіи, жилъ въ Гелатскомъ монастырѣ, оттуда переѣхалъ въ Тифлисъ, гдѣ изучилъ персидскій языкъ. Впослѣдствіи онъ отправляется изъ Кахетіи въ Персію съ политической миссіей по порученію царя Александра II. Въ Персіи онъ усовершенствовался въ языкѣ и приступилъ къ переводу поэмы Фердуси, надъ которой работалъ въ теченіе 8 лѣтъ. „Ростоміани“ дѣлится на 252 главы и состоитъ изъ 3684 стиховъ. Турманидзе, по свидѣтельству древнихъ грузинскихъ писателей, настолько возгордился своимъ переводомъ, что въ одномъ четверостишіи, написанномъ имъ къ царю Баграту, онъ сравниваетъ свой трудъ съ „Барсовой Шкурой“ Шота Руставели, ставя выше свои заслуги въ грузинской литературѣ. „Держу пари,—говоритъ онъ,—если Руставели сдѣлалъ столько, сколько я“. Скорѣйшее появленіе „Ростоміани“ въ печати весьма желательно, тѣмъ болѣе, что это одинъ изъ самыхъ полныхъ и вѣрныхъ переводовъ „Шахъ-Намэ“. Изъ „Ростоміани“ передѣлана поэма „Бежаніани“.

16) *Сааміани*, поэма, названная такъ въ честь героя Саама (у Фердуси). Переведена на грузинскій языкъ *Вачнадзе Бардзимомъ* въ XVII в.

17) *Барамуруани*, разсказъ о семи персидскихъ царяхъ переведенъ *Нодара Джорджадзе* (XVII в.).

18) *Вардбулбуліани*, поэма о соловѣѣ и розѣ. Переведена царемъ *Теймуразомъ* (1595—1634), извѣстнымъ грузинскимъ писателемъ. По его словамъ, поэма написана на персидскомъ языкѣ муллою *Гаджимомъ*.

Теймуразу же принадлежитъ переводъ разсказа *Шали-Пара*.

*) Писатель царь Армаз (XVII в.) свидѣтельствуесть объ этомъ въ одномъ четверостишіи.

19) *Прекрасный Иосифъ*, также какъ и предъидущій рассказъ, переведенъ царемъ *Теймуразомъ*. Авторъ его, по Шерру, *Мевлане Джамисъ*.

20) *Леймъ Миджнури*, рассказъ; переводъ XVII в. Авторъ рассказа, по Шерру, Абу—Магометъ—Бель—Усупъ—Шейхъ—*Низамедлигъ*.

21) *Чаръ-Давритіани*, рассказъ о царѣ Бахтіарѣ, извѣстный просто подъ именемъ *Давритіани*. Время перевода относятся къ царствованію царя Вахтанга VI. Изд. въ Тифлисѣ, 1876 г.

22) *Мирианъ*, рассказъ о царѣ Магирики. Нѣкоторые думаютъ, что рассказъ этотъ переведенъ по приказанію царя Вахтанга VI. Авторъ *Хосровъ-Шахъ* и сынъ его *Миръ*. Изд. въ Тифлисѣ, 1886 г.

23) *Калила и Дамана* (Калила и Димна) переведена Вахтангомъ VI въ гор. Кирманѣ. Переводъ, сдѣланный въ царствованіе Тамары (XII в.), а также переводъ *Давида*, отца Теймураза (XVII в.), утрачены. „Калила и Димна“ напечатана въ Тифлисѣ, въ 1886 г. *).

24) *Висраміани*. Приписывали писателю эпохи Тамары *Диларетъ Сарисъ Тмоцелі*. Но теперь мнѣніе, по которому „Висраміани“ считали оригинальнымъ произведеніемъ, должно быть оставлено, такъ какъ извѣстенъ англійскій переводъ Wis o Romain. A Romane of ancient Persia. Calc. 1865. (См. Katalog № 466, Orientalia, Koelers Antiquarium). Грузинская газ. „Иверія“ недавно сообщала, что открытъ каталогъ, гдѣ названъ по имени переводчикъ „Висраміани“.

А. Хахановъ.

*) См. подробнѣе объ этомъ въ моемъ рефератѣ читанномъ въ Восточной Комиссіи при Имп. Моск. Археологич. Обществѣ. „Древности Востока“ стр. 31.

Т у ш и н ы.

(*Этнографическій очеркъ*).

Характеръ страны; мѣстоположеніе. Племенной составъ. Бытъ. Религія.

Положеніе женщины. Обычное право. Поэзія.

Лѣтомъ 1888 года мнѣ удалось побывать и на сѣверномъ, и на южномъ Кавказѣ, и въ Пшаветіи, и въ Тушетіи, трудно-доступной странѣ грузинскихъ горцевъ. Я не буду утомлять читателей описаніемъ дикаго Дагестана и Кизлярскаго округа, гдѣ я проѣздомъ посѣтилъ двѣ деревни грузинъ, сохранившихъ въ полной чистотѣ, среди русскаго и чеченскаго населенія, національные нравы, обычаи, языкъ и поэзію. Я обращаю вниманіе на Тушетію, какъ на одинъ изъ чудныхъ уголковъ прекраснаго Кавказа. Я никогда не забуду Панкисскаго ущелья—этой маленькой, живописной долины, окаймленной темными дремучими лѣсами и перерѣзанной бурною рѣкою Алазанью, въ которую съ дикимъ ревомъ несутся прохладныя горныя рѣчки и низвергаются пѣнящіеся водопады, а вдали—величественно возвышаются Кавказскія горы, вѣчно покрытыя снѣжной чалмой. Эти вѣковѣчные дубы и столѣтнія орѣховыя деревья многое могли бы сказать изъ минувшей старины и изъ вольной жизни горцевъ, исполненной постоянныхъ тревогъ и непрерывныхъ волненій. Въ тѣни ихъ чувствуется какая-то неизъяснимая нѣга и свобода, а свѣжій оживляющій вѣтерокъ, подъ отдаленный плескъ водопада, заставляетъ человѣка забыть всѣ житейскія невзгоды и помыслы и погрузиться въ созерцаніе открывающейся предъ нимъ могучей, дивной картины. По мнѣ, это истиннѣ—краса природы.

Къ западу отъ скалистой Пшаветіи лежитъ Тушетія,—говоритъ въ своемъ „Географическомъ описаніи“ грузинскій ученый царевичъ Вахушти. На восточной границѣ Тушетіи живутъ дидойцы, на сѣверной чеченцы, а на южной кистинцы. Тушины, сами себя называвшіе „кавказцами“, не были извѣстны древнимъ классическимъ писателямъ, по крайней мѣрѣ, до V вѣка по Р. Х. Но въ VII в. они упоминаются въ географіи, приписываемой Моисею Хоренскому, рядомъ съ „хебурами“, т. е. хевсурами. Нѣкоторые хотятъ видѣть въ „тускахъ“ намекъ на тушинъ (Берже). Въ грузинской лѣтописи „Картлисъ-Цховреби“ тушины, или туши, какъ называютъ ихъ грузины, были извѣстны какъ мужественные воины, а въ концѣ XVIII в. они составляли вѣрную охранную гвардію царя Ираклія II.

Тушины нынѣ составляютъ четыре общины: *цовцы*, *чаклины*, *порикителины* и *юмсиралины*. Последнія три общины говорятъ грузинскимъ языкомъ и населены народомъ безспорно картвельскаго племени; населеніе же первой общины представляетъ смѣсь грузинъ и огрузинѣвшихъ кистинцевъ. Изъ смѣшенія языковъ этихъ двухъ народовъ лексически образовался тушинскій языкъ, который включилъ въ себя такъ много грузинскихъ словъ, что онъ сталъ непонятнымъ для современнаго кистинца и чеченца. Тушины цовцы безъ исключенія всѣ знаютъ грузинскій языкъ, усвоили грузинскіе нравы, обычаи и, что всего любопытнѣе, не создавъ на своемъ языкѣ народной поэзіи, распѣваютъ пшаво хевсурскія или собственно тушинскія пѣсни на грузинскомъ языкѣ.

Часть жителей Тушетіи, вѣроятно, переселилась еще во время самостоятельнаго существованія Грузіи изъ Картліи и Имеретіи, что подтверждается одинаковымъ распространеніемъ нѣкоторыхъ фамилій въ Грузіи и Тушетіи: таковы Логазидзе, Кадагидзе и др. Выселеніе въ горы мирныхъ обитателей долины объясняется желаніемъ избѣгать суровыхъ наказаній и непосильныхъ государственныхъ повинностей, а также страхомъ предъ постоянно угрожающимъ вторженіемъ окружающихъ свирѣпыхъ мусульманъ и неукроти-

мыхъ кавказскихъ горцевъ. У насъ есть точное свидѣтельство о томъ, что слѣдствіемъ разоренія Грузіи въ XVIII в. Ага-Магомметъ-Ханомъ, шахомъ персидскимъ, была эмиграція жителей равнины въ Кавказскія горы.

Тушины-повцы ведутъ полукочевой образъ жизни. Земледѣіемъ они не занимаются; единственное ихъ занятіе—скотоводство. Зимой они живутъ въ Алвани, сѣверной части Кахетіи, а лѣтомъ направляются съ женами и дѣтьми въ горы Тбатана, Сакорне и въ верховья рѣки Алазани. Здѣсь они живутъ во временныхъ палаткахъ собственнаго издѣлья, а въ Алвани въ это время нельзя встрѣтить ни единой души, и каменные строенія, украшающія деревню, представляютъ какъ бы печальные остатки послѣ непріятельскаго вторженія. Въ Алвани имѣется сельская школа—единственный садникъ образованія въ цѣлой Тушетіи.

Жители трехъ остальныхъ грузинскихъ общинъ вполнѣ привыкли къ осѣдой жизни; они занимаются земледѣіемъ, отчасти скотоводствомъ, не совершая далекихъ перекочевокъ, въ противоположность цовцамъ, хотя случается, что и нѣкоторые изъ горныхъ тушинъ, вслѣдствіе недостатка пастбища, спускаются зимой въ Алвани, которая составляетъ общее владѣніе всѣхъ четырехъ тушинскихъ общинъ: каждый тушинъ имѣетъ право въ Алвани построить домъ и пасти скотину, гдѣ ему угодно.

Земля, на которой живутъ тушины и пасутъ стада,—государственная. Поземельное владѣніе до послѣдняго времени не было точно разграничено: нѣкоторые обрабатывали 15 десятинъ, а другіе лишь полъ-десятины. Въ послѣднее время, по распоряженію Тіонетскаго уѣзднаго начальника кн. Джандіери, неравномѣрное владѣніе землей уничтожено: каждый тушинъ получилъ около 4 десятинъ, хотя онъ можетъ вспахать и участокъ односельчанина по добровольному съ нимъ соглашенію и чувству товарищества, но не по праву полнаго владѣнія, какъ это было прежде. По распространенному изстари обычаю, онъ не можетъ продать своего надѣла другому или вспахать поле въ районѣ другой деревни.

Пастбища у тушинъ находятся въ общинномъ владѣннн. Лѣсъ „Отхитвали“ (четыре глаза) на р. Алазани, купленный на общія средства всѣхъ тушинъ, также составляетъ общую собственность. Государственную подать до сихъ поръ платили въ размѣрѣ 3 р. 50 к. съ дыма, теперь же она повышена. По инициативѣ тушино-кахетинскаго пристава г. Гугушвили, эта подать распределена по имущественному состоянію каждаго и платится каждымъ дымомъ въ размѣрѣ 4—25 руб. При подобной раскладкѣ подати руководились тѣмъ соображеніемъ, что имѣющіе большее количество скотины и болѣе другихъ пользующіея лѣсомъ должны платить и подати больше, чѣмъ маломочные ихъ сосѣди.

Тушины любятъ чисто жить; землянки имъ неизвѣстны; комната для гостей почти у всѣхъ имѣется. Домъ убранъ коврами, которые вяжутъ тушинки и красятъ сокомъ разноцвѣтныхъ травъ. Мужчины дѣлаютъ сундуки, корыта и продаютъ ихъ въ Кахетіи; въ работники они не идутъ, а крѣпостное право никогда не было имъ извѣстно. По характеру они отличаются добродушіемъ и гостепріимствомъ.

При обзорѣ нравовъ и обычаевъ тушинъ мы не дѣлаемъ различія между цовцами и грузинскими общинами тушинъ. Цовцы, съ тѣхъ поръ какъ спустились съ горъ, заселили четыре построенныя ими деревни: *Алазани*, *Гурадчала* (круглая роца), *Пзакалжура* и *Цоцура*, усвоили грузинскій языкъ, нравы, поэзію и религіозныя представленія. Но вообще нужно сказать, что у тушинъ меньше сохранились остатки старины: христіанство и новые административные порядки въ Тушетіи успѣшнѣе, сравнительно съ Пшаветіей и Хевсуретіей, уничтожаютъ слѣды прежняго національнаго быта.

Тѣмъ не менѣе на ряду съ православнымъ духовенствомъ представители прежней языческой религіи—*деканози*, *хевис-бери*, *хуци*, *мнате*, и теперь еще играютъ не маловажную роль на народныхъ праздникахъ, хотя прежній ихъ обширный кругъ дѣйствій крайне суженъ и ограниченъ. *Деканози* въ старину, по всей вѣроятности, былъ языческой жрецъ,

исполнитель религиозныхъ обрядовъ; *хевись-бери* (въ переводѣ значить: старецъ ущелья) былъ главнымъ административнымъ представителемъ, предводителемъ на войнѣ и судьей въ мирное время. Но такое раздѣленіе властей съ теченіемъ времени утратилось; нѣвые порядки сгладили различіе между хевись-бери и деканози, и теперь народъ, отождествивъ ихъ, приписываетъ имъ одну и ту же религиозную компетенцію съ древнѣйшихъ временъ. Это можно объяснить тѣмъ, что тушины легче и раньше отказались отъ своихъ юридическихъ порядковъ, чѣмъ отъ религиозныхъ представлений, которыя глубже укореняются въ сознаніи народа.

Хевись-бери и деканози можетъ быть лицо, безукоризненно прошедшее дни своей жизни, не замѣченное своими братьями въ дѣлахъ предосудительныхъ, безнравственныхъ и вредныхъ народнымъ интересамъ. Эта религиозная компетенція наследственно не передается; хевись-бери — лицо выборное. Кандидатъ на эту почетную обязанность указывается *кадаи* (оракуломъ), который говоритъ по волѣ божества и одаренъ способностью прорицанія: но случается, что помимо провозглашенія кадаги въ отправление высокой должности хевись-бери вступаетъ самовольно лицо, считающееся по своей добродѣтельной жизни достойнымъ занимать постъ народнаго представителя и несомнѣнно подающее надежды своей усердной службой святому оказаться на высотѣ своего назначенія. Число хевись-бери при одномъ святомъ не превышаетъ 3—4. Права и обязанности ихъ точно не разграничены. Можно сказать, что одинъ изъ нихъ признается старшимъ, а остальные считаются его подчиненными. Первому принадлежитъ исключительное право рѣзать жертвенныхъ животныхъ, прижигать имъ шерсть восковой свѣчой и дѣлать кровью жертвы изображеніе креста на лбу жертвователя. Второй хевись-бери, по приказанію перваго, собираетъ лепешки, хлѣбъ для пива, а третій варитъ пиво. Въ отсутствіе старшаго хевись-бери его помощники по очереди исполняютъ его обязанности, при чемъ ихъ священно-

дѣйствіе не считается въ глазахъ народа менѣе угоднымъ и пріятнымъ „всемогущему“ святому.

Если хевись-бери (деканози) назовемъ первосвященникомъ, то стоящаго одной ступенью ниже исполнителя религіозныхъ обрядовъ—*хуци*—слѣдуетъ уподобить простому жрецу при капищѣ. Капища строятся въ мѣстахъ, заросшихъ лѣсомъ, большею частью на горѣ. Комната, называемая *хита* (образъ), составляетъ главное отдѣленіе храма, въ которомъ часто нѣтъ ни одного образа; его замѣняетъ единственная святыня народа—*дроша*, знамя съ колокольчикомъ, напоминающее хоругвь. Только при видѣ дроша народъ снимаетъ шапки и дѣлаетъ движеніе рукой вдоль груди, какъ бы творя крестъ. Хуци съ разрѣшенія и благословенія главы священнослужителей исполняютъ всѣ тѣ обязанности, которыя возложены на хевись-бери. Онъ совершаетъ таинства вѣнчанія, причащенія, обряды погребенія и освященія дома послѣ разрѣшенія жены отъ бремени, отъ чего, по представленію тушинъ, домъ наполняется скверностью и требуетъ очищенія молитвой и водосвятиемъ. На послѣдней ступени іерархической лѣстницы стоитъ *мнате*, соответствующій нашему церковному старостѣ. Мнате является исполнителемъ распоряженій хевись-бери; онъ рѣжетъ жертвенныхъ животныхъ послѣ того, какъ деканози благословили ихъ и поднялся на небольшое, съ этой цѣлью устроенное возвышеніе для произнесенія умиловляющей молитвы. Мнате наблюдаетъ за пожертвованными садами, баранами и за всѣмъ движимымъ достояніемъ святого, которому онъ служитъ, а въ день его праздника онъ является главнымъ распорядителемъ на обѣдѣ богомольцевъ и щедро угощаетъ ихъ виномъ изъ собственнаго сада святого. Онъ же принимаетъ приносимыя богомольцами жертвованія, которыя опредѣляются усмотрѣніемъ кадаги: барана, вино, курицу, нитяные пояса, колокольчики и др.

Чтобы дать читателю представленіе о празднествахъ тушинъ, опишемъ праздникъ креста св. Георгія Лаша (17—18 іюля), извѣстный подъ именемъ *Лашироба* или *Лаширисъ-*

Джвроба. На этомъ праздникѣ можно видѣть представителей разныхъ народностей Кавказа: тушинъ, пшавовъ, хевсуръ, кистинцевъ, карталинцевъ, кахетинцевъ и др. Богомольцы, являясь босикомъ и въ бѣлыхъ одѣянiяхъ по данному обѣту, снимаютъ ихъ со вступленiемъ въ ограду св. креста и бросаютъ въ яму, вырытую специально съ этой цѣлью. Предъ оградой находится другая яма, въ которую спускаютъ кровь жертвенныхъ животныхъ. Тутъ же, на небольшомъ возвышенiи лежитъ крестъ, стоитъ сосудъ съ освященной водой для окропленiя приходящихъ молящихся. Хевисъ-бери работаютъ усердно и съ сознаниемъ своего достоинства: рѣжутъ барановъ, ихъ кровью окропляютъ робкихъ предъ святыней горцевъ и по очереди отдыхаютъ въ особомъ отдѣленiи, куда они одни пользуются правомъ входа. Здѣсь же стоитъ колокольня съ мѣднымъ куполомъ, увѣчаннмъ св. крестомъ. Съ боковъ креста спускаются на цѣпяхъ маленькіе колокольчики, пожертвованные религіозными горцами. У колокольни на небольшомъ возвышенiи стоитъ прислоненное къ стѣнѣ знамя Георгiя Лаша, царя грузинскаго, сына Тамары, построившаго здѣсь нѣкогда церковь во имя св. Георгiя. Народъ имя строителя храма связалъ съ святымъ и обоготворилъ не совсѣмъ безукоризненнаго своего повелителя. Такъ думаетъ историкъ Вахушти; но болѣе справедливымъ представляется толкованiе, по которому слово „Лаша“ объясняется отъ слова „лашроба“ (походъ) и обозначается этимъ богъ войны, какъ римскiй Марсъ; слѣдовательно, эпитетъ „Лаша“ сближается отчасти съ нашимъ „побѣдоносецъ“. На противоположной горкѣ возвышается часовня во имя Тамары, которую тушины считаютъ вѣчной дѣвой, какъ бы желая этимъ оправдать ея право на степень святой. Эти священныя горки называются вмѣстѣ „моде-модзме“ (братъ и сестра), хотя изъ исторiи извѣстно, что Георгiй Лаша былъ сыномъ Тамары, а не братомъ ея. Тамарѣ приносятъ въ жертву козлятъ, на которыхъ народъ смотритъ, какъ на порожденiе дьявола, но считаетъ ихъ необходимыми для прокормленiя гончихъ

царицы. А для лошади св. Георгія хевись-бери покупает на собранныя въ складчину деньги ячмень, обсыпает имъ полъ въ храмъ и площадь вокругъ него, чтобы лошадь святого не проголодалась и на каждомъ шагу могла подкрѣплять ослабѣвшія силы.

Въ оградѣ храма Лашарись-Джвари указываютъ мѣсто, гдѣ росъ священный дубъ, срубленный какимъ-то кн. Эристовымъ. За этотъ святотатственный поступокъ онъ до сихъ поръ проклинается народомъ. Рассказываютъ и чудо, которымъ сопровождалось уничтоженіе этого дорогого для всѣхъ горцевъ дерева, соединеннаго съ небомъ золотой цѣпью. Когда крѣпостные князя не могли свалить дуба, то велѣно было имъ найти немедленно человѣка, который указалъ бы орудіе для вырытія его съ корнемъ. Нашелся измѣнникъ народной святыни: одинъ пшавецъ обмазалъ кровью кошки священный дубъ, который немедленно былъ оставленъ ангелами, его хранителями; цѣпь, его обвивавшая, стянулась къ небу, самъ дубъ палъ на землю съ шумомъ, и было паденіе его велико. Съ тѣхъ поръ и началось несчастіе для Грузинъ, говоритъ тушинъ и съ чувствомъ горести и злобы расцѣвываетъ жалобную пѣсню, сложенную въ честь Лашарись-Джвари, который горько оплакиваетъ въ ней вѣроломство измѣнника пшавца.

Причина привязанности тушинъ къ Лашарись-Джвари объясняется въ народной пѣснѣ. Между тушинами и пшавами была продолжительная вражда. Тушины подъ предводительствомъ своего вождя, героя Талисдае, спустились разъ въ Пшаветію для ея разграбленія, но все войско ихъ было перебито пшавами, и спасся одинъ лишь глава ихъ храбрый Талисдае. Когда мать спрашиваетъ его о результатѣ похода, вождь со скорбью въ сердцѣ говоритъ, что онъ потерялъ товарищей, погибшихъ будто бы отъ жажды въ тѣсномъ ущельѣ, гдѣ произошла схватка между тушинами и пшавами. Но онъ хорошо понималъ, что причина его пораженія заключалась въ гнѣвѣ Лашарись Джвари, который проклялъ тушинъ за вторженіе въ его священную обитель,

Пшаветію, и даровалъ покровительствуемому народу полную побѣду надъ враждебными сосѣдами. Сознаніе этого преступленія предъ „всесильнымъ“ святымъ побуждаетъ тушина примириться съ нимъ, принести въ жертву не барана, а „бѣлаго рогатаго быка“ для полного искупленія своего преступленія: онъ отказывается, какъ говоритъ Вахуштъ, подобно пшавамъ и хевсурамъ отъ всѣхъ драгоценныхъ вещей, найденныхъ въ его районѣ, и жертвуетъ ихъ въ храмъ св. Георгія для спасенія души.

Если праздникъ Лаприсъ-Джвроба сохранилъ еще древній характеръ, то другіе религиозные обряды тушинъ въ значительной степени утратили прежнюю свою окраску. Только свадьба и похороны, совершаемыя теперь по обрядамъ православной церкви, къ которой номинально причисляются тушины,—отчасти указываютъ на остатки старины.

Тушины, подобно другимъ горцамъ, имѣли обыкновение еще въ недавнія времена похищать невѣсть. Администрація постепенно вытѣсняетъ этотъ способъ скрѣпленія супружескихъ узъ, но уничтожить его до сихъ поръ не была въ состояніи. Слѣды этой традиции проявляются даже въ бракахъ, освящаемыхъ христіанскимъ духовенствомъ. Такъ, когда женихъ идетъ къ невѣстѣ, чтобы взять ее въ церковь, молодую укрываютъ въ отдаленной комнатѣ, и для свиданія съ ней необходимо подкупить родственницу невѣсты, чтобы она открыла и вывела плѣнницу изъ потаеннаго мѣста. Второй слѣдъ древняго обычая похищать невѣсту видимъ въ слѣдующемъ: при возвращеніи изъ церкви въ домъ жениха, молодыхъ не вводятъ въ комнату до тѣхъ поръ, пока сопровождающая невѣсту свита не потушитъ оружейными выстрѣлами зажженныхъ во дворѣ факеловъ *). Когда цѣль достигнута, гости приглашаются къ ужину; невѣсту одаряютъ деньгами, а жениху подносятъ шерстяные носки. На второй день съ лица невѣсты снимаютъ покрывало, заслоняющее ее

*) Мирная свита невѣсты—отдаленный намекъ на преслѣдователей хашаго похитителя молодой тушинки, а обычай стрѣлять въ факелъ указываетъ на прежнюю кровавую перестрѣлку между похитителя минсѣсты и ея родными.

отъ любопытныхъ взоровъ тушинъ, а на третій день она возвращается въ домъ отца, гдѣ иногда остается по цѣлымъ недѣлямъ, мѣсяцамъ и годамъ, и лишь по истеченіи извѣстнаго срока мужъ беретъ ее къ себѣ въ домъ.

Похоронные обряды тушинъ представляютъ большой интересъ по остаткамъ старины. При погребеніи мужа жена не показывается, а приходящихъ для засвидѣтельствованія своего сочувствія принимаютъ дочери, сестры, родственницы умершаго. Если покойникъ мужчина и слѣдовательно въ глазахъ тушина былъ страшнымъ воиномъ, который всего болѣе дорожилъ воинскими подвигами и мужество всегда ставилъ выше всякой хитрости, то приходящій, войдя въ комнату, гдѣ лежитъ покойникъ, обращается къ нему съ восклицаніемъ, ударяя себя кулакомъ: „о, несчастный человекъ, ты преждевременно выбылъ изъ числа удалыхъ воиновъ!“ Присутствующіе подхватываютъ эту заплачку, и начинается плачь и вой, раздирающіе душу. Для выраженія своей скорби женщины рвутъ на себѣ распущенные волосы, царапаютъ лицо; мужчины же обнаруживаютъ свое соболѣзнованіе болѣе умѣреннымъ способомъ: они не стригутъ волосъ и не брѣютъ бороды въ теченіе года, откуда и произошло ихъ названіе—„голичные монахи“. На смертномъ одрѣ тушина причащаетъ хевисъ-бери тайнами собственнаго приготовленія—изъ хлѣба и пива, считая ихъ обладающими цѣлебной силой. Но если уже молитва высокочтимаго жреца не спасетъ вѣрующаго горца и судьбѣ благоугодно будетъ взять его душу въ вѣчную жизнь, то бездыханный трупъ его кладутъ на доски, покрываютъ буркой, а на грудь его ставятъ подкову. Все, что было дорого покойнику въ жизни, все собираютъ теперь вокругъ него: рядомъ съ нимъ принято класть кинжалъ, а подальше ставить лошадь съ чернымъ покрываломъ; она провожаетъ трупъ до кладбища, на 7-й, 40 й день снова ведутъ ее на могилу хозяина, а въ концѣ года она отдается одному изъ родственниковъ, по указанію подкупленнаго заранѣе кадаги (оракула), который, по вѣрованію тушинъ, точно передаетъ непреклонное жела-

ніе божества; но тушины еще хорошо помнятъ, что прежде лошадь покойника всегда отдавалась дядѣ его по матери. Въ этомъ обычаѣ можно видѣть переживаніе такъ называемаго матриархата.

Для успокоенія души и для облегченія тягостей, выпавшихъ ей на томъ свѣтѣ, назначается въ концѣ года *юм*, т. е. трѣльба въ цѣль и скачки. Въ скачкахъ участвуютъ 12—15 лошадей и всѣ получаютъ награды: первая прибывшая на мѣсто получаетъ барана, а затѣмъ градація наградъ идетъ постепенно ниже, и послѣдняя лошадь беретъ лишь 50 коп.

Душа умершаго послѣ погребенія тѣла продолжаетъ жить среди своихъ родственниковъ. Она нуждается въ пищѣ и питьѣ, и потому за обѣдомъ и ужиномъ откладывается извѣстная порція для утоленія ея голода. Ухаживать за душой покойника крайне необходимо въ виду ея способности приносить пользу или вредъ сородичамъ, смотря по степени ихъ уваженія къ ней.

Кромѣ души умершаго родственника, каждымъ шагомъ, каждымъ дыханіемъ тушина управляютъ злые и добрые гении. Онъ боится зѣвнуть, чтобы дьяволъ не проникъ чрезъ открытый ротъ въ его душу. Его увлекаютъ злыя существа въ непроходимыя дебри на съѣденіе дикимъ зѣврямъ, а добрые гении помогаютъ ему лишь тайно, невидимо.

Интереснымъ представляется языческое понятіе тушинъ о загробной жизни, хотя оно значительно ослаблено вліяніемъ христіанской религіи. Загробный міръ въ народныхъ пѣсняхъ тушинъ именуется *сулети*, т. е. мѣстомъ, гдѣ покоятся души умершихъ. При входѣ въ это подземное царство сидятъ „строгіе судьи“, которые принимаютъ умершихъ и остригаютъ у нихъ острыми ножницами два—три волоска. Сулети заключаетъ въ себѣ и адъ и рай, между которыми протекаетъ бурная смоляная рѣка, а чрезъ нее перекинута мостъ изъ одного волоска. Праведники благополучно переправляются и достигаютъ рая; когда же грѣшники вступаютъ на этотъ злополучный мостъ, онъ тотчасъ проваливает-

ся: они падаютъ въ огонь, и пламя моментально охватываетъ ихъ съ ногъ до головы. Рай наследуютъ всѣ безусловно проведеншіе дни земной жизни, а въ адъ попадаютъ всѣ опозорившіе свое имя какимъ-нибудь недостойнымъ дѣяніемъ, при чемъ наказаніе этихъ грѣшниковъ опредѣляется степенью гнусности ихъ поступка: солгавшіе вѣшаются въ аду за кончикъ языка; вступившіе въ противонаравственные связи съ кумой подвергаются оригинальной хирургической операціи: у нихъ вырѣзывается на шашлыкъ мясо съ лядвей, а кончикъ языка просверливается остриемъ ножа; кто разстроитъ могилу, которую охраняетъ особый богъ, подобно римскому Гермесу, карается тѣмъ, что обрекается вѣчно носить на своихъ плечахъ тяжелые камни. Для грѣшниковъ другихъ категорій тушины не назначаютъ специальныхъ наказаній: всѣхъ ихъ опускаютъ головой въ котлы, которые наполнены горячей смолой, а вокругъ бушуетъ адское пламя бѣшеной геенны.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о положеніи женщины въ Тушетіи. Степень уваженія къ женщинѣ зависитъ отъ личныхъ ея нравственныхъ качествъ. Послѣ оружія тушинъ всего болѣе дорожить неприкосновенной честью женщины. Защита ея цѣломудрія не разъ служила причиной поднимать знамя войны противъ враждебныхъ сосѣдей. Деревня заглядывала все свое достояніе, чтобы искупить похищенную лезгинами тушинку изъ унижительнаго для нея плѣна. Сама женщина умѣетъ постоять за себя и удачнымъ выстрѣломъ ловко укладываетъ дерзкаго ухаживателя. Вѣрность жены мужу считается ея священной обязанностью, а измѣна съ ея стороны представляется тушину величайшимъ позоромъ, оскорбляющимъ его честь и задѣвающимъ его за самые чувствительные нервы. Послѣдовательность въ примѣненіи чувства вѣрности и преданности жены мужу создала и развила въ древности обычай закалывать и хоронить жену съ умершимъ мужемъ. Слѣды этого обычая видимъ и теперь въ отсутствіи у вдовы косы, которая у нея отрѣзывается по смерти мужа. У замуженной женщины локоны распущены, а волоса

завиты, а у дѣвицы заплетены и волоса и локоны. По этимъ внѣшнимъ признакамъ можно отличить вдову отъ замужней женщины и отъ дѣвицы. Всѣ онѣ носятъ большой платокъ или шаль на головѣ подъ названіемъ *мандили*. Мандили имѣетъ важное значеніе въ глазахъ горцевъ: онъ представляетъ неприкосновенную святыню для вражескихъ рукъ и защиту противъ нечестивыхъ поползновеній. Мандили не разъ прекращалъ споры и кровавыя столкновенія между враждебными семействами. Разъ женщина сняла мандили и положила его у ногъ разъяренного горца, послѣдній долженъ вложить вынутый кинжалъ въ ножны и отступить немедленно назадъ: переступить чрезъ мандили считается равносильнымъ оскорбленію женской чести.

Женщина у тушинъ отличается застѣнчивымъ, стыдливымъ характеромъ; она прячется отъ глазъ неожиданнаго гостя, говоритъ только съ родственниками и близко знакомыми, и вообще чѣмъ она меньше развязна, тѣмъ выше цѣнятся ея личныя качества. Она бойкая, трудолюбивая хозяйка, вѣрная и незамѣнимая помощница мужу въ полевыхъ работахъ, любящая и нѣжная мать своихъ дѣтей. Тушинка поставила себя въ болѣе выгодное положеніе, чѣмъ женщины другихъ окружающихъ горцевъ и ближайшихъ сосѣдей хевсуровъ. У тушинъ не встрѣчаемъ сильно распространеннаго у хевсуровъ обычая, въ силу котораго женщина, отправляясь въ путь съ мужчиной, слѣдуетъ за нимъ пѣшкомъ, держась за хвостъ лошади своего неблаговоспитаннаго кавалера, ѣдущаго верхомъ. Тушинъ никогда не унижаетъ жену до положенія прислуги, но онъ не забываетъ и своего личного достоинства: онъ не согласится отправить жену верхомъ, а самому пуститься въ догонку; онъ предпочтетъ идти съ женой пѣшкомъ, а лошадь съ легкимъ багажемъ вести подъ уздцы. Дѣлаетъ онъ это изъ деликатности, хотя считаетъ себя полнымъ господиномъ жены. Обычай предоставлялъ ему еще недавно право отрѣзать ей носъ, если она нарушила святость супружеской жизни, а также прогнать ее въ случаѣ ея бездѣтельности, заплативъ ей *самцунebro*, т. е. нѣсколько барановъ.

Вообще она считается не полнымъ человѣкомъ: извѣстно изъ обычнаго права тушинъ, что убійство женщины оплачивается штрафомъ въ 30 коровъ, что составляетъ какъ разъ половину пени, какой подвергались виновные въ убійствѣ мужчины.

Вотъ еще нѣсколько фактовъ изъ практикуемыхъ у нихъ способовъ наказанія за уголовныя преступленія: за ударъ кинжаломъ платится 5 коровъ; *) если же остриемъ кинжала нанесена рана, тогда кровь стоитъ 15 коровъ. Рана на лицѣ измѣряется зернами ячменя: изъ того количества зеренъ, какое уложится на ранѣ, отбрасывается два зерна, а за каждое изъ оставшихся уплачивается корова. За украденную вещь воръ платитъ всемеро тѣмъ-же: если онъ укралъ одного барана, то долженъ отдать потерпѣвшему семь барановъ. Для сравненія приведу нѣсколько постановленій обычнаго уголовного права у пшавовъ. Изъ моихъ разспросовъ выяснилось, что кровь мужчины у пшавовъ стоила прежде 80 коровъ (по законамъ царя Вахтанга за кровь крестьянина полагалось 120 руб. или 60 коровъ); за отсѣченіе руки полагалось 24 коровы (по законамъ Вахтанга 20 коровъ), за пораненіе ноги 16 коровъ, за поврежденіе глаза 16 коровъ (по законамъ Вахтанга 20 коровъ), за отсѣченіе мизинца 1 корова, за безъимянный палецъ 2 коровы, за средній палецъ 3 коровы, за указательный палецъ 4 коровы, за большой палецъ 5 коровъ, за вышибъ зуба 1 корова; угонъ стада считался у нихъ преступленіемъ равнымъ убійству человѣка. У кистинцевъ я записалъ слѣдующія данныя по этому же вопросу: за отсѣченіе руки полагается $\frac{1}{2}$ крови, т. е. половина 120 коровъ; глазъ стоитъ тоже полъ-крови; за пальцы наказаніе совершенно подобное тому, какое извѣстно

*) За неимѣніемъ коровъ виновный можетъ уплатить другими животными или вещами, для чего установлена сравнительная оцѣнка между скотомъ и вещами. Такъ, напр., жеребецъ стоитъ 7 коровъ, кашаръ 8 коровъ или 40 р., корова 4 барана, быкъ 7 барановъ, козель 80 коп., баранъ отъ 1 р. 30 к. до 2 р., масла лтра (9 фун.) 1 р.; кода пшеницы (2 п. и 9 с.) стоитъ 5 коровъ; ружье стоитъ 20 коровъ или 100 руб.

у пшавовъ; за зубъ 3 коровы; за похищеніе женщины силой можно убить похитителя безъ наказанія; за воровство уплачивается 15 разъ больше украденной вещи. Кровная месть—законъ чести.

У тушинъ, какъ и у всѣхъ горцевъ, уголовный преступникъ судился прежде представителями всѣхъ общинъ. Высшимъ наказаніемъ считается отлученіе отъ народныхъ праздниковъ, изгнаніе изъ общины. Не менѣе тяжкимъ представляется побіеніе камнями, только не въ буквальномъ смыслѣ. Во время своего путешествія не далеко отъ селенія Дуиси я обратилъ вниманіе на большую кучу камней, собранныхъ очень старательно въ горку. Мнѣ объяснили ея происхожденіе. Одинъ кистинецъ вошелъ въ противозаконную связь съ сестрой своей жены. За это преступленіе деревня рѣшила наказать его самымъ неумолимымъ образомъ, какой только ей былъ извѣстенъ: присудили уплатить въ пользу отца жены 160 руб., развести виновнаго съ женой, а его самого побить камнями. Побивается не онъ лично, а его имя на перекресткахъ дорогъ, гдѣ каждый съ бранью оставляетъ камень, какъ бы бросая въ него самого. При уплатѣ пени помогаютъ родственники, которые являются и соприсяжниками, когда дѣло рѣшается присягой. У тушинъ присяга и клятва бываетъ двухъ родовъ: присягающій произноситъ ее, или обойдя три раза вокругъ жертвенника со знаменемъ, или же ставятъ его на колѣни близъ могилъ своихъ предковъ, кладутъ предъ нимъ ослиное сѣдло и сосудъ, изъ котораго ѣли собаки, и, указывая на присягающаго, присутствующіе обращаются къ душамъ покойниковъ: „Усопшіе наши!—говорятъ они: приводимъ мы этого человѣка на судъ; отдайте его, кому хотите, въ жертву и служеніе и дѣлайте съ нимъ, что хотите, если онъ не скажетъ истину“⁴. Присягающій произноситъ клятву. Кромѣ присяги, судъ практикуетъ ордалинъ, какъ средство для восстановленія истины и очищенія заподозрѣннаго въ извѣстномъ преступленіи. Изъ такихъ средствъ извѣстны между прочимъ кипятокъ и раска-

ленное желѣзо. Старикъ Учкю Ахадели *) рассказалъ мнѣ одинъ случай примѣненія кипятка. На одной мельницѣ на женщинѣ пало подозрѣніе въ кражѣ одного мѣшка муки. Для того чтобы открыть воровку, рѣшили вскипятить воду и опустить туда родкову; вынуждая ее съ обжогомъ должна была быть признана виновной въ кражѣ. Только одна изъ фамиліи Джабіани оказалась невредимой послѣ испытанія; она была оправдана, а остальные признаны участницами въ воровствѣ. Ахадели рассказалъ мнѣ это съ полной вѣрой и безъ всякаго сомнѣнія въ дѣйствительности принятой мѣры. Виновницы кражи на этотъ разъ были наказаны. Но если кадаги (оракулъ) отъ имени креста св. Георгія объявляетъ, чтобы преступники были отпущены безъ возмездія, тогда въ благодарность святому приносится котель пива, жертвуется баранъ или корова, и тѣмъ происходитъ очищеніе преступника въ глазахъ земляковъ.

Остается упомянуть о поэзіи тушинъ. Поэзія тушинъ вообще мало извѣстна. Мнѣ удалось собрать нѣсколько десятковъ пѣсень, которыя даютъ возможность составить нѣкоторое понятіе объ ихъ поэтическомъ творествѣ.

Но прежде, чѣмъ говорить о пѣсняхъ, я приведу для образца одну *легенду* объ *І. Христѣ и Іоаннѣ Крестителѣ*.

Жилъ бѣднякъ съ женой. Онъ былъ такъ бѣденъ, что даже изорванная чохъ представлялась ему пріятной мечтой. Подбирая лоскутки, онъ изъ нихъ готовилъ себѣ одѣянье. Прошло семь лѣтъ, у бѣдняка родился сынъ. Ни бѣдный, ни тѣмъ болѣе богачъ, не желалъ быть крестнымъ отцомъ его сына. Іоаннъ Креститель, обращаясь къ І. Христу, говоритъ:

„Мальчикъ, котораго мы дали бѣдняку, остается безъ миропомазанія: крестимъ-те его“.—„Любезные кумъ и кума (обращаются они къ родителемъ мальчика), если вамъ угодно, мы крестимъ вашего сына“.

*) Учкю—собственно значитъ „безъ ума“; въ Пшаветіи я встрѣтилъ трехъ лицъ съ такимъ прозвищемъ.

— Какъ вы можете у насъ крестить, когда у насъ нѣтъ ни вола, ни коровы?

— „Мы можемъ дать вамъ много добра, если только вы окажетесь достойными нашего благодѣянія“.

Кума за неизмѣнимъ платья прячется за корзину, кумъ же корчится отъ продолжительнаго голоданія.

— „Если вы заслужите нашего вниманія, мы васъ обогатимъ: наполнимъ окрестныя поля и ущелья овцами и коровами“.—Сказали и ушли.

Проходятъ семь лѣтъ, а крестникъ ни разу не видѣлъ еще своего крестнаго отца. Разъ Іоаннъ Креститель говоритъ І. Христу: „отправляйся къ своей кумѣ, посмотри, какъ она тебя приметъ“. І. Христось пошелъ.

— „Къ намъ пожаловалъ дорогой кумъ“,—докладываетъ служанка своей хозяйкѣ.

— Пусть убирается отсюда! Что онъ такъ повадился къ намъ? Ничего хорошаго я отъ него не видала, хотя бы разъ онъ мнѣ принесъ на платье.

— Нѣтъ, уважаемая хозяйка, не говорите этого о немъ. Лучше зарѣжемъ откормленную курицу, разстелемъ дорогіе ковры и примемъ его радушно.

— Молчи, служанка, не позволяй себѣ много! Лучше отнеси ему кусокъ кукурузнаго хлѣба и немного кислаго молока. Если онъ голодень, то и это съѣстъ, а если не хочетъ, то пусть убирается, куда ему угодно.

— „Тебѣ бы лучше повидаться съ кумомъ“,—говоритъ І. Креститель Христу.—„Отъ женщины толку не добьешься“.

Вотъ Христось идетъ навѣстить своего кума.

— Дорогой кумъ, дайте намъ шерсти: немного не достало для носковъ.

Взялъ кумъ и бросилъ горсть шерсти.

— Кумъ, зарѣжь намъ жирную овцу; за одну получишь тысячу.

— Если хорошую вамъ зарѣзать, то хромую для кого прикажете оставить?

Кумъ и кума возсѣли на золотой „тахтъ“ (турецкій или,

лучше сказать, восточный диванъ). — „Разступись земля и скрой ихъ въ своей глубинѣ, этихъ неблагодарныхъ людей! Да обратится, кумъ, твоя борода въ траву, пусть вѣчно косить тебя косарь и пусть трава не истощается! А твоя кровь, кума, обратится въ корень марены, пусть грекъ тебя копаетъ безпрестанно и пускай ты будешь неистощима! А крестнаго сына возьмемъ съ собою, ибо миро священно“...

Поэзія тушинъ распадается на два періода: древнѣйшую — героическую и новую — лирическую. Между этими періодами слѣдуетъ поставить пѣсни историческаго содержанія. Въ героическихъ пѣсняхъ тушины сохранили воспоминаніе объ Амيرانѣ, который предпринимаетъ грозный походъ противъ персовъ, вслѣдствіе отказа испаганскаго владѣтеля выдать за тушинскаго героя дочь свою за мужъ. Амيرانъ пригласилъ двухъ своихъ братьевъ Бадри и Усупи въ Джавахетію; они разбили тамъ втроемъ трехтысячное испаганское войско, похитили дочь шаха и умчали ее на быстромъ конѣ.

Далѣе извѣстны еще героическія пѣсни сложенныя въ честь Торгва, Тилисдже, Ватадже, Гига, Зезва и другихъ героев, которые отличились въ борьбѣ съ лезгинами, кистинцами, чеченцами. Гига воспѣвается какъ охранитель и защитникъ кровной мести. За убійство въ войнѣ своего брата Георгія, Гига уничтожаетъ цѣлый отрядъ лезгинъ и этимъ чувствительнымъ урокомъ ограждаетъ Тушетію отъ повторенія подобныхъ случаевъ вторженія со стороны кистинцевъ и лезгинъ.

Герой Зезва фигурируетъ между прочимъ въ нижеслѣдующемъ сказаніи о взятіи Бахтріонской крѣпости, которое привожу въ изложеніи. Объ этой крѣпости такъ отзывается географъ XVIII в. Вахушти: „Къ востоку отъ рѣки Алазани лежитъ крѣпость Бахтріони. Нѣкогда она представляла собою сильную твердыню, но теперь брошена“. Печальныя развалины этой крѣпости дѣйствительно слабо напоминаютъ о ея минувшей славѣ. А вотъ что рассказываетъ о ней народное преданіе.

Два тушина изъ пирикительцевъ, охотясь за дикими ко-

зами, взошли на небольшую гору, откуда открылась имъ неизвѣстная до того времени роскошная Кахетія съ ея Алазанскою долиною. Видъ восхитительной картины очаровалъ охотниковъ такъ сильно, что они рѣшили немедленно спуститься внизъ, въ Панкисское ущелье. Здѣсь они встрѣчаютъ татарскую стражу на рѣчкѣ Бацарисъ-Цкали. Татары нападаютъ на нихъ, захватываютъ въ плѣнъ и, мало того, надругаются надъ ними самымъ позорнымъ образомъ. Народъ, взволнованный этимъ гнуснымъ поступкомъ своихъ враговъ, разсылаетъ гонцовъ къ пшавамъ и хевсурамъ, призывая ихъ къ мести за позоръ, который весь народъ терпитъ въ лицѣ своихъ собратьевъ. Горцы откликнулись, собрались въ Тушенію пшавы, хевсуры, тушины близъ рѣчки, гдѣ обыкновенно рѣшались дѣла, касающіяся всѣхъ общинъ. Ополченіе раздѣлилось на два отряда: одинъ направился въ Панкисское ущелье, гдѣ и скрылся, другой — къ Бахтріонской крѣпости. Последнему отряду пришлось переправляться черезъ рѣку по мосту, усыпанному золой съ тою цѣлью, чтобы по оставшимся на ней слѣдамъ знать направленіе враговъ. Тушины прибѣгли къ хитрости Виттекинда, подковали лошадей обратно и такимъ образомъ ввели въ заблужденіе татаръ относительно принятаго маршрута. Войско „султана“ погналось за ними, но какъ разъ въ другую сторону. Между тѣмъ отрядъ тушинъ, пшавовъ и хевсуровъ приблизился къ Бахтріонской крѣпости, занятой татарами. Ворота крѣпости были заперты и взять ее не было надежды. Но герой Зеава заранѣе предвидѣлъ это; онъ заготовилъ колья, которые вбилъ въ стѣну, и, взобравшись по нимъ, спустился во внутрь крѣпости ¹⁾. Отворивъ ворота, онъ впустилъ поджидавшихъ соумышленниковъ, а татары, видя ихъ, выбѣжали въ поле. Погнался побѣдоносный отрядъ за татарами, на встрѣчу которымъ шелъ другой отрядъ горцевъ изъ Панкискаго ущелья. Застигнутые въ серединѣ татары всѣ были перебиты, почему Алванское поле и получило названіе

¹⁾ Отсюда онъ получилъ прозваніе *Гаприндаули* (отъ *крен*—летать).

„ганцхветила“ (*ицхета*— истреблять). Хевсуры и пшавы взяли добычу, а тушины получили Алвани. Этимъ объясняетъ народъ происхождение Алвани, какъ общей собственности всѣхъ тушинъ. Самое названіе Алвани ставится въ связь съ грузинскимъ словомъ „али“—пламя, такъ какъ дымились потоки крови татаръ, павшихъ на полѣ брани. По другому народному объясненію имя Алвани происходитъ отъ *ал*—господинъ или госпожа по кистински и *вани*—здѣсь; *ал-вани* значить—„здѣсь есть“, т. е. здѣсь мѣстопребываніе царицы, именно Тамары, о чемъ свидѣлствуютъ развалины крѣпости.

Сохранился разсказъ о подвигѣ героя Зезва и въ пѣснѣ, которой я не считаю уже нужнымъ приводить. Сообщу вамъ этотъ отрывокъ изъ весьма распространенной на Кавказѣ поэмы „Ростомъ“, содержаніе которой я передавалъ въ очеркѣ о пшавахъ и указалъ слѣды ея существованія у мохевцевъ.¹⁾ Уцѣлѣвшій эпизодъ у тушинъ передаетъ тотъ моментъ борьбы Ростомъ съ сыномъ своимъ Зурабомъ, когда послѣдній, пораженный отцомъ, испускаетъ духъ.

— Ты, старецъ, убіенный сѣдинами,
Зачѣмъ вонзилъ ты въ меня свой мечъ до рукоятки!
Куда ты уйдешь отъ мести отца моего Ростомъ?
— Если ты сынъ Ростомъ, у тебя будетъ знакъ на
тѣлѣ.

О, горе! Сынъ мой, Зурабъ, ты убитъ рукой отца!
Не моя вина, виновата твоя мать.
Кто повѣритъ женщинѣ, да лишится могилы!

Въ историческихъ пѣсняхъ воспѣвается царица Тамара и царь Иракій II. Въ уста Тамары влагаются грустное размышленіе о томъ, что она, при всей своей земной славѣ, не смотря на то, что побѣдоносно пронеслась отъ Испани до Константинополя, наложила дань на Турцію и Персію и была грозною повелительницею полъ-міра,—все таки унесла

¹⁾ См. „Сборн. матеріаловъ по этнографіи“, изд. подъ ред. В. Ф. Миллера (Москва 1888), кн. III, стр. 94.

съ собою въ вѣчную жизнь лишь семь аршинъ грубаго холста. При этомъ вспоминается изреченіе мудраго Соломона, который, изобразивъ тщетную борьбу человѣка на землѣ, восклицаетъ съ чувствомъ безгравичнаго отвращенія отъ свѣта: „все суета!“ Въ другой пѣснѣ воспѣвается царь Ираклій II, который навелъ такой ужасъ на лезгинъ и кистинцевъ, что они вынуждены были скрыться въ горы и надолго отказаться отъ разграбленія тушинскихъ стадъ.

Съ неменьшимъ успѣхомъ онъ управлялся и съ турками:

Ираклій, Карталинскій повелитель,
 Божьей волею взялся за мечъ.
 Загремѣлъ въ барабаны, заигралъ въ свирѣли
 И собралъ сильный отрядъ.
 Соорудивъ желѣзныя телѣги,
 Онъ наполнилъ ихъ оружіемъ;
 На рѣкахъ мосты построилъ.
 Разрушивъ турецкій городъ до основанія,
 Ираклій взялъ много добычи.

Въ трудныя минуты, подъ натискомъ врага, всегда вспоминали тушины этого героя-царя, сожалѣя, что онъ не придетъ заступиться за нихъ, и придавая себѣ храбрости однимъ воспоминаніемъ о немъ:

Возстань, проснись, герой героев!
 Вѣдь ужъ слышится крикъ враговъ:
 Пусть не застанутъ они насъ безпомощными:
 Начнемъ-те ихъ разить, какъ прежде разили!..
 Но мы видимъ, что ты медлишь,
 И намъ не вернуться домой!..
 Поле и площадь усыпаны жемчугомъ,
 И онъ собирается тѣмъ, кто совершилъ подвигъ;
 Но горе измѣннику отечества на томъ свѣтѣ:
 Будетъ онъ брошенъ въ огонь неугасаемый!

Послѣ смерти Ираклія не только Тушетія, но и вся Грузія сдѣлалась ареной кровавыхъ сценъ. „Пали желѣзныя врата, погибъ тушинъ, умеръ царь Ираклій—неуязвимая твердыня

безопасности Грузіи!⁴ Царица убивается надъ безжизненнымъ трупомъ супруга; она призываетъ тушинъ, вѣрныхъ воиновъ Ираклія, противъ враговъ, уже разсуждающихъ надъ свѣжей могилой царя, кому овладѣть престоломъ. Видно, что пѣсня эта сложена женщиной, потому что она оканчивается такимъ восклицаніемъ: „О, если бы я была мужчиной, то одѣлась бы въ кольчугу и первая вонзила бы кинжалъ въ сердце ненавистнаго врага!“

Такимъ энтузіазмомъ проникается слабая натура женщины въ предчувствіи позора, ожидающаго Грузію. Не даромъ женщина служитъ предметомъ поэтического воодушевленія тушинъ и воспѣвается какъ хранительница завѣта предковъ, съ презрительнымъ укоромъ обращающаяся къ самимъ же тушинамъ, потерявшимъ прежній отважный геройскій духъ, Если теперешній мужчина уже не тотъ безстрашный воинъ, о которомъ прежде мечтала тушинка, за то она та-же скромная и вѣрная супруга со всѣми качествами, которыми тушинъ чрезвычайно дорожитъ. Онъ воспѣваетъ ея черные глаза, черныя кудри, и, по своей любви къ фигуральнымъ выраженіямъ, сравниваетъ ея носъ съ тонкой свирѣлью, нѣжныя губки — съ кожицей лука, зубы — съ правильно расположеннымъ бисеромъ, а слезы на розовыхъ ланитахъ уподобляетъ паденію звѣздъ съ небесной высоты.

Или вотъ еще подобнаго же рода образныя восхваленія:

Скажи мнѣ, дѣвушка, чья ты?
 Твои глаза напоминаютъ ежевику;
 Лобъ походить на луну,
 Появившуюся среди темной ночи;
 Лицо же твое подобно утреннему солнцу,
 А ростъ тростнику, растущему при морѣ.

Любовью этой красавицы тушинъ очень дорожитъ и всякая случайная помѣха или интриги злого разлучника повергаютъ его въ уныніе или въ озлобленіе.

Полубилъ я дѣвицу-красавицу,
 Но меня постигло несчастье:

Просилъ ея руки, и мнѣ отказали,
 Злой разлучникъ сталъ между нами.
 Уймись, недругъ, перестань враждовать,
 Укроти свой змѣиный языкъ!
 Вѣдь ты виновникъ нашего разлада.
 Тяжкій же грѣхъ ты взялъ на себя!

Желалъ бы я быть ястребомъ
 И подняться на высокой утесъ.
 Кабы догнать мнѣ твоего похитителя
 И увидѣть, на чьей рукѣ ты ляжешь!..
 Я повѣдаю тебѣ свои мысли,
 Если ты отзовешься на стонъ моего сердца:
 Я уже покидаю этотъ край,
 Иду въ триалеты (горы) за овцами.
 Хоть тогда поплачь обо мнѣ,
 Когда насыплють надо мною могилу.

Съ своей стороны за измѣну разъ избранной подругѣ тушинъ самъ надъ собою произноситъ неумолимое проклятіе „Твоего измѣнника, — говоритъ онъ красавицѣ въ пѣснѣ, — пусть караетъ всевышній Богъ, пусть буря-ураганъ застигнетъ на безлюдномъ „салбухскомъ“ полѣ и раздробится на куски поднятый на врага сверкающій кинжалъ!“⁴ Тушинъ не знаетъ болѣе страшнаго проклятія. Требуя отъ женщины постоянства, онъ и самъ себя обязываетъ остаться неизмѣннымъ другомъ своей возлюбленной.

Этотъ лирическій мотивъ остается господствующимъ въ современной тушинской поэзіи. Могучій родникъ поэтическаго творчества тушинъ, дающаго свѣжія, яркія картины жизни и природы, разливадается въ современной поэзіи лишь тремя струями: унылой струею недовольства, упоительнымъ потокомъ любви и освѣжающимъ ручьемъ добродушнаго гостепріимства.

А. Хахановъ.

Очеркъ вѣрованій крестьянъ Елатомскаго уѣзда,

ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ.

Зарѣчная часть Елатомскаго уѣзда—самый захолустный уголокъ Тамбовской губерніи. Вдали отъ водныхъ и сухопутныхъ дорогъ, раскинувшись по низовью межъ Окой и Мокшей, онъ живетъ какимъ-то обособленнымъ, замкнутымъ міромъ. Городская культура его не коснулась, даже торговые пункты базары и ярмарки,—эти обычные проводники цивилизації, не оказали здѣсь сильнаго вліянія. Вѣрные традиціямъ, крестьяне твердо держатся завѣтовъ старины, ревниво оберегаютъ вѣковые устои отъ волнъ „новшества“.

Смѣются надъ ними заѣзжіе торговцы, ругаютъ „пеньками“, да горя мало зарѣчникамъ: „Мы не купцы,—говорятъ они,—и не баре, а православные христіане: живемъ по маленьку, по черному, какъ отцы наши жили и намъ приказали“...

Зарѣчники всѣ коренные великороссы—земледѣльцы по происхожденію, почти всѣ православные. Рѣдко-рѣдко попадется гдѣ село татарское или деревушка раскольничья, и тѣ стоятъ какъ-то особо, ни малѣйшихъ признаковъ общенія: „не ладно знаться люду православному съ поганымъ татаринимъ, не слѣдъ водить хлѣба-соли и съ еретикомъ старовѣромъ“...

Православными зовутъ себя зарѣчники, въ церковь ходятъ и молебны усердно служатъ, а много еще удержали языческаго и въ обрядахъ, и въ вѣрованіяхъ, и въ самыхъ религіозныхъ воззрѣніяхъ. Это ихъ самое дорогое, самое заветное наслѣдіе, которое они хранятъ въ оболочкѣ христіанства. Зарѣчникъ гордится своимъ „православіемъ“, носитъ крестъ съ распятіемъ, а порой не скажемъ вамъ, кто рас-

пять на этомъ крестѣ, и привѣшиваетъ къ нему десятки „ладонокъ“ съ наговорами и заклятіями; онъ исполняетъ христіанскіе обряды, но дорожитъ ими только какъ высшей необходимостью, которой не сознаетъ и не понимаетъ, но которую боится нарушить изъ страха предъ судомъ Божьимъ.

Заболѣла у мужика жена или дѣти—онъ перепробуетъ сначала тѣмъ суевѣрныхъ средствъ, понабѣгаетъ къ разнымъ колдунамъ и знахаркамъ, а потомъ ужъ поплетется къ „попу“ причастить больныхъ во здравіе. Случилась крупная бѣда на селѣ—повальная болѣзнь или падежь скота,—цѣлое общество встаетъ, какъ одинъ человекъ, и въ виду причта совершаетъ длинную процедуру опахиваній, заклинаній и другихъ языческихъ обрядовъ.

Духовно-созерцательная жизнь крестьянъ осталась почти прежняя—языческая; съ нею вмѣстѣ удержалась и старая религія, обновленная больше формами, чѣмъ содержаніемъ. Если и проникли новыя идеи христіанства, то онѣ неправильно поняты, и церковныя преданія только перемѣшались съ языческими формами, сообщивъ имъ большую силу переживанія.

Начнемъ съ представленія крестьянъ о сотвореніи міра, о судьбѣ, о добромъ и зломъ духѣ.

Было два царства: царство тьмы и царство свѣта. Первое было на землѣ; сидѣлъ въ немъ сильный и богатый царь Сатанаилъ. Второе было на небѣ, гдѣ былъ воздвигнутъ тронъ Бога. Богъ былъ добрый, искренне и отъ души любилъ Сатанаила. Сатанаилъ былъ злой, коварень, завидовалъ Богу и ненавидѣлъ его.

Разъ заспорили они между собою, кто изъ нихъ *сильнѣе*, кто поборетъ другого.

Сѣлъ Богъ на свѣтлый тронъ свой и велѣлъ сдвинуть себя съ мѣста. Какъ ни старался Сатанаилъ—ничего не подблалъ: съ какого боку ни подойдетъ, мѣшаетъ ему тронъ схватить Бога: глаза ослѣпляетъ, руки жжетъ.

— „Гдѣ-жъ тебѣ побороть меня!“—сказалъ Богъ, схватилъ его и бросилъ на сырую землю.

По колѣна ушелъ Сатанаилъ, но еще сильнѣе сталъ отъ

этого. Пуще прежняго озлобился на Бога и сталъ придумывать, чѣмъ бы побѣдить и превзойти его.

— „Дивай теперь поспоримъ, кто кого *хитрей*“,—сказалъ онъ, прилетѣвъ опять къ Богу. Господь опять согласился.

— Двое насъ съ тобой во всемъ бѣломъ свѣтѣ,—обратился онъ къ Сатанайлу: сотвори третьяго!..

Сатанайлъ спустился на землю, досталъ кусокъ глины и давай лѣпить фигуру по образу Бога. Слѣпилъ—и не разгадать! только не двигается..

— Что-жъ ты сдѣлалъ?—сказалъ Богъ, дунулъ—и фигура разсыпалась.

Какъ Сатанайлъ ни ухитрялся, никакъ не могъ изобрѣсти душу и оживить ею человѣка. А Богъ только коснулся фигуры, и она стала живымъ человѣкомъ.

— „Ну-на еще!“—продолжалъ Сатанайлъ.

Богъ взялъ оставшійся кусочекъ глины, дунулъ на него—и рядомъ стало другое существо, во всемъ подобное первому, только еще бѣлѣй, еще краше. Взялъ ихъ Богъ за руки, и пошли они съ нимъ въ сады райскіе и заплѣли квалу Богу. А Сатанайлъ скрежеталъ зубами отъ злобы и придумывалъ новыя хитрости.

Лишь только стемнѣло и опочилъ Господь въ своемъ небесномъ ложѣ, пробрался Сатанайлъ къ садамъ райскимъ и рѣшилъ похитить оттуда новосозданныхъ людей. Только не пускаетъ его ограда райская: какъ тронъ небесный, жжетъ тѣло, глаза ослѣпляетъ. Видитъ Сатанайлъ, что не перелѣзтъ ему чрезъ ограду райскую, и сталъ манить къ себѣ первыхъ людей. Не выдержали они, перелѣзли черезъ ограду и очутились во власти Сатанайла. Посадилъ онъ ихъ на могучія крылья и унесъ въ свое царство на землю.

Утромъ проснулся Господь и узналъ продолку Сатанайла. Взялъ чудесный жезлъ свой, махнулъ имъ—и его окружили многіе милліоны небснаго воинства—больше, чѣмъ звѣздъ на небѣ. Далъ имъ Богъ мечи огненные и повелъ на землю. Видитъ Сатанайлъ, дѣло плохо; свиснулъ — и сотворилъ демоновъ больше, чѣмъ песку въ морѣ. Зашумѣла сила

черная и понеслась на Господа. 77 дней сражались въ воздухъ, земля стонала, небо колебалось. Наконецъ Богъ побѣдилъ Сатанаила: упалъ онъ и провалился въ тартары со всей своей силой демонскою.

Пошелъ Богъ искать своихъ людей и нашелъ ихъ средь бурнаго океана на высокому острову, между мрачными развалинами дворца Сатанаилова. Плакали первые люди, просили прощенія у Бога и умоляли о возвратѣ на небо. Простилъ ихъ Господь, но къ себѣ не взялъ, а покинулъ на землѣ. Предварительно онъ научилъ ихъ труду, внушилъ понятіе добра и зла и затѣмъ, собравъ всю силу небесную, поднялся на небо.

Съ той поры и пошла борьба добра со зломъ.

Въ знаменіе побѣды надъ Сатанаиломъ Богъ повѣсилъ надъ землею свой огненный мечъ, который бы разсвѣвалъ съ земли силу бѣсовскую. Свѣтитъ этотъ мечъ-солнце, и молчитъ рать Сатанаилова, сидитъ во тьмѣ кромѣшной; настанетъ ночь надъ землею—и сила бѣсовская опять повылѣзетъ и начнетъ соблазнять человѣка. Такъ и пошло отъ него злое грѣховное сѣмя. Богъ благословляетъ его—шлетъ чистыя души на землю, а чортъ оскверняетъ ихъ въ грѣховномъ тѣлѣ, подчиняетъ земнымъ страстямъ духъ небесный.

Долго терпѣлъ Господь, наконецъ потопомъ рѣшилъ уничтожить нечестивое племя. Разверзлись облака небесныя, полилъ дождь на землю и затопилъ всѣхъ, кромѣ праведниковъ.

Пошло новое племя; Богъ сотворилъ для него добрыхъ, услужливыхъ животныхъ, насадилъ цѣлебныхъ травъ и растений. Только и тутъ Сатанаилъ сталъ учинять пакости Богу. Разсвѣаетъ Богъ днемъ доброе сѣмя, а Сатанаилъ разбрасаетъ ночью плевелы: среди растений—всевозможные яды, среди животныхъ—хищныхъ, плотоядныхъ звѣрей. Землю послѣ потопа Богъ обратилъ было въ плодородную равнину,—Сатанаилъ изрылъ ее пропастями и оврагами, понадѣлалъ горъ, разбрасалъ камни по землѣ. Скоро дошла очередь и до человѣка.

Явился Сатанаилъ прямо къ Богу и сталъ просить у него человѣка на испытаніе, заспорилъ, что опять совертять его праведниковъ. Богъ согласился, приставилъ каждому человѣку по ангелу-хранителю, заповѣдалъ ему любовь къ себѣ и на всегда отлетѣть отъ земли. Сатанаилъ приставилъ къ человѣку своего демона-соблазнителя, а самъ ушелъ въ свое царство—тартары.

И снова возгорѣлась борьба двухъ силъ надъ человѣкомъ, только ни Богъ, ни Сатанаилъ на землю сами не сходятъ. Послѣдній разъ сойдутъ они во время свѣтопреставленія, раздѣлять межъ собой праведниковъ и грѣшниковъ: кого будетъ больше, того и верхъ будетъ.

А человѣкъ все больше и больше поддается дьяволу. Ангелы отлетаютъ на небо, а какъ отлетать всѣ—тутъ и конецъ міру. Выйдетъ Сатанаилъ изъ кромѣшнаго царства и возсядетъ на землѣ, на прежнемъ своемъ сѣдалищѣ. Только не долго, всего три дня попуститъ Богъ господствовать ему на землѣ. Сниметъ опять огненный мечъ свой и поразитъ всю силу бѣсовскую...

Таковы рассказы о началѣ міра, записанные мною въ болѣе или менѣе заолустныхъ уголкахъ Елатомскаго уѣзда.

Есть и другія варіаціи, позднѣйшаго происхожденія, съ преобладаніемъ христіанскаго элемента. Такія встрѣчаются больше по селамъ, гдѣ народъ чаще сталкивается съ причтомъ, больше имѣетъ возможности ознакомиться съ подлинными преданіями церкви. Въ этихъ рассказахъ старыя мнѣя приравливаются къ позднѣйшимъ христіанскимъ возрѣніямъ, соединяются съ ними грубо, неосмысленно, и происходитъ рѣзкое смѣшеніе чуждыхъ другъ другу формъ, чуждыхъ понятій. Не вдаваясь въ подробности самыхъ рассказовъ, отмѣчу только нѣкоторыя данныя, какъ примѣръ робкаго опыта постепенно согласить новыя христіанскія представленія съ живучими остатками язычества. Сначала въ борьбу двухъ силъ вводится личность Христа, затѣмъ Святъ-Духъ. Это таинственное „умоленное“ существо вмѣстѣ съ Христомъ требуетъ отъ земнаго царя своей законной дани; но тотъ обманываетъ его:

удѣляетъ ему живыхъ людей, а за собой удерживаетъ власть надъ душами мертвыхъ. И Христа и Святъ-Духа, какъ идеаль добра, народъ и отличаетъ пока только одной этой идеей добра; чортъ по прежнему силенъ, остался прежнимъ половинщикомъ Бога. Затѣмъ постепенно въ варианты вводится борьба трехъ силъ: Христа, Святъ-Духа и Бога противъ одного дьявола. Въ результатъ дьяволъ побѣжденъ и прикованъ къ цѣпи чрезъ посредство Христа и неизвѣстнаго таинственнаго человѣка.

Едва ли доказываютъ всѣ эти варианты, чтобы содержаніе религиозныхъ представленій народа существенно измѣнилось, и чтобы произошелъ крупный поворотъ отъ язычества къ христіанству. Категорическій отвѣтъ въ данномъ случаѣ, по моему невозможно. Здѣсь обозначилось только одно переходное состояніе. Новая религія обаятельна опредѣленнымъ выраженіемъ идеи высшаго добра. смѣлымъ проклятіемъ злой силъ,—обаятельна, но далеко не такъ понятна, и страшно сдѣлать прямо къ ней рѣзкій шагъ отъ язычества. Крестьянинъ не найдетъ пока опредѣленныхъ границъ между старымъ и новымъ представленіемъ, мѣшаетъ ихъ содержаніе, мѣшаетъ формы. Идея высшаго добра была и раньше; и прежде онъ стремился къ ней, ненавидя и проклиная въ душѣ идеаль отрицательный. Самая суть—распредѣленіе ихъ власти на землѣ, взаимныя отношенія другъ къ другу и подчиненіе Богу всего видимаго—только въ робкомъ зародышѣ... еще на устахъ народа, но не выговорены. Сатана остался прежнимъ царемъ тьмы, правда, не такимъ сильнымъ соперникомъ Бога, но царемъ все же самостоятельнымъ и въ мірѣ зла по прежнему обособленнымъ.

— „Бога люби, а чорта не дразни“, т. е. уважай въ немъ силу, всегда враждебную и гибельную для человѣка. Былъ же пустыльникъ, старецъ твердой воли и крѣпкой любви къ Богу, но совращенъ Сатаной оттого, что трижды плевалъ на него каждый разъ послѣ молитвы. Жилъ онъ нѣсколько лѣтъ въ тиши и уединеніи лѣсовъ. За подвижническую жизнь Богъ уготовалъ ему лоно рай, испосылалъ

ангеловъ къ нему въ пещеру—и вдругъ дьяволъ жестоко насмѣялся надъ подвижникомъ: авидся въ образѣ дѣвы, соблазнилъ и вмѣсто уготованнаго рая бросилъ на муки ада...

Итакъ, люби и бойся Бога, но трепещи и чорта, коли страшны тебѣ муки ада!.. Таково пока религіозное убѣжденіе крестьянъ, такимъ выглядываетъ оно и въ ихъ представленіяхъ. Имя чорта унижается церковью, онъ громогласно проклинается ею, но то церковь!.. Зарѣчникъ слушаетъ все это въ ея стѣнахъ, но вышелъ—и самъ всѣми силами постарается забыть слышанное. Страшно повторить въ душѣ униженіе чорта: подслушаетъ „недобрый“ и жестоко отплатитъ дерзкому. Коли святыхъ отнимаетъ у Бога, гдѣжь тутъ устоять противъ него грѣшнымъ! Попу хорошо учить: „не бойся“; онъ крестомъ божимъ покрытъ, а мы что! Сказалъ лишнее слово и угодилъ въ преисподнюю.

Отсюда невольно развился, окрѣпъ и робко удерживается до сихъ поръ культъ злой силы на ряду съ почитаніемъ единаго христіанскаго Бога. Прямого культа, т. е. почитанія и боготворенія злой силы, собственно говоря, нѣтъ. Идеаль отношеній къ „нечистому“ носить скорѣе всего безразличный характеръ: не раздражать его, поминая его имя, не плевать въ его сторону (лѣвую)—и только.

Но межъ идеальными силами добра и зла есть еще, такъ сказать, силы промежуточные: близкія къ Богу—ангелы съ небесными обитателями, и близкія къ чорту—разсѣянная по землѣ нечистая сила, его земные пособники. Ангелы—заботятся о человѣкѣ, но надо быть осторожнымъ, уважать, сколько можно, нечистъ — земныхъ агентовъ преисподней, которые только и ищутъ случая перетянуть на свою сторону человѣка. Таковъ имъ завѣтъ отъ царя преисподней; таковы и ихъ собственные интересы, во имя которыхъ они трудятся. Видитъ злая сила пламенный мечъ на небѣ и помянуть, что въ концѣ міра онъ сразитъ ихъ, если ихъ вождь Антихристъ окажется слабѣ грѣшниками, чѣмъ Богъ праведниками.

Нечисть разсѣяна повсюду. Земля грѣшна и грѣшнаго на ней больше, чѣмъ святаго, божескаго. Всюду злое сѣмя дьявола: и въ царствѣ растительномъ и въ царствѣ животномъ; стихіи есть и злыя и добрыя,—все въ природѣ попадамъ межъ царями-половинщиками. И все это почитай, не погрѣшая противъ Бога, не раздражая и чорта. Такой дуализмъ въ задачѣ и сталъ прямымъ виновникомъ дуализма въ представленіяхъ христіанина. Его религія велитъ ему смѣло проклинать чорта во имя любви къ Богу, но онъ рѣшится скорѣе отступить шагъ назадъ къ старымъ представленіямъ, чѣмъ повторить за церковью слово презрѣнія тому, кого онъ привыкъ страшиться, какъ силы почти равносильной съ Богомъ. Отсюда становится понятнымъ, что между тѣмъ, какъ культъ доброй силы ослабъ отъ сліянія съ положительными идеалами христіанства, культъ злой силы удержался, не смотря на разрушительныя для него идеи новой религіи.

Разсмотримъ признаки и проявленія того и другого культа. Чистыхъ стихій двѣ: огонь и вода. Культъ ихъ, пожалуй, живъ, даже распространенъ, по поблѣднѣмъ и видоизмѣнился до неузнаваемости.

Огонь—стихія всецѣльная, всеочищающая. Отъ нея и злой духъ бѣжитъ и все нечистое очищается. Пастухи въ табунѣ разводятъ ночью костеръ и вполнѣ покойны среди самаго нечистаго мѣста: не посмѣетъ подойти къ огню злая сила, не посмѣетъ тронуть человѣка. Нечистое животное свинья: и людей ѣсть, и оборотнемъ бываетъ; но опалить ее на огнѣ — и она станетъ самымъ чистымъ. Заболѣетъ кто-нибудь — первое средство—„вспрыснуть съ уголька“, растереть на заслонѣ, покатать въ золѣ и т. п. Родилось дитя „неправое“ — мать спѣшитъ въ дѣсь, разыскиваетъ тамъ обожженное молніей дупло и сажаетъ туда дитя въ полной надеждѣ на его спасеніе.

Культъ языческаго бога-громовника повсюду почти перешедшій въ христіанское почитаніе Ильи великаго, до сихъ поръ еще носитъ здѣсь нѣкоторые слѣды язычества. Въ с.

Мамышевѣ, Пенькахъ и другихъ глухихъ селахъ считаютъ рискованнымъ хорониться отъ грозы близъ церкви, а спѣшать въ избу, поближе къ очагу. Стрѣльба изъ ружья считается у нѣкоторыхъ чѣмъ-то ужаснымъ, могущимъ вызвать отвѣтный громъ на небѣ. Кузнецъ, ближе всего стоящій къ стихіи огня, фигурируетъ въ сказаніяхъ, какъ ненавистный и неуязвимый для злой силы человекъ. По однимъ рассказамъ, онъ отказался ковать чорту оружіе для борьбы съ Богомъ. Силу тотъ создалъ несмѣтную, а ковать не можетъ,—вотъ и обратился къ кузнецу; тотъ отказался, и Богъ далъ зарокъ чертямъ не губить души кузнеца. По другимъ вариантамъ, кузнецъ надѣлалъ громовыхъ стрѣлъ Ильѣ, и угодникъ наградила его той же силой. Есть примѣта, что молнія и ласточка никогда не зажигаютъ кузницы. Сова, какъ „чертова птица“, не смѣетъ садиться даже на дома кузнецовъ.

Культь огня переносится иногда на золу, камни и уголь. Кремьнь и кресало ьсюду, во всѣхъ походеціяхъ охраняють отъ злого духа. Спичками прогонишь ночью только звѣря лѣсного, но не всегда спасешься отъ недобраго: гораздо дѣйствительнѣе и надежнѣе здѣсь огонь отъ кремня съ кресаломъ. Строить хозяинъ новую хату—два-три кирпича вставляетъ въ новую печь изъ старой; отдѣляется членъ семейства—хозяйка спѣшитъ вынести горшечекъ-другой золы изъ старой печи, и чѣмъ больше выгребетъ, тѣмъ больше вынесетъ счастья для новой семьи.

Какъ карательная стихія, огонь самая страшная, самая дѣйствительная и вѣрная сила. Кто плюетъ въ печь — вѣрная сухотка внослѣдствіи. Загорѣлъ хлѣбъ у крестьянина — великій, стало быть, и непростительный грѣхъ на душѣ у хозяина. Задохнулась баба, парившаяся въ печкѣ, — была, значить, колдунья или вѣдма: пришелъ конецъ ея волѣ-долѣ на землѣ. Загорѣлись случайно волосы у священника — нечистъ былъ батька: не ходи впередъ служить такимъ у алтара.

Какъ стихія цѣлебная, огонь является больше въ соединеніи съ *водой*. Дождевая и ключевая вода тоже цѣлебна.

Сверхъ того вода обладаетъ вѣщей силой предсказанія. Съ нею неразрывно связаны святочные и весеннія гаданія и другія повседневныя примѣты. Подойдетъ пѣтухъ къ чашкѣ съ водой, закудахчетъ, глядя въ нее, — выйти дѣвушкѣ замужъ; отойдетъ спокойно — вѣкъ въ дѣвкахъ сидѣть. Потонуть въ водѣ вѣнокъ, воскъ съ волосами новорожденнаго — не жить человѣку на бѣломъ свѣтѣ. Увидалъ свое изображеніе въ водѣ — тоже добру не бывать.

Безусловно чистою вода не считается; въ этомъ ея отличіе отъ огня. „Огня чортъ боится, а въ водѣ селится“, говоритъ пословица. Дождевая вода съ ключевой чисты безусловно, а рѣчная, луговая и особенно озерная могутъ быть оскверняемы присутствіемъ нечистаго. Въ „лужанкахъ“ съ полой водой народная фантазія поселила полувоздушныхъ, полуводяныхъ духовъ въ видѣ красивыхъ мальчиковъ съ розовымъ лицомъ и золотистыми волосами. На зарѣ, когда еще не пробиваются лучи солнца, они купаются и громко плещутся, съ восходомъ солнца постепенно таютъ и уносятся въ высь небесную.

Рѣки тоже нечисты отъ присутствія въ нихъ водяныхъ и русалокъ. Культъ *водяныхъ* довольно распространенъ, особенно въ сосѣднемъ селѣ нашемъ Саврѣ-Мамышевѣ, гдѣ всѣ почти занимаются рыбнымъ промысломъ. Нерѣдко случилось ѣздить съ ними и бесѣдовать объ этомъ предметѣ. Въ водяныхъ вѣрятъ такъ же, какъ въ свое собственное существованіе. Передаютъ при этомъ цѣлую массу „бывальщинъ“, „оказій“ и „страховъ“, если выразить свое недовѣріе.

Живутъ водяные въ рѣкахъ, озерахъ, болотахъ, всегда на значительной глубинѣ подъ колодникомъ. По водѣ плаваютъ въ видѣ сома, а отдыхать вылѣзаютъ въ полночь старикомъ съ длинной, зеленовато-сѣдой бородой и сосновой плесой. Днемъ вылѣзаютъ рѣдко — Ильи боятся: увидить — и поразить на смерть. Съ самаго чертова побойща гоняется угодникъ за нечистью и усердно избиваетъ, какъ увидить днемъ на поверхности земли. Щадить только тѣхъ, кто усмѣетъ обратиться въ ужа съ короной или въ божью пчелу.

Водяной рѣдко вредитъ людямъ. На ряду со всякой нечистью, удержавшись на землѣ, онъ далъ зарокъ Богу не видѣть свѣта божія, страшиться божьяго имени и не касаться челоуѣка съ православнымъ крестомъ на шеѣ.

Рѣдко вредитъ водяной, но любитъ почетъ отъ людей и мститъ за злыя шутки съ нимъ. Прибыльная и удобная по нашей рѣкѣ (Мокшѣ) ловля съ подсвѣтомъ совершенно не практикуется рыбаками изъ суевѣрнаго страха, чтобы не раздражить водяного. „Вонъ былъ,—разсказывали мнѣ,— Ѳомка у насъ. На что бы, кажись, удалѣе! И съ водянымъ ладилъ: нырнетъ, бывало, въ самую глубь за полуштофъ. А поѣхалъ разъ съ подсвѣтомъ—лодку одну только и прибило съ шапкой“. Глубоко неводъ пускать тоже не хорошо: опять обезпокоишь, раздражишь водяного; попадетъ нарочно въ матню, прорветъ и уведетъ за собой всю рыбу.

Водяной—существо благодушное, но такъ распалится порой, что испугаетъ на смерть. Ёдешь въ лодкѣ—все ничего: и тихо, и волны нѣтъ. Вдругъ поднимается корма на цѣлый аршинъ отъ воды; раздается хохоть, плескъ волны—и снова все тихо. Лодка опала, опять ничего нѣтъ. Крестится изумленный рыбакъ, а водяной вынырнетъ гдѣ-нибудь вдали, махнетъ разъ-другой плесой и скроется въ пучинѣ съ тѣмъ же глухимъ хохотомъ. Шутки водяного бываютъ больше съ началомъ весны: радъ бываетъ онъ своему новоселью и особенно часто шутитъ въ это время. Ёдутъ рыбаки по рѣкѣ, вздремнуть по теченію—водяной влѣзетъ незамѣтно въ лодку, оборотится мертвецомъ и лежитъ среди нихъ. Замятять его, сотворять крестное знаменіе—онъ прямо въ воду, только его и видѣли.

Передъ началомъ лова всегда бросаютъ водяному двѣ-три рыбы, крошки хлѣба, посуду съ остатками вина и т. п. Зарыбить по водѣ—сердитъ водяной, брови хмурить, не жи лову хорошаго. Дозоромъ обходить онъ свое водное царство, набредетъ на неводъ и выпуститъ изъ него всю рыбу. Водяной одинъ на всю рѣку. Рыбу перегоняетъ то туда, то

сюда, по собственному усмотрѣнію. Зимой уходитъ изъ воды въ подземное жилище.

Два слова объ этихъ жилищахъ. Находятся они глубоко подъ землей. Ходъ въ нихъ открытъ всегда и для всякой нечисти. Водяной уходитъ туда чрезъ отверстіе въ руслъ; таинственныя отверстія эти бывають во всякомъ озерѣ. Ведуть они прямо въ подземное царство, куда вмѣстѣ съ водянымъ собираются зимой и русалки. Въ царство это попадаютъ иногда и люди: утопленники, затащенные въ полдень русалками. Возврата нѣтъ, если не отслужишь 40 обвѣдѣнъ Зосимѣ и Савватію; тогда только можетъ всплыть покойникъ и можетъ быть похороненъ по христіанскому обряду.

Самъ властитель подземнаго царства рисуется крайне тусклыми неопредѣленными красками. Извѣстно только, что есть у него 111 дочерей всѣ красавцы, но злыя, нечистыя; мучать и всячески тиранить попавшаго къ нимъ человѣка; только одна младшая добрая да привѣтливая.

Ходъ въ подземное царство открытъ съ суши черезъ пропасти, трущобы и разсѣлины; открытъ чрезъ всѣ „неудобныя“ мѣста на землѣ. Неудобныхъ мѣстъ этихъ становится все больше и больше—съ провалами, кладами и оскверненными болотами. Большинство изъ нихъ окружено массою легендарныхъ сказаній о страшныхъ волшебникахъ и разбойникахъ.

На лѣвомъ берегу Мокши, недалеко отъ Пятницкаго Яра находится одно изъ такихъ неудобныхъ мѣстъ—глубокій провалъ, полный мутной воды, съ чащей кустарника по берегамъ. Заѣзжалъ сюда съ своей вольницей славный атаманъ Стенька, жилъ здѣсь долгое время и закопалъ несмѣтныя сокровища; зарыты они были безъ всякаго зарока, и какъ только прокляли Стеньку по смерти—тутъ провалился и кладъ въ преисподнюю. Мѣсто стало нечистымъ: ни рыба тамъ не живетъ, ни птица не садится, а по ночамъ только бѣсенята купаются. Мѣсто это не разъ приходилось мнѣ видѣть. Рыба тамъ, дѣйствительно, не живетъ, потому что вода содержитъ

какія-то примѣси, а птицѣ и садиться негдѣ: всего болота 2 сажени въ діаметрѣ, и то на половину закрыто кустарникомъ. Другое нечистое мѣсто извѣстно близъ Просяныхъ Полянъ — тоже въ видѣ провала, въ кустарникахъ, среди пахатнаго поля. Третье мѣсто между с. Темиревымъ и Саврой Мамышевой—островъ среди озера Иршади. Дна, по рассказамъ, любопытные не доставали, а вмѣсто рыбы хмѣльной рыбаки вытянулъ разъ маленькаго, какъ головешку, бѣса. Интереснѣе другихъ провалъ близъ с. Потапьева, на высокомъ берегу рѣки Пета. Съ отверстіемъ вверху онъ представляетъ обширную, темную пустоту съ отдаленнымъ, едва слышнымъ журчаньемъ водяныхъ жилъ. Сверху былъ, говорятъ, прежде тяжелый желѣзный затворъ съ безконечными внизъ ступеньками; былъ и другой ходъ съ подошвы горы, но со временемъ прососалась вода. Кладъ, схороненный здѣсь, провалился, вода ворвалась съ нижняго входа, размыла стѣнки и сама ушла внизъ, оставивъ за собой безформенную зіяющую пропасть. Все это мѣста нечистыя, недобрыя, изъ коихъ будетъ вылетать передъ концомъ свѣта рать Сатанайлова.

Но не одни поганыя, нечистыя мѣста въ окрестности: есть и озеро святое. и болото священное. Святое озеро расположено на лѣвомъ берегу рѣки Мокши, близъ рыбной пристани Шуруйватаги. Святымъ названо потому, что здѣсь ушелъ въ землю какой-то чудный храмъ. Праведники видятъ на Святую его отображеніе, другіе болѣе тонкіе наблюдатели могутъ разглядѣть молящихся, слышать неземное, сладкое пѣніе. Священное болото, скорѣе родникъ, находится въ полуверстѣ отъ Темирева. Ключъ освященъ явленной иконой чудотворца Николая, а около находится священное дерево—орѣшникъ, куда стекаются всѣ болящіе, недужные, одержимыя злымъ духомъ женщины; вѣшаютъ тряпки, пояса, платье, бусы, кладутъ мелкую монету, произносятъ непонятныя слова и быстро убѣгаютъ въ полной увѣренности, что болѣзнь осталась на деревѣ.

Культь третьей природной стихіи—воздуха, въ видѣ *вѣтры*, сравнительно блѣденъ. Вѣтры—существа демоническія, полу-

злые, полудобрыя. Ихъ нѣсколько сестеръ: Буря, Мятель и Вьюга; наибольшимъ между ними злой и неугомонный братъ ихъ Вихрь. Всѣ они сохранили значительную связь съ чортомъ и больше всего вредятъ людямъ. На нихъ катаются злые духи во время свадьбы; они носятъ вѣдьмъ въ Кіевъ, заматаютъ отъ Ильи слѣды нечистыхъ. Живутъ среди скалъ на о. Буянѣ; выпускаются поочередно.

Значительно рельефнѣ другихъ культъ предковъ и умершихъ, олицетворяемыхъ въ русалкахъ и огненныхъ змѣяхъ и особенно домового.

Домовой относится къ разряду самыхъ любимыхъ демоническихъ существъ. По однимъ повѣрїямъ, домовые — это предки рода, проклятые Богомъ на извѣстный срокъ, не принятые землей. На нѣсколько лѣтъ обреченъ домовой въ батраки потомкамъ рода и каждый разъ со смертію главы семейства принимаетъ образъ покойнаго. Живетъ домовой на чердакѣ; кого полюбитъ, тому можетъ подарить шапку-невидимку, сапоги скороходы, рубль неразмѣнный. Въ хозяйствѣ слѣдитъ главнымъ образомъ за лошадьми: любимой масти кормитъ воровскимъ овсомъ, нелюбимыхъ мучитъ: по ночамъ ѣздитъ, кормъ выгребаетъ, въ колоду „заваливаетъ“. Ведетъ отчаянную войну съ полевыми русалками, если онѣ подходятъ близко къ дому, портятъ овощи, обтачиваютъ зерна на загонѣ.

Домовой существо нечистое, невидимое, только осязаемое. Зарокъ ему отъ Бога—не видѣть ни людей, ни свѣта божьяго. Видѣть его поэтому никто не можетъ, а кто увидитъ—умретъ или онѣмѣетъ. Описываютъ его въ видѣ медвѣдя, только съ человѣческой ступней и головой. Какъ родовое демоническое существо, домовой держится далеко не во всѣхъ дворахъ. У насъ, въ Темиревѣ, ихъ насчитываютъ до 10—15—не болѣе.

Домового любятъ: кладутъ печеный хлѣбъ и блины подъ застрѣхи. Только немногіе осмѣливаются раздражать его за непорядки по хозяйству: возьмутъ, напримѣръ, и зажгутъ фонарь у яслей, раскроютъ лапась для свѣта, голову мед-

вѣжью повѣсятъ. Порой, какъ зачахнетъ скотина, кормятъ сѣномъ съ запахомъ ладана: домовый тогда въ конецъ разсердится и бѣжитъ со двора, разоривъ, что можно, въ хозяйствѣ.

Много рассказываютъ про связи домового съ молодыми солдатками и вдовами. Дѣти умираютъ прежде, чѣмъ успѣютъ окрестить ихъ, и живутъ въ подпольѣ, за печкой и печуркой. Часто происходятъ тутъ у домового столкновения съ змѣемъ: только что онъ разсыплется надъ домомъ, ползаетъ черезъ трубу въ хату—домовой бросается на него и происходитъ ожесточенная драка. И не совладать бы никогда змѣю, если-бъ тотъ не зналъ страшнаго зарока домовому: начнетъ палить огнемъ изъ рта, тотъ мигомъ и исчезнетъ.

Держится домовый на чердакѣ только за послѣднее время: не нравятся ему теперь хозяева безхозяйные. Прежде онъ жилъ въ избѣ, лежалъ рядомъ съ хозяиномъ. Для этого пристраивалась всегда (и теперь существуетъ) казенка вдоль печи—мѣсто нечистое: ни хлѣба, ни креста класть нельзя.

Есть основаніе думать, что домовый былъ прежде только чистымъ, добрымъ духомъ любимаго предка; въ разрядъ нечисти попалъ онъ только съ христіанствомъ, съ которымъ создалось, вѣроятно, и сказаніе о предкахъ-грѣшникахъ, проклятыхъ Богомъ.

Говоря о культѣ умершихъ, не могу не упомянуть о такъ называемыхъ „колокольныхъ мертвецахъ“ и „злыхъ еретикахъ“. Тѣ и другіе грѣховные, нечистые люди, коихъ мать сыра земля не принимаетъ. Колокольный мертвецъ обыкновенно изъ колдуновъ, живетъ на колокольныхъ. Найдется смѣльчакъ, пойдетъ „на споръ“ въ полночь, а онъ сидитъ въ углу въ бѣломъ колпакѣ. Сорветъ съ него колпакъ—и намается всю жизнь: до тѣхъ поръ будетъ ходить подъ окно, пока тотъ въ полночь же не надѣнетъ на него колпака; а станетъ надѣвать—тутъ и придушитъ его злой колдунъ.

Что такое „еретицы“—опредѣленно сказать трудно. По рассказамъ большинства, это женщины, заживо продавшія

свою душу чорту, и вотъ скитаются теперь по землѣ, свращая людей съ истинной вѣры. Днемъ ходятъ въ видѣ безобразныхъ, рваныхъ старухъ, къ вечеру собираются въ поганыхъ оврагахъ, а ночью уходятъ въ провалившіяся могилы и спятъ тамъ въ гробахъ нечестивыхъ. Могильные провалы на нашихъ погостахъ встрѣчаются часто, и каждый изъ нихъ считается за вѣрное пребываніе еретицы. Упадешь туда по поясъ—иссохнешь; а увидишь въ ней случайно еретицу—не жить на бѣломъ свѣтѣ.

Умерла—передавали мнѣ въ Темиревѣ—у мужика дочь; позвалъ онъ свата, угостилъ его и попросилъ вырыть могилу. Во хмѣлю свать побрелъ прямо съ лопатой на кладбище. Нашелъ могильный провалъ, опустилса въ него и давай рыть могилу. Лопата стукнула о гробъ, и черезъ гнилой сучокъ онъ увидѣлъ вдругъ глазъ еретицы. Поспѣшно выпрыгнулъ мужикъ и безъ оглядки побѣжалъ домой. Прибѣжалъ, лѣзетъ на печь, а тамъ лежитъ еретица и смотритъ на него тѣмъ-же злымъ глазомъ; тотъ опрометью на дворъ, къ яслямъ, но проклятая еретица и тутъ предупредила его: лежитъ въ ясляхъ и заливаема демонскимъ хохотомъ. Съ той поры и сталъ свать сохнуть-сохнуть. Что ни дѣлали—и молебны Зосимъ съ Савватиемъ служили, и водой святой кропили—ничто не помогло, умеръ свать.

Бродятъ еретицы только весной да поздней осенью. Когда не попадаютъ въ могилу, влѣзаютъ черезъ трубу въ баню, громко плещутся тамъ, скачутъ и пляшутъ подъ свистъ нечисти. Отъ одной изъ такихъ еретицъ родится впоследствии антихристъ.

Таковы въ общемъ вѣрованія елатомскаго зарѣчника. Кругомъ него все живетъ чудесной сверхъестественною жизнью, все живетъ и одухотворяется въ самыхъ причудливыхъ поэтическихъ образахъ.

Какъ на главный опредѣляющій центръ укажу въ заключеніе на представленіе о Буяновомъ царствѣ. Островъ Буянь—центръ сказочнаго эпоса и языческихъ представленій. Къ нему приурочивается все болѣе или менѣе крупное изъ области чу-

десныхъ явленій и сказаній о демоническихъ существахъ. Тамъ царь-дѣвица, тамъ царь морской, хрустальныя и золотыя чертоги великановъ, тамъ дивныя растенія, рѣдкія птицы и животныя—все это тамъ, въ странѣ чудесъ, и живетъ въ одной стройной гармоніи подъ общимъ названіемъ „нечисти“. Все тамъ хорошо и красиво съ виду, но въ то-же время нечисто и поддѣльно; это только яркій блескъ мишурнаго царства зла. Красивыя птицы—либо вѣдьмы, либо закліятыя дѣвы; звѣри—тоже всѣ оборотни, и сама царь-дѣвица, плавающая тамъ невинной бѣлой лебедкой,—ничто иное, какъ злая-презлая колдунья. Все это нечисть и нечисть, которая первая понесетъ съ Сатанайломъ на Господа при концѣ міра, а за ней ужъ и вся та мелочь, что разбросана по землѣ православной ¹⁾).

А. Звонковъ.

¹⁾ Любопытное сказаніе о происхожденіи міра и о вѣчной борьбѣ двухъ началъ сообщаемое г. А. Звонковымъ, принадлежитъ къ очень распространенному въ Европѣ и Азій цыклу космогоническихъ легендъ дуалистическаго типа. См. Этногр. Сборн., 1858, IV, 210—211; Сумцовъ. Апокрифы, Киев. Справ. 1887, VI—VII, стр. 235—246; Reville, Les religions des peuples non civilisés, I, 282; Правосл. Собес., 1861, I, 257—8; Порохиревъ, Апокриф. сказ. по рукоп. Солов. библ., 87; Чубинскій, „Труды“, I, 39—40, 141—144; II, 359; III, 307; Драгомановъ, Мал. пред. 15, 89—91, 429—434; Kolbe, Rokucie, I, 348; III, 81—86; Головацкій, Пѣсни Угор. Руся, II, 5; Основа, 1862, VI, 59—60; Потемня, Объясн. малор. и срод. нар. пѣс., II, 738—740; Пейнъ, Вал. нар. пѣсни, СПб., 1874 428—9; Буслеевъ, Очерки, I, 487 и слѣд.; Аванасьевъ, Поэт. возар., II, 459 слѣд. и Легенды 51, 52, 152; Караджичъ, Српске народne припов. 114; Српске народ. пјесме, II, 81—85; Обштъ трудъ, 1868, II, 73—78; Тихоновъ, Лѣтописи, II, 100; Рус. Бес., 1857, IV; Терещенко. Бытъ рус. нар., V, 44—45; Рачкій, Bogomili, a Patareni, Rad jugoslovenske akad.; X, 252—4; Киев. Ст. 1887, май, 196—7; Эрбенъ, 100 слав. нар. сказ. и повѣрій, Прага, 1865, 143, 144, 287; Nowosielski, Lud. II, 2—7, 108—4; Ив. И. Общ. Люб. Е., А. и Ф., т. III, вып. I, 9, 87, стр. 105; т. XLVIII, вып. 2, стр. 51, 67 и слѣд.; т. LXI, 118—121; Rulikowski, Opis powiatu Wasylkowskiego, Warszawa, 1863, 169—170; Данилевскій, Стора о Господѣ и землѣ, Ист. Вѣст., 1888, XII; 1889, I и т. д.

Палій и Мазепа

ВЪ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ.

Среди тревоги и волненья
На битву взоромъ вдохновенья
Вожди спокойные глядятъ.

Но близъ Московскаго царя
Кто воинъ сей подъ сѣдинами?
Двумя поддержавъ казаками,
Сердечной ревностью горя,
Онъ окомъ опытнымъ героя
Вырастаетъ на волненье боя.
Ужъ на коня не вскочитъ онъ,
Озряхъ, въ изгнаньи сиротѣя,
И казаки на кличъ Палія
Не налетятъ со всѣхъ сторонъ!
Но чтожь его сквернули очи,
И гнѣвомъ, будто мглой ночи,
Покрылось старое чело?
Что возмутить его могло?
Иль онъ сквозь бранный дымъ увидѣлъ
Врага Мазепу, а въ сей мигъ
Свои лѣта чужденавидѣлъ
Обезоруженный старикъ?...

Пушкинъ, „Полтава“.

Легенды о Паліѣ и Мазепѣ записывались и издавались не разъ ¹⁾, но всетаки напечатанное до сихъ поръ далеко не исчерпываетъ всего богатства преданій, ходящихъ въ народѣ, объ этихъ историческихъ лицахъ.

¹⁾ Булишъ, Зап. о Юж. Руса, I, 115—128; Grabowski. O gminnych ukraińskich rodaniach—„Rubon“, Вильно, 1845, VI, 169—174; Киръевскій, Пѣсни, VIII, 206—207; Чубинскій, Несколько народ. истор. пред., Киевъ, 1873, 8—9 (Зап. Юг. Зап. Отд. Геогр. Общ., I, 298); Драгомановъ, Мал. нар. пред. и раск., 201—208; Полит. пісні укр. нар., т. I, вып. 2, 37—46; Комаръ Хмичъ, Коростышовъ, Киевлянинъ, 1868, № 111; Свидницкій, Легенда о Семелѣ Палія, ib. 1870, № 57; Ревякинъ, Семелъ

Народная фантазія, затронутая грандіозными событиями первой четверти XVIII в., для поэтического изображенія этихъ событій взяла многое изъ готоваго запаса раньше созданныхъ сказаній, отлила новое содержаніе въ традиціонныя, установившіяся формы; новыхъ красокъ она почти не создала. Къ основному, исторически вѣрному скелету приростали все новыя и новыя подробности, легендарныя біографіи заинтересовавшихъ народный умъ героевъ все болѣе и болѣе разрастались и обращались въ пеструю мозаику, въ которой переплелось старое и новое, фантастическое и реальное... Этотъ интересный процессъ ²⁾ сложенія позднѣйшихъ народныхъ сказаній создалъ цѣлый рядъ вариантовъ, часто противорѣчащихъ другъ другу. Далеко не всѣ изъ нихъ записаны, такъ что этнографамъ-сборителямъ предстоитъ еще много работы въ этомъ направленіи, и при самыхъ поверхностныхъ поискахъ ихъ ждетъ богатый уловъ... Въ настоящей статьѣ я помѣщаю 4 легенды изъ своего небольшого рукописнаго сборника малорусскихъ народныхъ рассказовъ, записанныхъ мною или для меня, а для полноты очерка, чтобы избавить интересующихся лицъ отъ непріятнаго труда разыскиванія подобныхъ рассказовъ по старымъ, иногда очень рѣдкимъ изданіямъ, я позволяю себѣ перепечатать также нѣкоторые тексты изъ другихъ изданій. При этомъ предварительно, пользуясь удобнымъ случаемъ, выска-

Палій, Основа, 1861, XI—XII, 29—32; Кіев. Стар., 1882, III, 611—2; IX, 579—581; 1888, V, 47—49; Антоновичъ, Послед. врем. казач. на правой стор. Дняпра, Кіевъ, 1868, 61—73 (Архивъ Юг. Зап. Россіи, т. II, ч. III, предислов. 61—73); Черниг. Епарх. Изв., 1868, № 7, ч. неоф., 256—7; Новицкіѣ, Екатериносл. Губ. Вѣд., 1888, № 10; Ж.—іѣ, Черниг. губ. в. 1888, № 11; Мордовцевъ, Новости, 1889, № 66; А. Н. Веселовскіѣ, Мелкія зам. къ был., XII, Журн. М. Н. Пр. 1889, 5; Куляшъ, Укр. нар. пред., М., 1847, отд. I; Кіевлянинъ, 1888, № 34; отчасти Ковчинедъ, Лег. о Петра Великомъ, Черн. Губ. Вѣд., 1888, № 5 (переп. въ Кіевл. и Кіев. Ст. 1889). Великоорусская легенда о Мазепѣ и Петра—Якушкинъ, Сочиненія, СМБ., 1884, письма изъ орлов. губ., 312.

²⁾ О подобномъ процессѣ въ новѣйшихъ пѣсняхъ см. въ моей замѣткѣ: „вариантъ пѣсни о Томиленахъ“ Кіев. Стар., 1887, VI—VII, 585—6.

жу нѣсколько соображеній и укажу нѣкоторыя сближенія по поводу малорусской литературы о Паліѣ, Мазепѣ и Кочубеѣ, этихъ трехъ тѣсно связанныхъ между собою герояхъ старой отшедшей „въ тьму вѣковъ“ Малороссіи...

Для малорусскаго общества конецъ XVII-го и XVIII-ый в. были эпохою сильной ломки. Рушились старыя устои жизни, новыя еще не были найдены. Это была смутная и тяжелая эпоха почти повальнаго грабежа, насилій, быстро развивающейся розни между образованными и „неписьменными“, между привилегированными и „хлопами“,—эпоха общественной безурядицы, которую трудно и представить себѣ теперь. Литература и школа, которыя въ XVI и первой половинѣ XVII вв. находили для себя живительный стимуль въ борьбѣ съ католичествомъ и унией, быстро вырождались; все болѣе и болѣе развивалось схоластическое и мертвенное стихоплетство, которое перешло потомъ въ болѣзнь, охватившую всѣ классы общества, мало-мальски грамотныя. Когда то, по другому случаю, эту болѣзненную страсть я характеризовалъ такими словами: „южно-русская литература XVIII в. необычайно богата всякаго рода пѣтическими произведеніями, въ громадномъ большинствѣ неизданными и обреченными на безслѣдную гибель. Еслибы собрать все то, что по этой части хранится въ общественныхъ и особливо частныхъ библіотекахъ и архивахъ, то составились бы, кажется, не только десятки, но и сотни томовъ. Виршеписаніе—болѣзнь нашихъ предковъ XVIII в. На него убивалась масса времени въ школахъ, оно примѣнялось ко всякому пустѣйшему случаю въ жизни, и не было, можетъ быть, грамотнаго и мало-мальски досужаго человѣка, который не предавался бы этому занятію. Поэзіи во всѣхъ такихъ произведеніяхъ не найдете никакой: пустота содержанія, искусственность построенія, тяжелая форма, убійственный силлабъ.—таковы отличительныя ихъ черты. Съ неприятнымъ чувствомъ берешься за подобную рукопись и съ досадою бросаешь ее

послѣ нѣсколькихъ минутъ чтенія“ ¹⁾. Только въ народной поэзіи, въ обличительныхъ стихотвореніяхъ, праздничныхъ виршахъ и интерлюдіяхъ была свѣжая и здоровая струя, часто подпольная и незамѣтная: бодро и сильно забила она въ новѣйшей литературѣ, съ Котляревскаго.

Для такой литературы измѣна Мазепы и сопряженные съ нею обстоятельства были сущимъ кладомъ—и широкимъ потокомъ полились безконечныя и тоскливыя варіаціи на тему:

Изми мя, Боже, вопіеть Россія,
Отъ ядовита и лукава змія,
Его же ждаша адскія заклепы,
Бывшаго вождя, Ивашки Мазепы.

Тѣ же піиты, которые еще недавно писали „Ивашкѣ Мазепѣ“ подобострастные гимны и панегирики, обрушились на него всею убійственною силой своихъ стихосложеній.

Что въ этомъ случаѣ поэтическое вдохновеніе вызывалъ не одинъ только піитическій зудъ, но и другіе интересы, видно изъ слѣдующихъ фактовъ. Вскорѣ послѣ измѣны Мазепы одинъ поэтъ, не написавшій просто своей фамиліи, а предложившій:

Имя мое; прозвание кто хоцетъ узнати,
Въ дикціяхъ початковыхъ изволь поискати,

послалъ на Высочайшее имя стихотвореніе, приобщенное потомъ къ дѣлу, подъ названіемъ: „псалма новозданна, трубою названна“, съ слѣдующей припиской: „измѣнниковъ Вашего Царскаго Пресвѣтлаго Величества, аще будетъ въ томъ державная воля Ваша, могу всѣхъ ихъ овѣршописати по имени, на вѣчную ихъ отъ всего народа злую память и пагубу“ ²⁾. Въ то время шли дѣятельные розыски о сообщникахъ Мазепы.

¹⁾ Киев. Ст. 1887, VI—VII, 495. Панегарикъ Кочубеязъ (I-ой половины XVIII в.)

²⁾ Чтенія въ Имп. Общ. ист. и древн. рос., 1859, I. Источн. мал. ист. Баятыша—Каменскаго, ч. II, 1709 г., стр. 238—241.

Другой столь же предприимчивый пѣтъ, подноси своему начальнику, полковнику Вас. Вас. Кочубею, сыну казеннаго Мазепой, свой панегирикъ, говоритъ, что „слава и величя“ Василя Леонтьевича и „свѣтлую и знаменитую фамилю“ Кочубеевъ, прославляетъ „собственнѣе честное и доброе имя его Высокородія“, Василя Васильевича, и прибавляетъ: „мнѣ, въ полку вашего высокородія жизнь свою влекущу, не надлежало спокриватися, безвѣстну и *безоамну* быти, но, яко худому рабу, годствовало господина своего себе поврещи стопамъ и достодолжное отдать поклоненіе“ ¹⁾).

Такіе поэты сначала возносили до небесъ Мазепу, крупную, но безнравственную и надѣлавшую много зла Малороссіи фигуру, потомъ поносили его на разные лады отъ имени Россіи, отъ имени олицетворенныхъ истины, правды, мира, отъ своего собственнаго наконецъ—и поносили за измѣну, когда его слѣдовало еще болѣе поносить за тотъ тлетворный духъ, который внесъ онъ въ малорусское общество, дошедшее къ концу XVIII в. почти до полнаго разложенія... Они восхваляли ничтожную и безцвѣтную личность врага Мазепы, Кочубея—и совсѣмъ выпустили изъ виду такую крупную и благородную фигуру, какъ Палій ²⁾).

¹⁾ Панег. Кочуб. I. с., 496, 509

²⁾ Изъ виршей, такъ или иначе говорящихъ или касающихся Мазепы и его измѣны, до сихъ поръ известны слѣдующія: 1) известная пѣсня, приписанная Кочубею Мазепѣ, въ которой „зватное противъ державы и Великаго Государя оказывается протавленіе“: „Вся покою широ прагнуть“ и т. д. Она помѣщена: у Бантыша—Каменскаго, ор. cit. 109—110; Костомарова, Мазепа, 1882, 290—2; Соловьева, Исторія Россіи, т. XV, 317—319; Загребскаго, Старосвѣтскій бандуриста, 49—51; Бантыша—Каменскаго, Истор. Мал., изд. I, т. 3, 196—8; 2) не менѣе известная эпитаѣя Кочубею и Искрѣ: „Кто еси мило идый“ и т. д. Помѣщ.: у Маркевича, Ист. Мал., IV, 1842, 208—9; Максимовича, Соч., т. II, 1877, 218, 241; Костомарова, I. с., 306; Аскоченскаго, Кіевъ съ его древн. учил. акад., 1856, 496; Загребскаго, Опис. Кіева, 1868, т. II, 698; Пушкина, Соч., прил. къ „Подгавѣ“; 3) стихотвореніе на иконѣ въ селѣ Жукахъ—„Въ пеллѣ забвенія все насъ погребаетъ“ и т. д.—Рус. Архивъ, 1875, V, 27—28; Кіев. Стар., 1884, сент., 176—7 и 1888, мартъ, 688—90; 4) „псалма новозданна, 5) стих.

Въ этомъ сказалась рознь и громадная разница во взглядахъ между привилегированными классами и простонародіемъ.

Въ народныхъ легендахъ и пѣсняхъ почти совсѣмъ не упоминается имя Кочубея. Народъ, какъ будто понявшій въ Мазепѣ опаснаго и принципиальнаго противника своимъ интересамъ, проклинаетъ его въ пѣсняхъ за измѣнническое заключеніе и фальшивое обвиненіе Палія, въ легендѣ же придаетъ ему сказочныя черты демоническаго, злобнаго, сверхъестественнаго существа.

Палій—любимый народный герой: для идеализированія его народъ не жалѣетъ красокъ. Онъ представляется убѣжденнымъ и самоотверженнымъ борцомъ за народное дѣло. По словамъ одной изъ пѣсенъ этого цикла, когда Петръ Великій предложилъ Палію „велику плату“ за помощь противъ Мазепы, онъ отвѣчалъ:

Ой не хочу я, великъ свить Государь,
Великой платы браты,
Тилькы не подозволяйте изъ Украины
До вику некрутивъ браты—
Ани некрутивъ, ани подушнаго,
А нійкой платы. ¹⁾

Въ одной изъ сказокъ, изданныхъ Кулишомъ, ²⁾ Петръ, послѣ побѣды надъ Мазепой, говоритъ Палію: „ну, теперь,

Ст. Яворскаго in vituperium Мазерае: „Изви ми, Боже,“ и т. д.—К. Ст. 1885, сент., 173—175; 1883, июль, 596—8; Ригельманъ, Лѣтоп. повѣст., 1847, 54—55; 6) панегирикъ Ѡ. Прокоповича по поводу полт. поб.—Пекарскій, Наука и лит. при Петрѣ В., т. II, 196—200; Крижевскій, Пѣсни, VIII, 252—3; 7) стих. „Орле палачи“, „Орле російскій“, „Изви ми, Боже“ и „Мазепѣ, напѣвнику Закарпатскому и Вираинскому“—Крижевскій I. с. 243—251 (послѣд. у Головацкаго, Пѣсни Уг. Руси ч. I, 85—86); 8) изд. введ. „Панегирикъ“ I. с. 495—509 См. еще Петровъ, Оч. изъ ист. угр. лит. XVIII в., 8, 18; „Основа“ 1861, V, 45—48; Киев. Епарх. Вѣд. 1865, 18; Труды Киевск. Дух. Акад., 1872, 6; „Воля Мазепы“, К. Ст. 1884, XII и слѣд.; Петровъ, Разговоръ Велик. и Малор., Киев. Ст., 1862, II, 313 слѣд. (дополн. VII, 137 слѣд.) и т. д.

¹⁾ Полит. пісні, ч. I, вми. I, стр. XII; вми. II, 12, 14.

²⁾ Зап. о Юж. Руси, I, 128.

Палію Семене, чога ты одъ мене хочешъ? чы велького панства, чы золота, чы що? А винъ каже: „що жъ, царю? я буду просить тебе объ одну ричъ: подаруй мини!“—„Що таке? кажи!“—„Не плюндруй“, каже, „Гетьманщины“—„Ну“, каже, „добре: для тебе дарую“.

Въ другой сказкѣ ¹⁾ Петръ, вызвавъ Палія изъ Сибири, говорить ему: „колы ты звоюешъ Мазепу, просы у мене, що завгодно, хочъ повцарства!“ Палій отвѣтилъ: „ничого мени, ваше царское вельчество, не треба, а отъ зведить тилькы, щобъ дитей бильше лавамы не выбывалы“ (подобныя звѣрства были при разграбленіи Меньшиковымъ Батурина).

Причину ненависти Мазепы къ Палію народъ себѣ объясняетъ такъ: „Мазепа за те хотивъ стратыты Палія, що народъ звавъ ёго козацькимъ батькомъ, а народъ звавъ Палія козацькимъ батькомъ и дуже любывъ за те, що винъ оборонявъ народъ одъ панивъ и одъ усихъ, хто хотивъ ёго зобидыты“ ²⁾

Вслѣдствіе этого понятно, что къ Палію была примѣнена ³⁾ начальная строфа извѣстной задушевной малорусской пѣсни о Морозенкѣ:

Ой ты, Семене, Семене Палію,
Ты преславный козаче,
За тобою, Семене Палію,
Та вся Украина плаче...

Какъ я уже сказалъ выше, искусственная поэзія не воспѣвала Палія. Только въ одномъ убійственномъ по формѣ, но недурномъ по мысли и содержанию произведеніи—„Разговоръ Великороссіи съ Малороссіей“ (II-ой полов XVIII в.) ⁴⁾ я встрѣтилъ нѣсколько сочувственныхъ строкъ о Паліѣ

¹⁾ X. Ц. Задунайскія народныя преданія. I. Про Палія и Мазепу. Киев. Ст. 1882, сент., 580.

²⁾ Антоновичъ, Ревякинъ, I. с.; Полит. пісні, II, 44.

³⁾ Полит. пісні, ib., 34; Киев. Ст. 1882, мартъ, 615.

⁴⁾ Петровъ, Разговоръ Великороссіи съ Малороссіей, Киев. Ст. 1882, II, стр. 352—354.

и въ томъ числѣ легенду народнаго, по всей вѣроятности, происхожденія, хотя до сихъ поръ ничего подобнаго не удалось записать. Я считаю нелишнимъ привести ее здѣсь, такъ какъ она—характерный и *единственный* образчикъ искусственнаго поэтизированья Палія:

Здѣсь и о Палѣю вспомнать не премину,
 Кой гналъ непріятелску партію не одну.

 Очаковъ дважды доставалъ с удачей,
 Бралъ иногда отъ жильцовъ тѣхъ искупъ с наддачей.

 Причемъ однажды такую смѣлость возимѣлъ,
 Что на янычарахъ какъ бы на лошадяхъ сѣлъ
 И такимъ образомъ въ саму крѣпость ввалился,
 Гдѣ сѣдя на самихъ ихъ плечахъ с ними бился
 И янычаръ многое число вырубилъ, збилъ,
 И самого салтана чуть было не плѣнилъ.
 Зачимъ турки, войну ту проклиная страшно,
 Засыпали оную городскую башню,
 Которой янычарми Палѣй в Очаковъ вдрался
 И сидя тогда на ихъ плечахъ с ними жь сражался,
 И понинѣ под самую крѣпостью башня та
 Палѣева зовется, гдѣ туркамъ страсть была.

Пѣсни о Палѣи и Мазепѣ, ¹⁾ въ большинствѣ случаевъ, отличаются строго историческимъ характеромъ, такъ какъ онѣ слагались почти исключительно въ казацкой средѣ, близкой къ событіямъ. Большая часть ихъ воспѣваетъ арестъ

¹⁾ Полит. пісні, т. I, стр. XII—XIII т. II, 1—36; Rulikowski, Zapiski etnograficzne z Ukrainy, Zbiór wiadomości, III, 139—140; Основа, 1862, VIII, 26—27; Лисенко, Збірн. укр. пісень, II, стр. 5; Русская Мысль, 1880, VI, 46—47; Киев. Ст., 1882, мартъ, 612—615. Есть нѣсколько еальсноцированныхъ пѣсень о Палѣи и Мазепѣ—у Срезневскаго, Максимовича, Цертелева, Карпенка („Васильковскій соловей Киевской Украины“, стр. 20—21, 52—53); о нихъ см. въ Полит. пісн. 55—69

Палія,—какъ Мазепа зазвалъ его къ себѣ въ гости, напоилъ пьянымъ и тогда заковалъ его въ кандалы; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ говорится о томъ, какъ Мазепа клеветалъ на Палія, какъ Палія сослали въ Сибирь, возвратили оттуда и какъ онъ участвовалъ въ Полтавской битвѣ:

Ой исъ-пидь рички та исъ-пидь Лыману та витерь по-
вивайе

Тамъ Мазепа Палія Семена на охоту вызывайе:

— „Ой прыбудь, прыбудь, Палію Семене, на охоту до
мене, —

Ой не буде, Палію Семене, тоби кривды одъ мене“.

Ой скоро, скоро Семень Палійенко на подвирья зъйизжайе,

Ой такъ заразы проклятый ²⁾ Мазепа медомъ-выномъ на-
повайе.

Ой скоро, скоро Семень Палійенко меду-вына напывся,

Ой такъ заразы вороному коню та на грыву склонывся.³⁾

Ой якъ крыкнувъ проклятый Мазепа та на свои уланы:

„Возьмитъ, возьмитъ Палія Семена та забудьте въ кайданы!“

Ой забылы Палія Семена, та вкынулы въ темныцю,

Самъ пойхавъ проклятый Мазепа ажъ до цара на сто-
лыпцю.

— „Ой чоломъ, чоломъ, найяснійшій цару, превелькая сыло,

²⁾ Въ другихъ пѣсняхъ. проклятый песъ Мазепа, проклята Мазепа (довольно часто попадаетса такое измѣненіе рода прилагательнаго подъ давленіемъ окончанія существительнаго: напр. Свята Мыкола и т. п.), преврашый Мазепа, вельможный Мазепа, песъ Мазепа и т. д. Въ пословіцахъ народъ, произвиралъ довольно ядко надъ Мазепою („служывъ Москви, Иране, а вона жъ ёго гане“ и „Мазепа въ Полтави подавнвсь галушкою“), признаеть его однако единственнымъ гетманомъ *par excellence* послѣ Хмельницкаго: „одъ Богдана до Ивана не було гетьмана“. См. Н о м е зъ, Укр. прик., присл. и таке ише, СПб., 1864, стр. 14, 15.

³⁾ Нѣчто подобное разсказывается о другомъ малорусскомъ народномъ героѣ Харькѣ, но съ болѣе трагическимъ концомъ. „Бувъ панъ Паволоцькій и зазвавъ до себе у гости Харька и напоивъ ёго виномъ. Винъ якъ напывся, на паньске лажко похылывся, его и забыто“ Чубинскій, *op. cit.*, стр. 8. Разсказъ о Харькѣ могъ повліять отчасти на данный эпизодъ пѣсенъ о Паліѣ, хотя верно этого эпизода и подтверждается историческими свидѣтельствами. Срв. К у л и шъ, Зап. о Юж. Р. I, 95 (Харько), 278 (Гайдамака неживый).

Хоче Палій на (тебе?) шведа пидняты, а Москву въ пень зрубаты⁴.

Ой обизвався Семенъ Палійенко та сыдячы въ темныци:
— „Брешешъ, брешешъ, проклятый Мазепо, та у цара на столыци!“

— „Дозволяюсь, найяснійшій цару,— ёму зъ плечей голову зняты?“

— „Не велю жъ я ёму зъ плечей голову зняты, велю въ Сибирь изослаты⁴.“

Ой ты хмелю, ой ты зелененькій та на тычки не вьесся, А вже Семенъ, Семенъ Палійенко та зъ Мазепою бьется.

Ой якъ крыкнувъ проклятый Мазепа: „та у купу, у купу, Бо наробыть Семенъ Палійенко превелького трупу!“

— „Ой не въ купу, проклятый Мазепо, та не въ купу! Ой терпивъ же я на Сибири превелькую муку!“¹⁾

Или:

Ой уже жъ хмилъ, тонкая хмелына

Коло дерева вьеться:

Уже жъ шведзкій король съ Паліемъ Семеномъ

Пидъ Полтавою бьеться.

Ой уже жъ хмилъ, тонкая хмелына

Зъ тычины похылывся:

Уже жъ шведзкій король Палію Семену

У ниженькы поклонывся²⁾).

Подобныя пѣсни съ яркими и свѣжими историческими красками, вполне отвѣчающія той картинѣ, которую мы можемъ нарисовать на основаніи историческихъ свидѣтельствъ, создавались несомнѣнно во время самыхъ событій или сейчасъ же послѣ нихъ: если внимательно всмотрѣться въ ихъ составъ, то нѣкоторыя изъ нихъ можно приурочить къ опредѣленнымъ годамъ. Затѣмъ, когда новыя событія и время уменьшили яркость и силу впечатлѣній, въ пѣсни начала вкрадываться порча: новыя, иногда противорѣчащія другъ

¹⁾ Полит. пісні, II, 4—5.

²⁾ ib., 13.

другу подробности, замѣна Петра—„царицей“ (Екатериной II?), Мазепы—какими-то безыменными „казаченьками“, Мазепа могъ явиться съ страннымъ эпитетомъ „проклята“, имя Палія ворвалось въ „опришницкія“ пѣсни о Янкѣ ¹⁾). Но всетаки пѣсни устойчивѣе прозаическихъ разсказовъ: въ нихъ являлись небольшіе анахронизмы и неточности при вѣрномъ всетаки общемъ историческомъ фонѣ.

Конечно, въ разгаръ самыхъ событій ходили по Малороссіи устные прозаическіе разсказы, которые все болѣе и болѣе преувеличивались по мѣрѣ того, какъ отдалялись отъ центра событій. Время вносило въ нихъ все болѣе и болѣе измѣненій и наслоеній. Съ другой стороны, сами пѣсни иногда разлагались въ прозу со вставными нѣсколькими стихами, указывающими на происхождение этихъ смѣшанныхъ сказаній, подвергались всѣмъ случайностямъ и искаженіямъ устнаго пересказа и могли входить въ разныя отношенія съ указанными выше разсказами. Такъ создался цѣлый рядъ легендъ, одна фантастичнѣе другой. По тѣмъ стихотворнымъ отрывкамъ, которые попадаютъ въ прозаическихъ разсказахъ, можно думать, что прежде существовали пѣсни этого цикла не объ одномъ только арестѣ Палія и участіи его въ Полтавской битвѣ и что были пѣсни (вѣроятно позднѣйшаго происхожденія), созданныя подъ вліяніемъ легендъ, съ фантастическимъ отчасти характеромъ.

Мы имѣемъ два смѣшанныхъ разсказа, которые прекрасно обрисовываютъ процессъ разложенія пѣсни и вторженія въ нее фантастическихъ элементовъ. Въ виду ихъ большого интереса считаю не лишнимъ привести ихъ цѣликомъ. „Бувъ колысь у цара Петра дуже храбрый вояка Палій, и бувъ у цѣго цара повиренный спершу Мазепа. Мазепа ставъ завдувать Семену, що царь ставъ широко любить ёго. А Мазепа бувъ чоловікъ зъ неправдою для цара, тилько державъ те до поры въ собі. Винъ бачывъ, що Семень Палій дуже щасливо бьетця зъ ворогами царськыми, и якъ хотила за-

¹⁾ ib., 69—75.

чинатьця війна зъ Шведомъ, то нависный Мазепа задумавъ
вбыть Семена:

— „Прыбуди, прыбуди, Семене Палію, на охоту до мене,
То не буде, Семене Палію, тоби кривды одъ мене“.
Скоро Семень, скоро Палій на поригъ ступайе,
Проклятый Мазепа Семена Палія, зъ карабына забывайе;
А забывшы Семена Палія, та кынувь й у темныцю,
Самъ пойхавъ проклятый Мазепа ажъ до цара на сто-
лыцю.

Не слышыть восточный царъ Мазепы на столыци,
Тилькы слышыть Семена Палія, сьдячого въ темныци.

А Мазепа думавъ, що Семень Палій уже не живе, та й
ставъ кепковать надъ нимъ:

— „Чомъ, зеленый хмелю, по тычыни не вьесся? ¹⁾
Чомъ, Семене Палію, изъ шведомъ не бьесся?“

Еге! Кажы здоровъ!

— „Хмилъ зелененькій уже выкыдае ¹⁾,
Уже Семень, уже Палій въ чужій стороны гуляйе!“ ²⁾.

Другой разсказъ таковъ: „Мазепа, якъ хотивъ ще вою-
вать, да й пытається Палія Семена:

„Ой ты, Палію, Палію Семене,
Що я думаю, гадаю?
Хочу я цара звоюваты,
А самъ царемъ стати“.

А Палій Семень на Мазепу каже:

— „Охъ Мазепо, проклятый Мазепо,
Що ты думаешь, гадаешь?
Будешь прыкованный
Въ Цара Государа
Кризъ залізного стовпа.
Кочубей да Искра
Пыше лысты знышка

¹⁾ Взато изъ пѣсенъ о Хмельницкомъ или Нечая.

²⁾ Б о м а р ь Х м е л ь н и ч ь, 1. с.; Полит. пис. 31. (Завис. въ Боросты-
пелѣ, Кіев. губ.).

До Цара Государа,
 Що тошно хоче Мазепа
 Цара звоюваты
 Да й самъ царемъ стати ¹⁾.
 Тоди Мазепа закынувъ
 Палія Семена въ темныцю,
 А самъ скочывъ до Цара въ столыцю.
 — „Отъ же тоби, Цару Государу,
 Палій Семень зрада:
 Хоче тебе звоюваты,
 А самъ царемъ стати“.
 Ой озветься Палій Семень
 Да сыдячи у темныци:
 „Брешышь, брешышь, проклятый Мазепо,
 Передъ царемъ въ столыци!“

Палія царъ вызволивъ съ темныци, да й вызвавъ до себе
 й просыть ёго: „Чы не можно мое войско ослобониты, бо
 не знаю, що се бье?“ Палій Семень просывъ, щобъ ёму
 дали выгоду на суткы, бо перетрусывся за дорогу. Вый-
 шовъ Палій туды, де бьются, да й востромывъ ротыще (копье
 свое) у землю,—и войско Мазепыно стало само себе быты.
 Прийшовъ хлопъ до Мазепы дай каже ёму:

„Туманъ по земли котыться,
 Палій Семень на свить народывся“.

Почувшы сейе, Мазепа проклятый злякався да й побигъ
 до дому, да такъ бигъ, що въ Батурыни въ церкву зъ ко-
 немъ забигъ ²⁾.

¹⁾ Этотъ разсказъ найденъ въ бумагахъ малорусскаго поэта Виктора За-
 бѣлы съ его собственноручными поправками. Не вѣжущаяся съ остальными
 строками и странная по языку строка о Кочубей и Искрѣ, можетъ быть, при-
 надлежать перу самого Забѣлы, который относится къ тому поколѣнію
 малорусскихъ этнографовъ, которое не останавливалось передъ фальсификаціей
 и, между прочимъ, дало цѣлый рядъ несомненно фальсифицированныхъ пѣсень о
 Мазепѣ съ именами Кочубей и Искры.

²⁾ Полит. віс., ib. 4—5. (Зап. въ с. Петровѣ Полт. г.). О Батуринѣ см. Кули-
 ша, Зап., I, 124.

Тагъ искажлись и разлагались пѣсни...

Въ разсказѣ, записанномъ Чубинскимъ ¹⁾, есть три стиха, показывающіе, что была раньше пѣсня съ распространеннымъ эпическимъ приѣмомъ выбора коня, которымъ немножко ниже намъ еще придется заняться:

А винъ (Палій) не спочывайе,
Тилькы ходыть по табору,
Коня выбирайе.

Въ „третьей легендѣ о Мазепѣ и Паліѣ“, напечатанной г. Кулишомъ ²⁾ есть тоже указаніе подобнаго рода: „Бувъ то такой Мазепа, такой то гетьманъ, що ѣ царь его батюшкою звавъ. А Кочубей да Искра довидались, що винъ хоче зъ Шведомъ быть на восточного Цара, та ѣ пишлы до Цара до восточного: „ей“, кажутъ, „Цару восточный! хоче Мазепа на тебе быть“. А царь не понявъ виры: „чы можна“, каже, „щобъ винъ на мене бывать?“ Отъ же и въ песни спиваютъ:

„А Царь“, каже, „виры не понявъ
Та назадъ ихъ одиславъ“.

Жаль только, что это—слова *несомнѣнно* фальсифицированной пѣсни изъ сборника Максимовича, на который обязательно и предупредительно ссылается самъ г. Кулишъ: это набрасываетъ большую тѣнь на достовѣрность самаго эпизода „третьей легенды о Мазепѣ и Паліѣ“...

Для того, чтобы познакомиться съ составомъ легендъ о Паліѣ и Мазепѣ, сгруппируемъ и анализируемъ ихъ отдѣльныя черты.

Палію приписывается сверхъестественное рожденіе: мать его забеременѣла отъ пепла сожженной богатырской головы ³⁾. Чудесное, сверхъестественное рожденіе—мотивъ очень рас-

¹⁾ Чубинскій, I, с., стр. 9.

²⁾ Кулишъ, Зап. о Юж. Руси, I, 123.

³⁾ См. ниже версіи Горшкова, Ревякина, Антоновича—Лоначевского и Мордовцева (прилож. I, II, III, IV).

пространенный ¹⁾; есть цѣлый рядъ легендъ, сходныхъ съ легендами о Палиѣ не только по общей мысли (чудесная беременность), но и въ мелкихъ подробностяхъ (черепъ, его сожженіе и т. д.) ²⁾. Сжигаютъ голову за то, что она начинаетъ говорить: мотивъ очень любопытный ³⁾, основанный на своеобразной народной локализациі души и жизненной силы въ головѣ ⁴⁾.

¹⁾ Потебня, Къ ист. звук. рус. яз., Ш, Варшава, 1881, 75—83; Чубинскій, Труды, II, 40, 229, 231, 236, 252 слѣд., 256; Nowosielski, Lud, I, 254; Бессоновъ, Кал. перек., I, 120, 135; Караджичъ, Српске приповijetke, 63, 68; В. Ф. Миллеръ, Отчетъ о зан. загранич., Москва, 1874, 31, 32, 84—86; Осет. этюды I, 17, 29, 31; Сборн. мат. по этногр., изд. впри Дашк. Муз. II, 151, 172, 193, 205; Müllenhof, Die alte Dichtung on den Nibelungen, Zeitschr. f. deutsches Alterthum, XXIII, 119; Siehlerg, Histoire de la littérature russe, Paris, 1886, стр. 5; Веселовскій, Изъ ист. ром. и пов., I, 483; Сол. и Китоврасъ, 14, 16, 28, 36, 37; Разск. въ обл. р. дух. ст. II, 121, 117, 118; VI—X, 418—423; Юж.-р. быльни, т. П. 28—9, 289—299; Худяковъ, Мат. для науч. нар. слов., СПб., 1861, 20 и Сказки, II, 43; Мовзуп'зка, Bajki i zagadki ludu ukraińskiego, Kraków, 1885, стр. 33; Романовъ, Бял. сборн. т. I, вып. III, мѣс. св., №№ 8, 13, 15; Аванасъевъ (1873), I, стр. 294—316; IV, 97—98, 129; Эрбенъ, 100 слав. нар. сказ. и пов., Прага, 1868, 129 стр.; О. Миллеръ, Илья Муромцевъ, 117, 130, 190, 199; Драгомановъ, Пред., 432; Кирричниковъ, Очерки изъ ист. среднезвѣк. лит., Москва, 1869, 62; Повѣи ломб. цик., М. 1873, 172—3.

²⁾ А. Н. Веселовскій, Мелк. зам. къ быль., Жур. М. Н. Цр., 1889, V, 41—46 (XII, къ серб. лег. о Констант. Вел.); „le dit de l'empereur Constant“, Romania, 1887; Юж. быль., т. II, 295—6; Караджичъ, Српски рјечени, 1852, 808, Цариград.; Сборн. мат. для опис. мѣст. и плем. Кавк., вып. VII, отд. 2, 77 и слѣд.; Tutin-Nameh, eine Sammlung orientalischer Erzählungen, übers. v. Rosen, 1858, II, 85—92; Пол. писви, II, 40; Аванасъевъ, Сказки, I, 1873, стр. 383—388; Этногр. Сборн., I, 247—250.

³⁾ Веселовскій, Разск. въ обл. рус. дух. ст., III—V, стр. 3; Сол. и Кит. 174; Рыбѣниковъ, III, № 40; Гильфердингъ, № 44, № 141; Кирша Даниловъ, № 18; Ягичъ, Archiv für slav. Phil., I, 102; Дестунисъ, Разск. о греч. богат. быль. среднезвѣк. пер., СПб., 1883, 41; Аванасъевъ, Легенды, 126; Гихонравовъ, Лѣтописи, II, 114—115; Худяковъ, Пѣсни, 73—Б, 79; Rawson, Popul. carmina Graeciae recentioris, Lips. 1860, CXXXI; См. ниже прилож. II, III, IV.

⁴⁾ В. Миллеръ, Осет. Этюды, I, 135—138; Дестунисъ, op. cit. 36, 41, 42; Gale ni de placitis Hippocratis et Platonis libri novem, ed. Mueller, т. I 140—141 (Lipsiae, 1874) и т. д.

Развившись очень рано, какъ всѣ богатыри, онъ отправляется въ Запорожскую Сѣчь. До сихъ поръ онъ не имѣлъ фамиліи, какъ „безбатченко“ (на самомъ дѣлѣ его фамилія была—Гурко; родомъ онъ былъ изъ Борзны, Черн. губ., и получилъ впослѣдствіи прозваніе—Палій). Легенды различно говорятъ о томъ, за что онъ былъ прозванъ Паліемъ: по однимъ ¹⁾ за то, что „выпальмъ“, т. е. выстрѣлилъ въ Мазепу; по другимъ ²⁾ потому, что „спальмъ“ (сжегъ) курень кошевого; наконецъ, по третьимъ ³⁾ потому, что „выпальвъ“ въ чорта или полоза ⁴⁾, издѣвавшихся надъ Ильей, который никакъ не могъ убить ихъ молніей ⁵⁾. Всѣ эти легенды принадлежать къ очень распространенному въ Малороссіи типу *légendes des origines*, основанныхъ на звуковомъ сходствѣ, по большей части искусственнаго происхожденія. ⁶⁾

Въ Сѣчи Палій получаетъ окончательную окраску богатыря-„характерныка“, т. е. колдуна, какими, по мнѣнію народа, были большинство запорожцевъ ⁷⁾. Ангель даетъ ему

1) Прил. I.—²⁾ Прил. II, III, VII.—³⁾ Прил. II, III, IV, VII.

4) Полозы—огромные степные ужи. См. Nowosielski, Lud, I, 354.

5) Срв. Чубинскій, Труды, II, 180; I, 19; Grabowski, op. cit., 189—190; отчасти Рудченко, Сказки, I, 71—73; Драгомановъ, Преданія, 42; Садовниковъ, Сказки и пред. Сам. края, № 83; Халатианцъ, Общій очеркъ арм. сказокъ, въ Сборн. мат. по этн., изд. при Дашк. Музеѣ, I, 153; Matus, Swiat i przyroda w wyobraźni chłopa, Kraków, 1888, стр. 12—16.

6) См. напр. Голубевъ, Кіев. митр. Петръ Могила и его сподвижники, Кіевъ, 1883, стр. 2, 3; Палаузовъ, Рум. господ. Молдавія и Валахія въ ист.—полит. отнош., СПБ. 1859, стр. 79 и т. д. На подобныя легенды о Паліи и вообще на фантастичность преданій о немъ могло повліять осваденіе его прозванія съ именемъ Пантелеймона—Палія—Палыкопы (праздн. 27 июля), котораго народъ представляетъ себя въ видѣ война съ огненными стрѣлами, назначенными для пораженія злой силы; часто молніей онъ убиваетъ чертей. См. „Кіевлянинъ“, 1887, № 160; Чубинскій, Труды, III, 224—225; „Южный край“, 1888, № 2580; Кіев. Ст. 1888, сент., стр. 34; Корегніскі, Przyczynek do etnografii ludu Ruskiego na Wołyniu, Kraków, 1887, стр. 58; Nowosielski, Lud, I, 132; Rulikowski, Opis powiatu Wasylkowskiego Warszawa, 1853, 161.

7) Драгомановъ, Пред., 200—201; Кулишъ, Зап., I, 77, 95.

чудесный мечъ ¹⁾, таинственный старикъ (Апостолю) даетъ такое же ружье, принимаетъ живое участіе въ его судьбѣ ²⁾ и даже даетъ ему имя ³⁾; у него сабля въ 5 пудовъ, пьетъ онъ изъ кружки въ полъ-ведра ⁴⁾; любимая пушка его, по имени „Стеха“, ⁵⁾; кладетъ шведовъ цѣлыми рядами онъ сражается „ангельскимъ чыномъ“ ⁶⁾ и его „лыцеріи“ пугается самъ Петръ ⁷⁾; одинъ только конь и можетъ выдержать его на себѣ ⁸⁾. Онъ ставитъ копые—и отуманенные волшебной силой враги перебиваютъ другъ друга ⁹⁾. „Палій такий лыцарь бувъ, що не волшебствомъ, а ангельскимъ чыномъ воёвавъ,—такий, що йиздыть по чужому війску—нихто ёго й не бачыть; а якъ глине кому въ вичи, то зъ роду не выдержыть“ ¹⁰⁾; онъ „знатныкъ бувъ, тилкы по божему“ ¹¹⁾. Во время полтавской битвы Палій „сивъ на коня да обьяхавъ кругомъ Мазепыне військо, да якъ поставывъ оттакъ

¹⁾ Прил. VI. Срв. Кирпичниковъ, Повѣи, 173.—²⁾ Прил. I, VII.—

³⁾ Прил. I.—⁴⁾ Прил. V.

⁵⁾ Версія въ Полит. піс.—Забѣлы. Именное оружіе въ русскомъ эпосѣ—большая рѣдкость: это одна изъ обычныхъ особенностей романскаго и германскаго эпосовъ (у Роланда мечъ—Durendal, у Дитриха—Eckesabz, у Ожье—Courtain, Оливье—Nanteclarie, Карла Великаго—Joieuse, Доона Майнцаго—Merveilleuse, Балгана—Priesieuse, Тядрека—Nagrling, Вольфдитриха—Rose, Александра Великаго—Requite, Сигерида—Balmung, Грейдмара—Hrotti; у Георгія Св. сабля—Balmut, у Сигурда мечъ Gramm, у Тора молотъ—Mivльнеръ и т. д.).

⁶⁾ Булишъ, I, 126.—⁷⁾ Версія Чубинскаго, см. прил. X.

⁸⁾ См. ниже прил. X, VII; ср. Булишъ, I, 125, 126; К. Ст. 1882, сент., 580—1; Драгомановъ, Пред., 203. Этотъ конь—типъ эпическаго зашученаго коня, чередующагося съ „паршивымъ“ жеребеночкомъ. См. Веселовскій, Ю. р. б., т. II, 3, 16, 21—26, 40—41, 43—45, 53, 62—3, 65, 129 и въ Arch. f. slav. Phil. III, 560; О. Миллеръ, И. Муромецъ, 83, 182—3, 260; Драгомановъ, Преданія, 203—4; Дестунисъ, 22; Мордовцевъ, Малор. литер. сборн., Саратовъ, 1859, 370—6; Киев. Ст., 1888, май., 49; Кирпичниковъ, Очерки изъ ист. сред. лѣт., 115—6; Чубинскій, Труды, II, 252; Киръевскій, I, прил., стр. II, XXXII; Grabowski, op. cit., 161—2; Тихонравовъ, Лѣтописи, II, 103—104; Сбор. мат. по этн., II, 145; Афанасьевъ, Легенды, 98—99, Schiefner, Heldensagen der Minus. Tataren, 83—84.

⁹⁾ Версія Новицкаго (ниже, прил. VII) и Полит. піс. (см. выше стр. 92).

¹⁰⁾ Булишъ, I, 126.—¹¹⁾ Драгомановъ, Пред., 206.

ратыще (копье), то йимъ здалось, що то лись стойить; отъ воны (шведы и Мазепинцы) и почалы йихаты черезъ той лись, схыляючысь; а Паліевы козаки давай рубать йимъ головы¹⁾; или: „бере зъ собою одынаццять козакивъ, а самъ дванадцятый, та й гайда въ степь; скоро зобачывъ Мазепенкову ватагу, заразы узявъ та й обьйхавъ кругомъ. Якъ обьйхавъ, то Мазепенковы мовъ подурилы и стали одынъ одного колоть та рубать“²⁾. Невидимый ни для кого, подслушиваетъ онъ разговоры во вражескомъ лагерѣ³⁾ и даже для этой цѣли обращается въ собаку⁴⁾; онъ „знавъ усе, що буде напередъ за сто литъ“, и предсказалъ Петру, что его крестный сынъ Мазепа измѣнить ему, но тотъ не повѣрилъ⁵⁾. Колдовству онъ учитъ Мазепу и своего „джуру“, но только не говорить имъ „одного слова“, не говорить „усійейи правды“, благодаря чему и спасается отъ большой опасности⁶⁾. Пушки заряжаетъ онъ „навхрестъ: та туды, а та туды, та туды, а та туды“; зарядивъ такъ, онъ говорить: „теперь стреляйте, то не багато зостанетця“. И дѣйствительно: „якъ ударылы жъ, то такъ, якъ былына на пожарыщи зостанетця, то такъ съ того вѣйска зосталось“⁷⁾. Такіе необыкновенно фантастическіе размѣры приняла въ глазахъ народа личность Палія...

1) Кулишъ, I, 116.

2) *Іб.*, 119—120; срв. Драгомановъ, Пред. 136—7, 249—251; Сборникъ мат. по этн. П, 34, 35; Кузьмичевскій, Шолудивый Буяна въ укр. нар. сказ., Киев. Ст., 1887, авг., 690—1; Драгомановъ, Преданія, 201: „Палій и татарскій рыцарь“ (мотивъ единоборства; Палій „науставъ туману“ на татарскаго рыцаря, такъ что тому показалось, будто бы у Палія не 50 человекъ казаковъ, какъ на самомъ дѣлѣ было, а что войску Палія „инца свитови нема“—и онъ даетъ себя связать: „такій то планетный чоловікъ бувъ Палій!“); А. Н. Веселовскій, Изъ нег. ром. и нов., I, 108, 121, 124, 125, 127; Ю.-р. бнл. I, 8; Нов. изв. о ер. вл., въ Жур. М. Н. Пр. 1885, апр., 276, 282.

3) Кулишъ, I, 126. Срв. Тихонравовъ, Лѣтописи II, 74.

4) К. Ст. 1882, мартъ, стр. 612.

5) Кулишъ, I, 117 (Палій здѣсь называется Степаномъ Плахой; у Драгоманова, Преданія, 205,—Мазепа называется королькомъ, а Палій его генераломъ); К. Ст., 1882, мартъ, 611.

6) Киев. Ст., 1882, мартъ, 612; Кулишъ, I, 126—127.—7) Кулишъ, I, 127.

Но, не смотря на все „характернычество“, Палію не удалось избѣжать рукъ своего врага Мазепы. Мы ужь видѣли, какъ пѣсни воссѣвають арестъ Палія; изъ легендъ только одна (см. ниже, прил. VII) описываетъ заточеніе Палія близко къ пѣснямъ: остальные далеко уходятъ отъ болѣе реальныхъ пѣсень въ фантастическую, туманную даль.

Заточеніе и ссылку Палія народъ приписывалъ или собственно иниціативѣ Мазепы, или Петру, главнымъ образомъ по навѣтамъ Мазепы. По словамъ одной легенды¹⁾, Мазепа былъ крестнымъ сыномъ Петра; на крестинахъ Палій сказалъ Петру: „гляды, цару, бо сей Мазепа тебе зъ царства ссадить!“ Петръ разсердился и крикнулъ: „що ты кажешь!.. озьмить ёго та завезить за Піскове море!“—А те Піскове море“, прибавляетъ преданіе, „Богъ ёго святой знайе, де воно вже, а перейхаты, кажуть, можно тилькы меделянамы (собаками)“²⁾. По словамъ другой легенды, сходной съ предыдущей во многихъ подробностяхъ³⁾, Петръ „звеливъ забыть Плаху (Палія) въ кайданы и посадить у темныцю— не давать ёму ни пыты, ни йисты, тилько рижокъ зъ табакою положыты били ёго: „отъ же“, каже, „тоби, Степане (Семене), рижокъ табаки. Колы твоя правда, то ты въ темныци будешь жыть трыдцять лить одною табакою; а колы брехня, то згынешь“. Нѣчто подобное дѣлаетъ съ Паліемъ и Мазепа, который „боявся Палія, щобъ винъ ёго не зоевавъ, та взявъ ёго да й замурававъ у стовбъ у такій, що тилько маленьке виконце, а то увесь замураваный; и якъ хто подасть у те виконце шматокъ хлиба, то тилько винъ и живъ“⁴⁾. Народъ рассказываетъ даже, что и ключъ отъ

¹⁾ Киев. Ст., 1882, мартъ, 611.

²⁾ Ограшеніе слуховъ о сѣверномъ способѣ ѣзды. О песчаномъ морѣ или рѣкѣ см. Баталгизъ, Сказаніе объ Инд. Царств., Воронежъ, 1870, 73, 121, 128—9; Веселовскій, Изъ ист. ром. и пов. I, 219, 283, 286, 287, 292; Graetz, Geschichte der Juden, V, 288 — 294; Гаркави, Сказ. еврейскихъ писателей о Хазарахъ, 11.

³⁾ Булишъ, I, 117—8.

⁴⁾ Булишъ, I, 115; Драгомановъ, Пред., стр. 205 (Мазепа и приказъ замуравать въ стѣну Палія); см. ниже приложенія VII и X. Срв. А е а

столба или темницы былъ заброшенъ въ море и потомъ чудеснымъ образомъ его достали оттуда ¹⁾). Въ версіи Чубинскаго, напечатанной у насъ въ приложеніи, замѣтна разница въ отношеніяхъ къ Палію Мазепы и Петра: Мазепа приказываетъ солдатамъ убить Палія и принести его сердце въ знакъ убійства ²⁾, но Петръ отдаетъ тайный приказъ не дѣлать этого и только „замуровать“ Палія.

По легендамъ, когда Мазепа измѣнилъ и шведы тѣснили Петра, онъ не зналъ, что дѣлать; нѣсколько разъ просилъ онъ перемирія ³⁾, по одному преданію даже совсѣмъ ушелъ, переодѣвшись, „свить за очи“ ⁴⁾. Тогда ему напомнили о Паліи, который одинъ только ⁵⁾ и могъ справиться съ Ма-

и а с ь е в ъ, Легенды, 192; Сборникъ мат. по этн. II, 165; Кулишъ, I, 3—5; Grabowski, op. cit., 162; Рыбниковъ, I, № 6; Будде, Место и значеніе духовн. стих. въ н.т. рус. народн. слов., Воронежъ, 1883, стр. 7; Халавскій, Великор. был., 95—97; Романовъ, Сказки, №№ 7, 8, 61, 85 (мн.); Веселовскій, Размск. II, 135—136, 143 и VI—X, 42, 44, 379—381; Ю.—р. был. I, 5, 12, 26, 31.

¹⁾ См. ниже, приложение V. Срв. Костомаровъ, Ист. моногр. и изслѣд., т. I, СПб., 1872, легенда о провосмѣстелѣ и „Памятнику“, II, 415—422; Веселовскій, Ю.—р. был. II, 33, 151 и Андрей Критскій въ легенда о провосмѣстелѣ и сказаніе объ апостолахъ Андрей, Ж. М. Н. Пр., 1885, июнь; Чубинскій, Труды, I, 182—183; Драгомановъ, Преданія, 131; Карловичъ, „Pocanie o Madeju“, Висла, 1888—1889 г.г.; Luzel, Légendes chrétiennes de la Basse Bretagne, I, 83; Vie la rare Gregoire le Grand, ed. Luzarche, 1857.

²⁾ Срв. А. Н. Веселовскій, Размск., III—V, 126—130; Сол. и Китовр. 15, 53, 54; Драгомановъ, Пред., 100; Чубинскій, Труды, II, 263, 304; Сумцовъ, Апокриф., К. Ст., 1887, июль—июль, 266; Ишимаъ, Памятнику, III, 64; Nowosielski, Lud, I, 245; Grimsh, Märchen, № 53; Тихомировъ, Лѣтописи, IV, 112; О. Миллеръ, И. Муромецъ, 133; Benfeuy, Rantschatantra, I, 175; Афанасьевъ, Сказки, № 131; IV, 269 (прим.); Gubernatis, Florilegio delle novelline popolari, 30; Кяричичковъ, Очерки средневѣк. лит., 60, 66, сръ. 200.

³⁾ Киев. Ст., 1882, сент., 579; см. ниже прил. VIII; Кулишъ, I, 116; Драгомановъ, Пред., 202, 203; срв. Кирѣевскій, I, 58 и т. д.

⁴⁾ К. Ст. 1882, сент., 579—580. Срв. мою замѣтку: „Южно-рус. списокъ Александрія конца XVIII ст.“, Киев Стар., 1887, окт., стр. 379; Веселовскій, Изъ ист. ром. и пов. I, 142, 356.

⁵⁾ Когда Петръ разспрашивалъ всѣхъ, не можетъ ли кто ему помочь, „вызвался хлопонецъ 16-ты лѣтъ и каже: я бѣ помигъ, та ще лита яъ выйшамъ,

зепой и Шведами ¹⁾. По его приказанію немедленно доставляютъ Палія и даютъ ему нѣкоторое время отдохнуть. Палій сейчасъ же принимается за работу.

Съ нѣкоторыми разсказами объ участи Палія въ Полтавской битвѣ мы ужъ познакомились выше, но всѣхъ любопытныхъ чертъ этихъ разсказовъ я еще не исчерпалъ. Чтобы дать знать Мазепѣ о своемъ присутствіи, „Палій зарядывъ сребною кулею“ ²⁾ ружжо, якъ стрельне, а Мазепа зъ Карломъ саме обидалы, а та куля прямо йимъ въ полумисокъ и впала та и закипила кровью“ ³⁾; или „Мазепа проклятый сыдыть у камяному мури на трейтему етажи и чай пѣйе: оце поснидаты и на баталію йты. Палій подывывсь, и якъ пустывъ стрилу, та стрила Мазепа въ шклянку попала“ ⁴⁾. Благодаря успѣшному содѣйствію Палія, война

есть замураваный въ темницѣ Семень Палій, той побидыть Шведа“ (см. ниже, прилож. VII).

¹⁾ У Кулиша за Паліемъ посылають „пошту таку огненну, що й птыци не зметыть“ (I, 125). Интересно, что, по преданіямъ уральскихъ казаковъ, ихъ любимый герой Рижечка сыгралъ такую же роль во время Полтавской битвы, какую малорусскій народъ приписываетъ Палію (см. Желѣзновъ, Пред. и пѣсни уральскихъ казаковъ, Рус. Вѣст., 1859, IV, 411—483).

²⁾ Nowosielski, Lud, II, 163—4; Сборн. мат. по этн., II, 34.

³⁾ Драгомановъ, Преванія, 205.

⁴⁾ *ib.*, 204; К. Ст., 1882, сент., 581; мартъ, 612; см. прилож. X. Срв. А. Н. Веселовскій, Разска., I, 4; Юж. р. был., I, 3—12, 14, 48, 49, 52; Изъ ист. ром. и пов., I, 463—4; Медвѣн зам. въ был., Жур. М. Н. Пр., 1888, май, 74—76; Халанскій, Велик. был., 106—110, 120, 125; Grabowski, op. cit., 161; Майковъ, О был. Влад. цикла, 32; Сумцовъ, Апокрифы, К. Ст., 1887, июль—юль, 261—2; Буслаевъ, Очерки, I, 422—3; О. Миллеръ, И. Муромецъ, 59; 673, 694, 963, 964, Кулишъ, Зап. о Юж. Руси, I, 3—5; Драгомановъ, Пред., 249—251; Антоновичъ и Драгомановъ, Ист. пѣсни, I, 50—51, 145—159; Трусовичъ, Нар. лег. про Кіевъ и его окрестности, Кіевлянинъ, 1866, № 4; Trusiewicz, Kwiaty iowose, Кіевъ, 1870, 236—9; Булашъ, Укр. нар. пред., ч. I, отд. I; Галсанъ Гамбелевъ, Шиди-куръ, 26 (Этногр. сборн., VI); Бессоновъ, Калѣки перек., I, №№ 122, 125; Раули, Pieśni ludu rus. w Galic. I, 130—133; Лукашевичъ, Думы, 11—12; Худяковъ, Сборн. велик. нар. ист. пѣсенъ, М. 1860, 94; Лисенко, Збір., II, стр. 7; Rulikowski, op. cit., 184; Максимовичъ, Пѣсни (1834), 106—107; Головацкіи

кончається. Пётр за змяну Мазепы разсердзіў на Малоросію і даеь прыказь, „щобь рубалы вь пень увесь народъ“¹⁾, но заступничество Палія спасаеьт родину, за которую, какь онь самь говориль, ему такь много пришлось пострадать²⁾. Пслѣ окончанія войны Палій „Богъ зна, де дився: винь, кажуть, и теперь десь жывый и якь Господь ему веливь, миняйетьця, якь мисяць: старіе и молодіе“³⁾.

Не поскупившись на яркія, свѣтлыя краски для Палія, народь не скупится и на темныя для Мазепы. Мазепа—„таломусь (громадина), що поставывь пушку на долони, та якь стреливь изь Быкова, то досягь ажь у Остерь и розбывь у Остри церкву. И доси стойить та церква розбыта“⁴⁾.

Пісня Угор. Р., I, 1—2 (Чтенія вь Имп. Моск. Общ. И. и Древ., 1863, III, Ш, 1—2); Рыбниковъ, II, 10, 37, 65, 111 № 11; III, № 37; Кирѣевскій, I, 70—76; II, 88—96; III, 39—51; Гильердинъ, № 41, № 258, стр. 118, 206, 358, 638, 1117, 1179.

¹⁾ Кулишъ, Зап. о Юж. Руси I, 120—121, 128; срв. вь Киев. Ст. 1868, июль, 543—5, завітку г. Катрухина о гравворонцахъ, котрыхъ Пётр хотѣль уничтожить за змяну (преданіе).—²⁾ Прилож. VII.

³⁾ Ib.; срв. К. Ст., 1882, севт. 581: „Мазепа... подымивсь у гору, таї каже Шведу: „... Палій уже на вали“, та й показавь ёму у гору на Палія. „Та то може мисяць?“ Каже шведъ.—„Та який тамь мисяць середь дня!“; Свидницкій, Великдень у Подолянъ, Основа, 1861, окт. 52: „Народь вѣрить, что стража, приставленная ко гробу Господню, и теперь стойть на своемъ мѣстѣ Она состоять изь двухъ евреевъ и оба они живы,“ и изь мисяць старий, то вони стари-старевни, ажь трусятця, а якь мисяць молодой, то й вони молоді, наче йимь по двадцатому годочку“. На вопросъ: „колы вы прийшли?“ они отвѣчаютъ: „вчора“.—„А колы идете?“—„Ваавтра“. „Тааь уже йимь Богъ давь, щобь жыли до самого страшного суду“. На основанія многихъ аналогій можно думать, что здѣсь случайно опущенъ мотивъ надежды на возвращеніе Палія. См. А. Н. Веселовскій, Юж. р. был., I, 8—10; II, 264—5; Легенда о возвращающемся императорѣ, Ж. М. Н. Пр., 1875, май (между прочимъ и малорусскій Михайлинь); Разыск., V, 120; VI—X, 305—306; Кузьмичевскій, Шолуднаѣ Буявка, К. Ст., 1887, авг., 703—713; В. Ф. Миллеръ, Осет. этюды, I, 69, 71; Милладимовци. Бугарскія народни пісня, Загребъ, 1861, стр. 528; Кулишъ, I, 277.

⁴⁾ Кулишъ, I, 118 (срв. 277; Grabowski, op. cit., 166—169); стр. 124: „Мазепа... ажь на родинѣ на церкву постигувавь у Батурман пушки да бивь“.

Когда Мазепа во время Полтавской битвы побѣжалъ, Палій погнался за нимъ, догналъ—„заразъ ёго и проколовъ спысомъ (копьемъ). Тилько то бисова тварь! Изожравъ одынь спысь, изожравъ другій, изожравъ третій, и такъ уси одынадцять спысивъ пойивъ; та вже якъ ударывъ ёго Плаха (Палій) своимъ дванадцатымъ, тогда вже ёму й капуть“¹⁾. Мазепа отличается звѣрствомъ и чудовищной прозорливостью: цѣлая гора покрыта костями загубленныхъ имъ людей²⁾; онъ съѣдаетъ 6 „галушекъ“ по 7 пудовъ въ каждой и только седьмой не могъ съѣсть, за что его Петръ и велѣлъ проклинать³⁾. По словамъ другой легенды⁴⁾, онъ былъ проклятъ за то, что позволилъ себѣ кощунство надъ Евангеліемъ. Въ войскѣ Мазепы находится „баба хымородныця“, которая совѣтуетъ Мазепѣ и Карлу при бѣгствѣ перековать лошадей назадъ⁵⁾. Это, по всей вѣроятности, глухой отзвукъ сказки о рижской кол-

1) Кулишъ, I, 120. Срв. Веселовскій, Размы; II, 23, 24; Киричниковъ, св. Георгій и Егорій Храбрый, СПб., 1879, 14, 15, 16; Кулишъ, II, 30.

2) Приложение I; срв. В. Ф. Миллеръ, Взглядъ на Слово о полку Игоревѣ, Москва, 1877, 19; Пыпинъ, Оч. лит. ист. старин. пов. и сказокъ рус., 83, 84 слѣд.; Лавестамъ, Истор. очеркъ древне-слав. повѣи скальдовъ, Варшава, 1872, стр. 52.

3) Приложение, XIII: „за что проклинають Мазепу?“ (тамъ и о вѣроятномъ происхожденіи этой легенды). Срв. Сборн. мат. по этн., II, 66, 281; Веселовскій, Юж. р. был., I, 19; т. II, 14, 15, 187. 348, 353; Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій, I, 180; Драгомановъ, Преданія, 224—5; Киричниковъ, Очерки сред. лит., 27; Дестунисъ, ор. cit., 79, 81; Мовзунъска, ор. cit., 10—12; Халанскій, ор. cit., 42; Остраковъ, Народ. лит. Кабара и ея образцы, Вѣст. Евр., 1879, авг., 708; Кирѣевскій, I, стр. XV, XXI—XXII, XXIV; Рыбниковъ, I, стр. 87; Енриша Даниловъ, стр. 183 и слѣд.

4) Киев. Ст., 1882, мартъ, 612: „отъ якъ ставъ швецкій король пидковлять Мазепу, щобъ той йшовъ Петра Первого воювать, Мазепа й каже: „якъ же я пиднимусь на ёго, то вить мени хрещевый батько? (то бачъ, зна — що гряхъ). — „А ты“, каже, швецкій король, „пиды у церкву, та на царськихъ вратахъ поточы Евангелію,—будешъ ты тоди проклятый: тоди тоби не гряхъ Мазепа послухавъ та й поточавъ Евангелію; за те жъ теперъ ёго и звать проклятымъ.“—5) Прилож. VII.

дунѣ, извѣстной латышамъ, великороссамъ и малороссамъ: вторая часть этой сказки вполнѣ отвѣчаетъ черниговской легендѣ о домѣ Мазепы, въ которомъ является по ночамъ женщина, просящая креста, и въ которомъ зарытъ кладъ ³⁾. Такъ же фантастична и великорусская легенда о той эпохѣ: Мазепа идетъ на Петра съ Литвой; за Петра, страшнаго воителя, знавшаго „планиду“, стоитъ „дѣдушка Суворовъ“ и сила небесная ⁴⁾...

Подведемъ итоги своимъ нѣсколько затянувшимся и разбросаннымъ замѣткамъ. Событія первой четверти XVIII в. придали особенное оживленіе южно-русской литературѣ и

³⁾ Прглож. XI, XII; срв. Сборн. мат. по этн. II, 33—35 (латышскія сказки); Бовчинецъ, I. с.; Якушинъ, Соч. СПб., 1884, стр. 252 (письма изъ Псков. губ.); Драгомановъ, Преданія, 83; Мозульскъ, ор. cit., 5—8. Легенда, записанная г. Бовчинцемъ, такова (Черниг. губ. вѣд., 1889, № 5): „Бувъ царь Петро: були такы волшебницы Лютра и Утерянка. Петро выпросивъ земли на шкуру у Утерянки, порывавъ шкуру на дробеньки рененцъ, пошывавъ ихъ, одъ Двмы до Двмы обовевъ землю и постройивъ крепость. Всѣвавъ вонъ изъ Утерякою и изъ Лютрою. Лютру убивъ одивъ казакъ, а зъ Утеряною царъ Петро воѣвавъ ще много лѣтъ. Дачка йийи полюбыва Петра, ходила на саду зъ йимъ и вонъ спрашувѣ йийи: „чы воѣму я твою матку, чы нѣ“.—„Хоть сіемъ годъ стой, дакъ не возьмешъ. Йесть у тебе солдатъ Иванъ, дакъ ёго смерть у моеи маткы, а маткына у ёго“,—„Ну, якъ же ёго узнати“, пытае Петро.—„Ты зрачы пырь, на пыру якъ ушюцця, поляжуть спать; вонъ засне пудъ деревомъ, деѣево усне, бо въ ёго сыла изъ рота иде, якъ дымъ“. Тогда Петро зробивъ пырь, узнавъ ёго. После пыру Петро найшовъ ёго на учени и давай спрашувать: „Что жъ ты можешъ узять йийи?“ — Прывставъ до ёго. Вонъ тадъ й наме: „позвольте пугвицю зорвати“. Той наме: „хоть уси зривай“. Мосталь зорвавъ пугвицю, выстреливъ пугвицею и убивъ Утерянку. Якъ ёго въ гарету укнули, сейчасъ и умеръ. Царъ сѣвъ на лошади, перескочивъ черезъ Двму, толькы задни шапты вонъ умочивъ; городомъ якъ побѣгъ, дакъ пудкова одорвалася, ударилася въ стену и теперь высытъ. Царъ Петро ходивъ у зароботы, въ чужой земли зробивъ корабель, одъ ёго и стали у насъ корабля“. (О мотивѣ разрыванія кожи см. въ сбл. отд. II-й кн. Этн. Обзор.; смерть Ивана—срв. Романовъ, ор. cit., 217 — 218; Киев. Ст., 1889, мартъ стр. 738).

⁴⁾ Якушинъ, ор. cit., стр. 312 (письма изъ Орлов. губ.).

народной, и искусственной. Болѣе всего матеріала народнымъ легендамъ и пѣснямъ и схоластическимъ виршамъ дала измѣна Мазепы и сопряженные съ ней обстоятельства, но не одинаковымъ образомъ обработали онѣ данный исторіей матеріалъ: въ обработкѣ сказалась значительная разница во взглядахъ между „письменными“ и „неписьменными“. Правда, и тѣ, и другіе относятся враждебно къ Мазепѣ, но причины ненависти, отношеніе къ самому факту измѣны очень различны. Схоластическія „виршы“, проклинающая Мазепу, котораго они передъ тѣмъ возносили до небесъ по всѣмъ правиламъ панегирическаго искусства ¹⁾),—напираютъ, главнымъ образомъ, на несправедливую казнь Кочубея и Искры, которыхъ онѣ и прославляютъ при сей удобной оказіи; народныя пѣсни—на ссылку Палія, котораго народъ считалъ своимъ приверженцемъ и который былъ среди малорусскаго народа настолько популяренъ, насколько непопуляренъ Мазепа. Ни въ одной изъ *сполнъ достовѣрнихъ* пѣсенъ не встрѣчается имя Кочубея и Искры; имя Палія встрѣчается только въ одной изъ этихъ виршей, очень поздней. Такимъ образомъ самый выборъ воспѣваемыхъ героевъ показываетъ, насколько точка зрѣнія „виршемазовъ“ отличалась отъ точки зрѣнія народа.

Основное содержаніе пѣсенъ—арестъ Палія, легенды—жизнь Палія и Полтавская битва. Большинство пѣсенъ отличается реальнымъ, историческимъ характеромъ; фантастическіе элементы вносятся въ нихъ тогда, когда онѣ разлагаются; въ цѣлыхъ пѣсняхъ попадаютъ только мелкія погрѣшности противъ истины. Сохранившіеся въ нѣкоторыхъ смѣшанныхъ разсказахъ стихотворные отрывки намекаютъ на то, что были пѣсни, аналогичныя съ фантастическими легендами, подъ вліяніемъ которыхъ, можетъ быть, онѣ и были составлены въ болѣе позднее время, когда ужъ сложились легенды. Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ попадаютъ косвен-

¹⁾ М. Тихонравовъ, Трагедіом. Овоо. Прокоповича: „Владимиръ“, Ж. М. Н. Пр., 1879, май, стр. 85—89, 95—96; ²⁾ Труды Киев. Дух. Акад., 1867, I, 92 и т. д.

ныя указанія, которыя позволяют приурочить ихъ къ различному времени: до и послѣ Полтавской битвы. Такимъ образомъ можно констатировать съ нѣкоторой достовѣрностью разновременное сложеніе пѣсенъ о Паліѣ и Мазепѣ¹⁾.

Въ легендахъ, для характеристики своихъ героевъ, народъ полною горстью черпалъ матеріалъ изъ странствующихъ мотивовъ и общихъ эпическихъ мѣстъ. Вся народная работа надъ различными, часто противорѣчивыми версиями состояла въ приурочиваніи, не всегда удачномъ. Какъ плюощъ обвиваетъ и скрашиваетъ руины, такъ приукрасила народная фантазія отзвуки своего далекаго прошлаго, сгладила ихъ рѣзкія, реальныя черты—и отодвинула ихъ въ туманную и фантастическую даль, гдѣ нѣтъ простыхъ, обыкновенныхъ людей съ ихъ пороками и добродѣтелями, гдѣ рѣютъ тѣни героевъ, богатырей, „характерныковъ“ или злобныхъ, сверхъестественныхъ чудовищъ...

Вл. Калашъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Происхожденіе Палія и его отношенія къ Мазепѣ.

Жывъ колысь на Украини старый хлиборобъ зъ дочкою. Оце разъ винъ пойхавъ у степь орать землю. Колы винъ оравъ, то знайшовъ на степу великій чоловічий черыпъ—такій, якъ добрый кавунъ. Той хлиборобъ хотивъ ёго пидняты, але черыпъ розсыпався и зробився мовъ попиль. Тоди винъ зибравъ оттой попиль въ макитру, и колы йихавъ до дому, то узявъ ёго зъ собою, поставивъ въ хати пидъ лавою. Хлиборобова дочка, побачившы цю макитру, думала, що то батько привизъ силъ, узяла шматокъ хлиба, вмоннула въ макитру тай зъйшла. Писля цѣго вона заваготнила и привела сына, котрого й назвала Семеномъ. Семень рись дуже швидко. Якъ тилько винъ вырись, такъ що вже умивъ козакуваты, заразъ доставъ соби гарного коня, руш-

¹⁾ Пол. пісні, II, 36 и т. д.

ныцю, шаблюку и инши козацьки прыцпындалы. Тоди на Украйни гетьманомъ бувъ Мазепа, лютый ворогъ козакивъ и простого люду, пріятель Ляхивъ. Семень пообещався соби спасти ридну Украйну одъ цѣго зминныка и хрыстопродавца. Попрощавшысь зъ матерью и зъ дидомъ, винъ сивъ на коня и пойхавъ у степъ. Йихавъ винъ цѣлый тыждень и никого не бачывъ. Колы це бачыть: йиде верхы на краю степа якійсь чоловикъ. Семень пидъйхавъ блызче и узнавъ, що то Мазепа. Семень за нимъ, а Мазепа одъ ёго; Семень дужче прыпустыть коня, а Мазепа ще швыдче утика. У степу стояла висока, висока гора. Мазепа до неї та на гору, а Семень соби; а дали взявъ рушныцю, выстреливъ—Мазепа й пропавъ, якъ той нечыстый. Семень зъ конемъ выскокуе на гору и бачыть тамъ багацько чоловичихъ кистокъ, нибы то тутъ колысь козакамы были Татаривъ та Ляхивъ. Семень ставъ роздывлятьця кругъ себе, бачыть: проты ёго иде сывый старый дидъ зъ довгою билою бородою. Семень пытае ёго: „що це за кисткы? чого вони тутъ лежать?“ Дидъ и каже Семену: „а це все кисткы тыхъ людей, що Мазепа згубывъ; це все Мазепыны ворогы. За те, що ты выпалывъ у Мазепу, нехай теперъ уси называють тебе Семеномъ Палиемъ; дывысь, завсигда будь ворогомъ Мазепы!“ Писля цѣго дидъ, хто ёго зна, де дився; а Палій пойхавъ до Запорожчивъ.

Златополь, Кіев. губ. Зѣпис. г. Ян. Горшковымъ.

II. Происхожденіе Палія.

Въ Мотовыливци колысь жывъ соби зъ жинкою, зъ диточками чоловичокъ. Разъ выйхавъ винъ ораты. Оре винъ да просыть Бога, щобъ хороше вродыло. Жинка обидать ёму прынесла; чоловикъ и пообидавъ, да все працуюе. Отъ, надъ-вечиръ, чуйе винъ, що плугъ ёго за щось задержався. Дывытця—якась здоровенна трупья голова. „Господы, Боже мій! се, выдно, яка-небудъ лыцарська голова“, подумавъ чоловикъ. „Не добре, якъ вона буде валятысь по полю; треба ййи закопать на цвынтари и одслужыть па-

нахыду за душу умершого“. Подумавъ, погадавъ, а тымъ часомъ сонечко зайшло. Чоловикъ обережно положывъ голову въ хустку и пишовъ до дому, а дома положывъ голову на лавку и сивъ вечеряты. Силы коло ёго и диты, и жинка; попойилы воны галушокъ, чы чого Богъ пославъ, може й нічого, опричь хлиба святого, не лучылось; повечерялы, встають, а жинка подывылась на голову, да й сказала: „оця голова, мабуть, на свойему вику багацько хлиба перейшла“. — „Буде вона ще йисты“, одказала голова. — „Эге, такъ ты такывська!“ говорить чоловикъ: „не треба жъ тебе несты на цвынтаръ да службыты панахыду. Знаю я, що зъ тобою робыть“. Узявъ ййи, вынись за свій вышневыи садокъ, у чысте поле, розиклавъ багаття, и давай палыть. А голова горила-горила, покы стала порохнею, такъ якъ отъ сахаръ. Подывывсь чоловикъ и, Богъ знае зъ чого, взявъ ту билу порохню въ хустыну (наче насміявся надъ нею), принись до дому и мовчкы положывъ на полыцю. Незабаромъ, може черезъ день, пишовъ винъ зъ жинкою до церкви, а въ господи остались тилько дочка да малый хлопецъ. Дочка вже и борщъ заставыла въ пичъ, уже и локшыну зварыла: сказано, день воскресный; оставалось тилько посолыть страву,—такъ нема жъ соли. — „Оттамъ, Галю, на полыци лежыть у хустыни щось биле, мабуть силь“, говорыть братъ. Сестра стала на лавку, взяла хустыну, подывалась и говорыть братови: „не знаю, чы се силь“. — „Лыжны, то й визнаешъ“, каже братъ. Вона покоштувала разъ—нічого, вдруге, втрейте, и говорыть: „оце яке нудне!“ и положила зновъ на полыци. Отъ мынае недильдесять, а може и бильше,—упала дочка въ ноги батьку и матери и говорыть: „я въ тяжу; оттакъ було и такъ“. Почухавъ батько гижку, поморщывся: треба йты до пана да росказать усе, якъ було. Тоди за такій соромъ дуже каралы. Росказавъ усе, якъ було. Панъ одибравъ одъ ёго хустку, а черезъ пивъ-року дочка привела уже сына. Охрестылы ёго и назвалы Семеномъ Безбатченкомъ. Хлопецъ рисъ, уже и за воламы ходывъ; якъ ось йихалы въ Мотовыливку Запорозци,

що прыйижджало говить въ Осокрыкы, и зманылы хлопця въ Велькый Лугъ. А въ Сичи кошовый, замитывшы хлопця, взявъ ёго до себе въ молодыкы. Служыть Семень, служыть, а гонору ёму все таки нема. „Постойте, буде й мини гоноръ!“ подумавъ соби Семень. Узявъ, спалывъ отаманскій куринь и втикъ до дому.—„Эге! такъ ты такій!“ говорыть кошовый: „захотилось тоби гонору! Буде зъ хлопця лыцарь, буде!... А ну, панове-молодци“ говорыть винъ тымъ, що вывезлы Семена,—„рушайте за Семеномъ туды, звидкиля ёго взялы, и привозыте назадъ“. А Семень тымъ часомъ сыдыть дома на печи.—„Мамо!“ говорыть: „снылось мини, що прыйидуть до мене изъ Сичи козаки, привезутъ мини гоноръ и визьмутъ изъ собою“. Маты зиркъ у кватырку—ажъ уже Запорозци и коней на двори пидъ повиткою привъязують. „Добрый тоби“, говорыть, „сынку, сонъ снывся!“ Семень тилько засмѣявся. Отъ, ягъ прыйихалы воны въ Сичь, то кошовый и сказавъ ёму: „ты, Семене, есы козакъ добрый: теперь майешъ ты гоноръ, будешъ прозыватысь Палиемъ“. Разъ выйихавъ кошовый на охоту зъ Семеномъ; йиздылы воны довго и зайихалы въ таке мисто, що тилько одни скели та пуца. Ставъ пры сонци и чыстому неби гримати гримъ,—а се Архангель Гаврыиль хотивъ убыты полоза. Гримъ ударыть, а полозъ вылизе зъ скели та й засмѣтця.—„Эге! оттака ловысь!“ сказавъ Палій, ухопывъ зъ плеча янчарку, прыложывся, выпалывъ—и на тимъ мисти, де показувався полозъ, потекла смола.—„Иды жъ ты теперь, куды знайешъ“, сказавъ ёму кошовый: „иды у свою крайну и рижъ усяку нехристь, бо ты есы чоловикъ, угодный Богу!“—„Ни, батьку!“ каже Палій: „не одпускай мене одного, а пусть зо мною Искру, Кочубея и Шмалька (?)“.—„Добре“, сказавъ кошовый и одпустывъ йихъ трохъ изъ Сичы. А навпосли вже Семень Палій зробывся паномъ полковныкомъ Хвастовськымъ, добре ризавъ орду и ляхивъ, да Мазепа ёго стратывъ изъ заздристи, що Палія вельчали козацкымъ батькомъ.

Ревякинъ, Основа, 1861, XI—XII, 29—31 (Зап. въ с. Красной. Кіев. губ.).

III. Происхожденіе Палія.

Отправился поселенинъ пахать поле, плугъ его задѣлъ въ почвѣ какой-то предметъ; присмотрѣвшись, поселенинъ увидѣлъ въ бороздѣ огромную мертвую голову: „Это, должно быть, голова какого-нибудь славнаго рыцаря“, подумалъ крестьянинъ и унесъ ее домой, съ намѣреніемъ отслужить по неизвѣстному богатырю панихиду и предать голову погребенію. Возвратившись домой, онъ положилъ голову на скамью и усѣлся ужинать съ семьей. Послѣ ужина жена, посмотрѣвъ на голову, сказала: „должно быть на своемъ вѣку голова эта переѣла много хлѣба“. — „Будетъ она еще ѣсть“, — отвѣтила сама голова. Испуганный крестьянинъ сжегъ голову, но дочь его отвѣдала по ошибкѣ вмѣсто соли оставшуюся отъ нея известь и сдѣлалась беременною. Узнавъ о случившемся, панъ отнял и уничтожилъ перегорѣлыя кости, но онъ не могъ предотвратить рожденія богатыря, чудесно зачатого, вслѣдствіе случайнаго столкновенія чернаго народа съ умершимъ, но не лишеннымъ надежды на продолженіе своей жизни козацкимъ преданіемъ(?). Богатырь этотъ и былъ „добрый козакъ“ — Семень Палій. Далѣе, въ разсказѣ о первоначальной жизни Палія, народныя сказанія представляютъ его человѣкомъ, предназначеннымъ свыше для борьбы со всевозможными проявленіями нечистой силы; вотъ нѣсколько вариантовъ народнаго разсказа, въ которомъ преданіе старается объяснить, какимъ образомъ его герой получилъ свое названіе. Отправившись въ Запорожье, Семень не могъ добиться надлежащей чести у козаковъ, потому что, не будучи въ состояніи указать на свой родъ, онъ не имѣлъ фамиліи. Эта аристократическая разборчивость запорожцевъ раздражила его; онъ „зпальвъ атаманьскій куринь“ и получилъ фамилію Палія. По словамъ другого преданія, Семень встрѣтилъ на берегу рѣки, на скалѣ, сидящаго и кривляющагося чорта; онъ выстрѣлилъ — и „нечыстый“ разлился пламенемъ и горящею смолою. Съ того времени и стали звать Семена „Паліемъ“, „бо вінъ

чорта спалывъ“. Бывшій при этомъ кошевой сказалъ ему: „иди въ Украину и истребляй „всяку нехристь“: я вижу, что ты человекъ, угодный Богу“. „И дѣйствительно, прибавляетъ преданіе, Палій сдѣлался грозенъ Ляхамъ и Ордѣ, и одинъ онъ могъ смирить измѣнника Мазепу“¹. (стр. 52—53).

Антоновичъ, *Последніа врем. казачества на прав. стор. Днѣпра* (предисл. к) П т. 3-й ч. Арх. Юго-Зап. Рос.), Киевъ, 1868.

Зап. Лоначевскимъ въ окрест. Бѣлой Церкви, въ с. Гребинкахъ.

IV. Происхожденіе Палія.

Одинъ „чоловикъ“ пахалъ въ полѣ. Вдругъ подъ плугомъ что-то хрустнуло. Смотритъ „чоловикъ“—мертвая голова (черепъ), да такая огромная, какъ „казань“ (котель). Человѣкъ и думаетъ: „видно, это была голова великаго богатыря—лыцаря: возьму ее, попрошу батюшку окропить ее святою водою, прочитатъ надъ нею молитву, и тогда похороню по-христіански“. Вотъ онъ привезъ голову домой, положилъ на лавку, а самъ сѣлъ ужинать. Жена его, глядя на мертвую голову, и говоритъ: „а много, видно, эта голова на своемъ вѣку хлѣба поѣла“. А голова вдругъ и говоритъ: „и еще много поѣмъ“. „Жинка“, конечно, „злякалась“, и бросила голову въ горящую печь. Осталась отъ богатырской головы одна зола. „Жинка“ выгребла изъ печки золу и всыпала въ горшокъ: „продамъ москалямъ на поташъ“, думаетъ. А дочь ея (взрослая), не зная ничего этого (до поздней ночи съ парубками на улицѣ гуляла и пѣсни „веснянки“ пѣла), увидавъ утромъ золу и думая, что это соль, посолила себѣ „шматокъ“ хлѣба и сѣла. Отъ этого она и забеременѣла, и родила сына, котораго и назвала Семеномъ. Изъ этого Семена и вышелъ богатырь и даже „характерныкъ“. Отправляясь на Запорожье, Семень-богатырь встрѣтилъ черта и „спалывъ“ его: отъ того запорожцы и прозвали его „Палиемъ“—самаго черта спалилъ. А настоящая фамилія его была—Гурко, и отъ этого Гурко—Палія, говорятъ, происходитъ, по прямой линіи, балканскій герой и нынѣшній варшавскій генераль-губернаторъ, генераль-адъютантъ Гурко.

Мордовцевъ, „Начто для гг. ученыхъ“, *Новости*, 1889, № 66 (перепеч. въ „Елисаветградскомъ Вѣстникѣ“ 1889, № 58).

V. Палій — богатырь и „характерныя“.

Въ народныхъ преданіяхъ Палій является одареннымъ сверхъестественною физическою силою и знаніемъ таинственныхъ, непреодолимыхъ средствъ веденія войны; онъ стрѣляетъ изъ пушекъ, заряжая ихъ „навхрестъ“, пробѣзжаетъ незримый по непріятельскому стану и т. п. Сила его столь велика, что кромѣ его собственнаго, испробованнаго коня, ни одна лошадь не только не можетъ вынести на себѣ богатыря, но валится на землю отъ одного прикосновенія его руки. „Палій [бувъ] лыцарь-богатырь“, говоритъ народное преданіе, „и вмивъ винъ видъ всячины замовляты“: потому никто не могъ его ни побѣдить, ни взять въ плѣнь, пуля его не брала; сабля его была вѣсомъ въ 5 пудовъ, кружка, которою онъ пилъ, въ полведра величиною. Если козаць провинится, то Палій въ наказаніе заставитъ его нести свою саблю: „стонеть подъ тяжестью бѣднякъ, а козаки надъ нимъ смѣются“. Впрочемъ, народное преданіе прибавляетъ, что сверхъестественная сила и знаніе Палія были даны ему свыше: „винъ не волшебствомъ, а ангельскимъ чыномъ войевавъ“. Благочестіе его было примѣрное: Палій строилъ церкви и богато украшалъ ихъ, говоритъ преданіе; при томъ онъ имѣлъ обыкновеніе, выстроивши церковь, закапывать подъ нее большія деньги, чтобы было за что починить, когда она обветшаетъ (стр. 61—62). Мазепа за то погубилъ Палія, что его называли козацькимъ батькомъ и что всѣ его сильно любили. Палій былъ искренно преданъ народу: онъ защищалъ его отъ пановъ и отъ всѣхъ, кто желалъ его обидѣть“ (стр. 73). Отдаленность и безвыходность заточенія (Палія въ Енисейскъ) до того поразила народъ, что въ легендахъ онъ ее изображаетъ или подъ видомъ огромной башни, въ которую Мазепа приказалъ живьемъ „замуровать“ любимаго народнаго предводителя, или въ образѣ глубокой темницы, ключи отъ которой были брошены въ море и потомъ только чудомъ можно было освободить изъ нея плѣнника (стр. 175).

Антоновичъ, *op. cit.*

Легенда, запис. Ильницькимъ въ с. В. Святыхъ.

VI. Легенда про Семена Палія (взятіе Вершади).

„Ото бувъ слободецькій годъ, якъ бувъ панъ Хмильницькій“—такъ началъ свой разсказъ глубокій старикъ. „Потомъ была руина; край опустѣлъ... Страшно и разсказывать!.. Въ Каменцѣ засѣли турасы (турки), снизу набѣгала татарва. Не было житья и тѣмъ немногимъ, кто остался въ край. Но край хорошій, и люди Богъ его знаетъ откуда брались. Отець разсказывалъ, что ѣдешь или идешь сегодня—пустыня, одичавшія кошки ворчатъ по деревьямъ, одичавшія собаки хватаютъ за ноги, пропоеть одичавшій пѣтухъ или закудахчетъ такая же курица; отъ людей бѣлыя кости валяются да кусты крапивы-жгучки растутъ „на пожежи“,—а черезъ недѣлю, черезъ двѣ, смотришь: село какъ изъ земли выросло. А вмѣстѣ съ тѣмъ является ляхъ „пануваты“, за ляхомъ жидъ орендарь, а тамъ и ксендаы, и уніаты; панщина, горе, муки! Тогда-то явился Семень Палій—онъ еще не былъ Паліемъ, а только Семеномъ. Семень былъ панскій казакъ, и на его глазахъ мучили, истязали нашего брата. Не стерпѣла добрая душа такой наруги... Семень ушелъ — не скажу куда: на низъ ли, за пороги, или куда, только ушелъ онъ съ твердымъ намѣреніемъ отомстить мучителямъ и выгнать ихъ изъ края. Идетъ и все думаетъ одну думу: какъ бы Господь Богъ помогъ ему исполнить великій замыселъ. Такъ идучи, утомился онъ и сѣлъ подъ дубомъ—видишь „подъ дубомъ“, значитъ не въ степь ушелъ, а можетъ быть, впрочемъ, еще не добрался до степи... Такъ сѣлъ Семень отдохнуть, да такъ и уснулъ. И снится ему ангель, будто спрашиваетъ: „чего ты, Семене, хочешь отъ Господа Бога?“—„Чтобы онъ далъ мнѣ мечъ“, отвѣтилъ Семень: я очистилъ бы этотъ край отъ всякой погани“. „Будеть тебѣ по желанію твоему; Богъ дастъ тебѣ мечъ и огонь, а люди прозвуть тебя Паліемъ“, — сказалъ ангель и отошелъ. Вздрогнулъ Семень, почувствовавши въ рукѣ что-то холодное. „Чы не гадюка?“ и схватился на ноги. А мечъ такъ и отскочилъ, „попыскуетца“. Перекрестился казакъ, поблаго-

дарилъ Бога за даръ и началъ воевать — очищать край отъ всякой „погани“. Не стало слышно „лядського, жидивського духу“, только у насъ на Подольѣ — къ намъ только слухъ доходилъ; у насъ ляхи пановали, жида обирали, ксендзы, уніаты пекли, рѣзали по старому, если еще не хуже. Но Господь умилосердился и надъ нами. Пятковка, Бершадь (Ольгопольск. у.) и многія другія села и мѣстечка принадлежали одному пану. Кто его знаетъ, гдѣ онъ самъ жилъ, а въ Бершади держалъ губернатора, который и заправлялъ всѣмъ, — помогалъ мучить народъ. А въ Пятковкѣ былъ жидъ орендарь, страшный обирало. Одинъ бѣднякъ изъ нашихъ и задолжалъ ему „пивъ таліара“. Сумма незначительная, но бѣднякъ и того не могъ отдать; проценты же растутъ по днямъ и уже добираются до пяти злотыхъ. Жиду и на руку тяжкія обстоятельства должника; привязался: „виддай гроши“ и конецъ. — „Бачъ, що нема! Ну, возьми зъ мене шкуру“. — „И шкура на тоби панська“, кричитъ жидъ: „продай чортамъ свою душу, та мени грошы виддай! Неви́ро погана!“ Что сдѣлаешь? Надо вести корову съ теленкомъ продавать — отнять у дѣтей ложку молока, только бы развязаться съ „поганью“. Вотъ и ведетъ онъ корову съ теленкомъ въ Бершадь на ярмарку; а орендарь уже тутъ: „а що? грошы йе?“ — „Дежъ воны взялись, пане орендарию! Ось продамъ, то будуть“. — „Мени треба заразь“. — „А въ мене заразь нема. Кажу, продамъ, то будуть“. — „Що то продамъ?“ закричалъ жидъ: „ты будешъ продавать, а я що? Я маю чекаты на тебе?“ — И, не говоря болѣе ни слова, вцѣпилъ за „налыгачъ“. Какъ обыкновенно, собралась огромная масса жидовъ, крикъ, гамъ; тормосять, бьютъ хозяина. А наши разступились и смотрятъ, что вышло бы изъ этого, если бы явился Палій? Думаютъ про себя, а говорить не смѣютъ. Семень къ этому времени уже прославился, получилъ прозвище Палія, „що добре палывъ замкы“, и навелъ такой страхъ, что паны подъ угрозой смертной казни запретили говорить о немъ. Даже если, бывало, новорожденного назовутъ Семеномъ, то ляхи съ жидами, съ ксендзами

да съ уніятами неперемѣнно изведуть цѣлую семью: „бунтовныкы! до Палія тягнуть“. И попамъ за это доставалось. Не скоро люди догадались, но догадались таки, и долго, долго между дѣтьми не встрѣчалось ни одного Семена. — Вотъ жидъ заgrabилъ корову за „пивъ—таляра“. — „Хочъ на силъ дайте, пану орендарию!“ просить ограбленный и избитый мужикъ, но грабитель не обратилъ вниманія, увелъ корову и ничего не далъ. Сѣлъ несчастный и плачетъ. — „Чоготы плачешъ, чоловиче?“ спрашиваетъ его статный казакъ, сидя на лошади. Тотъ и рассказалъ все, какъ было. „Дурни жъ вы, дурни!“ обратился казакъ къ народу: „капустяни голы! На що жъ у васъ лушни? на що штыльвагы? На що руки вамъ Богъ давъ? А ушма вы чы чулы що-небудь про Семена Палія?“ — „Ай, ай!“ подумали люди, столпившіеся возлѣ казака: „донесетъ кто-нибудь губернатору, и несчастный пострадаетъ. — „Колы не чулы, то подывится! Ось винъ передъ вами!“ продолжалъ казакъ и поднялъ шапку надъ головою. Въ то же время раздався свистъ по всей ярмаркѣ, и заkrаснѣли казацкіе жупаны „якъ макъ, якъ калына“. Все это были „палійивци—козаки“, —сверху „свита“, а подъ низомъ „жупанъ и шаблюка“. Тутъ-то пошла потѣха! Ни кочки не осталось „лядської“ да жидовской. Послѣ этого вся бершадщина поддалась Палію и всѣ стали казаками. И долго-долго не видать было ни ксендза, ни уніята.

А. С в и д н и ц к і й, „Кіевлянинъ“. 1870, № 57, (Зап. въ Бершаді).

VII. Подвиги Палія.

Семень Палій бувъ лыцарь велькій. Про ёго, було, дечого розказують запорожци нашимъ батькамъ, а батькы вже намъ. Десь-то, кажуть, жылы козаки и мижъ нмы бувъ молодой козакъ Семень. Разъ кошовый зибравъ вѣйсько и махнувъ воювать Орду и Ляхивъ, а Семень зостався глядитъ добра. Тоди ще хать не було дуже товсто, бильше жылы куринямы. Отъ дохозяинувався той Семень, покы спалывъ кошового куринь. „Що ёго робыть?“ дума винъ: „прыйдуть—буде мини“. Взявъ рушныцю и подався..

Довго вінъ ишовъ байраками и зайшовъ въ таки пушы, шо тико небо и выдно. Сивъ вінъ и спочыва. Ось насунула хмара, ставъ крапать дощъ, потимъ гримъ, блискавка. Дывытця вінъ на скелю, колы выскакуе лукавий. Якъ загремыть гримъ, вінъ пидъ скелю; якъ затыхне, вінъ вылизе и гнивыть Господа. Семень и дума: „що жъ теперь робыть? або ёму смерть, або мини“. Тико шо выскочывъ вінъ на скелю, Семень прыцилывсь и убывъ. „Ой, бый ще“, каже, „разъ, бый“, просе лукавий.—„Буде зъ тебе и разу“. Вінъ знавъ, що якъ выпале вдруге, то побижыть. Зарядывъ Семень рушныцю и посунувся очеретами въ пушу. Иде вінъ, та й иде, а очереть густый та высокій и свита не выдно. Чуе вінъ, трищыть очереть и щось суне прямо до ёго. „Що Богъ дастъ“, каже, та туды. Колы ось показався дидъ старый, старый та билый. „Здоровъ“, каже, „сыну!“—„Здоровъ, дидусю!“—„Куды тебе Богъ несе!“—„Такъ и такъ“, каже, „диду, доли шукаю: або звирюка зъйисть, або дйду до Велького Лугу въ Запорожжя“. И ставъ ёму Семень росказувать: „спалывъ“, каже, „куринь и боюся гнива козацького: або киямы забъють, або на шыбыныцю“. Дидъ и каже: „теперь за тобою погоня—сорокъ чоловикъ; тико ты не бйся: пиды до кошового, вінъ простыть“. Дали показуе дидъ свою рушныцю и каже: „тутъ таке цилке, тико наведешъ, такъ и йе; давай“, каже, „поминяемось“. Вгори литала очеретянка. Дидъ прыцилывся, бахнувъ, вона и упала.—„Добра“, каже Семень, „рушныця, а моя ще лучша. Я“, каже, „не такого звирия убывъ“. Отъ дидъ упъять и каже: „ну, колы минять не хочешъ, то дарую я тоби цю рушныцю за те, що убывъ сатану, тико шануй ёго. Будешъ ты“, каже, „велькій лыщарь и побиждадымешъ неприятеля; будешъ ты“, каже, „минятыця, якъ мисяць: мисяць зостаріетця, зостаріесся и ты, зйде молодыкъ—будешъ молодымъ и ты. Вертайся жъ, сыну, до кошового“. Сказавъ це дидъ и Богъ зна, де дився, бо не простый чоловикъ вінъ бувъ, а святыи Апостоль. Помолывся Семень и пишовъ до кошового. Прыйшовъ, та прямо

въ куринь. А кошовый тико що умывся, втыраетьця и молитву творе. Семень навколишки.—„А що“, каже, „еретычый сыну, прыйшовъ?“—„Не клady“, каже, „тату, велького гнива: то я спалывъ куринь“.—„Щастя жъ твое“, каже, „що не піймала погоня,—заколола бъ“. Дали кошовый и каже: „за те, що спалывъ куринь—будь же ты, еретычый сыну, Палійемъ“. Ставъ винъ козакувать, ставъ такый сьльный, шо никто ёго не подужа. Було якъ воюють козаки, то де Палій, тамъ и удача. Выбрали ёго козацькимъ батькомъ, то бъ то кошовымъ. Отъ прыйихавъ Швецкій король до проклятого Мазепы и давай воны пыть. Пылы, пылы, а потимъ и поклыкалы до себе Палія. Король и каже: „погуляймо, братци, та визьмемось рубаты въ пень москала“.—„Не диждешъ!“ каже Семень Палій. Якъ схопытьця король, якъ схопытьця проклятый Мазепа, та до Семена Палія: „берить, вьяжить, слугы, сякого—такого!“ Взялы Семена Палія, скувалы въ залізо руки, ноги и замуrowалы въ темныцю. Не багато жъ винъ тамъ сидывъ, не йивше и не пывше—двадцять годъ. Черезъ двадцять годъ пишовъ Шведъ войною на царя Петра, пишовъ зъ нимъ и проклятый Мазепа. Сталы пидъ Полтавою. У цара сыла війська, а у Шведа и проклятого Мазепы ще бильша. Ставъ шведъ побывать Москала, а Петро и каже: „дай мини, Шведе, хоть трохы отдыху“. Той давъ, Петро пишовъ у свій станъ и пыта: „чы нема, братци, мижъ вами богатыра або характерныка?“ Выззався хлопецъ 16-ти литъ и каже: „я бъ помигъ. та ще лита не выйшлы; а йесть“, каже, „замурованный въ темныци Семень Палій, той побидыть Шведа“. Пославъ царъ за Палійемъ. Одмуrowалы ёго, глянулы, ажъ у ёго борода и коса по колина, вусы по поясъ. Сорочка, штаны на ёму опалы—страшно и глянуть. Надилы одежу, пидвели коня. Що стане Семень Палій сидать,—кинь такъ и вгрузне по колина. Скилько не пидводылы,—ни одынъ винъ не здержавъ. Тоди прывелы царського коня. Винъ сивъ и пойхавъ. Прыийжае до цара. Царъ посадывъ ёго за дубовый стигъ, угощайе и правды пытае: „що“, каже, „Семене

Палію, чы зваюемо Шведа?⁴ „Зваюемо“, каже, „тыко дай тры дни хліба святаго пойдсты та спочыць“. У шведа була баба хымородныця. Отъ глянула вона на Петрове вѣйско и каже: „ой щось за напасть велыка буде на насъ! Велы“, каже, „королю, кувать коней назадъ гакамы, та нумо утукать“. Покры Шведъ покувавъ коней—ось уже и Семень Палій спочывъ. Надивъ винъ дорогу одежу, сивъ на коня и сунувъ зъ вѣйскомъ на Шведа. Чы довго винъ тамъ бывся, чы ни,—выбигъ на могылу и пыта царя: „бачышь шведа?“—„Бачу“, каже: „подався черезъ гору“. Выбигъ тоди Палій на кражъ и пыта угъять: „а теперь бачышь?“—„Бачу“, каже: „одынъ другого черкайе шаблямь“.—„А короля бачышь?“—„Побигъ“, каже, „король степомъ, а за нымъ проклятый Мазепа, ажъ курява знялася“. Якъ зваювавъ Палій Шведа, Петро и каже: „ну, Семене Палію, теперь я дамъ тоби грошей, стико схочешъ, дамъ я тоби и панськи областы“—„Ни“, каже Палій: „не треба мини ни грошей, ни панськихъ областивъ: дай мини мылу Украину, за котору я двадцать литъ страждавъ,—бильше у тебе не прошу ничего“. Давъ Петро Паліеву Украину и ставъ винъ выжывать ворогивъ. Якъ вывивъ всихъ, тоди и самъ Богъ зна, де дився. Винъ, кажуть, и теперь десь живый и, якъ Господь ёму веливъ, миняитьця, якъ мисяць: старіе и молодіе.

Я. Новичий, Екатеринославскія Губ. Вѣд., 1888, № 10.

VIII. Мазепа и Палій.

— „Якъ ваявавъ Мазепа зъ Паліямъ, дакъ я ще дівчынкаю була, и тади черезъ нашъ горадъ велыка сыла маскалюовъ ишла. А мы, дитвара, пазлазылы на тынь, та й дывимось. А ваны йдуть тай идуть! Ще тади сестра мая меньча, Глашка, упала зъ тыну на шклянку да чыста ногы сабіе паріезала“...—„А самого Мазепу ты, бабо, бачыла?“—„Та й Мазепа жъ, кажу, зъ йимы бувъ: на біеламу такому коню йехавъ, тульки запоуныла (забыла), якій вуонъ бувъ“.

— „А може ты й Палія бачыла?“—„Може й бачыла—за-

була вже: давно це діла було! Мазепа, значить, воювавъ, воювавъ, а дали царь йиго й розбывъ. Вуонъ и втюокъ та уже, значить, бачить, що пропало йиго діла,—узаявъ да самъ сабіе смерть и заподіевъ.—Колысь маскалюковъ не було, а все козаки: отъ—вайна, заразъ казаки и збираютца. А такъ—дакъ вуойська не було ¹⁾).

Городня, Черн. губ. отъ 70-лѣтней старухи (Зап. въ 80-ыхъ годахъ г. Евг. Дорошевскимъ).

ІХ. Палій и Мазепа подь Полтавой.

Якъ пидступавъ шведъ пидъ Полтаву, то Царь и ставъ думать та совитуваться зъ начальныками: якъ бы ёго побидыть? А одынь ото и каже: „знайте, Ваше Вельчество, я Вамъ найду одного чоловика, що непременно побидыть ёго. Мазепа й духу ёго боиться; Вы ёго по Мазепынымъ навитамъ та прозьбамъ на Сибирь заслали!“ — „А хто жъ се?“ — „Палій Семень!“—„Якъ же бъ же ёго сюды прывставыть до бытвы?“—„А хочете, я ёго прывезудо бытвы“. — „Добре! Велыку за се награду получышь“. — Та й давъ ёму бумагу, а той помчався по Палія... Палій пидставъ якъ разъ на бытву. Явився до царя такый старый та обросый, борода по поясъ, а измученый у каторзи—Боже!.. Царь зъ нымъ поздоровкавсь та й ставъ просыты прощенья. Каже: „Просты мене, Палію! Я тебе обидывъ, не знавшы твоейи вирнёсты“. — „Богъ тебе, Цару, простыть, а я прощаю“—каже Палій. Та поговорывшы зъ царемъ и пишовъ до козакывъ. А козаки ёго якъ побачылы,—Боже, якъ зрадилы, а винъ йихъ давай цилувать... Дали и каже: „А де, хлопци, моя чугунна *Стеха* (се ёго любыма пушка була), та, що я зъ нею пидъ турка у Азовъ ходывъ (фактъ, не подтверждаемый исторіей), та вбывъ зъ нейи башу?“ А хлопци заразъ и кынулысь йийи шукать та такы й знайшлы. Боже! якъ кынувся винъ йийи цилувать, то такъ слёзы й поплылы зъ очей. Поплакавшы надъ пушкою, взявъ про-

¹⁾ Появление подобнаго рода рассказовъ, кажется, можно объяснить слабленіемъ въ ослабленной памяти видѣннаго со слышаннымъ.

зорну трубу та й дивыться на монастырську дзвинуцю. Роздывывшысь и каже: „ишъ, вражи сыны! обидають!“— „Хто, батьку, обида?“ пытають козаки.—„Мазепа зъ Карломъ и пушку сюды выставылы. Ось дайте, лышень, хлопци, я свою Стеху заряджу“. Та якъ зарядывъ, якъ выпальывъ, то такъ откютанта, що кушанья подававъ, на двоє й перервало. Мазепа, якъ побачывъ се, якъ схватыться, якъ сплесне руками: „отъ теперь“, каже Карлови, „ваше величество, пропалы мы!“—„Що? Якъ?“—„Палій прыйхавъ: я ёго пушку почувъ“.—„Не боюся твого Палія“, каже Карлъ (випъ такы хвабрый бувъ).—„Онъ-же жъ, якъ хочте, а пропалы“—каже зновъ Мазепа Карлови. На другой день Палій якъ узывъ изъ своейи Стехы палыты, то що наведе на якій шведскій рядъ, то вони якъ полова и сыплються.

Полт. писмi укр. нар., ч. I, вып. II, 37—48. (Зап. въ Полтава).

Х. Палій и Мазепа.

Семень Палій бувъ лыцарь и зъ Мазепою бывся. Такій то бувъ вирный у цара Мазепа, упросывъ у Цара, щобъ стратыть Семена Палія за те, що лыцарь, а лыцаривъ не треба. Выславъ Мазепа Семена Палія зъ старыми салдатамы, а Царъ велывъ салдатамъ ёго не тратыть, а замуруваты у стовпъ. Вони ёго замурувалы у стовпъ. Мазепа велывъ, щобъ ёму сердце Паліево прынеслы. Вони жъ собаку стратылы и сказалы: „оце сердце Семена Палія!“ Черезъ скилька годъ началась война проты Цара, отъ Мазепа передався до чужоземця, щобъ звоёвать сёго Цара. У Цара було войска мало. Зробылы разъ войну, зробылы другу, а на третій уже нема чимъ воюваты. Отъ выпъ одпросывся на згону и тоди каже старымъ салдатамъ: „обыскать, чы нема де лыцаря?“ Вони кажуть: „йсть такій лыцарь, тилькы не знаёмъ, чы жывый?“ Отъ вони довыдалысь до стовпа, а Семень Палій жывый; отъ вони й кажуть: „йсть такій—Семень Палій“. Тоди царъ сказавъ: „идить, возьмить ёго, тилькы не везить ёго ни возомъ, ни верхы, а зробить межъ лару коней колыску, щобъ не струсывся“. Привезлы Се-

мена Палія. Царь ёго у баню и обанывъ, и веливъ ёму спочыты.

А винъ не спочывайе,
Тилькы ходыть по табору,
Коня выбирайе.

Отъ скилькы тамъ не було у Цара коней, винъ выбравъ того, що воду возыть. Царь розсердывся, що выбравъ тако-го коня поганого. А винъ каже: „оцей тилькы кинь мене вывозыть“. Скоро посадалы на коней, Палій пустывъ стрилку, та стрилка попала у лусту мяса, де Мазепа зъ чуже-земнымъ королемъ на radoшахъ бенкетувавъ, балювавъ. Якъ побачылы воны стрилку, то й кажутъ: „годи воювать, бо вже йе Семень Палій!“ Та й до утѣку тоди. А Семень Палій зъ царемъ идуть. Отъ Царь и каже: „покажы мени, Семень Палій, свою лыцерію!“ Семень Палій каже: йидьте, Ваше Императорське Вельчество, по—за могылою“, а самъ пойхавъ зъ другои стороны. Якъ показався, що царь каже: „ой батюшка, Семень Палій, помылуй!“ — „Не бійтесь, Ваше Императорське Вельчество!“ Пойхалы тоди до вѣйска, одиб-ралы знамена—и годи воёвать! Царство зновъ царствомъ тоди.

Ч у б и н с к і й, Нѣсколькo народ. ист. пред.,—Кіевъ, 1873, стр. 8—9.

ХІ. Легенда о домѣ Мазепы въ Черниговѣ.

У Мазепыномъ доми, кажутъ, велькій кладъ и тамъ за-клята барышня йикась (або: царивна, дочка Мазепы): matka, кажутъ, заклала, що не слухалась. Разъ дакъ стоявъ, значыть, саддять на часахъ. А вана й выходыть и просыть у ёго хреста. Вуонъ не давъ. Колы жъ на другу ночь зновъ вана выходыть, а вуонъ зновъ таки не давъ: чы пожаліевъ, чы, може, побаявся тамъ... А за трейтимъ разомъ пашовъ до командыра да й розказавъ: такъ и такъ, каже.

— „Дурный же ты! було бъ, колы свого хреста жалко, хочъ зъ скіепачакъ (щепокъ) зробыть да дать юой: тадибъ увесь кладъ бы доставсь“. И скульки вуонъ не стаявъ вже на часахъ, то вже буольшь не бачывъ.

Черниговъ. Запис. г. Евг. Дорошевскимъ.

ХІІ. Легенды о дочери Кочубея, домѣ Мазепы и т. д.

Въ числѣ легендъ дома Мазепы (въ Черниговѣ) существуетъ одна, чисто народная, изображающая страданія бѣдной Маріи (Кочубей, какъ нужно догадываться). Бросивши отцовскій домъ, она ушла къ гетману, за что была проклята родною матерью, а душа ея по смерти осуждена на вѣчное скитаніе. Другое преданіе — что душа (проклятая) Маріи осуждена стеречь клады, спрятанные Мазепою въ подвалахъ своей канцеляріи, — клады (скарбы), взятые имъ у полковника Кочубея (нужно догадываться). И вотъ душа Маріи, осужденная стеречь эти клады, каждый годъ въ ночь подъ „Пречысте“ блуждаетъ по землѣ въ образѣ женщины и проситъ встрѣчнаго, чтобъ осѣнили ее святымъ крестнымъ знаменьемъ; и тогда только снимется съ нея проклятіе матери. Вотъ содержаніе легенды:

(Разсказъ позднѣйшій).

У Пречысте саме въ пивночъ,
 Якъ ще пивень не спивайе,
 Вкругъ будынку (гетманського)
 Якась постать похожайе...
 Вся въ золоти, довги косы,
 Мовъ гадюкы зъ плечъ спадають,
 Биле чоло—все убрано
 Клейнодамы, що й такъ сяють.
 Ти клейноды такъ и зорять,
 Вылыскують въ ночи темний...
 (Люди кажуть, що то скарбы,
 Ти, що Гетманъ позаховавъ)...
 Ходыть постать, кого стрине,
 Просыть вняты йийи мукамъ
 И хрестомъ святымъ преславнымъ
 Охрестыты... (знять покуту).

(П р е д а н і е).

Кажуть: здавна, якъ той гетьманъ,
 Що згубывъ Украйны славу,
 Якъ зъ своїмы козакамы

Утикавъ винъ у Молдаву,—
 Зъ тий поры и постать (видьмо)
 Въ лёхахъ темныхъ все блукайе,
 А на пивночь у Пречысте
 Вкругъ будынку похожайе...

(Другой вариантъ).

(Кажуть люде, що той гетьманъ,
 Утикаючы въ Молдаву,
 Кынувъ бидную Марію (?)
 На недобрую славу)...
 Стерегты вона ти скарбы
 За покуту тяжку мусыть...
 Тилькы разъ въ кожне Пречысте
 Знять хрестомъ покуту просыть...
 Бо якъ хто хрестомъ преславнымъ
 Благословыть кляту душу,
 То ти скарбы и клейноды
 Геть розсыпатысь мушуть...

Существуетъ еще рассказъ, слышанный мною отъ крестьянина с. Козерогъ. Указывается мѣсто между сс. Слабынымъ и Козерогами — на поляхъ открыты плугомъ остатки каменнаго зданія, чуть виднаго изъ земли, безъ выходовъ и отверстій, сложеннаго изъ дикаго камня, связаннаго цементомъ. Здѣсь тоже видѣли по ночамъ (по рассказамъ стариковъ) женскую „постать“ всю въ золотъ, „такъ и сяйе, горыть“ по мѣстному выраженію. Но тутъ остается непонятнымъ: сходство двухъ рассказовъ очевидное, и заключительныя строки однѣ и тѣ же:

А якъ трейтій (пивень) заспивайе:
 Зъ тяжкимъ стогномъ „хреста!“
 Въ лёхахъ темныхъ пропадайе... 1)

Иосифъ Ж—ій, „Ежъ исторіи края“, Черниг. Губ. Вѣд., 1888, № 11, часть неоф.

1) Жаль, что г. Ж-ий облекъ эти преданія въ болѣе, чѣмъ странную форму. Слагаемъ на его отвѣтственность всѣ несообразности текста.

ХІІІ. За что проклинають Мазепу?

То царь Петро да загадавъ, значить, Мазепи зъѣести сіемъ галушокъ, па сіемъ пудуовъ кажная. Отъ вуонъ йевъ, йевъ—шесть зъйевъ, сѣмаю й подавыся. Дажъ царь и сказавъ ёго проклинать. А Мазепа здаровый таки бувъ чала-віекъ, черезъ то жъ яму царь и загадавъ галушки тые йести ¹⁾. Добринна, Черняг. губ., Город. у. (Зап. г. Евг. Дорошевскимъ).

ХІV. Черногорская пѣсня о Петрѣ Велик. и Мазепѣ.

Кадъ (когда) Руссія съ Туркомъ заратла (начала войну),
 Петаръ Первий, Императоръ Русскій,
 Оправно посланника свога
 Михаила Милорадовича
 Одъ старине изъ Херцеговине,
 Да повесе Црной горы вѣнѣге (письмо)
 Петровичу Даниилу Владичи
 И главаромъ (начальникомъ) одъ Горице ц'рне;
 У вѣнѣзи ихъ мило поздравяше
 И овава нѣма (такъ имъ) говораше:
 „Ево има доба неколико (настало время),
 Да воюемъ и да боя биѣмъ
 Съ еретникомъ крѣвѣмъ одъ Швеціе
 За обрану (съ защиту) краля Полячкога,
 Бога бранихъ (котораго я защищилъ) одъ краля Швецкога,
 Ал' (но) онъ мене учини невѣру (спроломство)
 И приступи душманяну своѣму (къ врагу своему),
 Душманяну и своѣму, и моме;
 Но я юште (еще) имамъ излайника (измѣнника)—
 Проклетога Мазепу Ивана,
 Воеводу одъ Руссіе Мале,
 Као (какъ) Србѣ Бранковича Вука!
 Ни то мени досадило нѣ,
 Ни ративѣ мое утрудило —
 Съ Богомъ Шведе есмо рашчерали (разсыали),
 Подъ Полтавомъ страшно побѣдили,
 А Мазепа жива уоатли,
 А Полячког' повратил краля“ и т. д.

(Ч у б р њ Ч а й к о в и ч њ, Пѣванія черногорска и херцеговачка, Ч. I. Будимъ. 1833, стр. 46—47 и Лейпцигъ, 1837, стр. 4).

¹⁾ Подобная легенда могла возникнуть изъ непонятаго фигуральнаго смысла малорусской пословицы: „Мазепа пѣдъ Полтавою галушкою подавыся.“

Оскаръ Кольбергъ.

(по поводу 50-лѣтія его дѣятельности).

Нынѣшней весною, 31-го мая, этнографическая наука за границей справляла въ честь одного изъ своихъ старѣйшихъ дѣятелей замѣчательный праздникъ, какой рѣдко приходится на долю тѣхъ, кто посвящаетъ себя исключительно этой наукѣ. Вслѣдствіе вялости и нерегулярности нашихъ сношеній съ заграничными учеными обществами и учрежденіями, особенно славянскими, очень не мудро проглядѣть не одно такое событіе въ мірѣ науки и потомъ пожалѣть заднимъ числомъ. Такъ, къ сожалѣнію, случилось и на этотъ разъ, хотя празднество было такого рода, что нашимъ этнографамъ слѣдовало принять въ немъ живое участіе.

Празднество происходило въ Краковѣ, а виновникомъ его былъ преклонный старецъ 75 ти лѣтъ, выдающійся этнографъ Оскаръ Кольбергъ. Справлялся 50 лѣтній юбилей его въ высшей степени плодотворной дѣятельности въ области изученія польско-русскаго племени.

Многіе изъ русскихъ читателей, вѣроятно, впервые встрѣтятъ здѣсь имя Кольберга, и это насъ нисколько не удивитъ, разъ мы знаемъ, что онъ писалъ не на нѣмецкомъ или французскомъ языкѣ, а на одномъ изъ славянскихъ языковъ—польскомъ. Въ силу какого-то рока, который до сихъ поръ тяготѣетъ надъ польско-русскими отношеніями вообще, этотъ языкъ остается для русскихъ неизвѣстнымъ, лишь за рѣдкими исключеніями, и все то громадное количество ученыхъ академическихъ и частныхъ изданій, трудовъ, изслѣдованій и статей, которое печатается на немъ, въ особенности въ послѣднее время, не только за границей, но и въ предѣлахъ Россіи,—отдѣлено отъ русскаго ученаго міра какою-то китайскою стѣною. Вотъ почему мало извѣстны у насъ и цѣнные труды Кольберга.

Оцѣнить эти труды можетъ лишь тотъ, кто съ ними бли-

P. Kolbe

же познакомится, кто вчитается въ нихъ. И не мало же придется ему употребить времени на ознакомленіе съ ними: ихъ всего 28 томовъ, каждый страницъ въ 300 и болѣе—солидный памятникъ 50-лѣтняго труда!

Примѣръ Кольберга настолько поучителенъ, что не лишне будетъ ближе коснуться его жизни и дѣятельности, тѣмъ болѣе, что его изслѣдованія охватываютъ собою не однѣ только заграничныя области, но также и наши привислянскія губерніи, которыя намъ такъ мало еще знакомы съ бытовой, этнографической стороны. Кромѣ того, тутъ же впередъ замѣтимъ, что Кольбергъ изучалъ и изучаетъ не однихъ только поляковъ, но и русскихъ, галицкихъ, подольскихъ и волынскихъ малороссовъ, которымъ посвящаетъ цѣлые отдѣльные томы. Думаемъ, что хоть при этихъ условіяхъ онъ имѣетъ право на наше вниманіе и на полное уваженіе къ его многолѣтнему труду.

Биографы Кольберга, не смотря на его нѣмецкую фамилію, стараются произвести его родословную отъ славянскаго корня, отъ онѣмеченныхъ лехитовъ Kolobrzeg'овъ изъ древней Оботритской земли, лежавшей въ нынѣшнемъ княжествѣ Мекленбургскомъ. Какъ бы то ни было, отецъ его Юлій Кольбергъ былъ чистѣйшій нѣмецъ, а мать—француженка, эмигрировавшая во время великой французской революціи, такъ что въ самомъ Оскарѣ Кольбергѣ трудно доискаться славянской крови. Одна развѣ только его горячая любовь съ какою онъ принялся за изученіе славянской народности, можетъ служить доказательствомъ того, что даже въ потомкѣ нѣсколькихъ онѣмеченныхъ поколѣній осталось скрытое чувство племенного родства со славянами.

Такому направленію его дѣятельности способствовали впрочемъ и внѣшнія условія. Семья поселилась въ центрѣ нынѣшней Польши—Варшавѣ, еще при господствѣ тамъ прусаконъ, и осталась тамъ, не смотря на политическія перемѣны, когда было образовано княжество Варшавское. Отецъ служилъ сначала инженеромъ-топографомъ, потомъ казеннымъ землемѣромъ въ м. Присухѣ Опочненскаго уѣзда, Радомск. г.

(гдѣ и родился Оскаръ Кольбергъ), а также инспекторомъ фабрикъ; въ 1819 г. былъ приглашенъ въ Варшавскій университетъ на кафедру геодезіи, межевыхъ наукъ и топографіи. Основавшись такимъ образомъ на долгое время въ Польшѣ, семья Кольберговъ ¹⁾ стала жить польской жизнью, и польскій языкъ еще задолго до рожденія Оскара Кольберга былъ у нихъ разговорнымъ языкомъ въ семьѣ.

О. Кольбергъ родился въ 1814 г. (1⁹/₂₂ февр.); 10-ти лѣтъ поступилъ въ Варшавскій лицей, въ которомъ обучался, пока не наступилъ мятежъ 1830 г. По выходѣ изъ лицея ему случилось найти себѣ частное занятіе въ банкирской конторѣ; онъ долженъ былъ проститься съ систематическимъ университетскимъ воспитаніемъ и, можетъ быть, затерялся бы въ самой обыкновенной дѣловой средѣ, если-бъ не спасла его та искра чистаго искусства, которая въ немъ тлѣла и которую во время замѣтили окружающіе, въ томъ числѣ знаменитый Шопенъ и извѣстный писатель К. Бродзинскій. Кольбергъ былъ страстный любитель музыки и обладалъ значительными музыкальными способностями, которымъ отецъ и не далъ, къ счастью, заглухнуть. Онъ далъ сыну хорошихъ учителей, и при своихъ конторскихъ занятіяхъ молодой Кольбергъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ совершенствовался въ музыкѣ, пока не дошелъ до того, что сталъ серьезно мечтать о композиторствѣ.

Съ этой пріятной мечтой онъ отправился въ 1834 г. въ Берлинъ для усовершенствованія въ контрапунктѣ и гармонизаціи. Вернувшись оттуда въ 1836 г., онъ какъ разъ очутился въ неожиданно прорвавшемся новомъ потокѣ въ литературѣ и наукѣ, который открылъ ему новый міръ въ той области, которую онъ изучалъ,—міръ народной безыскусственной поэзіи и музыки: такая благодарная почва для композитора, какое обиліе матеріала для созданія чего-ни-

¹⁾ Изъ 4-хъ сыновей Ю Кольберга, кромѣ Оскара, извѣстенъ еще старшій Вильгельмъ, который пошелъ по той же специальности, что и отецъ, и третій сынъ Антонъ, пользовавшійся въ свое время извѣстностью, какъ живописецъ картинъ духовнаго содержанія и подражатель Тиціана.

будь новаго, оригинальнаго, самостоятельнаго! Появился цѣлый рядъ этнографическихъ сборниковъ въ Варшавѣ, во Львовѣ и другихъ мѣстахъ; выдвинулись имена Вацлава зъ Олеска, К. Войцицкаго, Жеготы Паули, Липинскаго, Конопки, и къ этимъ-то извѣстнымъ въ славянской этнографіи именамъ присоединилось и имя Кольберга, вскорѣ затмившее ихъ собою.

Какъ музыкантъ въ душѣ и на практикѣ (жилъ уроками музыки въ теченіе 9 лѣтъ по возвращеніи изъ Берлина), онъ первое время интересовался народною жизнью преимущественно съ точки зрѣнія своей спеціальности. Познакомившись со сборниками народнаго творчества вышепоименованныхъ собирателей, онъ увидѣлъ, что при всемъ громадномъ интересѣ, какой они способны были возбудить своею новизною, они все-таки не въ состояніи удовлетворить его запросамъ, такъ какъ тексты пѣсенъ безъ ихъ напѣвовъ остаются для музыканта мертвою буквою и вообще теряютъ половину своего значенія. Въ виду этого Кольбергъ задался мыслью представить народную пѣсню во всей ея полнотѣ, такъ сказать вживѣ, сопровождая каждый текстъ напѣвомъ, и съ 1839 г., а отчасти и еще раньше началъ онъ самъ непосредственно собирать, сначала въ окрестности Варшавы, а потомъ и въ другихъ мѣстностяхъ, образцы народной музыки, не только пѣсенъ, но и танцевъ, игръ и т. п. Часть собраннаго матеріала была имъ опубликована въ 1842 году въ видѣ сборника народныхъ пѣсенъ (*Pieśni ludu Polskiego*) для пѣнія съ аккомпаниментомъ фортепіано, въ количествѣ 101 номеровъ. ¹⁾ Цѣль этого изданія была та, чтобы ввести понемногу народную пѣсню въ общество, въ салонъ, на подмостки концертной залы; но это еще не былъ въ строгомъ смыслѣ научный трудъ, какой составлялъ конечную цѣль помысловъ Кольберга. Занятія частными уроками,

¹⁾ Мы не знакомы съ этимъ сборникомъ. Библиографъ К. Эстрейхеръ, кромя познанскаго изданія 1842 г., посвященнаго залѣскому (Вацл. зъ Олеска), К. Войцицкому, Паули и Конопкѣ, указываетъ еще варшавское изданіе (литогр. Давоковскаго) въ двухъ выпускахъ, безъ года.

а потомъ канцелярская и бухгалтерская служба при желѣзнодорожныхъ и другихъ конторахъ не представляли, правда, особенно выгодныхъ условій къ исполненію предположенной цѣли, въ особенности при такой широтѣ и трудной исполнимости плана, какой онъ себя намѣтилъ. Онъ имѣлъ въ виду сначала копить пѣсенный матеріалъ до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ болѣе или менѣе исчерпанъ и только тогда приняться за его группировку, положивъ въ основаніе ея содержаніе или лучше сказать главные темы пѣсенъ. Такимъ образомъ каждая пѣсня должна была быть представлена въ огромномъ количествѣ вариантовъ, собранныхъ со всевозможныхъ концовъ Польши русской и заграничной. Очевидно, что такой сборникъ никогда не увидѣлъ бы свѣта, или же сопровождался бы безконечнымъ рядомъ прибавленій, потому что каждый новый годъ, каждая новая волость и даже деревня создаютъ все новые по тексту и по напѣву варианты однихъ и тѣхъ же пѣсенъ. Если и возможно было достигнуть въ этомъ дѣлѣ извѣстной полноты, то только при участіи многихъ и многихъ рукъ. Другое важное препятствіе въ исполненіи этого плана должно было встрѣтиться въ томъ, что отдѣльные поэтическіе мотивы и цѣлые эпизоды встрѣчаются очень часто въ народныхъ пѣсняхъ различныхъ по содержанію; масса наконецъ есть пѣсенъ составныхъ, такъ что группировка ихъ по основному содержанію весьма затруднительна. Всѣ эти неудобства Кольбергу поневолѣ пришлось сознать на практикѣ, когда онъ приступилъ къ изданію 1-го выпуска своего научнаго сборника, хотя для него онъ еще выбралъ болѣе благодарный въ этомъ отношеніи отдѣлъ думъ и легендъ, которыя имѣютъ сравнительно меньше вариаций на одну и ту-же тему. Этотъ выпускъ вышелъ въ 1857 г. въ Варшавѣ большимъ томомъ въ осьмушку около 450 стр., подъ заглавіемъ: „Pieśni ludu Polskiego. Serja I^a“; онъ заключаетъ въ себя 41 пѣсню съ вариантами, число коихъ для иныхъ пѣсенъ доходитъ до 50, а также около 500 номеровъ народной музыки безъ словъ, т. е. танцевъ. Приложенный въ концѣ книги алфавитный

указатель мѣстностей, въ которыхъ собранъ этотъ огромный матеріалъ, заключаетъ въ себѣ болѣе 450 названій. Это былъ первый осязательный плодъ 18-лѣтней работы, появившійся въ свѣтъ только на 43 году жизни неутомимаго изслѣдователя.

Очевидно, что такъ дѣло продолжаться не могло. Нужно было прибѣгнуть къ другой системѣ, которая указывалась самымъ ходомъ дѣла, самой практикой собиранія пѣсенъ. Народная пѣсня есть неотъемлемая часть духовной жизни народа, составное звено этой жизни, и какъ съ одной стороны нельзя основательно изучить пѣсню, не познакомившись съ создавшимъ ее народомъ и его жизнью, такъ съ другой стороны нельзя вырывать эту пѣсню изъ той среды въ которой она родилась и съ которой срослась, будетъ ли то обычай, обрядъ, игра или какая-нибудь другая сторона народной жизни. Такъ и Кольбергъ, задавшись сначала цѣлью изучать исключительно народную музыку въ ея живыхъ образцахъ, необходимо долженъ былъ всесторонне знакомиться съ бытомъ народа, и такимъ образомъ изъ спеціалиста музыканта онъ незамѣтно сдѣлался этнографомъ въ полномъ смыслѣ слова. Впрочемъ уже и въ первомъ выпускѣ его пѣсенъ можно замѣтить склонность къ расширенію своихъ изслѣдованій и интересъ къ другимъ вопросамъ помимо музыки: къ книжкѣ приложено 10 раскрашенныхъ таблицъ съ рисунками народныхъ типовъ въ оригинальныхъ костюмахъ. Разнообразный этнографическій матеріалъ съ каждымъ годомъ, съ каждымъ новымъ знакомствомъ во время его многочисленныхъ поѣздокъ все накоплялся, и тогда-то для его группировки потребовалось установить другія основанія, значительно расширивъ рамки изданія. Принята была система монографическая: матеріалы стали распредѣляться по мѣстностямъ, такъ что одинъ цѣлый выпускъ или же нѣсколько ихъ посвящалось одной извѣстной области. При томъ самая программа изданія охватывала уже всѣ стороны народнаго быта. Сообразно съ этимъ и заглавіе для дальнѣйшихъ выпусковъ было установлено такое: „*Lud, jeho*

zwojszaje, sposób życia, mowa, podania, przysłowia, obrzędy, gusła, zabawy, piosni, muzyka i tance“. Но кромѣ тѣхъ рубрикъ, которыя здѣсь указаны, въ монографіяхъ отдѣльныхъ областей дается мѣсто предварительнымъ физическимъ, топографическимъ и отчасти историческимъ очеркамъ страны, а въ концѣ приводятся соотвѣтственныя выписки изъ разныхъ старыхъ изданій и научныя примѣчанія; наконецъ, помимо всего этого почти каждая книжка иллюстрируется рисунками народныхъ типовъ, строеній, орудій и другихъ принадлежностей быта.

По такой-то программѣ описаны Кольбергомъ слѣдующія области, названія которыхъ не всегда соотвѣтствуютъ современному административному дѣленію: 1) Сандомирская область—1 томъ (Варш. 1865), 2) Куявская—2 тома (Варш. 1867), 3) Краковская—4 т. (Краковъ, 1871--75), 4) Познанская—7 т. (К. 1875—82), 5) Люблинская—2 т. (К. 1883—84), 6) Кѣлецкая—2 т. (К. 1885—86), 7) Радомская—2 т. (К. 1887—88), 8) Мазовія—4 т. (К. 1885—88), 9) Покутье галицкое—3 т. (К. 1882,—83,—85)¹⁾. Не говоря уже о богатствѣ другого матеріала, заключающагося въ этомъ обширномъ рядѣ монографій, однихъ мелодій музыкальных насчитываютъ въ нихъ болѣе 8 тысячъ. И это еще не все: лица, имѣвшія случай ближе познакомиться съ матеріалами Кольберга, свидѣтельствуютъ, что въ его завѣтныхъ 40 папкахъ остается еще такой запасъ, что если только судьба продлитъ жизнь этому почтенному старцу, то число томовъ можетъ дойти до пятидесяти.

При такой подавляющей массѣ матеріала прежде всего задаешь себѣ вопросъ: на какія-же средства и какимъ способомъ все это было собрано и издается? Отвѣтъ получается изумительный: все это результатъ главнымъ образомъ личного самопожертвованія Кольберга какъ въ дѣлѣ собранія, такъ и въ дѣлѣ изданія.

¹⁾ Последнія двѣ серіи не носятъ приведеннаго выше подробнаго заглавія, а названы просто: *Mazowsze, Pokucie*.

На сбереженные гроши, урывая отъ служебныхъ обязанностей время, предпринималъ онъ систематическія поѣздки въ разныя мѣстности, заселенныя польскимъ и малорусскимъ племенемъ. Такъ, оставаясь жить до 1871 г. въ Варшавѣ, онъ посѣтилъ въ своихъ экскурсіяхъ въ 1837 г. — Литву, въ 1839 г. — окрестности Варшавы (особ. Виляново); въ 1842, — 43, — 57 и 61 — окрестности Кракова, Бескиды, Подгаль, Силезію; въ 1844, — 45, — 47 — страну курпей (по р. Нареву); въ 1848, — 49 и 59 — Люблинскую губ., въ 1853 — Петроковскую. въ 1854 — Сандомирскую область, въ 1855, — 56 — Радомскую, Кѣлецкую, Плоцкую губ., въ 1858 — Августовскую (Сувальскую), въ 1860 — Куявскую землю. Кромѣ того онъ путешествовалъ въ Хорватіи, Венгріи, былъ въ Триестѣ.

Съ 1861 г. оставивъ казенную службу, онъ могъ свободнѣе предаться своимъ любимымъ занятіямъ. Тутъ между прочимъ онъ попробовалъ опять вернуться къ исполненію и своей первоначальной завѣтной мысли — заняться искусственной композиціей серьезныхъ музыкальныхъ вещей въ народномъ духѣ, воплотить по примѣру Монюшки народные мотивы въ такихъ образахъ, которые бы навсегда запечатлѣвались въ душѣ и которыхъ бы не гнушалось даже фешенебельное общество, иногда съ презрѣніемъ относящееся къ непосредственному грубому народному творчеству. Идеаломъ въ этомъ смыслѣ должна была быть народная опера. Въ видѣ отрывочныхъ предварительныхъ этюдовъ къ такого рода произведенію Кольбергъ еще раньше компонировалъ мелкія вещицы: танцы, аріи и т. п., а потомъ написалъ даже оперу „Король пастуховъ“, представленную семь разъ въ Варшавѣ (1857). Послѣ 1861 г., не стѣсняемый обязательной службой, онъ опять вернулся, какъ мы сказали, къ мысли о народной національной оперѣ и написалъ на народные мотивы оперетку „Янекъ изъ-подъ Ойцова“, (либретто Грегоровича) а также началъ оперу „Wiesław“ (на текстъ Прушаковой). Помимо этого онъ находилъ время для чисто литературныхъ занятій: помѣщалъ общедоступныя этнографическія статьи въ періодическихъ изданіяхъ, писалъ

спеціальныя статейки для энциклопедій, рецензіи на новыя книги по этнографіи и т. д.

Но эта дѣятельность не настолько все-таки поглощала Кольберга, чтобы заставить его забыть этнографію въ болѣе широкомъ смыслѣ. Участіе въ періодическихъ изданіяхъ вызывалось скорѣе необходимостью, являлось средствомъ заработка; музыкальныя занятія составляли для него отдыхъ и развлеченіе среди кропотливой работы надъ собственными этнографическими матеріалами. Онъ разбирался въ нихъ постепенно, приводилъ въ порядокъ, готовилъ къ печати и безпрестанно пополнялъ свои собранія въ цѣломъ рядѣ предпринимаемыхъ имъ новыхъ экскурсій, именно: въ восточную Галицію и Венгрію въ 1861 г., на Волынь въ 1862, въ Калишскую и Плоцкую губ. и опять въ Галицію, Краковъ, Карпаты въ 1863—65, въ Познань въ 1866—68, въ Холмскую Русь и еще разъ въ Сувалкскую губ. въ 1869 и 70 гг.

Слѣдуетъ отмѣтить 1871 годъ въ біографіи Кольберга, во-первыхъ потому, что съ этого года на него обратили болѣе серьезное вниманіе краковскія ученые общества, во-вторыхъ потому, что тогда-же онъ простился съ Варшавой и переѣхалъ за-границу, гдѣ жилъ сначала по близости Кракова въ Модльницѣ (у пріятеля Конопки, занимавшагося этнографіей краковянъ), а потомъ съ 1884 поселился навсегда въ самомъ Краковѣ, откуда въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ совершилъ еще третью серію экскурсій уже при поддержкѣ краковской Академіи. Такъ въ 1875 г. онъ отправлялся въ Познань и въ Пруссію, чтобы спасти тамъ то, что еще не успѣло онѣмечиться и исчезнуть; въ 1876,—77 и—80 гг. еще побывалъ на Покутьѣ и Галицкомъ Подолѣ; наконецъ въ 1883—5 гг. три раза посѣщалъ на собственные средства Саноцкій округъ.

Въ каждой посѣщаемой имъ мѣстности, пользуясь гостеприимствомъ и содѣйствіемъ мѣстныхъ обывателей, онъ исчерпывалъ самъ лично попадавшійся ему матеріаль, насколько было возможно, заводилъ новыя знакомства и вербовалъ себѣ сотрудниковъ и корреспондентовъ, которые потомъ

доставляли ему богатый запасъ свѣдѣній и готоваго матеріала.

Такимъ образомъ первая часть обширной и трудной задачи исполнялась: матеріаль былъ собранъ въ достаточномъ количествѣ и постоянно пополнялся. Оставалось разрѣшить болѣе трудный вопросъ — опубликованія этого громаднаго матеріала. И въ этомъ случаѣ Кольбергъ, не возлагая надеждъ на чужую поддержку, началъ дѣло на собственный рискъ. Ведя чрезвычайно умѣренную и скромную жизнь, онъ сумѣлъ дѣлать сбереженія отъ своихъ ограниченныхъ доходовъ, такъ что съ 1836 г. собрался запасъ около 1½ тыс. рублей, которые онъ употребилъ на изданіе 1-го выпуска пѣсенъ въ 1857 г.; а затѣмъ получаемую отъ продажи своихъ изданій сумму съ новыми доплатами онъ употреблялъ на изданіе дальнѣйшихъ выпусковъ. Наконецъ, его труды обратили на себя вниманіе краковскаго ученаго общества (Towarzystwo naukowe), и оно предложило ему первую субсидію въ количествѣ 300 злотыхъ рейнскихъ на изданіе монографіи Краковской земли. Субсидія эта, была конечно, слишкомъ ничтожна въ сравненіи съ тѣми затратами, какія еще предстояли по изданію, и хотя она потомъ была увеличена, когда къ ученому обществу присоединилась краковская академія, тѣмъ не менѣе всего этого было далеко недостаточно для того, чтобы печатать свои матеріалы безъ собственныхъ приплатъ. Такимъ образомъ въ результатѣ оказывается, что до нынѣшняго года въ теченіе 17 лѣтъ Кольбергомъ получено субсидій около 8 тыс. злотыхъ, а съ своей стороны имъ приплачено при этомъ болѣе 4 тыс. зл. Нѣкоторые выпуски были обезпечены частными субсидіями. Такъ, монографія Мазовіишла себѣ издателя; на изданіе 1-го тома „Покутья“ было предоставлено Кольбергу 500 зл. р., оставшихся отъ этнографической выставки въ Коломыѣ 1880 г. Этого, конечно, не хватило, и Кольбергъ опять доплатилъ, а 2-й и 3-й т. „Покутья“ издалъ цѣликомъ на свои средства.

Вотъ при какихъ условіяхъ началось и до сихъ поръ продолжается капитальное изданіе матеріаловъ, составляющихъ

неоцѣненный вкладъ въ этнографическую науку. Все это дѣлается главнымъ образомъ усиленъ, трудомъ и энергіею одного человѣка, и сдѣлано имъ столько, сколько не дѣлаютъ инныя общества, располагающія достаточнымъ количествомъ научныхъ силъ и матеріальныхъ средствъ.

Да, имя Кольберга съ полнымъ правомъ и съ заслуженной славой станетъ на ряду съ именами извѣстѣйшихъ этнографовъ всѣхъ народовъ, а среди изслѣдователей славянскихъ народностей онъ займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Простительно ли послѣ этого всякому образованному чловѣку не знать имени этого достойнаго и самоотверженнаго дѣятеля, служителя науки? Непростительно потому, что такихъ людей немного, и ихъ жизнь и дѣятельность должны быть извѣстны каждому и служить намъ примѣромъ. Яркимъ доказательствомъ его славы пусть послужитъ хоть то, что люди, не знающіе польскаго языка, какъ португальскій этнографъ проф. Педросо, принимаются за изученіе этого языка только для того, чтобы имѣть возможность пользоваться его неисчерпаемыми матеріалами. Если нѣмцы даже въ своихъ энциклопедіяхъ (Брокгаузъ) игнорируютъ имя Кольберга, то на это, можетъ быть, у нихъ есть свои причины; но тѣмъ ближе и дороже это имя должно быть намъ, и тѣмъ охотнѣе и дружнѣе шлемъ мы въ видѣ отдаленнаго и запоздалаго юбилейнаго отголоска нашъ искренній и сердечный привѣтъ мастистому юбиляру. ¹⁾

Н. Яичукъ.

¹⁾ О Кольбергѣ извѣстна намъ статья Людовика Кубы, въ чешскомъ журналѣ „Osvĕta“ (Прага, 1888. 8); затѣмъ новѣйшія статьи въ варшавскихъ польскихъ изданіяхъ за нынѣшній годъ по поводу его юбилей: 1) статья Адама Плуга въ „Kłosach“ (№ 1249) съ упоминаніемъ статьи о немъ же Е. Ва. Войцיצаго въ томъ-же изд. за 1867 г.; 2) ст. В. Коротмыскаго въ журналѣ „Tygodnik Ilustrowany“ (№ 832); 3) ст. Яна Карловича въ журн. „Висла“, кн. 2; наконецъ, въ краковскомъ журналѣ „Nowa Reforma“ особенно теплый очеркъ д-ра І. Коперницкаго, изъ котораго мы очеркнули нѣкоторыя подробности. Къ юбилею Кольберга см. также краткія извѣстія въ Петерб. газетѣ „Кгаз“, № 21 (корресп.) изъ Львова, № 22 и 24 (сельгоны). Началомъ дѣятельности Кольберга признаютъ 1839 г., давшия первые осязательные результаты (поѣздка въ Виллаво).

Положеніе неспособныхъ къ труду стариковъ

ВЪ ПЕРВОВЫТНОМЪ ОБЩЕСТВѢ.

II.

Классическіе авторы оставили намъ въ своихъ произведеніяхъ много характерныхъ, но отрывочныхъ и часто противорѣчивыхъ извѣстій по исторіи примитивной культуры, которыя до сихъ поръ еще не собраны и не провѣрены критически. Не всѣ они одинаковой цѣнности: одни принадлежатъ писателямъ, заслуживающимъ полнаго довѣрія своей точностью, трезвенностью; другія вызываютъ въ читателѣ скептическое отношеніе, благодаря предвзятой теоріи, къ которой видимо подгонялись ими факты, благодаря наивнымъ попыткамъ рационализаціи, недостатку наблюдательности и богатству фантазій, легковѣрію и т. д. Подбирая такія извѣстія по какому-нибудь отдѣльному вопросу, приходится всегда быть на-сторожѣ, принимать во вниманіе личность автора, его взгляды, свойства и т. д., — приходится считаться съ самыми непримиримыми противорѣчіями. Характернымъ примѣромъ такихъ противорѣчій являются извѣстія объ убійствѣ стариковъ у римлянъ.

Изъ этихъ извѣстій наиболѣе полнымъ и важнымъ для насъ является отдѣлъ „Sexagenarios de ponte“ въ извѣстномъ сочиненіи *М. Веррія Флакка*, писателя временъ Августа: „De verborum significatione“, которое было сокращено приблизительно во второй половинѣ III в. по Р. Хр. *С. Помпеемъ Фестомъ*, а въ VIII в.—*Павломъ Діакономъ* ¹⁾. Это сочиненіе

¹⁾ S. P. Festi et M. V. Flacci de verborum significatione lib. XX. ed. Dacerii, Lutetiae Parisiorum, 1681, lib. XVII стр. 522—3; Liebrecht, Gerv.

имѣетъ видъ словаря, составленнаго безъ всякихъ претензій, но съ большимъ знаніемъ дѣла и добросовѣстностью; для изслѣдователя римскихъ древностей оно даетъ драгоценные матеріалы. Въ указанномъ отдѣлѣ сведены и сопоставлены противорѣчивыя преданія, которыя ходили въ римскомъ обществѣ и литературѣ объ убійствѣ стариковъ и празднествѣ Аргей (Argei). Извѣстіе это настолько важно, что я считаю нужнымъ привести его цѣликомъ, въ возможно болѣе близкомъ переводѣ.

„Нѣкогда шестидесятилѣтнихъ стариковъ (sexagenarios) сбрасывали съ моста (de ponte). По словамъ Манилія ¹⁾, причина этого состояла въ томъ, что аборигины, которые первые населяли Римъ, имѣли обычай ежегодно приносить въ жертву отцу Зевсу шестидесятилѣтняго старика (собственно: челоуѣка, который достигалъ шестидесятилѣтняго возраста). Это они перестали дѣлать съ приходомъ Геркулеса, но послѣ этого, изъ уваженія къ древнему обычаю, рѣшили по прежнему бросать въ Тибрь тростниковыя изображенія людей“ ²⁾. Въ другомъ мѣстѣ, подь словомъ „Argei“ ³⁾, это извѣстіе дополняется: „аргеями называли тростниковыя изображенія, которыя ежегодно бросались весталками въ Тибрь“.

Въ этомъ извѣстїи обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія черты: аборигины, *доисторическіе жители* Италїи, имѣли обычай ежегодно приносить въ жертву Зевсу старика 60-ти лѣтъ; съ приходомъ Геркулеса обычай этотъ прекратился; взамятъ стали бросать въ Тибрь тростниковыя изображенія людей. Самый текстъ вызываетъ нѣсколько вопросовъ; онъ

von Tilbury, стр. 85—6 (Paulus Diaconus). Изданіе Дацерія—изъ очень плохихъ; капитальнаго изданія Миллера я не могъ, къ сожалѣнію, достать въ Москвѣ.

¹⁾ Ученый проектъ, современнаго Сципіона Младшаго.

²⁾ Sexagenarios de ponte olim deiciabant, cujus causam Manilius hanc refert, quod Romam qui incoluerint primi Aborigenes hominem, sexaginta annorum qui esset, immolare Diti Patri quotannis soliti fuerint, quod facere eos destitisse adventu Herculis, sed religione postea veteris moris scirpeas hominum effigies de ponte in Tiberim vetere modo mittere instituisse.

³⁾ Festus—Flaccus, lib. I, стр. 36.

не даетъ отвѣта на то, какъ и въ какое время совершались жертвоприношенія и празднество „Argei“, какое количество аргеевъ бросали и т. д. Сопоставленіе „*immolare Diti Patri*“ и „*religione... veteris moris scirpeas hominum effigies de ponte in Tiberim veteri modo mittere*“ заставляетъ предполагать, что жертвоприношеніе Зевсу и состояло въ бросаніи стариковъ въ Тибръ, иначе такая замѣна была бы по меньшей степени странною и не соответствовала бы самому принципу „замѣнъ“, которыми такъ полна жизнь первобытнаго общества. Затѣмъ, если единственное число въ словахъ о жертвоприношеніи не считать ошибкой издателя (*hominem... esset* вм. *homines... essent*) или же метонимическимъ выраженіемъ самого автора, то пришлось бы предположить, что ежегодно приносили въ жертву по одному дряхлому старику ¹⁾, котораго, вѣроятно же всего, выбирали по жребію; но это опять таки противорѣчитъ замѣнѣ (*hominem—scirpeas hominum effigies*), которая всегда отличается педантичностью въ подробностяхъ. Къ остальнымъ вопросамъ по поводу этого свидѣтельства намъ еще придется возвратиться ниже.

„По словамъ другихъ,—продолжаетъ Флаккъ,—когда Геркулесъ находился въ Италіи, нѣкоторые спутники (его) поселились на берегу Тибра и назвались Аргеями отъ Аргивской области. У греческаго народа явилось желаніе возобновить память объ этомъ, которая передавалась отъ поколѣнія къ поколѣнію; былъ отправленъ какой-то аргейскій посолъ, который долго засидѣлся въ Римѣ, тамъ и умеръ. Жрецы постановили, чтобы тростниковыя изображенія тѣхъ, которые объявили что-нибудь (полезное) для государства, были отправляемы рѣкой и моремъ на родину“ ²⁾.

1) Трудно, конечно, предположить въ это время точный счетъ лѣтъ: терминъ „*sexagesarius*“, вѣроятно, взятъ Манниемъ и Флаккомъ изъ болѣе поздняго порядка вещей.

2) *Alii dicunt, morante in Italia Hercule, quod quidam jus (ejus?) comitum habitaverint secundum ripam Tiberis, atque Argaeos se ab Argivis vocaverint arvis, quorum proditam memoriam redintegrari, eo gente missum ab Graeca legatum quendam Argaeum diu cum iis Romae moratum esse, his ut obierit,*

Текстъ этого мѣста видимо испорченъ и спутанъ; преданіе изложено въ немъ не ясно и туманно, отличается искусственностью: въ болѣе подробномъ и понятномъ видѣ оно было изложено *Овидіемъ*. По всей вѣроятности, это одна изъ многочисленныхъ *légendes des origines*, которыя часто придумывались досужими римскими книжниками для объясненія топографическихъ названій, происхожденія и названія различныхъ обрядовъ, обычаевъ и т. д.; для объясненія, напр., такого весьма понятнаго по своему этимологическому происхожденію слова, какъ „aborigenes“ (ab origine), эти книжники придумали много запутанныхъ и сложныхъ легендъ, въ которыхъ пускали въ дѣло всю свою громадную эрудицію, поднимали на ноги всю греческую и римскую миеологию. По всей вѣроятности, въ данномъ случаѣ исходной точкой книжническаго „миотворенія“ съ неизбежнымъ Геркулесомъ ¹⁾ было само римское топографическое и бытовое названіе „argei“, которое заманчиво напрашивалось на сопоставленіе съ Argivi-Graeci, ²⁾ слѣдовательно—съ Геркулесомъ, Эвандромъ и т. д.

institutum a sacerdotibus, ut effigies scirpea ex omnibus, cum quae publicae erant rei nuntiavisset, per flumen ac mare in patriam remitteretur.

¹⁾ Трудно рѣшить, какой Геркулесъ имѣется здѣсь въ виду—римскій или греческій. Римскія легенды разбираемаго типа приписываютъ ему цѣлый рядъ просвѣтительныхъ подвиговъ въ Италиі, но большинство сообщаемыхъ при этомъ біографическихъ подробностей о немъ приводитъ насъ къ Геркулесу греческому. Вѣроятно же всего, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ искусственными передѣлками римскихъ народныхъ преданій, книжническими попытками дополнить ихъ изъ греческихъ источниковъ и, очевь можетъ быть, изъ собственныхъ домысловъ: слишкомъ ужъ эти легенды сложны, противорѣчивы, натавуты...

²⁾ Это производство такъ же сомнительно, какъ и приведенное выше сближеніе „argei“ съ „arceo“. По моему мнѣнію, это слово находится въ непосредственной связи съ греческимъ „argma“ (*Odyss.*, XIV, 446), лат. primitiae, „начатки, первинки (жертвы), сжигавшіяся въ честь боговъ“, по толкованію составителя „Гомеровскаго словаря“ г. Краузе, и вообще съ аrio-европейскимъ ворнемъ а г г, свѣтлый—звѣтеть, довольно обычный по отношенію къ предкамъ (пслѣднимъ указаніемъ я обязанъ В. Ф. Миллеру). Можетъ быть, оно стоитъ въ связи и съ argilla, argilos—блѣлая, свѣтлая глина, изъ которой Римляне могли дѣлать сначала эти изображенія, какъ изъ матеріала, наиболѣе удобнаго для глинки и распространеннаго; эти „аргеи“ могли сдѣлаться въ послѣдствіи нари-

„Существуютъ и такіе, — читаемъ далѣе у Флакка, — которые говорятъ, что послѣ того, какъ Римъ былъ освобожденъ отъ Галловъ, вслѣдствіе недостатка въ пищѣ начали выбрасывать шестидесятилѣтнихъ стариковъ въ Тибръ. Одинъ изъ нихъ былъ спрятанъ любящимъ сыномъ и часто помогалъ родителю своими совѣтами, которые выдавалъ за свои его сынъ. Когда это узнали, юношу простили и перестали отнимать жизнь у стариковъ. То укромное мѣсто, гдѣ скрывался старикъ, показалось достойнымъ благоговѣнія и было названо Аркеями“ (отъ *arceo*, удерживаю) ¹⁾.

Эта легенда, къ которой можно найти много параллелей въ европейской искусственной и народной поэзіи ²⁾, косвенно подтверждается, какъ увидимъ ниже, однимъ глухимъ извѣстіемъ Тита Ливія; конецъ ея — характерный образчикъ натянутыхъ и схоластически-сухихъ *légendes des origines* несомнѣнно искусственнаго происхожденія. Она важна для насъ тѣмъ, что указываетъ на *возрожденіе* у Римлянъ въ историческое время обычая убійства стариковъ подъ давленіемъ голода. О жертвоприношеніяхъ и „аргеяхъ“ здѣсь нѣтъ и рѣчи; характеръ преданія совѣтъ иной, чѣмъ въ предыдущихъ преданіяхъ: это заставляетъ насъ думать, что мы имѣемъ дѣло не съ разными версиями одного и того же преданія, но съ разными преданіями, относящимися къ разнымъ временамъ, но исходящими отъ одинаковаго обычая. Составъ легенды не сложенъ и, кажется, ясно указываетъ на ея происхожденіе: существовалъ обычай, прекратился, возобновился временно. Память о немъ переходила

постепеннымъ инвентаремъ, когда ихъ стали дѣлать изъ другихъ матеріаловъ и когда было забыто ихъ первоначальное происхожденіе. За эту гипотезу я, впрочемъ, особенно не стою.

¹⁾ *Sunt, qui dicant, post urbem a Gallis liberatam ob inopiam cibatus coeptas sexaginta annorum homines jaci in Tiberim; ex quo numero unus filii pietate occultatus saepe profuerit consilio sub persona filii. Id ut sit cognitum, ei juveni esse ignotum et sexagenariis vita concessa. Latebras autem ejus, quibus arcerit senem, id est cohibuerit et celaverit, sanctitate dignas esse visas, ideoque Arcaea appellata.*

²⁾ Анализъ этихъ легендъ будетъ посвященъ особая глава.

отъ поколѣнія къ поколѣнію и подкрѣплялась празднествомъ „аргеевъ“ и, какъ увидимъ ниже, Сатурналій и другихъ празднествъ; дѣйствительность указывала на важное значеніе стариковъ и ихъ совѣтовъ—изъ этихъ двухъ элементовъ народный умъ и составилъ отвѣтъ на естественно интересовавшій его вопросъ: почему прекратился этотъ обычай? Такое перенесеніе настоящихъ порядковъ въ далекое прошлое свойственно вообще примитивной средѣ, да и образованные, „культурные“ классы не такъ ужъ давно, а пожалуй и еще не совсемъ освободились отъ этого... Намъ кажется очень вѣроятнымъ, что легенда, объясняющая прекращеніе обычая убіенія стариковъ тѣмъ, что наконецъ понята была польза ихъ совѣтовъ, создавалась въ эпоху наибольшаго вліянія стариковъ—при патріархатѣ. Какъ и всегда, эта легенда имѣетъ въ себѣ зерно истины, но приписываетъ одному опредѣленному факту то, что произвели многія причины и въ теченіе долгаго времени; близкую аналогію къ этому представляютъ тѣ народныя сказанія, которыя приписываютъ вѣковую работу расчистки и культивированія земли, проведенія дорогъ и т. д. единоличнымъ усиліямъ своихъ любимыхъ ботатырей—Тезея, Геркулеса, Ильи Муромца, Георгія—Егорія. Опытъ и совѣты стариковъ были однимъ изъ факторовъ разложенія обычая, — факторомъ, который при постепенности и продолжительности своего дѣйствія не могъ оставить яснаго слѣда въ народной памяти; народная логика могла *случайно* натолкнуться на него въ своихъ поискахъ за генезисомъ обычая—и не вполне оцѣнила и выяснила его...

Приведенныя выше легенды, разнѣ объясняющія происхожденіе римскаго топографическаго и бытоваго названія, не удовлетворили Флакка: оставивъ въ сторонѣ вопросъ объ „аргенахъ“, онъ переходитъ къ объясненію техническихъ терминовъ: „sexagenarios de ponte“ и „senes depontani“. Вѣроятно же всего, говоритъ онъ,—что, когда впервые начали подавать голоса въ комиціяхъ черезъ „pons“¹⁾ молодые

¹⁾ Мостикъ—входъ въ мѣсто, отдѣленное на Марсовомъ полѣ для комицій

закричали, чтобы шестидесятилѣтніе старики были сброшены съ „понта“, такъ какъ они уже не отправляли никакой общественной должности, — чтобы они (молодые), а не старики избирали для себя начальника. Этого мнѣнія придерживается даже Синній Капитонъ (извѣстный грамматикъ вѣка Августа). Афаній (извѣстный римскій комикъ I в. до Р. Хр.) въ (своей комедіи) „*Repudiatus*“ высказываетъ неосновательное мнѣніе, будто бы подъ этимъ „pons“ разумѣется Тибрскій мостъ ²⁾).

Съ перваго взгляда это объясненіе производитъ впечатлѣніе полной достовѣрности и вполне удовлетворительно разъясняетъ выраженія: „*sexagenarios des ponte*“ и „*senes depontani*“ (непереводимое выраженіе; приблизительно — старики, которыхъ ужъ можно сбросить съ моста). Но стоитъ и называвшесѣ *ovile* или *saepa*. См. Willems, *Le droit public romain*, стр. 157: „*Pour faciliter le vote simultané des centurries de chaque classe, il y avait au champ de Mars un emplacement séparé (ovile, saepa), ayant un nombre d'entrées (pontes) égal au moins à celui des centurries qui votaient en même temps. C'est à l'entrée que le vote était émis... Rien n'autorise à faire de ces pontes des pontes véritables, qui auraient été jetés sur la Petronia amnis. L'expression sexagenarii de ponte, depontani, d'où l'on a voulu conclure, que les citoyens âgés de plus de 60 ans étaient exclus des comices, n'a aucun rapport avec ces pontes(?)*“. *Oeuvres complètes d'Ovide*, т. 8.; Paris 1885, стр. 359—363; Ростовцевъ, *Речь Цицерона въ защиту Секста Росція Америанскаго*, Киевъ. 1879, стр. 72—73; Lange, *Römische Alterthümer*, I, 475—476: „*Ein zufälliger Umstand hat Veranlassung zu der Meinung gegeben, dass die sexagenarii weder in den centuriae seniorum gewesen seien, noch Stimmrecht gehabt hätten. Nämlich die jährlich am 15 Mai vom Pons sublicius in den Tiber gestürzten Binsenmänner, die Argei, d. h. die Weissen oder die Greise* (стр. 83) *in denen man später sexagenarii zu erkennen glaubte, hieszen auch depontani. Dies benutzte der römische Volkswitz seit der Zeit, als die Centurien über Brücken oder Stege, per pontes (II, 457), schreitend abstimmten, zu der Anwendung jenes Ausdrucks auf die sexagenarii und zu dem scherzhaften (?) Ausrufe: sexagenarios de ponte*“ и т. д.

²⁾ *Sed exploratissimum illud est causae, quo tempore primum per pontem coeperunt comitiis suffragium ferre, juniores conclamaverunt, ut de ponte dejicerentur sexagenarii, qui jam nullo publico munere fungerentur, ut ipsi potius sibi, quam illi, deligerent imperatorem. Cujus sententiae est etiam Sinnius Capito. Vanam autem opinionem de ponte Tiberino confirmavit Atrianus in Repudiato.*

внимательнѣе взглянуть въ него, анализировать и сопоставить его съ другими свидѣтельствами и преданіями, чтобы придти къ убѣжденію, что Флаккъ и „даже Синій Капитонъ“ невѣрно поставили и рѣшили вопросъ. Набрасывая своимъ „sed exploratum“ etc. тѣмъ недостоверности на изложенныя выше преданія и стараясь объяснить эти термины, Флаккъ оставляетъ въ сторонѣ тѣсно связанный съ ними вопросъ объ „аргеяхъ“, игнорируетъ другія свидѣтельства и преданія, не замѣчаетъ, что въ самомъ его объясненіи заключается указаніе на то, что 60 лѣтъ было предѣльнымъ возрастомъ, — годомъ, такъ сказать, политической смерти, — что странно было бы этимъ терминамъ быть типичными для стариковъ, какъ *стариковъ* (какими эти выраженія несомнѣнно были), если бы они могли употребляться и употреблялись только тогда, когда дряхлые старики пробовали принять активное участіе въ комиціяхъ вопреки обычаю: послѣднее, если даже стать на точку зрѣнія Флакка, могло быть исключеніемъ, а не правиломъ, — исключеніе же не можетъ привести къ типичному названію.

Разнообразныя и разновременныя свидѣтельства, „переживанія“ въ римскомъ быту указываютъ на то, что древніе Римляне убивали дряхлыхъ стариковъ, топили ихъ съ мостовъ: въ этомъ, конечно, и нужно искать объясненія происхожденія этихъ терминовъ. Когда-то они имѣли реальную силу, затѣмъ, послѣ прекращенія обычая, жили въ народной средѣ, какъ отзвукъ далекаго прошлаго, какъ терминъ, для всякаго понятный и привычный. но относящійся къ другому порядку вещей, пока сама жизнь не вдохнула въ нихъ новое содержаніе благодаря сходству названій моста (pons) и входа (тоже pons) въ ovile; очень можетъ быть, что римская молодежь иногда и примѣняла ихъ къ старикамъ въ новомъ значеніи, указанномъ Флаккомъ — конечно, фигурально, ибо предполагать, чтобы въ то сравнительно позднее время, о которомъ говоритъ Фестъ, дѣйствительно сбрасывали стариковъ съ „понтовъ“, а не оттѣсняли, отталкивали ихъ только.

Любопытнымъ и важнымъ дополненіемъ и поясненіемъ къ словамъ Флакка являются нѣсколько стиховъ Овидіевыхъ „Фастъ“ 1):

„Тогда (14 мая—мѣсяца, по словамъ Овидія, посвященнаго предкамъ, *majoribus*, откуда будто бы и его названіе) 2) тогда дѣва (весталка) обыкновенно бросаетъ съ дубоваго моста изображенія древнихъ мужей (*priscae... simulacra virogum*). Тотъ, кто думаетъ, будто бы стариковъ, перевалившихъ за 60-лѣтній возрастъ (*conroga post decies senos qui credidit annos missa pesi*), вводитъ на (нашихъ) предковъ тяжкое обвиненіе (*dampnat avos crimine sceleris*). Вотъ какъ гласитъ старинное преданіе. Еще тогда, когда (наша) земля называлась Сатурновой, таковы были слова прорицателя Зевса (въ Додонѣ): „бросайте старику, носящему косу (Сатурну), два тѣла, обреченныхъ изъ народа, чтобы они были приняты этрусскими 3) водами (*falcifero libata seni duo conroga gentis mittite, quae Tuscis excipiantur aquis*)!“ Печальное жертвоприношеніе совершалось ежегодно по левкадскому образцу 4), пока не пришелъ въ эту страну Тиринтіецъ (Геркулесъ) который (первымъ) бросилъ въ воду квиритовъ, сдѣланныхъ изъ соломы (т. е. *Argei*: выше — *scirpea simulacra*, здѣсь: *struminei Quirites*); по примѣру Геркулеса стали бросать мнимыя тѣла. Нѣкоторые думаютъ, будто бы юноши, чтобы самимъ только подавать голоса (на комиціяхъ?), сбрасывали слабыхъ стариковъ съ мостовъ.

1) P. Ovidii Nasonis Fastorum libri VI, ed. Peteri, Leipzig, V, v. v. 621—660, срв. 680, 791—2.

2) V, v. 427—8: *Mensis erat Maius, maiorum nomine dictus, qui partem prisci nunc quoque moris habet*. Ib. v. v. 75—76: *Et Numitor dixisse potest: „Da, Romule, mensem hunc (Maium) senibus“, nec avum sustinuisse nepos*.

3) Очень можетъ быть, что въ этихъ словахъ заключается указаніе на этрусское вліаніе на жертвоприношенія у римлянъ, которое, впрочемъ, не подтверждается другими источниками. См., впрочемъ, наше—о Пятотъ.

4) ib. стр. 235: „von dem Vorgebirge Leucate der Insel (oder Halbinsel) Leucas vor Akarnanien wurden alljährlich an dem Fest des dort verehrten Apollo Verbrecher ins Meer gestürzt“; Воеводскій, *op. cit.*, 204.

(*pontibus infirmos praecipitasse senes*) ¹⁾). Тибрь, повѣдай правду! Твои берега древнѣе города; ты можешь хорошо знать происхожденіе обряда. Тибрь поднялъ голову, увѣнчанную камышомъ, изъ середины русла; слышались глухіе звуки: „видѣлъ я, какъ на этихъ мѣстахъ не было (городскихъ) стѣнъ, все было покрыто дѣвственной зеленью; на обоихъ (моихъ) берегахъ паслись вразсыпную быки, и я, Тибрь, котораго теперь знаютъ и боятся всѣ племена, тогда былъ презираемъ даже скотомъ. Часто ты слышала имя аркадянина Эвандра: этотъ пришлецъ тревожилъ мои воды своими веслами; приходилъ и Алкидъ (Геркулесъ) съ толпой спутниковъ—если помнишь, меня тогда называли Альбулой,—этого юношу Паллантійскій герой (Эвандръ) принялъ гостеприимно, и наконецъ-то Какусъ понесъ заслуженное наказаніе. Алкидъ ушелъ побѣдителемъ и увелъ съ собой эрихтееву добычу (*Fast. I, 543*)—быковъ, но спутники, которые явились главнымъ образомъ изъ оставленнаго Аргоса, отказались итти дальше: на этихъ горахъ съ надеждой устраиваютъ они свой очагъ. Часто волновала ихъ сладкая любовь къ родинѣ; нѣкоторые изъ нихъ, умирая, давали (близкимъ) такое краткое поученіе: „бросьте меня въ Тибрь, чтобы я, влекомый его водами, хоть въ видѣ ничтожнаго праха доплылъ бы до Инахова (Аргивскаго) берега“ ²⁾. (Впо-

¹⁾ Трудно рѣшить, что здѣсь обозначаетъ *pontes*: мосты или входы въ *ovile*. Вѣроятнѣе первое, ибо это толкованіе приводится для объясненія бросанія съ мостовъ „аргеевъ“.

²⁾ Пусканіе въ воду—одинъ изъ очень распространенныхъ способовъ погребенія, такъ что въ данныхъ словахъ Овидія, можетъ быть, сохранились искаженные отзвуки этого способа погребенія у Римлянъ (*navis*—навѣ, навь). Любопытно, что въ малорусскихъ преданіяхъ о рахманахъ, сближаемыхъ народомъ съ мертвецами (рахманскій великдень—навскій), есть черта, отчасти сходная съ этимъ способомъ погребенія, вѣрнѣе—связанная съ нимъ: бросаніе различныхъ относящихся къ Пасхѣ предметовъ въ рѣку, чтобы они доплыли къ рахманамъ. См. Сумцовъ, Очерки вост. юж. рус. апокр. сказ. и пѣсень, Киев. Ст. 1887, 11, стр. 431—3; Чубинскій, Труды, I, 220, Коперникі, *Przyczynek do etnografii ludu Ruskiego na Wołyniu, Kraków, 1887, 45*; Rulikowski, *Opis powiatu Wasylkowskiego, Warszawa, 1853, 159—160*, Kolberg, *Pokucie, I, 199, 351—3*; III, 105—6, 204—5, Nowosielski, *Dziennik Warszawski,*

слѣдствіи) наслѣдникамъ не понравился такой способъ погребенія: умершій пришлецъ погребался въ Авзонской (Италійской) землѣ, а вмѣсто трупа (соб. pro domino) въ Тибръ бросали (его) тростниковое подобіе (scirpea imago), чтобы оно отдаленными водами было принесено къ греческимъ жилищамъ“. Такъ устами Тибра излагаетъ Овидій свое мнѣніе по интересующему насъ вопросу и опровергаетъ противоположныя преданія и толкованія, которыя казались ему оскорбительными для чести предковъ. Противоположеніе „fama vetus“ о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ мнѣнію самого Овидія, вложенному въ уста Тибра, заставляетъ предполагать, что эта „fama“ была древнимъ народнымъ сказаніемъ; рассказъ же, приписанный Тибру, по всей вѣроятности, новѣйшаго происхожденія и былъ сфабрикованъ Овидіемъ, который былъ такъ хорошо знакомъ съ греческой и римской мифологіей и въ своихъ „Метаморфозахъ“ довольно свободно обращался съ имѣвшимися у него подъ руками, разнообразнымъ мифологическимъ матеріаломъ. Искусственность этого рассказа сразу бьетъ въ глаза: если стать на точку зрѣнія Овидія, то пришлось бы предположить, что „аргеи“ бросали вмѣсто трупа всякій разъ, какъ кто-нибудь умиралъ; между тѣмъ „аргеи“ бросали *разъ въ юду и въ опредѣленномъ количествѣ*; кромѣ того, во время Сатурналій, какъ увидимъ ниже, приносились въ жертву статуэтки—тоже замѣна человѣческихъ жертвоприношеній, и существовали такія выраженія, какъ „sexagenarios de ponte“, „senes depontani“: само собою разумѣется, что толкованіе Овидія разрушается этими фактами. Элементы, изъ которыхъ составленъ этотъ рассказъ (приходъ Геркулеса, Какусъ, Эвандръ и т. д.), были извѣстны въ Римѣ задолго до Овидія: они, напр., встрѣчаются у анналиста II в. до Р. Хр. Кв. Фабія Пик-

1854, №№ 33—35; K i r k o r, Pokucie, Rozpr. Akad. Umiej. Krak., 1876; Веселовскій, Изъ ист. ром. и пов., I, 265—329 и Разыск. въ обл. рус. дух. ст. XI—X, 21, 32; О. Миллеръ, И. Муромецъ, 259; Małyń, Świat i przyroda w wyobraźni chłopca, we Lwowie, 1888, стр. 7: (срв. Кириличковъ, Поэмы ломбардскаго цикла, стр. 115).

тора, у котораго нѣтъ и намека на человѣческія жертвоприношенія и убійство стариковъ ¹⁾. Одно изъ приведенныхъ выше сказаній Флакка представляетъ, кажется, неудачное и немного спутанное отраженіе разсказа Овидія ²⁾—съ добавленіемъ, впрочемъ новой черты (аргивскаго посольства къ спутникамъ Геркулеса, оставшимся въ „Сатурніи“) и съ еще болѣе искусственнымъ и натянутымъ концомъ.

Повидимому, знаменитый современникъ Юлія Цезаря, М. Теренцій Варронъ Реатинскій, и составитель плохого энциклопедическаго словаря: „Compendiosa doctrina per litteras“, Ноній Марцеллъ ³⁾ (грамматикъ III в. по Р. Хр., цитировавшій Варрона) держались такого же мнѣнія относительно „sexagenarios de ponte“ и „derontani“, какового придерживались Флаккъ и Капитонъ.

1) *Historia antiqua*. 1599. ed. Bonutii. Q. Fabii Pictoris de aureo saeculo et de origine urbis Romae eiusque descriptione, lib. I, стр. 35: „Subsilians septem collibus campus Argeus dictus est ab Argo Euandri hospite et comitibus Argivi Herculis, qui ad Euandrum venerunt et in Saturnia subsederunt. Hinc extrema Argileta dicuntur. Superior Argiletus dicitur in principio vici Thusci (не отсюда ли и Tuscae aquae Овидія?) sub Coeliolo, inter Circum Maximum et Aventinum, ubi letum Argi simul et sepulcrum est. Imus vero Argiletus est, ubi Ianus quadrifrons, qui et Vertumnus in fine vici Thusci ad radices Capitolii in foro boario, ubi Saturniae vestigia“ и т. д.

2) Любопытно въ fama vetus, которую Овидій излагаетъ въ началѣ приведеннаго выше отрывка, то, что въ ней идетъ дѣло вообще о жертвоприношеніяхъ,—говорится объ обреченіи (жребіемъ?) только двухъ тѣлъ,—безъ упоминанія, какъихъ.

3) M. Terentii Varronis operum quae exstant, ed. Ausonii Popmae Frisii, Lugdunum, 1601, de vita pop. rom., lib. II, стр. 210—211; de lingua lat. IV, стр. 12, 13; lib. VI, стр. 74; Flaccus—Festus, l. c.; Collection de auteurs latins Nisard (Macrobius, Varro, Pomponius Mela), Paris, 1845, стр. 531—2; Nonius Marcellus, de proprietate sermonis, ed. Mercerii, Lipsiae, 1826, de doctorum indagine, стр. 523 (Sex. de ponte), стр. 86 (carnales, seddules); Oeuvres complètes d'Ovide, t. 8, Paris, 1835, стр. 363 (Bibl. lat. fran. Pantheon). Любопытно начало текста Марцелла: „Sexagenarios per pontem mittendos male dii popularitas intellexit, quum Varro... honestam causam religiosamque patefecerit: quum и т. д.

„Когда (люди) достигаютъ пятой ступени (возраста) и имѣютъ 60 лѣтъ (говоритъ Варронъ), тогда они дѣлаются свободными отъ общественныхъ обязанностей¹⁾; вслѣдствіе этого вошло въ поговорку, какъ нѣкоторые думаютъ, что „нужно (какъ это говорится) сбрасывать съ „понта“ 60-лѣтнихъ стариковъ“ (*sexagenarios de ponte dejici oportere*), такъ какъ они не могутъ подавать голоса, что (обыкновенно) производится черезъ „понтъ“ (*quod per pontem ferebatur*)“. Такимъ образомъ, у Варрона выраженіе „*sexagenarios de ponte*“ (о „*derontani*“ онъ не упоминаетъ) обращается въ поговорку, чуть ли не въ шутку, не имѣющую никакого отношенія къ убійству, съ чѣмъ согласиться нельзя. Въ другихъ мѣстахъ онъ такъ толкуетъ слово „аргеи“: „аргеи—отъ аргейцевъ; они дѣлаются изъ тростника въ количествѣ 24-хъ (у Nisard и Frisius—30) и имѣютъ форму людей (*simulacra hominum*); жрецы (у Овидія — весталки) торжественно бросаютъ ихъ каждый годъ въ Тибръ со свайнаго моста (*pons sublicius*)“. „Полагаютъ, что аргеи названы (такъ) отъ начальниковъ, которые пришли въ Римъ съ Геркулесомъ Аргивяниномъ и поселились на Сатурновой землѣ“. Последняя фраза очень характерна для насъ: она показываетъ, что версія съ Геркулесомъ—*sui generis* „научная“ гипотеза.

Подъ словомъ „*caruales, seddules*“ (?) Ноній Марцеллъ цитируетъ любопытный отрывокъ „*sexagesii*“ Варрона, который мнѣ не удалось найти въ его сочиненіяхъ: „какъ только онъ былъ обреченъ (*vix esatus erat*—жребіемъ?) его тащили, по обычаю предковъ „*ultra caruales*“ (?) и свергали съ моста въ Тибръ“. Эта фраза, несомнѣнно относящаяся къ 60-лѣтнимъ старикамъ, доказываетъ, что Варронъ зналъ и писалъ объ обычаяхъ сбрасыванья стариковъ въ Тибръ, хотя онъ,

¹⁾ Сенека философъ понижаетъ предѣльный возрастъ до 50—60 лѣтъ: „*audies plerosque dicentes: „a quadragesimo in otium secedam: sexagesimus annus ab officiis me dimittet“... Quae tamen stulta mortalitatis oblivio, in quinquagesimum et sexagesimum annum differre sana consilia: et inde velle vitam inchoare, quo pauci perduxerant?*“ (Bibliothèque latine-française, publiée par Panckouke, oeuvres complètes de Sénèque le philosophe, t. III, Paris, 1832, De bre vitatevitae, 4, стр. 206—208).

вмѣстѣ съ Флаккомъ и Капитономъ, и объяснялъ „sexagenarios de ponte“ словомъ „понтъ“.

Для насъ въ высшей степени знаменательно замѣчаніе, которое мимоходомъ обронилъ такой знатокъ родной древности, какъ Цицеронъ, въ своей рѣчи въ защиту Росція Амерійскаго, обвинявшагося въ отцеубійствѣ¹⁾: „сверхъ того я слышу, что подобнаго рода подозрѣніе (въ убійствѣ) падаетъ на Капитона (свидѣтеля противъ Росція) не въ первый разъ; онъ (какъ гладиаторъ, убійца) имѣетъ уже много безславныхъ пальмъ, но это — первая значительная, полученная имъ въ Римѣ (гдѣ гладиатору труднѣе добиться пальмы); нѣтъ ни одного способа убійства, который онъ не примѣнилъ бы къ нѣсколькимъ — для однихъ мечъ, для другихъ ядъ. *Я даже могъ бы сказать, кою онъ, вопреки обычаю предковъ, хотя тотъ и имѣлъ меньше 60-ти лѣтъ, сбросилъ съ моста въ Тибръ* (habeo etiam dicere, quem contra morem majorum, minorem annis LX, de ponte in Tiberim deiecerit)“. Такой оборотъ и смыслъ фразы, обстоятельства, при которыхъ она была сказана, придаютъ ей особенно важное значеніе и бросаютъ яркій свѣтъ на „sexagenarios de ponte“ и „senes depontani“...

Какъ мы ужъ указали выше, Титъ Ливій довольно глуховато говоритъ о намѣренномъ оставленіи стариковъ въ открытой для Галловъ части Рима; любопытно, что онъ бѣгло намѣчаетъ при этомъ отношеніе къ факту оставленія самихъ стариковъ и простонародія¹⁾: „легко бросить оставленную какъ бы на гибель толпу старцевъ въ городъ (за предѣлами крѣпости), только бы спаслись при этой нависшей грозѣ Капитолійская крѣпость, мѣстопробываніе боговъ, сенатъ, глава государственныхъ совѣщаній, молодые воины. Для того, чтобы большинство простонародья болѣе равнодушно относилось (къ оставленію на смерть стариковъ), они, консуля-

¹⁾ M. T. Ciceronis pro Sexto Roscio Amerino oratio, ed. Buchneri, Lipsiae, 1835, cap. 35, § 100; O s e n b r ü g g e n, I, с., Ростовцевъ, I. с.

¹⁾ Oeuvres de Tite-Live (histoire romaine) avec la traduction en français publiés sous la direction de Nisard, Paris, 1844, т. I, lib. V, с. XXXIX, стр. 255.

ры и получившіе триумфы старцы, открыто говорили другъ съ другомъ, что они (охотно) умрутъ и не будутъ еще болѣе отягощать для вооруженныхъ затруднительное положеніе дѣлъ и скудость пищи своими тѣлами, которыя не могутъ носить оружія и помогать родинѣ⁴. Если сопоставить это извѣстіе съ одной изъ приведенныхъ выше версій Флакка, то придется придти къ весьма вѣроятному выводу, что при осадѣ Рима Галлами дряхлыхъ стариковъ оставили на смерть въ открытой для враговъ части города, послѣ же удаленія Галловъ бросали ихъ въ Тибръ вслѣдствіе недостатка въ пищѣ и общественной безурядицы. Если опираться на авторитетное въ большинствѣ случаевъ мнѣніе Тита Ливія, то слѣдуетъ предполагать, что въ это время старики имѣли ужъ значительное вліяніе и пользовались большимъ уваженіемъ, такъ что подобная мѣра могла практиковаться очень недолго,—пока государство не оправилось отъ галльскаго разгрома. Своеобразный патріотизмъ, который мы ужъ видѣли у Овидія и котораго, въ общемъ, не былъ лишень и Ливій, или же недостатокъ свѣдѣній—могли помѣшать нашему историку написать опредѣленно и обстоятельно обо всемъ этомъ: подобныхъ пробѣловъ и промаховъ современная историческая критика открыла у него не мало...

Діонисій Галикарнасскій ¹⁾ дѣлаетъ существенныя дополненія къ приведеннымъ выше извѣстіямъ: „говорять, что древніе (Италійцы) имѣли обыкновение приносить человѣческія жертвы (... *tas thusias epitelein... androfonos*) Крону (Сатурну), какъ это дѣлалось въ Кареагенѣ, пока существовалъ этотъ городъ,—какъ это дѣлается и теперь у Кельтовъ и нѣкоторыхъ другихъ западныхъ народовъ. Геркулесъ

¹⁾ Dionysii Halic. opera omnia. Lipsiae, Antiq. Rom., т. I, I, 38, стр. 55—57 и Dionysii tu Halikarnasseos tēs rhōmaikēs archaiologias ta sōdzomena, Oxoniae, 1704, ed. Hudsoni, lib, I, 38, стр. §30 (за неизмѣненіемъ греческаго алфавита, я, въ случаѣ надобности, буду замѣнять его латинскимъ, передавая „эту“—*ε*, „омегу“—*ω*, „юpsilon“—*υ*, „омикронъ“—*ι*, „хи“—*χ*, „пси“—*ψ*, „дзету“—*ζ*, „кси“—*ξ*, „тѣту“—*θη*, густое придыханіе—*h*, подлинная цѣла вносится въ строчку).

же захотѣлъ уничтожить этотъ обычай, воздвигъ жертвенникъ на Сатурновомъ холмѣ и ввелъ священныя жертвоприношенія на чистомъ огнѣ (каі kataxasthai thymatōn hagnōn epі katharōi pyri hadzomenōn: намекъ, который объяснится слѣдующими преданіями). Для того, чтобы обитателей этой страны не беспокоило то, что они пренебрегли жертвоприношеніемъ, идущимъ отъ предковъ (patrīōn... thysion), онъ научилъ ихъ, для умилостивленія гнѣва этого бога, вмѣсто людей, которыхъ раньше бросали въ Тибръ со связанными руками и ногами ¹⁾, бросать въ эту рѣку изображенія, похожія на людей и въ ихъ одѣянніи ²⁾... Это и теперь (до меня) дѣлаютъ (дѣлали) Римляне немногимъ позже весенняго равноденствія, въ такъ называемыя майскія иды, въ полнолуніе. Въ этотъ день *понтифики*, верховные жрецы, вмѣстѣ съ ними *тѣвы* (Весталки), *преторы* и *прочіе граждане, которымъ можно присутствовать при священнодѣйствіи* (очень важное указаніе, примиряющее показанія Овидія и Варрона), совершивши по обычаю жертвоприношеніе, бросаютъ со *священнаго* (у другихъ—свайнаго) моста въ Тибръ 30 изображеній, имѣющихъ форму людей и называемыхъ „аргеями“ ³⁾. Такимъ образомъ Діонисій говоритъ вообще о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ и, подобно другимъ, не затрогиваетъ вопроса, почему аргеи бросали въ маѣ и почему ихъ было

¹⁾ Это дѣлали иногда народы индо-европейскаго племени при погребеніи покойниковъ. См., напр., Шейковскій, Бытъ Подолятъ, т. I, выш. 2, Кіевъ, 1860, стр. 27.

²⁾ Anti tōn anthrōpōn, hus sympodizontes kai tōn cheirōn akrateis poiuntes, erhrhptun eis to Tiberios rheitron, eidōla poiuntas andreikela, kekōsmēmena ton auton... tropōn, embalein eis ton potamon. Въ слѣдующихъ словахъ Діонисія содержится интересный намекъ: „относительно жертвъ и другихъ священныхъ обрядовъ, которые римскій народъ совершаетъ по греческому и мѣстному обычаю, я буду говорить въ другомъ мѣстѣ“. Въ нашемъ обычаѣ, видимо, авторъ не замѣтилъ греческаго вліянія или сходства съ греческими обычаями, иначе онъ отиѣтилъ бы это, что онъ и дѣлаетъ въ другихъ случаяхъ.

³⁾ Eidōla morfais anthrōpōn eikasmēna triakonta ton arithmon apo tēs hieras gefygas ballusin eis to rheuma tu Tiberiu, Argeius auta kaluntes.

30 (это число можно считать прочно установленнымъ: 24 встрѣчается только въ нѣкоторыхъ худшихъ изданіяхъ Варрона). Извѣстіе его—одно изъ самыхъ обстоятельныхъ и солидныхъ, не считая, конечно, неизбѣжнаго Геркулеса и другихъ болѣе мелкихъ подробностей.

Плутархъ посвятилъ интересующему насъ вопросу одинъ изъ параграфовъ своихъ „римскихъ вопросовъ“ ²⁾.

„Почему изображенія людей, которыя въ маѣ, въ полнолуніе сбрасываются съ деревяннаго моста въ рѣку (аро τὰς χυλινὰς γεφυράς... εἰς τὸν ποταμὸν), называются аргеями? Не потому ли, что варвары, которые въ древности населяли эти мѣста, убивали Грековъ, которые къ нимъ попадали,—Геркулесъ же, доблесть котораго вызывала ихъ уваженіе, научилъ ихъ, чтобы они перестали убивать и замѣнили этотъ обычай бросаніемъ изображеній? Вѣдь простодушная древность называла Грековъ Аргейцами или Аргивянами; (мы знаемъ, что близкое) сосѣдство породило ненависть между Аркадянами и Аргивянами, что спутники Эвандра бѣжали изъ Греціи, поселились въ Италіи и сохранили (прежнюю) ненависть (къ Грекамъ)“⁴. Изъ самаго контекста слѣдуетъ, что эта оригинальная по нѣкоторымъ подробностямъ, но навивная версія—плодъ измышленій самого Плутарха. Онъ, такъ сказать, вводитъ насъ въ лабораторію, гдѣ создавались подобныя легенды, и ясно показываетъ, какъ онѣ создавались: изъ легендарныхъ сказаній Грековъ и Римлянъ онъ беретъ Геркулеса-просвѣтителя, Грековъ-Аргейцевъ, переселеніе Эвандра и другихъ въ Италію; предполагаетъ или беретъ изъ какихъ-нибудь другихъ источниковъ ¹⁾, что враждебныя отношенія между Греками и ихъ италійскими соплеменниками продолжались и послѣ переселенія,—что

¹⁾ Plutarchi Chaeronensis scripta moralia, t. I, Parisiis, 1841, quaestiones Romanae, § 33, стр. 338.

²⁾ Можетъ быть, изъ народныхъ преданій, которыми вообще, кажется, руководились классическіе писатели, толкуя о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ у Римлянъ,—и отсюда, несомнѣнно, взялъ Фестъ свою трогательную легенду о старикѣ и его снаѣ.

послѣдніе убивали своихъ враговъ, когда они приставали къ берегамъ Италіи; натапливается на звуковое сходство *argei—Argivi*,—и вотъ версія готова. Другія легенды, всецѣло построенныя на просвѣтительной миссіи Геркулеса, съ которыми мы познакомились раньше, въ большинствѣ случаевъ такого же характера, съ отличіями только въ подробностяхъ, съ немного меньшей наивностью и натянутостью, чѣмъ у Плутарха, у котораго правдоподобно одно—убійство италійскими прибрежными жителями пришлецовъ, не подтверждаемое, къ сожалѣнію, другими источниками; замѣна же по совѣту Геркулеса убійства враговъ бросаніемъ въ рѣку ихъ изображеній—болѣе чѣмъ наивна и странна...

Лактанцій ¹⁾, христіанскій писатель IV в. по Р. Хр., въ своихъ „Божественныхъ установленіяхъ“, приводитъ интересное насъ преданіе со ссылками на классическихъ писателей и въ легендарно-языческомъ освѣщеніи: „Очевидно, что въ древности существовалъ обычай умерщвленія людей: культъ Сатурна въ Лаціумѣ состоялъ въ томъ, что (ему) приносили въ жертву человѣка *не у алтаря, а сбрасывали его съ Мильвійскаго моста въ Тибръ* ²⁾. Варронъ свидѣтельствуешь, что это получило свое начало отъ какого-то отвѣта оракула, послѣдній стихъ котораго таковъ ³⁾: „*kai kefalas Nadêi kai tõi patri pempete fôta*“ (приносите въ жертву Анду головы, а отцу—*fôta*: свѣтильникъ или человѣка). Такъ какъ этотъ отвѣтъ казался двусмысленнымъ, то бросали обыкновенно и свѣтильникъ, и человѣка. На самомъ дѣлѣ, говорятъ, этотъ родъ жертвоприношеній былъ уничтоженъ Геркулесомъ, когда онъ возвращался изъ

¹⁾ Lactantii opera, Wirceburgi, 1783, t. I Divinae Institutiones, lib. I, 21, de falsa religione; Roth-Gerlach, Sallustius, Basiliae, 1852, стр. 399 (Lactantius, epitome, 23, 2).

²⁾ Apparet tamen, antiquum esse hunc immolatorum hominum ritum: siquidem Saturnus in Latïo eodem genere sacrificii cultus est, non quidem ut homo ad aram immolaretur, sed uti in Tiberim de ponte Milvio mitteretur.

³⁾ Quod ex responso quodam factitatum Varro auctor est, cujus responsi versus ultimus est talis. и т. д.

Испаніи: обрядъ остался, но только вмѣсто подлинныхъ людей бросали ихъ изображенія изъ тростника, какъ это показываетъ Овидій въ „Фастахъ“ (*ritu tamen permanente, ut pro veris hominibus imagines jacerentur ex scirpo...*)⁴.

Въ другомъ мѣстѣ (epitome) это извѣстіе такъ дополняется: „по приказанію Аполлона *шестидесятилѣтніе старики* бросались съ моста въ Тибръ въ жертву Сатурну ¹⁾“

Эта фраза дополняетъ предыдущее и показываетъ, что объектомъ жертвоприношеній были старики. Что люди, вопреки мнѣнію Лактанція, приносились въ жертву Сатурну италійцами и у алтарей, доказывается послѣднимъ имѣющимся у насъ подъ руками и наиболее обстоятельнымъ извѣстіемъ Макробія, писателя V в. по Р. Хр., который въ своихъ „Сатурналіяхъ“ нѣсколько разъ возвращается къ интересующему насъ вопросу ²⁾:

„Теперь нужно сказать нѣсколько словъ объ изображеніяхъ (*sigillaria*), чтобы ты не считалъ достойными смѣха мои слова относительно ихъ священнаго характера. Эпикадъ говоритъ, что Геркулесъ, убивши Геріона, побѣдоносно гналъ черезъ Италію стадо (быковъ); былъ въ это время мостъ, который теперь называется свайнымъ; Геркулесъ бросилъ въ рѣку изображенія людей (*simulacra hominum*) по числу союзниковъ (спутниковъ), которыхъ потерялъ вслѣдствіе переселенія,—бросилъ будто бы для того, чтобы (эти изображенія), влекомыя теченіемъ въ море, достигли родины вмѣсто погребенныхъ тѣлъ: отсюда будто бы идетъ обыкновеніе считать эти изображенія священными“.

¹⁾ Saturno sexagenarii homines ex persona Apollinis de ponte in Tiberim dejiciebantur.

²⁾ Macrobiani opera, Biponti, 1788, т. I, Saturn. I, 11, стр. 253—4; Collection etc., Macrobius, Saturn. I, 7, стр. 165—6. Характерно слѣдующее сравненіе Макробія (Saturn. I, 5): „et heus te, hisne tam doctis viris quorum M. Cicero et Varro imitatores se gloriantur, adimere vis in verborum comitiis jus suffragandi? et tanquam sexagenarios majores de ponte dejices“ и т. д. Здѣсь, видимо, *pons*—входъ въ овиле, иначе было бы странно сопоставленіе съ „comitia verborum“.

Эта легенда примыкаетъ къ тому типу версій: „Геркулесъ и его спутники“, съ которыми мы уже встрѣтились у Овидія и Флакка, хотя она и отличается отъ нихъ нѣкоторыми подробностями. Непонятное упоминаніе болѣе чѣмъ сомнительнаго въ тѣ доисторическія времена моста, необъяснимая замѣна Геркулесомъ погребенныхъ тѣлъ ихъ изображеніями, сдѣлавшимися почему-то священными—все это придаетъ этой версії натянутый и искусственный характеръ. Любопытно, что здѣсь мы впервые наталкиваемся на объясненіе числа аргеевъ—числомъ погибшихъ спутниковъ Геркулеса. Все это показываетъ, что смыслъ древняго обряда давно ужъ былъ потерянъ для римскаго общества и безсильная мысль книжниковъ терялась и путалась въ противорѣчивыхъ и тщетныхъ попыткахъ *искусственно* возстановить его...

Далѣе Макробій, заявивши предварительно, что ему „кажется болѣе вѣроятнымъ“ другое объясненіе этого обычая, подробно излагаетъ въ двухъ мѣстахъ исторію, отчасти ужъ извѣстную намъ по своимъ подробностямъ. По словамъ Варрона, говоритъ Макробій, Пеласги, вытѣсненные изъ родины, разсѣялись въ разныя стороны и попали между прочимъ въ Италію. Раньше они обратились къ Додонскому оракулу, который направилъ ихъ въ Сатурнову землю и далъ имъ ужъ извѣстное намъ отчасти изъ Овидія и Лактанція неопредѣленное и двусмысленное приказаніе приносить въ жертву Аиду головы и отцу (Сатурну) — *fôs* (свѣтильникъ, факель или человѣкъ). Слово „*fôs*“ они поняли, какъ „человѣкъ“, и начали приносить въ жертву людей. Геркулесъ прекратилъ это, объяснивъ, что отъ нихъ требовалось посвящать Сатурну факелы, а живыхъ людей приказалъ замѣнить ихъ изображеніями. Съ тѣхъ поръ и стали римляне за себя и за своихъ близкихъ посвящать Сатурну во время Сатурналій восковыя статуэтки ¹⁾.

¹⁾ I, 7: „Pelasgi, sicut Varro memorat, cum sedibus suis pulsati diversas terras petissent, confluerunt plerique Dodonam et incerti, quibus haerent locis, ejusmodi accipere responsum“: *stēchete malomenoi Sikelōn Saturnian aian, hē d' Aborigeneōn kotilēn hn nasos ocheitai, hais anamichthentes*

Макробій здѣсь объясняетъ происхожденіе обычая приносить въ жертву изображенія во время Сатурналій такъ, какъ другіе писатели объясняютъ происхожденіе аргеевъ; онъ называетъ эти изображенія не „*simulacra*“ и „*imagines*“, какъ другіе писатели, а „*sigilla*“, „*sigillaria*“, „*oscilla*“—статуэтки, и говоритъ, что онѣ дѣлались изъ воску (*cereae*). Эти изображенія посылали или приносили въ храмъ Сатурна и тамъ ихъ сжигали ²⁾. Приносили ихъ за себя, за своихъ (*pro se atque suis*) и, судя по одному намеку Макробія, за своихъ патроновъ: по его словамъ, когда многіе патроны, изъ жад-

decatēn eкрempsate Foibōi kai kefalas Hadēi kai tōi patri pempete fōta“... (первая половина предсказанія отчасти сбывается). Hoc, igitur miraculo deprehenso, has sibi sedes praedictas esse didicerunt vastatisque Siciliensibus incolis, occupare regionem decima praedae secundum responsum Apollini consecrata, erectisque Diti sacello et Saturno ara: cujus festum Saturnalia nominarunt. Cumque diu humanis capitibus Ditem, et virorum victimis Saturnum placare se crederent propter oraculum, in quo erat: kai kefalas Hadēi kai tōi patri pempete fōta. Herculem ferunt, postea cum Geryonis pecore per Italiam revertentem, suasisse illorum posteris, ut faustis sacrificiis infansta mutarent, inferentes Diti non hominum capita, sed oscilla ad humanam effigiem arte simulata et aras Saturnias non mactando viros, sed accensis luminibus excolentes, quia non solum virum, sed et lumina „fōta“ significat. Inde mos per Saturnalias missitandis cereis coepit.—I, 11: „Pelasgos, postquam felicior interpretatio capita non viventium, sed fictilia et „fōtos“ aestimationem non solum hominem, sed etiam lumen significare docuisset, coepisse Saturno cereos potius accendere et in sacellum Ditis arae Saturni cohaerens oscilla quaedam pro suis capitibus ferre. Ex illo traditum, ut cerei Saturnalibus missitarentur, et sigilla arte fictili fingerentur ac venalia pararentur; quae homines pro se atque suis piaculum pro Dite Saturno facerent. Ideo Saturnalibus talium commerciorum coepta celebritas septem occurrat dies; quos tantum feriatus facit esse, non festos omnes, nam medio, id est tertio decimo Kalendas festum probavimus et aliis hoc assertionibus ab his probatum est, qui rationem anni, mensium dierumque et ordinationem a C. Caesare digestam plenius retulerunt“.

²⁾ Liebrecht, l. c. цитируетъ изъ Макробія: effigies maniae suspensae, изъ чего можно заключать, что сигилляріи и подвѣшавались. Привѣшаваніе и повѣшевіе жертвъ—явленія очень распространенныя. Онъ же приводитъ любопытное названіе стариковъ у древнихъ грековъ *tombogerontes*.

ности, потребовали отъ кліентовъ слишкомъ большихъ подарковъ по случаю Сатурналій, трибунъ Публицій предложилъ народу наказать ихъ тѣмъ, чтобы запретить бѣднякамъ приносить эти изображенія за богачей—наказаніе, странное съ нашей точки зрѣнія, но въ тѣ времена, вѣроятно, дѣйствительное ¹⁾). Ходило у римлянъ относительно сигиллярій и такое мнѣніе, что эти изображенія приносились въ жертву потому, что „благодаря Геркулесу, Римляне возведены были отъ неблагоустроенной и мрачной жизни какъ будто бы къ свѣту и знанію прекрасныхъ искусствъ (?!) ²⁾).

Вотъ всѣ извѣстія объ убіеніи стариковъ у Римлянъ, которыя намъ удалось собрать; попробуемъ въ нихъ разобраться. Несомнѣнно, что исходной точкой всѣхъ этихъ хитросплетеній и противорѣчивыхъ *légendes des origines* были обычаи и термины, которые, въ силу консерватизма, присущаго первобытнымъ народамъ вообще, а древнимъ Римлянамъ въ особенности, практиковались и употреблялись очень долго, хотя смыслъ и происхожденіе ихъ были мало понятны римскому обществу въ II—I в. до Р. Хр. Эти обычаи—бросаніе „аргеевъ“ съ моста въ маѣ, принесеніе въ храмы Сатурну, сжиганіе и т. д. ³⁾ сигиллярій и осциалъ

¹⁾ Sat. I, 7: „Illud quoque in litteris invenio, quod, cum multi occasione Saturnaliorum per avaritiam a clientibus ambitiose munera exigerent, idque onus tenuiores gravaret, Publicius tribunus plebi tulit, nonnisi ditioribus cerei missitarentur“.

²⁾ ib. „alii cereos non ob aliud mitti putant, quam quod hoc principe (Hercule) ab incomi et tenebrosa vita quasi ad lucem et bonarum artium scientiam editi sumus“.

³⁾ Конечно, сжиганіе, бросаніе въ воду и т. д. изображеній явилось подражаніемъ принесенія такимъ же способомъ въ жертву людей. Интересна идентичность способовъ казни, жертвоприношеній и погребеній. (См. Котляревскій, О погреб. обич.; Liebrecht, Zur Volkskunde, passim; Селецкій, Болдовство въ Юго-Зап. Русь въ XVIII в., Киев. Ст. 1886, июнь, 193—236; Karłowicz, Czary i czarownice w Polsce, Wisła, 1887, 14—20, 56—62, 93—99, 136—143, 172—178, 213—222; Сумцовъ, Культурныя переживанія (всптаніе въдѣль водою), Киев. Ст. 1889, янв., 83—89; Zibrt, Staroczeské vyrocni obycejje, pověry, slavnosti a zábavy prstonárodní. V Praze, 1889, první máj, стр. 98—102 и т. д.

во время Сатурналій ¹⁾); термины — „*secaeparios de ponte de-jicere*“ и „*senes de pontali*“. Любопытная мысль древнихъ писателей старалась возстановить утерянный смыслъ этихъ обычаевъ и терминовъ, строила разнообразныя гипотезы объ ихъ происхожденіи и значеніи, опираясь часто на сомнительныя филологическія сближенія, на греко-латинскіе, искусственно переработанные, а иногда и созданные *ad hoc* мнѣя, рѣже на чисто народныя преданія. Явилась такимъ образомъ масса самыхъ противорѣчивыхъ версій, въ которыхъ шли объ руку Геркулесъ съ быками—и человѣческія жертвоприношенія, Эвандръ—и замѣна этихъ жертвоприношеній брошеніемъ изображеній, „*Dichtung und Wahrheit*“—все перепуталось и сплелось въ одну хаотическую массу...

Изъ этого хаоса выдѣляется нѣсколько чертъ, вполне заслуживающихъ вниманія. Нѣтъ никакихъ основаній думать, чтобы приведенные выше писатели выдумали помѣщенные у нихъ свѣдѣнія о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ у первобытныхъ италійскихъ „аборигиновъ“, которыя, можно сказать а priori, должны были существовать у нихъ, какъ и у всякаго другого первобытнаго народа. Эти жертвоприношенія были, главнымъ образомъ, связаны съ водой,—фактъ, къ которому можно подыскать безконечную массу разновременныхъ и разнообразныхъ параллелей. По возрѣніямъ человѣка, находящагося на „варварской“ ступени развитія вода, основаніе новаго поселенія или заложеніе новой постройки, мертвцы, неурожай и т. д. — все требуетъ человѣческихъ жертвъ²⁾.

1) Виргилій (Georg. II, 388—9) говорятъ, что *oscilla* приносились и Вакху во время Либералій или Вакханалій. Изъ этого можно заключить, что и Вакху приносили въ жертву людей, что отчасти и подтверждается преданіями о жертвахъ вакханокъ (Орфей и т. д.).

2) Т в ѣ л о р ѣ, Первобытная культура, т. I, СПб, 1872, 98—104; т. II, СПб, 1873, 415—446; К о л л ѣ г, *Slawa Bohuné*, 192—5; L i e b r e c h t, *Zur Volkskunde*, 6—10, 284—296, 380—381; Nowosielski, *Lud*, I, 153—157, 168—5; А. Н. Веселовскій, Солом. и Китовр., 305 и Мелк. зам. къ бмд., Жур. М. Н. Просв., 1889, V, 44—5; К и р п и ч н и к о в ѣ, Очерки изъ ист. средневѣк. лят., Москва, 1869, 102; К г а и в а, *Das Bauopfer bei den Südlaven*, Wien, 1887 (оттискъ изъ *Mittheilungen der Anthropol. Gesellschaft*

Многочисленные факты, констатирующие существование этих возрѣній и связанныхъ съ ними обычаевъ у современныхъ и вымершихъ народовъ земного шара, даютъ полную возможность возстановить генезисъ и эволюцію этихъ возрѣній и обычаевъ.

Въ болѣе раннюю эпоху эти жертвоприношенія имѣютъ настоящий, но случайный и безпорядочный характеръ: трудно подмѣтить въ нихъ какую-нибудь общую идею, порядокъ выбора жертвъ и т. д.; иногда въ этомъ періодѣ, какъ и въ слѣдующемъ, жертвы избираются по жребію, отзвуки чего слышатся въ былинахъ о Садкѣ, параллельныхъ имъ малорусскихъ сказкахъ ¹⁾, извѣстномъ лѣтописномъ разсказѣ о варяжскихъ отрокахъ—христіанахъ при Владимірѣ и. отчасти, въ малорусской думѣ объ Алексѣѣ Поповичѣ. Такой порядокъ одинаково падалъ всею своею тяжестью и на сильныхъ, и на слабыхъ,—на опору первобытнаго общества и на его балластъ. „Замѣна“, которая играетъ такую важную роль въ примитивной эволюціи, придала этимъ жертвоприношеніямъ болѣе опредѣленные формы и была вызвана, конечно, интересами сильныхъ: начали приносить въ жертву *только* плѣнныхъ, рабовъ, женщинъ, дѣтей и стариковъ ²⁾. Легко уловить тотъ психическій процессъ, слѣдствіемъ котораго явилась эта „замѣна“: темная и страшная сила, которая проникала весь міръ извѣстныхъ

in Wien, V. XVII, der neuen Folge VII, 1887); Сборникъ мат. по этн., изд. при Дашк. М., II, 200; Сумцовъ, Культурн. переживанія, Киев., Ст. 1889, V—VI, 489—492; Н. А. Янчукъ, По Минской губ., Москва, 1889, гл. II, 43 (Извѣстія И. Общ. л. Евр., Антр. и Этногр. Труды Этногр. Отд., кн. IX) и т. д.

¹⁾ Чубинскій, Труды, II, стр. 17 и т. д.

²⁾ Воины Святослава, послѣ битвы съ Греками, вышли въ поле, „собрали всѣ трупы убитыхъ и на разложенныхъ кострахъ сожгли, заколовъ надъ ними множество плѣнныхъ и женщинъ. Совершивъ эту кровавую жертву, они погрузили въ струи Истра младенцевъ и пѣтуховъ, и такимъ образомъ задушили“. См. Багалъй, Исторія Льва Діакона, какъ источникъ для Русской Исторіи, стр. 19. Срв. Негед., III, 150. 159; Euseb. Hieron., Opera, Paris, 1845, II, 335; Girard de Rialle, De l'anthropophagie, étude d'ethnologie comparée, Paris. 1875, стр. 15 и т. д.

„варвару“ явленій, требовала жертвы—человѣка *вообще*; каковъ этотъ человѣкъ—безразлично для нея, но не безразлично для первобытнаго общества, для котораго, конечно, выгоднѣе было, чтобы приносился въ жертву безправный баласть; кругъ неприносимыхъ въ жертву все болѣе и болѣе расширяется: позднѣе всего въ него входятъ женщины и дѣти. Такимъ образомъ, „замѣна“ является попыткой примиренія интересовъ общества и божества, но она на этомъ не останавливается: страхъ передъ природой уменьшается, увеличиваются потребности общества, и вмѣстѣ съ ними увеличивается раздѣленіе труда; всѣ члены общества имѣютъ *свой* трудъ, и лишаться ихъ по многимъ причинамъ невыгодно и неудобно для общества. Въ силу консервативности примитивныхъ воззрѣній сущность, идея остается, но въ нее постепенно прокрадываются фикціи, измѣненія, которыя постепенно придаютъ ей совершенно другой характеръ: жертвоприношенія по прежнему считаются необходимыми, но живые люди замѣняются частями ихъ тѣла—отрубленными пальцами, частью крови, волосами, наконецъ ихъ изображеніями, даже животными ¹⁾.

Мнѣ кажется, что въ приведенныхъ выше классическихъ извѣстіяхъ сохранились отзвуки всѣхъ этихъ трехъ стадій: одни изъ нихъ говорятъ о *человѣческихъ* жертвоприношеніяхъ у „аборигиновъ“ вообще, причемъ изъ самаго контекста можно заключить, что опредѣленной *группы* приносимыхъ въ жертву не было, и что выбирали людей для этого, по всей вѣроятности, по жребію; другія говорятъ, что приносились въ жертву плѣнные эллины или дряхлые старики; и, наконецъ, всѣ эти извѣстія свидѣтельствуютъ, что *человѣческія* жертвоприношенія были замѣнены принесеніемъ въ жертву сдѣланныхъ изъ сосны, металла ²⁾, соломы,

¹⁾ Nowosielski, l. c.; Liebrecht, op. cit., 289—296; Тэйлоръ, I, 415—416, 437—436; Янчукъ, op. cit., I, 28; II, 31 и т. д.

²⁾ Virgilius Maro, Georg. II, v. v. 388—389 (ed. Weise, Lipsiae. 1853, стр. 58): „et te, Bacche, vocant per carmina laeta, tibi que oscilla ex alta suspendunt mollia pinu“; Воеводскій, Канибализмъ въ греч. мѣтахъ, стр. 237.

травнику и воску изображеній, также посредствомъ „verzasgum“, т. е. замѣной принесенія въ жертву выселеніемъ въ другія мѣста для колонизаціи ¹⁾.

По поводу этихъ изображеній невольно напрашивается гипотеза, на которой я останавлиюсь мимоходомъ и которая, конечно, требуетъ еще большой провѣрки.

По всей Европѣ, до послѣдняго времени, былъ извѣстенъ обычай потопленія, сожженія и т. д. человѣкообразныхъ чучель—мужскихъ, [но чаще женскихъ, которыя назывались Костромой, Мораной, „бабой“, „дидомъ“ ²⁾] и т. д. Самый обычай назвался „babu rzeziati“, „segare la vecchia“, „seggar la velha“, „рѣзать бабу“, „смалыты дида“ и т. д. Эти куклы дѣлались изъ различнаго матеріала (соломы, дерева, конопель и т. д.) и затѣмъ ихъ сжигали, бросали въ воду, разрывали на части, бросали въ нихъ камни и палки и т. д.; уничтожались онѣ въ разные времена года. Иногда, вмѣсто куклы, фигурировала самая старая баба села ³⁾. Для объяс-

¹⁾ Кулаковскій, Къ вопросу о началѣ Рима, стр. 76—95

²⁾ Nowosielski, Lud, I, 123—125; Bastian, Die Rechtsverhältnisse, 296; Аванасьевъ. Поэт. возр. слав. на природу, т. III, 692—696, 706, 723, 725; Iahn, „Die deutschen Opfergebräuche bei Ackerbau und Viehzucht“ въ „Germanische Abhandlungen“ Weinhold'a, Breslau, 1884, стр. 91—94, 133; Rajek, Czrtice iz duszevnega žitka sztajerskih Slovencev, v Ljubljani, 1884, стр. 2; Hanusch, Slaw. Myth., 413; Sumlorck-Krolmus, Staroczeské powěsti, spěwy, slawnosti, hry, obyčeye a nápěwy, т. II, w Praze, 1847, стр. 12—20; Изв. Имп. О. Д. Е., А, и Э., т. XIII, вып. I, стр. 100—104; Gołębiowski, Lud Polski, jego zwyczaje, zabobony, Warsz. 1830, 168—9; Сумцовъ, Кульмъ. перекл., Киев. Ст. 1889, авг. стр. 424—425, сент. 632—3, 636—7; Киев. Ст. 1889, февр. 544 (изъ „Елисаветградскаго Вѣстника“, 1889, № 11); Wisła, 1888, т. II, 439—440 (ścięcie śmierci); Kollár, op. cit., 171; Zibr t, op. cit., 19, 52—62, 102, 277; Kolberg, Lui, XV, 175 и Pokucie, III, 105; Siarkowski, Mat. do etn. ludu polskiego z okolic Pinczowa, Zbiór, IX, 1885, Dz. etn. 56—8; Erben, Prostonárodní české písně a říkadla, v Praze, 1864, 57—8; Sborník slovenských národních písní, pověstí, příslovi, porekadiel, hádok, hier, obyčejov a povier, svázok I, vo Viedni, 1870, 186 и т. д.

³⁾ Nowosielski, l. c., стр. 124: „w Barcelonie chłopacy biegają po ulicy, śpiewając piosnkę, że szukają najstarszej baby w mieście, aby ją roziekać“; но другимъ извѣстимъ, эту бабу подводили къ родъ и дѣлали видъ, что ее бросаютъ въ рѣку, бьютъ и т. д.

ненія этого обычая миеологи устанавливаютъ равенство: старость—зима—смерть, и считаютъ его проводами зимы—смерти. Разбирать степень достовѣрности и древности этого равенства я не буду, такъ какъ заходить въ дебри миеологии при теперешнемъ состояніи науки довольно опасно; замѣчу только, что миеологическая экзегеза этого обычая оставляетъ безъ вниманія, да и не можетъ объяснить съ своей точки зрѣнія нѣсколько очень важныхъ подробностей: чередованіе мужскихъ и женскихъ чучель и истребленіе ихъ въ разные времена года у одного и того же народа, рядъ выраженій пѣсень, связанныхъ съ этимъ обрядомъ и т. д.

По моему мнѣнію, эти обряды—искаженные переживанія обычая убійства стариковъ и старухъ, чучела, куклы—тоже, что и римскіе аргеи, сигилляріи, осциллы. Мнѣ кажется, что чередованіе мужскихъ и женскихъ чучель указываетъ на разницу въ степени древности обычаевъ, ибо, какъ увидимъ въ одной изъ слѣдующихъ главъ, мужчинъ перестали убивать раньше, чѣмъ женщинъ, и въ однихъ случаяхъ могла сохраниться болѣе древняя „замѣна“, „выкупъ“ жертвоприношенія мужчинъ ихъ изображеніями, въ другихъ болѣе поздняя—женщинъ. Выше мы ужъ видѣли, что классическія извѣстія даютъ намъ два разныхъ указанія относительно количества аргеевъ—24 и 30, причемъ 24 встрѣчается только въ одномъ изъ плохихъ изданій Варрона, лучшія же и новѣйшія изданія этого писателя и другихъ авторовъ говорятъ о 30 аргеяхъ. Трудно, конечно, сказать, какъ объяснить это число: по всей вѣроятности, сначала каждый бросалъ ихъ „за себя и своихъ“, какъ и сигилляріи; затѣмъ, вслѣдствіе неизвѣстныхъ намъ причинъ (можетъ быть, подъ влияніемъ общераспространеннаго символическаго числа 30 или числа родовъ, основанныхъ путемъ синонимизма городъ) это число сдѣлалось устойчивымъ и опредѣленнымъ, чего не было съ сигилляріями. Такъ, вѣроятно, было сначала съ чучелами Костромы, Мораны и т. д. Человѣческія жертвоприношенія обыкновенно приурочиваются къ большимъ годичнымъ праздникамъ—повороту съ зимы на лѣто, встрѣчѣ весны и умило-

стивленію грозной для первобытнаго человѣка стихіи—воды; особенно многочисленны они должны были быть весной, когда встрѣча весны сталкивалась съ умилоствленіемъ воды и когда вопросъ о пропитаніи и о „лишнихъ ртахъ“ принималъ наиболѣе острый характеръ, особливо въ отдѣленныхъ природой странахъ, такъ что и экономическій стимулъ могъ побуждать увеличивать число жертвъ. Къ этому же времени должна была быть приуроченой и „замѣна“ этихъ жертвоприношеній истребленіемъ человѣкообразныхъ чучель; когда смыслъ этого обряда былъ забыть, совпаденіе его весной съ проводами зимы могло натолкнуть на новое и невѣрное по существу толкованіе, что эти куклы изображали зиму—смерть; такое толкованіе могло сократить число куколъ до одной и произвести подобное же давленіе на параллельные обряды другихъ временъ года. Конечно, такой процессъ совершался постепенно, въ теченіи многихъ вѣковъ; самыя древнія свидѣтельства, которыя мы имѣемъ, даютъ намъ двѣ первыя стадіи этого процесса, существовавшія у римлянъ рядомъ и, видимо, безъ вліянія другъ на друга: жертвоприношеніе *неопредѣленною* числа сигиллярій и осциллъ (болѣе ранняя форма) и жертвоприношеніе *опредѣленною* количества аргеевъ (болѣе поздняя форма); позднѣйшія извѣстія о другихъ европейскихъ народахъ и современныя „survivals in culture“ (культурныя переживанія), какъ выражается Тейлоръ, даютъ намъ послѣднюю и искаженную форму этого обычая—обрядъ уничтоженія Мораны, Костромы и т. д.

Фигурирующая иногда въ этихъ обрядахъ старуха, названіе самаго обряда, сходство способовъ уничтоженія этихъ куколъ со способами человѣческихъ жертвоприношеній, почти полное совпаденіе въ подробностяхъ этихъ обрядовъ съ римскими обычаями потопленія и сожженія аргеевъ и сигиллярій, совпаденіе времени Сатурналій, праздника Аргеевъ и Бакханалій или Либералій со временемъ совершенія этихъ обрядовъ и т. д., слова пѣсень, которыя поются при совершеніи обряда ¹⁾—все это придаетъ нѣкоторое вѣроятіе нашей

¹⁾ Nowosielski, l. c., стр. 124 (это мѣсто приведено нѣсколько

гипотезѣ. Кстати, припомнимъ очень мѣткое старинное изреченіе: „*nihil est in religione, quod non fuerit in vita*“ и многознаменательныя слова А. Н. Веселовскаго: „попытка миеологической эзегезы должна начинаться тогда, когда уже кончены всѣ счеты съ исторіей“ (предисл. къ Соломону и Китоврасу)...

Такимъ образомъ несомнѣнно, что у римлянъ существовалъ обычай убіенія стариковъ; въ эволюціи этого обычая, какъ и можно было предполагать а priori, наибольшую роль сыграли религія и жертвоприношенія разнымъ божествамъ. Мрачный характеръ Лемуралій и другихъ римскихъ празднествъ въ честь мертвыхъ,—обычаевъ и воззрѣній, связанныхъ съ культомъ предковъ позволяетъ предположить, что въ эволюціи нашего обычая сыграли свою роль и идеи защитительнаго и умиловительнаго культа. Объ экономической причинѣ, которая могла дѣйствовать при возникновеніи обычая и навѣрно дѣйствовала при его временномъ возобновленіи въ эпоху нашествія Галловъ, намъ ужъ приходилось отчасти говорить. Разнообразныя переживанія этого обычая очень долго не исчезаютъ изъ римской жизни: ихъ смѣтаетъ великій переворотъ въ жизни Италіи и всей Европы—Христіанство...

Въ виду всего вышесказаннаго, странно наталкиваться на ту постановку, какую даетъ интересующему насъ вопросу такой замѣчательный ученый, какъ Моммсенъ ¹⁾. Говоря о „купеческой аккуратности“, съ какой исполнялись обряды богослуженія у римлянъ, и о „спекуляціяхъ съ богомъ“, т. е. обычай давать и принимать вмѣсто предмета

выше, въ вредующемъ примѣчаніи); стр. 123: „U czechów Niemieckich... tak śpiéwają:

Nun treiben wir den Tod aus,
Den alten Weibern in das Haus,
Den Reichen in den Kasten,
Heute ist Mittfasten“.

¹⁾ „Римская исторія“, т. I, Москва, 1887, стр. 172.

его изображеніе, онъ прибавляетъ: „владыгѣ небесъ преподносили луковичныя и маковыя головки для того, чтобы на нихъ, а не на человѣческія головы онъ направилъ свои молніи; въ искушеніе жертвы, которой ежегодно требовалъ для себя отецъ Тибръ, въ волны рѣки ежегодно бросали 30 сплетенныхъ изъ прутьевъ куколь (было бы совершенно безразсудно (?) видѣть въ этомъ случаѣ остатки старинныхъ человѣческихъ жертвоприношеній). Здѣсь понятія о божескомъ милосердіи и объ умиротвореніи смѣшиваются съ благочестивымъ лукавствомъ, которое пытается ввести грознаго властелина въ заблужденіе и отдѣлаться отъ него путемъ мнимаго удовлетворенія“. Такая постановка вопроса остроумна, но, по моему мнѣнію, совершенно невѣрна: Моммсенъ приписываетъ особенностямъ римскаго характера то, что составляетъ неотъемлемую принадлежность примитивнаго развитія вообще. Называя со свойственнымъ ему язвительнымъ остроуміемъ „замѣны“ „спекуляціями съ богомъ“ и слѣдствіемъ „купеческой аккуратности“ римлянъ, онъ упускаетъ изъ виду аналогіи изъ быта народовъ, стоявшихъ и стоящихъ на одной ступени развитія съ тогдашними римлянами,—а этими аналогіями, въ данномъ случаѣ, пользоваться *необходимо*; подводя подъ одну категорію такія, далеко не совпадающія въ своихъ подробностяхъ явленія, какъ отведеніе молніи съ человѣческой головы на головку луку и мака—и аргеи, онъ оставляетъ въ сторонѣ тѣсно связанный съ аргеями вопросъ о „*sexagenarios de ponte*“, „*deroptantii*“, сигилляріяхъ, осциллахъ и т. д. и совершенно произвольно считаетъ аргеи жертвоприношеніемъ *только* одному Тибру, вѣрнѣе — „спекуляціей“ съ однимъ *только* Тибромъ, забывая или не желая говорить о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ у римлянъ вообще. Затѣмъ, разъ римляне считали нужнымъ приносить въ жертву свои изображенія Тибру, Сатурну, Зевсу, Вакху и т. д.,—значить они замѣнили этими изображеніями живыхъ людей—иначе „замѣна“ была бы актомъ, совершенно бессмысленнымъ: Тибръ, молніи могли сами выбирать себѣ жертвы, и, съ точки зрѣнія Моммсена, ихъ

еще можно было „лукаво“ предупредить и обойти ихъ „мнимымъ удовлетвореніемъ“, но это совершенно непримѣнимо къ другимъ олицетвореніямъ и божествамъ, требовавшимъ, по первобытнымъ воззрѣніямъ, человѣческой крови, искупительныхъ жертвъ и т. д. Во всякомъ случаѣ, утверждая такъ положительно, что римляне пошли въ данномъ случаѣ по пути, совершенно отличномъ отъ всѣхъ другихъ народовъ, слѣдовало обстоятельно доказать это подробнымъ разборомъ древнихъ извѣстій о существованіи этого обычая у римлянъ,— доказать, что аналогіи изъ жизни другихъ народовъ въ данномъ случаѣ неумѣстны и непримѣнимы...

Гораздо скуднѣе имѣющіяся у насъ подъ руками извѣстія о существованіи этого обычая у Грековъ. До насъ дошло только нѣсколько такихъ извѣстій объ островѣ Кеосѣ и, кажется, Массилии, которыя слабо пополняются косвенными указаніями Гомера и новогреческими легендами, на которыхъ вообще трудно что-нибудь обосновывать въ виду крайней сложности этнографическаго состава новогреческаго народа. Къ такимъ косвеннымъ указаніямъ можно отнести и несомнѣнно существовавшія у древнихъ Грековъ человѣческія жертвоприношенія, дѣтоубійство, явленіе, параллельное римскому „*ver sacrum*“—обычай, тѣсно связанные у другихъ народовъ съ убійствомъ стариковъ. По свидѣтельству Страбона ¹⁾ „у Кеосцевъ, кажется (?), былъ постановленъ законъ, о которомъ вспоминаетъ Менандръ ²⁾ (въ слѣдующихъ словахъ): „прекрасенъ, о Фанія, законъ Кеосцевъ, по которому тотъ, кто не можетъ жить хорошо и честно, не живетъ постыдно“. Законъ этотъ, какъ кажется (?), предписывалъ отравлять *цикутою* стариковъ свыше 60 лѣтъ, чтобы было достаточно пищи для остающихся въ живыхъ. Рассказываютъ, что Кеосцы, будучи осаждены нѣкогда

¹⁾ Strabonis Geographica, ed Müller et Dübner, Parisiis, 1853, Lib. X, cap. V, 6.

²⁾ Аеяскій комикъ (342—290 до Р. Хр.).

Аѳинянами, издали постановленіе, по которому самые старые граждане должны были быть умерщвляемы, причѣмъ былъ опредѣленъ и (предѣльный) возрастъ ихъ ¹⁾; Аѳиняне послѣ этого сняли осаду⁴. Не смотря на всю свою осторожность, которая выразилась въ повторяющемся кстати и некстати „кажется“, Страбонъ видимо слыгъ въ этомъ отрывкѣ два разныхъ разсказа: о существованіи интересующаго насъ обычая у Кеосцевъ въ болѣе древнее время и о возобновленіи его при блокадѣ Кеоса Аѳинянами. Любопытно, что въ разсказѣ Страбона рѣзко подчеркивается экономическая подкладка обычая.

Чрезвычайно важнымъ дополненіемъ къ этому извѣстію являются слова гораздо болѣе древняго писателя, чѣмъ Страбонъ,—Гераклида Понтійскаго (IV в. до Р. Хр.) ²⁾ въ его сочиненіи „О государствахъ“: „такъ какъ этотъ островъ (Кеосъ) здоровъ и люди, *особливо женщины*, доживаютъ тамъ до глубокой старости, то жители его не ждутъ (естественнаго) конца жизни стариковъ, но, *прежде чѣмъ и низг ослабѣютъ силы, сдѣлаются дряхлыми тѣло*, ихъ умерщвляютъ цикутой или *макомъ*“³⁾. Эліанъ ³⁾, писатель III в. по Р. Хр., разсказывая объ этомъ Кеосскомъ обычаѣ, неизвѣстно, на основаніи какихъ источниковъ, прибавляетъ, что старики являлись на смерть увѣнчанными, какъ будто бы на пирь

¹⁾ Любопытно отношеніе къ старости и взглядъ на предѣльный возрастъ греческаго поэта VII в. до Р. Хр., Мимнерма. Magerotte, Hist. de la littér. grecque depuis ses origines jusqu'au VI-e siècle de notre ère, Paris, 1887, стр. 119 (срв. 118): „voilà le sujet ordinaire des chants de Mimnerme: des regrets sur la fuite des plaisirs, des plaintes résignées sur la vieillesse inévitable, cette vieillesse qui lui fait peur avec ses défaillances, ses rides, son masque hideux“; стр. 122: „Mimnerme souhaitait de mourir à soixante ans. Selon lui conseilla gaiement de reculer la limite jusqu'à quatre-vingts“.

²⁾ Heraclidæ Pontici de politijs libellus, ed. Cragii, Lugduni Batavorum, CIOIICLXX, стр. 517—519; Müller, Fragmenta historicorum graecorum, Parisiis, т. II, 1848, IX, 5, стр. 215.

³⁾ Müller, ib; Aeliani sophistae varia historia, ed. Vulteji et Perizonii., Lugduni, 1701, III, 37, стр. 265—6.

или празднество, и умирали, сознавая свою бесполезность для государства. Стефанъ Византійскій ⁴⁾, писатель VII в. по Р. Хр., подъ словомъ Iulis (городъ на о. Кеосъ) почти дословно повторяетъ первую часть извѣстія Страбона. Валерій Максимъ (I в. по Р. Хр.) ⁵⁾, рассказывая о жителяхъ Массилліи, фокейской колоніи, нынѣшняго Марселя, даетъ очень любопытное извѣстіе и о Кеосѣ. По его словамъ у Массилійцевъ осужденные на смерть „совѣтомъ 600“ или сенатомъ, отравлялись цикутою; онъ не думаетъ, чтобы этотъ обычай былъ гальскаго происхожденія, но считаетъ его занесеннымъ изъ Греціи: мнѣніе вполнѣ основательное, ибо такой способъ наказанія практиковался въ Аѳинахъ (припомнимъ исторію Сократа). По этому поводу Валерій вспоминаетъ очень интересный для насъ случай изъ своей жизни. Направляясь со своимъ покровителемъ Секстомъ Помпеемъ въ Азію, прибылъ онъ въ Кеосскій городъ Юлиду. Какъ разъ въ это время „одна очень почтенная женщина, достигшая глубокой старости (болѣе 90 лѣтъ), послѣ того какъ былъ данъ отчетъ гражданамъ о томъ, почему она *должна* была умереть (*reddita ratione civibus, cum excedere vita deberet*), рѣшила принять ядъ“. Полагая, что присутствіе Помпея сдѣлаетъ болѣе славной ея смерть, она пригласила его; но явившійся Помпей, не смотря на все свое краснорѣчіе, никакъ не могъ отговорить ее. Она поблагодарила Помпея за то, что онъ не побрезгалъ явиться и разговаривать съ нею, посоветовала своимъ родственникамъ жить въ согласіи, раздѣлила наслѣдство и, лежа на постели, выпила кубокъ съ ядомъ. Она умирала въ полной памяти и съ молитвами на устахъ, прощалась съ близкими, говорила о дѣйствіи яда, а Валерій и Помпей со свитой оцѣпенѣли отъ никогда невиданнаго зрѣлища, отъ такого мужества...

⁴⁾ Stephani Byzantii Ethnicón, ed. Westermann, Lipsiae, 1839, стр. 148.

⁵⁾ Panckoucke, bibliothèque latine—française Valère Maxime, т. I., Paris, 1834, lib. II, cap. 6, 7 и 8, стр. 192—194.

Такимъ образомъ относительно Кеоса фактъ убійства стариковъ можно считать прочно установленнымъ; основываясь на внутренней связи обѣихъ частей разсказа Валерія, можно думать, что этотъ обычай практиковался и въ Массиліи, принимая, какъ и на Кеосѣ, видъ вынужденнаго или добровольнаго самоубійства—отравленія цикутой. Изъ разсказа Валерія видно, что этотъ обычай не вышелъ изъ употребленія на Кеосѣ даже въ I-мъ вѣкѣ нашей эры, хотя и очень смягчился,—что для осуществленія его нужно было рѣшеніе гражданъ: въ Массиліи, можетъ быть, этимъ завѣдывалъ сенатъ. Трудно думать, чтобы Кеосъ и, можетъ быть, Массилія были исключеніемъ ¹⁾). Гомеръ яркими чертами рисуетъ ту унижительную роль, то всеобщее пренебреженіе, среди котораго жили одряхлѣвшіе, лишившіеся вслѣдствіе старости владычества цари Лаэртъ и Пелей: врядъ-ли это пренебреженіе не вело раньше къ убійству. Изъ самыхъ Гомеровскихъ пѣсень видно, что въ то время въ греческой семьѣ ужъ началась революція противъ пренебреженія къ старикамъ, которая впоследствии произвела давленіе и на все общество: Ахиллесъ и Одиссей негодуютъ по поводу такого отношенія къ ихъ отцамъ, престарѣлый, но не дряхлый Несторъ пользуется ужъ уваженіемъ... Изъ этого можно заключить, что убійство стариковъ, если оно практиковалось повсемѣстно въ Греціи, прекратилось у болѣе культурныхъ племенъ въ очень раннюю эпоху, чѣмъ и объясняется, можетъ быть, скудость извѣстій о немъ; только у нѣкоторыхъ, менѣе культурныхъ племенъ существовало оно до болѣе поздняго времени. Интересно, что на Парнасѣ одна скала до сихъ поръ еще называется „ho geronobrachos“ т. е. „скалой стариковъ“, такъ какъ съ этой скалы, по мѣстнымъ сказаніямъ, древніе низвергали неспособныхъ къ труду стари-

¹⁾ Xenophontis Memorabilia, ed. Dindorfii, Lipsiae, 1878, lib. I, c. II, § 55, стр. 16: Сократъ „taut'un elegen, u ton men patera zōnta katorutteiu didaskōn, heauton de katatemein, all'“ и т. д. Можетъ быть, въ этихъ словахъ заключается глухой намекъ, относящійся къ нашему обычаю.

ковъ: это названіе почти идентично съ скандинавской „aet-ternis stari“ (фамильная или кланная скала), къ которой привязаны такія же точно преданія²⁾. Подобныя легенды связаны и со скалой Dzastas, на островъ Гидръ (возлѣ Арголиды)³⁾. Въ этихъ новогреческихъ легендахъ, можетъ быть, сохранились древне-греческія *народныя* преданія, которыя почему-то не проникли въ классическую литературу—по всей вѣроятности по тѣмъ же причинамъ, по которымъ Овидій отрицалъ убійство стариковъ у Римлянъ; утверждать этого, конечно, нельзя, такъ какъ эти легенды могли принадлежать и другимъ наслоеніямъ новогреческаго народа.

В. В. Калашъ.

(Окончаніе будетъ).

Дополненія и поправки къ I главѣ *). Стр. 124 (отд. отт. 10), строка 16 сверху: вм. которому—которымъ. Стр. 126 (12), примѣч. 1, прибавить: «Кромѣ указанной выше причины дѣйствовали, конечно, въ процессѣ созданія сказаній о гинеократіи и другіе факторы: 1) перенесеніе порядковъ патриархальнаго строя въ эпоху материнства, т. е. невѣрное толкованіе его отзвукъ съ новой точки зрѣнія, своеобразное пониманіе въ эпоху патриархата терминологіи и порядковъ предшествующей ступени развитія; 2) неумѣренная идеализація женщинами, въ эпоху ихъ рабства, своего прежняго положенія—и, конечно, 3) память о дѣйствительныхъ фактахъ приниженности мужа въ семьѣ, сплоченной подъ эгидой матери и ея брата (см. *Реклю*, Матер. главенство въ примит. семьѣ, Рус. Бог., 1883, I, 129—157; *Зибера*, Очерки первоб. экон. культ., 277—284; *Лѣббокъ*, Нач. цивил., 57 и т. д.). Что вопросъ о гинеократіи нельзя вообще считать поконченнымъ, можно видѣть изъ прекрасной статьи г. *Русанова*: «Жизнь и соч. Бахофена» (Рус. Мысль, 1889, VI, 185—211).—Стр. 131 (17), прим. 5, вм. II, 106 чит. II, 183—4.—Стр. 134 (20), прим. 3, прибавить: «Говоря это, я, конечно, имѣю въ виду всѣ періоды, слѣдовавшіе за первоначальной эпохой равенства мужчинъ и женщинъ».

В. К.

*) Grimm, Rechtsalterth., Weinhold, „Ausland“, I. c.

2) Schmidt, I. c.; Brøndstedt, Voyages dans la Grèce, I livr., Paris, 1826, 63 и слѣд.; Böekh, Rohde, I. c.; Breto, Ethnikoi hēmerologion, 1867, 97; Ross, Griechische Königsreisen, I, 55 и слѣд.; Reisen in Peloponnes, 93, прим. 53.

*) См. „Этногр. Обзор.“ кн. 1.

ВИБЛІОГРАФІЯ.

I. Книги и ученныя изданія.

Д. Н. Анучинъ. «О географическомъ распредѣленіи роста мужскаго населенія Россіи». (Изъ Записокъ Импер. Геогр. Общ. по отдѣл. статистики, т. VII, в. 1.). С.-ПБ. 1889, стр. 184,8°, съ 10-ю раскрашенными картами.—Исслѣдованіе Д. Н. Анучина, представляющее собою цѣнный вкладъ въ нашу антропологическо-этнографическую литературу, дѣлится на двѣ части: въ первой говорится о географическомъ распредѣленіи роста мужскаго населенія въ Западной Европѣ, во второй—о такомъ же распредѣленіи въ Россійской Имперіи по даннымъ объ общей воинской повинности за первое десятилѣтіе. Въ первой общей части говорится о прежнихъ взглядахъ на варіаціи человѣческаго роста и о работахъ ученыхъ Запада и Соединенныхъ Штатовъ надъ изслѣдованіемъ человѣческаго роста, его географическаго распредѣленія, о вліяніи на ростъ климата, мѣстности, рода занятій, продолжительныхъ войнъ, расы, почвенныхъ условій и т. д. Во второй части авторъ, давъ историческій очеркъ вопроса объ изслѣдованіи роста въ Россіи, переходитъ къ анализу данныхъ о новобранцахъ 1874—1883 гг., группируетъ ихъ, слѣдитъ за географическимъ распредѣленіемъ средняго роста, низкорослости, высокорослости, вычисляетъ процентъ ихъ по губерніямъ и уѣздамъ и иллюстрируетъ все это картами крашенными въ нѣсколько тоновъ. Такимъ образомъ наглядно опредѣляется два центра высокорослости: одинъ на югѣ близъ Чернаго моря, другой въ Прибалтійскомъ пространствѣ, и два центра малорослости: одинъ на востокъ, другой на крайнемъ западѣ; малорослость проходитъ поперечной полосой отъ Минской, Гродненской губ. до Пензенской, Симбирской, Казанской. Кромѣ того малорослость является оазисами между высокорослыми и средними районами, а высокорослость нерѣдко между малорослыми.—Географиче-

ское распределение роста авторъ старается объяснять разнаго рода факторами, влияющими на ростъ человѣка, какъ напримѣръ, условіями географическими, почвенными, климатическими, экономическими, антропологическими и этнографическими. Оказывается, что высоторослость и почвенныя условія не имѣютъ соотношенія: если, напримѣръ, и является въ черноземной полосѣ высоторослость, то въ ней-же встрѣчаются районы средніе и даже малорослые, высокій же ростъ встрѣчается и въ районахъ песчаныхъ. Меньшее количество неудобныхъ земель Тульской губерніи совпадаетъ какъ разъ съ малорослостью. Между величиной надѣла и ростомъ нѣтъ связи, а если взять во вниманіе избытокъ хлѣба, то его даютъ скоре малорослые, чѣмъ высоторослые районы. Такіе факторы, какъ гнѣзность мѣстности, скотоводство, сельская архитектура а также и половой составъ населенія губерніи, все это имѣеть мало соотношенія съ ростомъ или даже не имѣеть никакого. Распределение количества брачующихся указываетъ на зависимость отъ вѣроисповѣдныхъ условій, но соотношенія съ ростомъ не имѣеть. Родъ занятій, плохое питаніе, плохіе гигиеническія условія должны вліять на ростъ, но поа данныхъ по этому отдѣлу мало. Могуцимъ факторомъ, влияющимъ на ростъ, является раса, колонизація, слияніе расъ посредствомъ смѣшанныхъ браковъ; такимъ образомъ, смотря по тому, напримѣръ, съ кѣмъ смѣшивались славяне новгородскіе или малороссы, отличавшіеся большимъ ростомъ,—съ низкорослымъ инородческимъ элементомъ или высоторослымъ,—получался районъ низкорослый или высоторослый: въ первомъ случаѣ примѣсь низкорослой инородческой крови (вогулы, остяки, чуваша и др.) понижала ростъ смѣшивающейся съ нею народности, во второмъ случаѣ высоторослый инородческій элементъ поддерживалъ уже существующую высоторослость. Въ заключеніе авторъ высказываетъ свой взглядъ на существующія условія приѣма новобранцевъ въ Россіи, а также пожеланіе чтобы данныя о воинской повинности собирались болѣе точно и опредѣленно, чтобы людьми компетентными была выработана подробная инструкция для воинскихъ присутствій. Въ приложеніи заключаются таблицы средняго роста по губерніямъ и уѣздамъ Россійской Имперіи, а также 10 картъ на которыхъ въ нѣсколькихъ тонахъ обозначены пропентныя данныя о ростѣ, болѣзняхъ, невозможности, о женатыхъ новобранцахъ.—До сихъ поръ данныя по мѣтрениямъ, произведеннымъ отдѣльными лицами и учрежденіями, разрабатывались у насъ въ Россіи или по отдѣльнымъ районамъ (Снегиревъ, Смидовичъ, Укле) или по отдѣльнымъ производствамъ (Шогожевъ, Рума); выдающіяся работы проф. Эрисмана посвящены исключительно изслѣдованію фабричнаго населенія; изслѣдованіе же проф. Анучина, отличающееся большою эрудиціею и глубиною анализа, займетъ несомнѣнно

первое мѣсто среди трудовъ этого рода, какъ по обширности района имъ охваченнаго, такъ и по массѣ разнообразнаго и громаднаго матеріала сгруппированнаго и освѣщеннаго почтеннымъ авторомъ¹⁾.

Г. И. К.

Алексѣй Харузинъ, Киргизы Букеевской Орды. Антрополого-Этнологическій очеркъ. Выпускъ первый. (Извѣстія Импер. Общества любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи, т. LXIII, Труды Антропологическаго Отдѣла, т. 10). Москва, 1889, 4°, стр. $1 + \frac{560 + \text{LIX} + 16}{2} + 2$ нен. Ц. 3 р. 50. к.

Антропология и этнографія—науки тѣсно связанныя между собою: одна пополняетъ другую, одна почти не мыслима безъ другой. Антропологъ, если только онъ, не ограничиваясь мертвыми костями, принимается за изслѣдованіе надъ живою народностью, не можетъ не быть, хотя бы отчасти, и этнографомъ; этнографъ часто ждетъ помощи и подтвержденія своихъ выводовъ и теорій отъ антрополога. Поэтому особенно бываетъ важно и полезно въ интересахъ обѣихъ наукъ, когда обѣ эти отрасли знанія соединяются въ одномъ лицѣ. Такое отрадное явленіе мы видимъ въ новомъ изслѣдователѣ киргизовъ А. Н. Харузинѣ, который, будучи спеціалистомъ-зоологомъ, сумѣлъ примѣнить въ своемъ объемистомъ трудѣ требованія современной антропологической и этнографической науки и далъ прекрасный образецъ того, что можно сдѣлать энергіею, трудомъ и любовью къ дѣлу, при извѣстныхъ благоприятныхъ условіяхъ.

Имя г. Алексѣя Харузина впервые появилось передъ публикой три года тому назадъ, правда, въ болѣе тѣсномъ ученомъ кружкѣ, когда въ засѣданіи Зоологическаго Отдѣла Импер. Общ. Люб. Естествознанія, Антропологии и Этнографіи (5 окт. 1886 г.) были читаны его письма съ береговъ Чернаго и Эгейскаго морей, куда онъ былъ командированъ названнымъ Обществомъ съ зоологическою цѣлью. (См. «Извѣстія» Общества, т. I, в. 2 и т. II, в. 1). Въ слѣдующіе затѣмъ два года онъ отправлялся въ командировки въ Киргизскую Букеевскую степь и съ особеннымъ рвеніемъ принялся за изученіе этой страны и народности. Въ 1888 г. появилась хорошо изданная имъ и легко читающаяся книжка «Степные очерки»—изъ записной книжки. Это была, такъ сказать, лишь небольшая прелюдія на киргизскія темы къ громадной симфоніи, надъ которою авторъ работалъ болѣе двухъ лѣтъ, и которой первая часть, вышедшая въ свѣтъ нынѣшней весною, составляетъ предметъ

¹⁾ Считаю не лишнимъ замѣтить, что въ собраніи матеріала, которымъ пользовался проф. Д. Н. Анучинъ, по вопросу о ростѣ новобранцевъ, дѣятельное участіе принимало Моск. Импер. Общество люб. Естествознанія, Антропологии и Этнографіи. *Ред.*

нашей заштыки. Этот первый объемный выпускъ въ 40 печатныхъ листовъ содержитъ въ себѣ части этнографическую и антропологическую (для продолженія имѣется въ виду матеріалъ антропологическій же, а затѣмъ зоологическій), и хотя антропология въ этой книгѣ нѣсколько преобладаетъ, хотя изслѣдованіе включено въ серію «Трудовъ Антропологическаго Отдѣла» и даже представлено къ антропологической преміи имени проф. А. П. Расцвѣтова, тѣмъ не менѣе и по части этнографіи книга является такою цѣнною новинкою, что заслуживаетъ и съ нашей стороны полного вниманія.

Этнографія киргизовъ ведетъ свое начало еще съ прошлаго вѣка, съ извѣстнаго русскаго путешественника Лепехина, посѣтившаго Внутреннюю (по сю сторону Урала), или иначе Букеевскую орду, въ 1768 и 1769 гг. Съ тѣхъ поръ цѣлый рядъ путешественниковъ, ученыхъ и туристовъ оставили множество изслѣдованій, записокъ и т. д. Болѣе 500 названій просмотрѣнныхъ авторомъ книгъ, брошюръ, статей касающихся киргизовъ — наглядно доказываютъ, что эта народность была особенно счастлива въ этомъ отношеніи. Но это богатство матеріала, помогая съ одной стороны новому изслѣдователю основательнѣе ознакомиться съ вопросомъ, въ то же время ставитъ его въ немалое затрудненіе, предлагая ему особыя требованія. Уже не малый трудъ разыскать всѣ эти данныя, разбросанныя по всевозможнымъ изданіямъ, и разобраться въ нихъ, и хотя бы даже изслѣдователь ограничился компиляторствомъ, то и въ этомъ случаѣ работа была бы не малая, если только онъ пожелалъ бы дать нѣчто полное, цѣльное. Для изслѣдователя же, который старается придерживаться строго научной почвы и ставитъ себѣ цѣлью критическую разработку имѣющихся свѣдѣній, эта работа удваивается; за то и заслуга его несравненно больше. А. Харузинъ, исполняя эту послѣднюю задачу, кромѣ того даетъ массу свѣжаго чрезвычайно интереснаго матеріала, добытаго имъ во время двукратнаго путешествія по киргизской степи, и, благодаря особенно удачному методу, который прилагается авторомъ въ трактованіи затронутыхъ имъ вопросовъ, все его изслѣдованіе является въ высшей степени цѣннымъ. Методъ его преимущественно сравнительно-историческій. Личныя наблюденія, выводы не ставятся имъ отдѣльно, особнякомъ, а освѣщаются, объясняются и подтверждаются исторіей киргизовъ, данными предшествующихъ изслѣдователей и сравненіемъ букеевскихъ киргизовъ съ киргизами зауральскими.

Во введеніи, послѣ очерка экспедицій въ Букеевскую степь и рассмотрѣнія литературы о киргизахъ, авторъ подробнѣе останавливается на исторіи самой Букеевской орды; эта исторія свидѣтельствуетъ съ одной стороны о живучести киргизской народности, съ другой стороны объ искусной и благоразумной политикѣ нашего пра-

вительства по отношенію къ Букеевской ордѣ, если не считать одного крупнаго промаха, именно покровительства магометанству, о которомъ одинъ изъ изслѣдователей азіатскихъ киргизовъ Лансдэль замѣчаетъ, что киргизы по стольку сдѣлались магометанами, по скольку старались объ этомъ русскіе. Самою свѣтлою личностью въ исторіи Внутренней, или Букеевской орды является ханъ Джангиръ, преобразователь орды, послѣ смерти котораго (1847) вскорѣ было уничтожено въ ордѣ ханское достоинство, и управленіе постепенно перешло къ русскимъ. Основная мысль этнографической части изслѣдованія г. А. Харузина—это распаденіе стариннаго быта киргизовъ-букеевцевъ. Эта мысль проводится во всѣхъ главахъ первой части выпуска, въ которыхъ подробно трактуется съ этой точки зрѣнія о родовомъ и сословномъ устройствѣ киргизовъ, о религіи, объ образѣ жизни, о семейномъ устройствѣ, о судоустройствѣ и судопроизводствѣ и другихъ сторонахъ быта, каковы: празднества, игры, охота, пѣніе и пѣсня, могилы, тамги и пр. Не останавливаясь подробно, за недостаткомъ мѣста, на этихъ главахъ, полныхъ живого интереса, укажемъ только выводы, къ какимъ пришелъ авторъ: 1) Киргизы вообще и букеевцы въ особенности, падаютъ въ своемъ національномъ быту, какъ это явствуетъ изъ разсмотрѣнія вышеуказанныхъ вопросовъ, затронутыхъ авторомъ. Этотъ упадокъ въ Букеевской ордѣ вызванъ: а) условіями, въ которыя поставлена эта орда историческими событіями, отрѣзавшими ее отъ всего обширнаго киргизскаго народа; б) реформами хана Джангира, стремившагося цивилизовать орду; в) сильнымъ, не прекращающимся вліяніемъ татаръ на религіозную и бытовую жизнь; г) вліяніемъ русскихъ, выражающимся почти исключительно въ дѣйствіяхъ правительства. 2) Киргизы внутренней или Букеевской орды во время своей 90-лѣтней жизни по сую сторону Урала сдѣлали значительный прогрессъ въ развитіи гражданственности, которая выразилась въ полуосѣдой жизни и въ замиреніи степи. 3) Въ настоящее время орда находится подъ вліяніемъ двухъ теченій—русскаго и въ особенности татарскаго, и идетъ къ сліянію частью съ элементомъ русскимъ, а главнымъ образомъ съ элементомъ татарскимъ.

Второй отдѣлъ книги, озаглавленный: «къ антропологіи киргизовъ», содержитъ въ себѣ часть общую и специально-антропологическую. Тѣ данныя, которыя авторъ помѣстилъ здѣсь въ общей части, собственно говоря, могли-бы быть въ значительной степени отнесены къ этнографіи. Здѣсь, именно, рѣчь идетъ о состояніи образованія въ киргизской степи, объ экономическомъ положеніи населенія, о характерѣ киргизовъ, о ихъ физическихъ свойствахъ, болѣзняхъ, питаніи, и всѣ эти вопросы, какъ всегда, разбираются со всею обстоятельностью. Еще большею обстоятельностью и строгостью плана отличается сле-

ціально-антропологическая часть, въ которой и этнографъ найдетъ для себя поучительныя данныя, хотя бы напримѣръ въ главѣ о типѣ киргизовъ, гдѣ исторически прослѣжено образованіе типа, его признаки, видоизмѣненіе подъ вліяніемъ условій жизни, смѣшеній и пр. По этому вопросу авторъ приходитъ къ любопытнымъ выводамъ, что киргизы представляютъ собою продуктъ смѣси монгольской и еврейской расъ; что хотя съ теченіемъ времени образовался средній (спеціально-киргизскій типъ, но все таки рядомъ съ этимъ часто появляются сильныя отклоненія то въ сторону монгольской расы, то въ сторону европейской; что у молодыхъ субъектовъ черты монголизма выражены гораздо рѣзче, чѣмъ у взрослыхъ, а старшии нерѣдко совсѣмъ теряютъ монгольскія черты. Не касаясь дальнѣйшей, болѣе спеціальной части, содержащей описанія и измѣренія болѣе 150 субъектовъ, произведенныя самимъ авторомъ и обработанныя въ сравненіи съ незначительными данными, добытыми другими изслѣдователями, прибавимъ еще, что въ концѣ книги приложенъ хронологическій перечень литературы о киргизахъ, съ указаніемъ краткаго содержанія статей и книгъ, и наконецъ особое прибавленіе о 36 курганахъ, раскопанныхъ авторомъ въ степи. На этомъ мы бы и закончили обзоръ труда г. А. Харузина, если бы не боялись остаться въ долгу передъ авторомъ, не упомянувъ еще объ одномъ въ высшей степени цѣнномъ украшеніи книги—прекрасныхъ фотографіяхъ, представленныхъ въ фототипіяхъ на 16 таблицахъ въ количествѣ 65 №№. Все это снимки самого автора, сдѣланные имъ на мѣстѣ при помощи собственнаго аппарата. Здѣсь представлены въ двухъ видахъ (въ фасъ и въ профиль) 58 мужскихъ киргизскихъ типовъ, служащихъ богатою иллюстраціей къ антропологической части изслѣдованія, остальные 7 снимковъ— группы и виды.

Все сказанное даетъ намъ полное право заключить, что изслѣдованіе г. А. Харузина является капитальнымъ приобрѣтеніемъ для антропологическо-этнографической науки, и если кое гдѣ книга страдаетъ недостаточною систематичностью плана, то этотъ недостатокъ съ огромнымъ избыткомъ покрывается всѣми другими достоинствами, какихъ только можно требовать отъ научнаго труда. Н.—ъ.

Rodolphe Dareste. Etudes d'histoire du droit, Paris 1889. Авторъ, задавшись цѣлью представить очерки древняго права различныхъ народовъ ¹⁾, отводитъ отдѣльную главу и для Кавказскихъ и Закавказскихъ народностей. Содержаніе этой главы для русскихъ

¹⁾ Въ этомъ выпускѣ помѣщены свѣдѣнія о правѣ Египтянъ, Іудеевъ, Мусульманъ, др. Индіи, Персовъ, Армянъ, Грузинъ, Осетинъ, Чеховъ, Поляковъ, Русскихъ, Юж. Славянъ, памятники права Венгрии, Швеціи, Дави, Норвегіи, Исландіи, Ирландіи и Замошь Салическій.

читателей, ищущихъ у себя въ распоряженіи гораздо большую литературу, чѣмъ г. Дарестъ, не представляетъ особой важности; интересны однако тѣ взгляды, которые авторъ высказываетъ на значеніе изученія Кавказа. Исслѣдованіе быта Кавказскихъ и Закавказскихъ народностей важно уже въ томъ отношеніи, что „Арменія и Кавказъ составляютъ, такъ сказать, переходную ступень между Индіей и Персіей съ одной стороны, и Европой съ другой“. Относительно Арменіи авторъ, указавъ на свидѣтельства древнихъ писателей о нѣкоторыхъ обычаяхъ армянъ, переходитъ къ рассмотрѣнію законодательныхъ памятниковъ Арменіи, составленныхъ, какъ известно, подъ вліяніемъ каноническаго и греко-римскаго гражданскаго права. Такъ какъ авторъ имѣлъ передъ собою лишь законодательныя памятники, то не удивительно, что онъ приходитъ къ заключенію, что древніе обычай армянъ исчезли подъ вліяніемъ навязаннаго изъ чужихъ законодательства, — заключенію, конечно, ошибочному, такъ какъ обычное право, носящее на себѣ много отпечатковъ сѣдой старины, до сихъ поръ еще регулируетъ многія взаимныя отношенія армянъ.

Переходя затѣмъ къ Грузіи, г. Дарестъ останавливается главнымъ образомъ на „Сборникѣ Законовъ грузинскаго царя Вахтанга VI“. „Эти законы, замѣчаетъ онъ, очень недавни (обнарод. 1723 г.), но характеръ постановленій ихъ дышитъ самой отдаленной древностью, и именно этотъ контрастъ и дѣлаетъ Сборникъ Вахтанга однимъ изъ наиболѣе интересныхъ памятниковъ для исторіи права“. Свой разборъ этого памятника авторъ заключаетъ слѣдующими словами: „Этотъ Сборникъ XVIII в. заставляеть насъ лучше понять, чѣмъ были Греки во времена Гомера и до Дракона, Римляне во времена доисторическія, Галлы до Цезаря, Германцы въ періодъ завоеванія ими древняго міра, Русскіе при Ярославѣ, Скандинавы въ XIII в.“ „Но писанное право, продолжаетъ г. Дарестъ, рисуетъ лишь небольшую частіцу институтовъ политическихъ и социальныхъ. Самые интересные изъ нихъ, наиболѣе тѣсно связанныя съ жизнью народною, обыкновенно обходятся имъ молчаніемъ... Но если находится народъ, который, не записавъ своихъ древнихъ обычаевъ, сохраняетъ ихъ до сихъ поръ, если эти обычай несомнѣнно относятся къ самой отдаленной древности, — то остается лишь спрашивать этихъ живыхъ свидѣтелей и на основаніи ихъ словъ представить картину древняго права“. Находя такой народъ въ Осетинахъ, авторъ приступаетъ къ изложенію труда М. М. Ковалевскаго: „Современный обычай и древній законъ“. Указавъ на сходство юридическихъ обычаевъ Осетинъ съ таковыми же у другихъ народовъ, онъ говоритъ, что „всѣ эти памятники поясняютъ другъ друга, и точка сравненія, которую мы находимъ у кавказскихъ народностей, тѣмъ болѣе драгоцѣнна, что она являетъ передъ нами институты еще дѣйстви-

онце". Передавъ содержаніе книги г. Ковалевскаго, авторъ заключаетъ свою главу слѣдующимъ замѣчаніемъ: „Изъ этого краткаго обзора видно существенное значеніе обычнаго права Кавказа для исторіи права. Съ начала этого столѣтія различными народностями Европы открыты и опубликованы самыя древніе памятники своего писаннаго права. Эта огромная работа въ настоящее время почти что кончена, но остается дополнить ее такой-же работой по праву неписанному. Трудъ М. Ковалевскаго одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ въ этомъ отношеніи, и слѣдуетъ благодарить автора не только за добытые имъ результаты, но и за проложенную имъ дорогу и за поданный имъ примѣръ“.

Н. Х.

В. Ф. Мухомъ. Обычный порядокъ наследованія у крестьянъ. СПб. 1888 (331 стр. in 8°).

Указавъ на важное значеніе, которое имѣетъ рѣшеніе вопроса объ отношеніи обычнаго права къ законодательству, авторъ обращаетъ вниманіе на то, что этотъ вопросъ до сихъ поръ еще не рѣшенъ или, лучше сказать, рѣшенъ въ двухъ противоположныхъ смыслахъ: одни утверждаютъ что «изученіе народной жизни и обычнаго права должно лечь въ основу законодательства или по крайней мѣрѣ служить ему вспоможеніемъ», другіе же утверждаютъ совершенно противоположное. «Намъ кажется, говоритъ авторъ, что для правильной постановки и рѣшенія вопроса о значеніи для кодификаціи существующихъ въ средѣ крестьянъ юрид. обычаевъ необходимо тщательно обследовать положенія обычнаго права, относящіяся къ той или другой группѣ гражданскихъ правоотношеній, и сравнить ихъ съ постановленіями дѣйствующаго закона... При такомъ параллельномъ изслѣдованіи роль народнаго обычн. права въ дѣлѣ законодательства выяснится сама собой». Разнообразіе юридич. обычаевъ не должно смущать, такъ какъ оно «не есть еще признакъ смутности и непостоянства правовыхъ воззрѣній; часто оно вызывается самою жизнью и указываетъ или на существованіе особыхъ бытовыхъ условій... или на переходное состояніе въ самомъ стрѣ бытовыхъ отношеній». Указавъ такимъ образомъ на способы и цѣль изслѣдованія, авторъ переходитъ къ основаніямъ обычнаго права наследованія. Онъ опровергаетъ теорію трудового начала въ крестьянской семьѣ и приходитъ къ заключенію, что «основаніемъ права наследованія служитъ кровное родство, но на ряду съ послѣднимъ въ народномъ быту придается весьма важное значеніе также фактической принадлежности къ семьѣ, вследствие чего, напр., лицо востороннее, но принятое въ семью и живущее въ ней, наследуетъ подобно кровнымъ родственникамъ, и, наоборотъ, кровные родственники, отдѣлившіеся отъ семьи и порвавшіе съ него всякую фактическую связь, обыкновенно вовсе устраняются отъ наследованія. Что же на-

сается личного труда, то при настоящихъ условіяхъ экономической жизни народа онъ является необходимымъ звеномъ, связывающимъ оба означенныя условія права наследованія въ одно живое, конкретное цѣлое. Другія два основанія наследованія—бракъ и договоръ, и, останавливаясь на нихъ подробно, авторъ удачно доказываетъ, что договорное начало наследованія имѣетъ не маловажное значеніе въ народномъ быту. Для уясненія началъ обычнаго права наследованія, авторъ довольно подробно останавливается на организаціи крестьянской семьи. Считая дѣленіе семей на большую и малую невѣрнымъ, авторъ предлагаетъ другое дѣленіе на естественную и искусственную семьи. Первая—союзъ лицъ, происходящихъ отъ одной пары, сосредоточивающей въ себѣ семейный авторитетъ, семейную власть. Она дѣлится на простую, состоящую изъ родителей и не вступившихъ въ бракъ дѣтей, и сложную, когда между дѣтьми есть женатые и замужнія съ ихъ потомствомъ. Искусственная семья дѣлится: 1) на сводную—соединеніе двухъ или нѣсколькихъ самостоятельныхъ семействъ въ одно хозяйственное цѣлое, члены котораго хотя и подчиняются одному авторитету, но власть представляющаго оный лица основывается не на естественномъ фактѣ происхожденія отъ него прочихъ членовъ семьи, а на договорѣ или обыкновеніи, при чемъ большакъ—старшій въ семьѣ; таковы семьи изъ нѣсколькихъ женатыхъ братьевъ, дядей и племянниковъ; 2) на артельную, въ которой кровное родство почти совсѣмъ ступшевывается, и на первый планъ выступаютъ интересы чисто экономического свойства, а въ управленію домою и хозяйствомъ прилагается выборное начало. Основаніе происхожденія этого послѣдняго вида семьи авторъ видитъ главнымъ образомъ въ запрещеніи раздѣловъ у государственныхъ крестьянъ (до полож. 19 февр.) и въ крѣпостномъ правѣ. Она отжила свое время и «едва-ли можетъ возникнуть снова безъ особыхъ внѣшнихъ къ тому побужденій». Нельзя не согласиться, что если это дѣленіе и не является безупречнымъ, все-таки оно передаетъ лучше отгѣнки крестьянской семьи, чѣмъ дѣленіе семей на большія и малыя. Установивъ фактъ существованія въ крестьянской семьѣ семейной собственности, авторъ переходитъ къ самому порядку обычнаго наследованія, останавливаясь сперва на наследованіи нисходящихъ. Въ виду того, что «между наследованіемъ нисходящихъ послѣ отца и послѣ матери существуетъ глубокое различіе», авторъ рассматриваетъ отдѣльно эти два вида наследованія. Существенныя черты ихъ таковы: «наследниками послѣ матери являются прежде всего дѣти, какъ сыновья, такъ и дочери, и притомъ безразлично, будутъ-ли они родными дѣтьми главы семейства и мужа ихъ матери или приведенными въ семью, т. е. пасынками и падчерицами». «Въ противоположность наследованію послѣ ма-

тери, основывающагося на принципѣ кровнаго родства, наследованіе нисходящихъ послѣ отца построено главнымъ образомъ на началѣ принадлежности къ семьѣ, выражающемся въ совѣстномъ жителствѣ членовъ семьи и въ подчиненіи ихъ власти отца, какъ главы семейства». Почти повсемѣстно дочери при сыновьяхъ не наследуютъ. Когда въ семьѣ нѣтъ сыновей, право наследованія переходитъ къ дочерямъ въ равныхъ частяхъ, хотя бы онѣ были лишь единокровныя, но не единоутробныя. Малолѣтнія не отдѣляются отъ совершеннолѣтнихъ. Замужнія часто устраняются. Сыновья являются наследниками въ равныхъ доляхъ. Установивъ эти принципы, авторъ подробно разсматриваетъ случаи изъятій изъ правилъ наследованія нисходящихъ. Далѣе авторъ переходитъ къ наследованію «особыхъ членовъ семьи»; въ эту группу онъ включаетъ пасынковъ, приемышей, зятьевъ и незаконнорожденныхъ. Основаніемъ права наследованія этой группы являются принадлежность къ семьѣ и договоръ о наследованіи вступающаго въ семью лица съ представителемъ семейной власти. Принадлежитъ семьѣ, если нѣтъ договора, эти лица однако часто устраняются отъ наследства при существованіи родныхъ дѣтей, и наследуютъ обыкновенно лишь тогда, когда они принимаются въ семью на правахъ родственниковъ, посредствомъ усыновленія, приписки къ семейству, долговременнаго пребыванія въ семьѣ (съ малолѣтства, отъ 10 до 15 лѣтъ) при участіи въ семейныхъ работахъ; въ противномъ случаѣ имъ обыкновенно выдаютъ известное вознагражденіе изъ общей массы семейнаго имущества. Что касается наследованія восходящихъ родственниковъ, то хотя и встрѣчаются случаи наследованія дѣда или бабушки, однако эти случаи крайне рѣдки. Обыкновенно же послѣ безпотошно умершаго сына наследуетъ отецъ, если отца нѣтъ въ живыхъ—мать, и въ томъ случаѣ, когда ея право наследованія ограничивается братьями умершаго, ей всетаки дается часть имущества на пропитаніе. Если умершій сынъ былъ отдѣленъ, наследницей является обыкновенно вдова его; по общему правилу приданое бездѣтно умершей замужней женщины, «изъ чего бы оно ни состояло, а также прочее ея имущество, съ нѣкоторыми установленными обычаемъ ограниченіями, возвращается по наследству прежде всего къ отцу умершей». Относительно наследованія боковыхъ родственниковъ, авторъ замѣчаетъ, что «въ общихъ чертахъ порядокъ наследованія боковыхъ родственниковъ построенъ на подобіе наследованія нисходящихъ и напоминаетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ систему наследованія, существующую въ дѣйствующемъ законѣ». Отсылая читателя за подробностями въ этомъ отдѣлѣ, какъ и во всѣхъ предшествующихъ, къ самому сочиненію, укажу еще выводы автора по вопросу о наследованіи супруговъ. Вдова при дѣтяхъ либо получаетъ отъ дѣтей содержаніе, либо ей дается право

пониженнаго владѣнія и пользованія имуществомъ мужа, либо право на полученіе нѣкоторой части изъ оставшагося послѣ мужа наслѣдства; размѣръ этой части варьируется по мѣстностямъ. Вдова-свекла при дѣтяхъ (въ особенности мужского пола) получаетъ «при отдѣлѣ отъ свекра, свекрови или деверьевъ всю часть имущества, которая слѣдовала бы умершему ей мужу, еслибъ онъ находился въ живыхъ». Что касается вдовы бездѣтной, то тутъ дѣйствуютъ равныя правила, видоизмѣняющіяся разными условіями. Относительно наслѣдованія мужа послѣ жены авторъ приходитъ къ заключенію, что мужъ послѣ жены, какъ при дѣтяхъ, такъ и безъ дѣтей, отъ наслѣдованія устраняется.

Источниками, которыми авторъ пользовался при своемъ изложеніи служили рѣшенія волостныхъ судовъ и многія сочиненія по обычному праву, списокъ которыхъ авторъ приводитъ въ концѣ своего сочиненія. Выводы же авторъ почти исключительно строитъ на рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ.

Н. Х.

Гомельскія народныя пѣсни (бѣлорусскія и малорусскія). Записаны въ Дятловицкой волости Гомельскаго уѣзда Могилевской губерніи *Зинаидой Радченко*. (Записки Импер. Русск. Геогр. Общества по отдѣленію этнографіи, т. XIII. вып. 2; изданъ подъ редакціей Ѳ. М. Истомина). СПБ. 1888 (III+XLIII+265+III+8 вен).

Имя г-жи Радченко уже извѣстно въ этнографической литературѣ. Въ 1881 г. ею изданъ «Сборникъ малорусскихъ и бѣлорусскихъ пѣсенъ (гомельскаго уѣзда), записанныхъ для голоса съ аккомпаниментомъ фортепьяно», заключающій въ себѣ 9 веснянокъ, 2 хороводныя пѣсни, 1 жнивную, 18 лѣтнихъ, 1 свадебную, 2 колядныхъ и 1 колыбельную. Объ этомъ сборникѣ мы имѣли случай говорить раньше ¹⁾. Настоящій трудъ г-жи Радченко содержитъ въ себѣ, кромѣ предисловія редактора, введеніе, составленное собирательницей, затѣмъ 677 народныхъ пѣсенъ (въ томъ числѣ и 34 напечатанныя въ сборникѣ 1881 года), 84 пословицы и алфавитное оглавленіе пѣсенъ по ихъ началу. Импер. Русск. Геогр. Общество достаточно оцѣнило этотъ трудъ, помѣстивъ его на страницахъ своихъ Записокъ и наградивъ автора золотою медалью. По мнѣнію редактора, выраженному въ предисловіи, настоящій трудъ даетъ довольно полную этнографическую картину одной изъ волостей гомельскаго уѣзда, въ особенности при вѣрности и точности данныхъ, сообщаемыхъ собирательницей, которая, живя въ деревнѣ, имѣла возможность вполне изучить нравы, обычаи, новѣрья и пѣсни мѣстныхъ жителей. Если мы тѣмъ не менѣе рѣшаемся сдѣлать нѣсколько частныхъ замѣчаній и поправокъ къ этому изданію, то отнюдь не изъ жела-

¹⁾ Вѣлор. Сборн. Е. Романова, Кіевъ, 1886, т. 1, вып. 1 и 2, стр. VI.

нѣя умалить его значеніе, но единственно въ надеждѣ, что авторъ воспользуется ими при дальнѣйшихъ работахъ и придастъ послѣднимъ возможно большую научную цѣнность.

Въ обширномъ введеніи собирательница сообщаетъ интересныя, хотя и отрывочныя свѣдѣнія о бѣлоруссахъ дятловицкой волости, ихъ характеръ, наружности, говоръ, бытъ, обычаихъ, повѣрьяхъ, характеризуетъ пѣніе и пѣсни, при чемъ вкратцѣ описываетъ и связанныя съ послѣдними обряды. Позволяемъ себѣ остановиться подробнѣе на этихъ свѣдѣніяхъ, какъ въ виду ихъ интереса, такъ и изъ желанія исправить нѣкоторыя неточности. Такъ, намъ кажется невѣрнымъ названіе гомельскихъ великоруссовъ «старовѣрами (единовѣрцами)». Старообрядца трудно назвать старовѣромъ и еще труднѣе единовѣрцемъ. Послѣднихъ въ гомельскомъ у. только 46 чел., старообрядцевъ же 12500, по официальнымъ даннымъ. Невѣрно также утвержденіе, будто въ уѣздѣ существуетъ два—три старообрядческихъ монастыря: Лаврентьевскій, Пахомьевъ, Чонка. Первые два закрыты еще въ 50-хъ годахъ, и закрытіе ихъ воспыто мѣстными народными пѣвцами въ известной пѣснѣ, которая и въ настоящее время служитъ у старообрядцевъ «постовою псалмою»:

«Боже, вродоша древни времена,
Люди прорекоша еще прежде насъ»... 1)

Что же касается монастыря чонскаго, то онъ—единовѣрческій.

Объ одеждѣ г-жа Радченко говорить нѣсколько неясно и противорѣчиво. На стр. II она заявляетъ, что одежда дятловцевъ «не сплошная бѣлая, какъ въ сѣверныхъ у. губерніяхъ»; но въ сѣверныхъ уѣздахъ, съ которыми авторъ знакомъ, вѣроятно, мало, цвѣтъ и покрой одежды весьма измѣнчивъ, не только по уѣздамъ, но часто и по приходамъ. Замѣтимъ, однако, что въ оршанскомъ, на границѣ съ смоленскою губ., въ одеждѣ преобладаетъ синій цвѣтъ, въ сѣненскомъ, на границѣ съ минскою—черный. Дѣвушки всѣхъ уѣздовъ предпочитаютъ красный цвѣтъ. Прямой воротъ въ рубахъ не составляетъ перехода къ покрою малорусскому, какъ полагаетъ авторъ, а есть типичная бѣлорусская форма; за исключеніемъ пункетовъ, пограничныхъ съ великор. губерніями и имѣющихъ смѣшанное населеніе, у бѣлоруссовъ вездѣ рубахи съ прямыми воротами. Постояннаго ношенія шейныхъ платковъ мы, признаемся, нигдѣ не видали; но знаемъ, что считается неприличнымъ являться безъ платка на шеѣ въ церковь или „къ панамъ“.

Совершенно справедливо замѣчаніе автора, что гомельскій говоръ, какъ и говоры юговосточныя, близокъ къ языку нашихъ лѣтопи-

1) Белор. Сборн. Е. Романова, *ibid.* стр. 369; также рукописный вариантъ предназнач. для 5-го вып.

сей, или, другими словами, сохранить много лексическихъ и грамматическихъ особенностей древнерусскаго языка. Близость эта настолько бросается въ глаза, что ее замѣчалъ каждый бѣлоруссъ, изучавшій лѣтопись. Намъ извѣстенъ случай, что изученіе Нестора однимъ изъ нихъ повлекло за собою составленіе бѣлорусской грамматики и словаря и затѣмъ собраніе произведеній народнаго творчества. Къ сожалѣнію, до сего времени въ печати все еще нѣтъ обзора звуковъ и формъ бѣлорусскаго языка, если не считать г. Карскаго, составлявшаго свой очеркъ на основаніи знакомства съ говоромъ едва ли не одного новогрудскаго уѣзда минской губернии. Отъ г-жи Радченко, въ виду ея постояннаго проживанія въ Дятловичахъ, мы вправдѣ были бы ожидать полнаго указанія особенностей мѣстнаго говора, изученіе которыхъ трудно дается изслѣдователямъ наѣзжшимъ, по самому порядку ихъ изслѣдованій. Къ сожалѣнію, ожиданія эти не оправдываются: замѣчанія автора объ языкѣ частью неточны и неполны, частью сбивчивы, и во всякомъ случаѣ изложены совершенно безъ системы. На говоръ гомельскаго уѣзда, по увѣренію автора, повліяли нарѣчія великорусское и малорусское. Съ этимъ едва ли можно согласиться, хотя бы потому уже, что подобный говоръ простирается на громадномъ районѣ въ губерніяхъ: могилевской, минской, черниговской, орловской и курской, и слѣдовательно составляетъ особую вѣтвь языка южно-русскаго. На этомъ основаніи мы считаемъ неточнымъ заявленіе автора, что «въ настоящемъ бѣлорусскомъ языкѣ слышится *dz* и *sz*», или другими словами, что дзеванье и присутствіе флексіи 3-го л. составляетъ необходимую принадлежность „настоящаго“ бѣлорусскаго языка ¹⁾. Замѣтна личнаго оборота *х о д и л и* безличнымъ *х о ж е н о*—обыкновенный оборотъ русскаго народнаго языка. Мы не понимаемъ, что хотѣлъ выразить авторъ словами: „*ж* почти всегда выговаривается какъ *дж*, т. е. какъ итальянское *g*“ ²⁾. Мѣстоименіе *э т о т ь* (у автора: «слово *гэ то*») произносится мягко

1) Бѣлор. Сборн. Е. Романова, вып. 3, стр. XIV.

2) Какъ на курьезъ, считаемъ нужнымъ указать на то, что г-жа Радченко сблизаетъ бѣлорусскій языкъ съ языками чуть ли не всего міра. Такъ напримеръ, по ея увѣренію, слова: *андарать*, (*юбка*), *чадо*, *дола*, *день*, *гость*, *хата*, *церковь*, *щепна*, *бровь*, *бить*, *дршпать*, *шкрабать*, *ступать*, *подтыкнуть*, *заплеснать*, и даже—*стой*, то самое, *мабы*, *мабутъ* и т. д. бѣлоруссы взяли... отъ англичанъ. Отъ итальянцевъ переняты — произношеніе буквы *ж*, вставка и предъ с и слова: *чоботы*, *скрмня*, *цмътьге*, *новый*, *папа* (*хлѣбъ*) и др. По-французски бѣлоруссы говорятъ: *ночь*, *нащинець* (*нашинскій*); по-турецки образуютъ превосход. степень: *рахманный*; по-татарски поютъ и пляшутъ „*Кодопельки*“; какъ *джарри* Африки, просятъ *астъ* и т. п. Къ счастью, съ польскаго взаты только два слова: *самта* и *хвистъ*; съ литовскаго одно: *ховтуры* (похороны). Какъ несправедливы, значитъ, были великоруссы и малоруссы, превращавшіе бѣлорусса—первые, какъ *поляка*, *ляля*, вторые, какъ *литвина*! Надо надѣяться, что теперь ихъ взглядъ радикально измѣнится.

и безъ придыхательнаго : въ гомельскомъ, рогачевскомъ, вост. части быховскаго, чериковскомъ, влимовицкомъ, мстиславскомъ и части горечнаго уѣздовъ. Составляетъ ли это особенность спеціально гомельскаго говора?—Вмѣсто съ эстыиъ чаще говорятъ: зь эстыиъ; твердо же произносятъ: уть этый (воть этоть). Я неударяемое произносится за ъ (е?) только у мѣщанъ и подгородныхъ жителей и, само собою разумѣется, у дворни, подражающей господамъ; крестьяне же произносятъ его отчетливо—грубо: якій, глядѣть, яшня. Наоборотъ, е неударяемое, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, произносится за я (послѣ шипящихъ и р за а): сястрица, парань и т. п.—явленіе, котораго г-жа Радченко не замѣтила, судя по неправильностямъ, допущеннымъ ею въ текстѣ пѣсень. Точно также неточно заявленіе автора, будто о неударяемое переходитъ въ а. Переходъ этотъ уже слѣдствие вліянія города, школы; тамъ же, гдѣ такого вліянія нѣтъ, о произносится довольно отчетливо, хотя иногда переходитъ въ у. Въ семи верстахъ отъ мѣста жительства Радченко, въ ст. Дятловичахъ, нами записаны прошлымъ лѣтомъ въ сказкахъ формы: гувора, мулявъ, курбочка, пушобъ, на здуровья, и даже — къ Труйцы. Въ сосѣднихъ же волостяхъ такое произношеніе обыкновенно. Весьма странно слѣдующее утверженіе: «буква и ставится всегда предъ глаголами и именами существительными, начинающимися на букву с (какъ въ итальянскомъ языкѣ), напр. исказали, исховали». Дѣло, повидимому, идетъ о такъ называемомъ и придыхательномъ; но употребленіе его зависитъ отъ причинъ чисто случайныхъ (стеченіе согласныхъ, начало рѣчи и т. п.), и возводитъ его въ общее правило не было оснований. Причемъ тутъ буква с, причемъ глаголы и имена существительныя? Развѣ г-жа Радченко не слышала въ Дятловичахъ словъ: ссушить, сбратца, складатца, сидѣть, сыночакъ, сторона и т. д., которыя напечатаны ею безъ и придых. на первыхъ двухъ страницахъ сборника. Съ другой стороны слова: игдѣ (стр. 84) изъ, исъ, икъ (377 и др.), имгла, игрушка (груша), игрушина (89, 100), ирвать, ишовъ, ишла (110, 116) и др. имѣютъ и придых. вовсе помимо выставленныхъ авторомъ условій. Относительно замѣны въ гомельскомъ говорѣ ъ черезъ и въ предлжн. падежѣ можемъ сказать, что и въ великор. говорахъ ъ неударяемое произносится въ этомъ падежѣ какъ звукъ средній между ъ и и. Гомельскій говоръ въ этомъ отношеніи не имѣетъ особыхъ отличій, и примѣръ автора—въ поби—ровно ничего не доказывает. Но другое дѣло, если говорить только о дятловицкомъ говорѣ. Тамъ, какъ мы имѣли возможность наблюдать, ъ, даже ударяемое, довольно явственно переходитъ въ нѣкоторыхъ словахъ въ и (ы), напр. рызаты, горылка; изрѣдка: хлибъ, исть и др.; также изрѣдка въ предл. пад.: на кони, по земли, на огни. Напрасно авторъ отрицаетъ также

смѣшиваніе *ы* съ *и*, зная такія формы, какъ, одынь, ня слихавъ, запыска, побывъ (побылъ), катытца и др. О согласной *ы* мы должны замѣтить, что есть слова, какъ: ганки, (грыльцо, 53), гузички (пуговички 245) и др., въ которыхъ она произносится твердо, какъ *г*, вопреки утверженію автора. Мѣстимъ, что и союзъ чтобы въ дятловницкой волости произносится тройко: въ сѣверной части до ст. Дятловичъ: што, штобъ; въ южной (д. Барповка, Абакумы)—шо, щобъ; въ восточной, за Сожемъ,—шо, щобъ (и также—шо, щобъ). Къ сожалѣнію, забывъ объ этомъ на стр. VII, собирательница совершенно забыла о своемъ заявленіи, и въ текстѣ пѣсень, вездѣ пишетъ невозможныя—что, тобъ; такъ же неправильно пишетъ она мѣст. кто вм. хто, тебѣ, тобѣ вм. табѣ, себѣ, собѣ, вм. сабѣ и т. д. ¹⁾ Вообще, нельзя не пожалѣть, что г жа Радченко, которой «жизнь въ деревнѣ дала возможность вполне изучить языкъ мѣстныхъ жителей», остановила свое вниманіе на мелкихъ и единичныхъ особенностяхъ говора, въ родѣ: кадъ (когда), вонъ (онъ), видъ (мордочка) и т. п., и не замѣтила, что въ гомельскомъ говорѣ, а въ дятловницкой волости особенно, никогда не слышно мягкаго *р*; что *и* сочетается съ мягкими гласными весьма рѣдко и только у единичныхъ особей, заимствовавшихъ такое сочетаніе «на низу»; что приставочное *с* предъ мягкими гласными и передъ твердыми и плавными согл. произносится какъ *з*; что *л* въ концѣ слога переходитъ въ *в*; что губныя не могутъ сочетаться съ *ѣ* и часто съ мягкими гласными: *ѣ*, *ѣ*, *я*, *ю*, и т. п. Вслѣдствіе этого въ сборникѣ находимъ массу формъ невозможныхъ для данной мѣстности, напр.: горькій, берѣза, гряда, здаеця, жабци, мамци, ботци (бочѣ); свертѣли, зѣ посаду, съ мужиками, оборъ, зѣ конемъ, съ двора и т. д.; солнейко, шелковый, жодтая, и даже—ходилъ, гулягъ; побье, копьемъ, семьсотъ, здорье; мѣдъ, опять, обѣдъ, и т. п. На стр. X—XIV введенія авторъ приводитъ довольно много мѣстныхъ выраженій, которыя помогли бы читателю исправить весьма многочисленныя неправильности въ текстѣ пѣсень, если бы были переданы вполне точно. Но и здѣсь, къ сожалѣнію, находимъ нѣсколько неточностей, какъ въ способѣ написанія словъ, такъ и въ ихъ толкованіи.

Послѣ указанія особенностей говора, авторъ приводитъ нѣсколько суевѣрій и вѣтъвъ переходя къ характеристикѣ бѣлорусскаго пѣнія и пѣсень, причѣмъ описываетъ и нѣкоторые обряды. Здѣсь также попадаются неточности и противорѣчія. О пѣсняхъ, напр., сказано (XVIII), что «всѣ онѣ поются въ низкомъ тонѣ», что «въ мажорномъ поются только плясовые и немногія великорусскія» и заимствованныя; на стр. же XXIX о живыхъ пѣсняхъ сказано, что

¹⁾ Если только во всемъ этомъ видна собирательница. Ред.

«всѣ онѣ поются въ мажорномъ тонѣ». Хоровое пѣніе московскъ— великороссійскоѣ (въ сборникѣ изъ 37 хороводн. пѣс.—18 великор.), живущихъ въ гом. у., представляется, по замѣчанію автора, сплошнымъ визгомъ; но между тѣмъ, судя по мотивамъ хороводныхъ пѣсень, частью помѣщенныхъ въ сборникѣ 1881 г., оно далеко не таково (ср. напр. №№ 29, 32). Обрядовыя пѣсни поются не исключительно дѣвушками. Намъ хорошо извѣстно, что многія изъ весеннихъ (напр. № 6, 12, 13, 18, 21 и др.), лѣтнія, жнивныя, колдныя и весеннія поются молодницами и даже пожилыми бабами; многія №№ весеннихъ пѣсень дѣвушка совсѣмъ не могутъ пѣть.

Что касается описанныхъ авторомъ обрядовъ, то въ общемъ они переданы довольно вѣрно. Мы позволимъ себѣ только усумниться въ точности опредѣленія дня провода русалки. Насколько мы могли наблюсти этотъ обрядъ въ гомельскомъ у., онъ совершается не въ день Купалы, а спустя недѣлю послѣ Духова дня, т. е. въ первый день петровокъ, въ помедѣльникъ такъ называемой «Граной недѣли», какъ это видно и изъ № 2 русалн. пѣс. сборника Радченко (стр. 54). Хороводныя пѣсни поются же во время одной пасхальной недѣли, а ровно столько времени, сколько стоять «кбзды» (качели), т. е. до Троицына дня. Слово «Сула» напрасно авторъ производитъ отъ выраженія «съ улицы» Въ записанной нами пѣснѣ поется:

Сула, Сула рѣка	Ти ня будешъ ты моя!»
Чараѣ мора тягла.	— Ня буду понти,
Отъ тамъ дѣвка воду нясла.	Буля мяне матя бити
— «Ой дѣвка—дьявица,	Крапивою да джигушкою,
Да напои мойгѣ коня,	Колкою да игрушкою, и т. д.

Эта пѣсня поется, когда дѣвушка, уходя домой послѣ игръ, составляютъ такъ назыв. «плетень». Пробѣгая съ пѣсней улицу, каждая дѣвушка выходитъ изъ плетня у воротъ своего дома. Въ Гомелѣ, Бѣлѣцѣ, Вѣткѣ въ этомъ случаѣ поется: «По Нѣмецкой улицѣ, улицѣ»...

Въ описаніи свадебнаго обряда опущено много интересныхъ моментовъ. Не упомянуто, напр., что при возвращеніи молодыхъ изъ церкви братья невесты, залерши ворота, валѣзаютъ на заборы и бросаютъ оттуда палками въ свадебный поѣздъ и даже стрѣляютъ, холостыми зарядами, конечно; что встрѣчаетъ молодыхъ мать у порога сѣней, въ вывороченной шерстью вверхъ шубѣ; что предъ тѣмъ, какъ вести молодыхъ въ кѣть, ловятъ курицу или пѣтуха и закариваютъ ихъ чуть ли не заживо, часто посреди хагы, если въ ней полъ глиняный. Опущены также весьма интересные обряды, совершаемые въ томъ случаѣ, если невестка окажется «згубившей вѣлочекъ». Едва ли вѣрно, что родители женятъ дѣтей и выдаютъ

за-мужь противъ воли послѣднихъ. Пѣсня о неудачкѣ принадлежитъ къ числу старинныхъ и по отношенію къ настоящему времени ровно ничего не доказываетъ. При своихъ этнографическихъ изысканіяхъ мы обращали вниманіе на этотъ вопросъ и пришли къ убѣжденію, что въ настоящее время бракъ по неволѣ—рѣдкость, и отношенія мужа къ женѣ и родителей къ дѣтямъ все болѣе и болѣе дѣлаются гуманными. Отказы же въ сватовствѣ бывають рѣдко потому, что женихъ посылаетъ обыкновенно сватовъ только тогда, когда предварительно заручится согласіемъ невѣсты, переговоривъ съ нею тайно гдѣ-нибудь на вечеринкѣ. Вообще, по нашимъ наблюденіямъ, браки по любви дѣлаются обыкновенными, и родители, если имъ не нравится выборъ, ограничиваются легкимъ протестомъ, въ родѣ: «ляди, моя дочка: намъ зъ имъ на жить; а ты завяжешъ вѣкъ, тогда не розвяжешъ!» Или: «ляди, сынокъ, съ усихъ боковъ: жонка не лапотъ—зъ поги ня скнешъ!»

Празднованіе колядъ описано кратко. Въ нѣсколькихъ строчкахъ упомянуто о козѣ, кралькахъ и звѣздѣ, составляющей нововведеніе, внесенное въ дѣтскую жизнь бѣлорусса народнымъ учителемъ, и совсѣмъ забыты медвѣдь, кобыла, журавль, цыганки—чисто народныя колядныя маскированья. Утвержденіе автора, будто «щедруютъ» наканунѣ праздника Р. Хр., едва-ли вѣрно; въ этотъ день бѣлоруссы постятъ «до звѣзды», до вечера, и имъ, понятно, не до пѣсенъ. Щедруютъ тогда же, когда справляютъ «щедрую (богатую, товстую) кутью», т. е. наканунѣ Нового года, когда дѣвушки, распѣвая подъ огнями щедровки, собирають блины, сало, колбасы, и потомъ устраиваютъ вечеринку. Если сельскія власти запрещаютъ щедровать, то это дѣлается по внушенію лицъ, ошибочно понимающихъ свои обязанности и не обладающихъ такимъ развитіемъ, чтобы понимать проявленія народнаго міровоззрѣнія и относиться къ нимъ съ должнымъ уваженіемъ,—о чемъ мы говорили въ другомъ мѣстѣ.

Пѣсни въ разбираемомъ сборникѣ расположены по временамъ года,—расположеніе, наиболѣе правильное, если произведенія народной словесности собраны на ограниченномъ районѣ, какъ въ данномъ случаѣ. Другое дѣло, если матеріалы собраны на большихъ пространствахъ. Въ такомъ случаѣ собирателю все-таки приходится испытывать не мало затрудненій при расположеніи пѣсенъ, такъ какъ часто одна и та же пѣсня въ различныхъ мѣстностяхъ, даже въ предѣлахъ одной губерніи, поется въ различные сроки: волочобныя переходятъ въ обще-весеннія, веснянки въ жнивныя, пиляповскія въ колядныя и т. п. Такимъ образомъ, вопросъ о преимуществахъ того или другаго расположенія пѣсенъ все еще ждетъ разрѣшенія со стороны людей науки. Но въ данномъ случаѣ, повторяемъ, принятое авторомъ расположеніе наиболѣе правильное. Напрасно только редакторъ за-

являеть, что оно прииѣнено г-жеі Радченко впервые: г. Шейнъ располагалъ въ такомъ порядкѣ лѣспи уже въ первомъ своемъ сборникѣ (1874 г., но, судя по посвященію, сборникъ былъ готовъ къ печати еще въ 1869 г.); послѣдній его трудъ («Матеріалы») вышелъ также раньше книги г. Радченко (1887 г.).

Помѣщенные у г-жи Радченко пѣсни относятся къ веснянкамъ (102 №№), хороводнымъ (37), русальнымъ (2), купальскимъ (1), жнивнымъ (41), свадебнымъ (177), коляднымъ (1), щедровкамъ (32), простымъ (237), рекрутскимъ (2), подтанечнымъ (32), дѣтскимъ (1) и колыбельнымъ 12),—всего 677 №№ съ вариантами ¹⁾.

При бѣгломъ просмотрѣ пѣсенъ мы нашли 37 вариантовъ, уже напечатанныхъ раньше, въ веснянкахъ: 19 вар. въ хороводныхъ, 2 въ русальныхъ, 1 въ купальскихъ, 15 въ жнивныхъ, 17 въ свадебныхъ, 17 въ колядныхъ и щедровкахъ и 95 въ простыхъ (кромѣ 9 несомнѣнно малорусскихъ и 14 великорусскихъ), 11 въ подтанечныхъ, 1 въ дѣтскихъ и 4 въ колыбельныхъ,—всего вариантовъ и заимствованныхъ 242 №№. Если исключить пѣсни свадебныя, мѣняющія чуть ли не въ каждомъ приходѣ, то въ сборникѣ останется около 275 №№ пѣсенъ, болѣе или менѣе новыхъ. При томъ многіе изъ вариантовъ, помѣщенныхъ въ сборникѣ, не только не полнѣе текстомъ, напечатанныхъ раньше, но часто гораздо короче и сбивчивѣе и составляютъ ненужный балластъ въ книгѣ. Появленіе ихъ на страницахъ сборника объясняемъ тѣмъ обстоятельствомъ, что рукопись окончена авторомъ еще въ 1884 году, т. е. до выхода въ свѣтъ сборниковъ Шейна и Романова, и, если не ошибаемся, тогда же была представлена въ И. Р. Геогр. Общество. Нельзя не пожалѣть, что редакторъ, приступая къ печатанію рукописи въ 1888 г., не предложилъ автору сличить свой сборникъ съ вышедшими послѣ отсылки рукописи и кстатіи исправить языкъ пѣсенъ, который въ настоящемъ своемъ видѣ крайне искаженъ и можетъ ввести въ заблужденіе науку. Само собою разумѣется, что редакторъ не могъ взять на себя исправленіе ошибокъ и противорѣчій г-жи Радченко, разсыпанныхъ по всѣмъ страницамъ сборника, но они все же должны были обратить на себя вниманіе редактора и заставить его принять мѣры къ ихъ устраненію,—чего въ данномъ случаѣ не видно.

Перечисленіе всѣхъ искаженій, которымъ подверглись пѣсни въ сборникѣ Радченко, потребовало бы слишкомъ много времени и труда, какъ читатель легко можетъ убѣдиться, открывъ любую страницу. Г-жа Радченко, повидимому, желала слѣдовать грамматической транскрипціи, но, не имѣя навыка и выдержки, впала въ противорѣчія, тѣмъ болѣе, что вообще отнеслась къ записыванію довольно

¹⁾ Редакторомъ при счетѣ пропущена подтанечная пѣсня № 263 (стр. 241).

небрежно. Иначе мы не можемъ объяснить ея ошибку, доходящую до того, что одно и то же слово, на одной и той же страницѣ, имѣетъ различныя начертанія—въ пѣсняхъ, записанныхъ въ районѣ одной волости, гдѣ не можетъ быть нѣсколькихъ говоровъ. Нельзя же допустить, чтобы г-жа Радченко сознательно отнеслась въ 1864 году къ бѣлорусскимъ пѣснямъ такъ, какъ отнеслась въ нимъ въ 1853 году Е. П.

Изъ помѣщенныхъ въ сборникъ 84 пословицъ редакторъ указалъ 30, составляющихъ варианты къ малор. и бѣлор. пословицамъ, напечатаннымъ раньше. Кроме нихъ, мы нашли еще 29 пословицъ, помѣщенныхъ у Носовича¹⁾. Такимъ образомъ пословицъ, вѣроятно не бывшихъ еще въ печати, въ сборникъ 25. Строго говоря, изъ послѣднихъ также трудно признать бѣлорусскими пословицы въ родѣ: Брехню свѣтъ пройдеши и т. д., За одного ученаго и т. д. Побольше вѣшь, поменьше говори, Силою не быть милою, Хлѣбъ да каша, да милость ваша, Что съ воза упало и т. д. и другія.

Такимъ образомъ, принявъ во вниманіе все вышеназванное, нельзя назвать настоящей трудъ г-жи Радченко богатымъ по содержанию, но тѣмъ не менѣе, появленіе его, при бѣдности нашей этнографической литературы, касающейся Бѣлоруссін, далеко не излишне, и тексты сборника Носовича, Шейна и др. съ удовольствіемъ дадутъ среди себя мѣсто и этому небольшому сборнику.

Въ заслугу собирательницѣ, по всей справедливости, должно быть поставлено то, что она, не давъ усынуть себя мертвящей деревенской скукѣ, сумѣла найти въ деревнѣ такое осмысленное и живое дѣло, какъ собраніе произведеній народнаго творчества и записываніе пѣсенныхъ мотивовъ. Искренне желаемъ, чтобы она не прекращала работъ на избранномъ поприщѣ и, воспользовавшись настоящимъ нашимъ правдивымъ словомъ, избѣжала отчасти указанныхъ нами недостатковъ въ своихъ будущихъ трудахъ.

Оборники съ вѣншией стороны изданъ хорошо и даже довольно роскошно, тѣмъ, какъ извѣстно, не могутъ похвалиться наши частныя сборники. Русская наука не можетъ не поблагодарить И. Р. Геогр. Общество за ту поддержку, которую оно съ полною готовностію оказывало и оказываетъ въ дѣлѣ собранія и изданія исчезающихъ памятниковъ устной народной словесности.

Е. Романовъ.

II. Ж у р н а л ы.

Вѣстникъ Европы. Мартъ. *Слонимскій*. О теоріяхъ прогресса. I. Характеристическія черты современной социологін (объ этно-

¹⁾ №№ 11, 13, 14, 16, 23, 25, 28, 31, 35, 37, 38, 42, 43, 46, 48, 52, 56, 59, 60, 63, 70, 72, 78, 74, 77, 78, 80, 81, 83.

графическомъ методѣ въ социологіи). *А. М. Географическая теорія развитія историческихъ народовъ.*—Апрѣль. *Пятина.* Обзоръ русскихъ изученій славянства (продолж. въ книжкахъ за июнь—сентябрь).—Рецензія на «Русскія Древности» гр. Толстого и Бондакова, на «Антропологию» Петри, «Volk und Nation» Neumann'a и «Etudes sur l'histoire du droit»—H. Sumner Maine.—Іюнь. Рец. на изсл. «Расколъ на Дону» Дружинина и «Расколъ въ Саратовскомъ краѣ» Соколова.—Іюль. *Весинъ,* Пржевальскій и его путешествія (продолж. въ август. кн.) Некрологъ О. Θ. Миллера.—Августъ. *Реутскій,* Изувъры («божьи люди»).—Рец. на «Систематич. описаніе коллекцій Дашковскаго Музея» В. Θ. Миллера и на «Сборникъ пѣсень» Лопатина и Прокунина.

Живенное Обозрѣніе. 18 *Шайноха.* Возвръненіе поляковъ старыхъ временъ на женщину.—21, 25. *Шуфъ.* Пѣсни крымскихъ татаръ.—23, 29, 31. Людеѣдство и человѣческія жертвоприношенія.—24. Некрологъ О. Θ. Миллера.

Журналъ Мин. Нар. Просв. Январь. *А. Н. Веселовскій,* Видѣніе Василія Новаго о походѣ русскихъ на Византію въ 941 г. *Жуковский,* Бѣлыбѣльскія пѣсни и причитанія осѣдлаго и кочеваго населенія Персіи (съ сравнительными примѣчаніями).—Февраль. *А. Михайловъ,* Въ вопросу о редакціяхъ Домостроя, его составѣ и происхожденіи (продолж. въ март. кн.).—Апрѣль. *А. Н. Веселовскій,* Амфилохъ—Evalach (Эпизодъ Grand St.—Gaal въ славян. апокрифѣ).—Рец. на «Русс. древности въ памяти искусства», гр. Толстого и Бондакова.—Май. *А. Н. Веселовскій,* Мелкія замѣтки въ былинамъ: VIII. Владимиръ-богатырь (изъ китайской реляціи о посольствѣ Николая Спаэари въ Китай при князѣ Михайловичѣ). IX. Кіевскія пещеры (Извѣстіе Сарницкаго, нач. XVI в., о погребенныхъ въ пещерахъ богатыряхъ и о томъ, что эти пещеры тянутся до Новгорода. Автору осталась неизвѣстной легенда, напечатанная Новосельскимъ въ его Lid'ѣ, въ которой разсказывается о томъ, что кіевскія пещеры тянутся подъ землей до Іерусалима). X. Былина объ Иванѣ Годиновичѣ и разсказъ изъ житія Іосифа Волоцкаго. XI. Жидовинъ—богатырь. XII. Къ сербской легендѣ о Константинѣ Великомъ (привлекая къ изслѣдованію версію г. Мордовцева легенды о Паліѣ, авторъ не упоминаетъ версій—«Основы», г. Антоновича и т. д.; см. выше статью «Палій и Мазепа»).—Іюнь. *Соколовъ,* Апокрифическій матеріалъ для объясненія амулетовъ, назыв. змѣевидами. *Некрасовъ,* Къ вопросу о Домостроѣ. *Васильевскій,* Житіе св. Стефана Сурожскаго и о Гилле, умершавшей новорожденнымъ дѣтей.—Іюль. *А. Н. Веселовскій,* Славяно-германскіе отрывки (I. Rosmafjöll и остзейскіе Готы. II. Валькирія—Welis, Helusion pedion, Вилла—Viola). *Соболевскій,* Къ исторіи русскихъ былинъ.—Рец. на «Сборникъ матер. для описанія мѣстностей и

племень Кавказа», на «Соч. А. А. Котляревскаго». Покрологъ О. Ф. Миллера.

Иверія. Мартъ. Кээноба и суевѣрія грузинъ въ Джавахетіи, *Котманашвили*. Въ виду того, что Кээноба въ первой книгѣ нашего журнала (156) была уже описана, мы остановимся только на нѣкоторыхъ суевѣріяхъ джаваховъ. Когда сверкаетъ молнія, гремитъ громъ и дождь превращается въ градъ, джавахи говорятъ: «слѣпой Еліа (Илья), направляйся по горамъ». По ихъ представленію градъ, молнія и громъ—дѣло Еліа, котораго просятъ, чтобы онъ пощадилъ ихъ нивы и сады и отступилъ къ горамъ. Во время молніи и грома кладутъ на сковородку немного соли и ставятъ у дверей въ полной увѣренности, что градъ растаетъ и обратится въ воду. Во болѣзняхъ прибѣгаютъ не къ врачамъ, а къ мкитахави (оракулу). Въ Джавахетіи пользуются уваженіемъ мкитахави—муллы, а также женщины, которыя предсказываютъ, гадая на бобахъ, болѣзни, несчастіе, свадьбу, пріѣздъ гостей и пр. Наканунѣ праздника Св. Сергія, молодыя дѣвушки, а также неженатые джавахи сѣдаютъ соляной крендель послѣ недѣльнаго строгаго поста и засыпаютъ. Кто дастъ во снѣ пить, тотъ будетъ суженымъ или невѣстой.—Апрѣль. Идеалъ героя въ поэзіи пшавовъ *Важапшавели* (псевдонимъ). Герой долженъ имѣть «сердце желѣзное», глаза сверкающія, какъ у ястреба, лапы деревянныя. Красота его мужская—онъ гигантъ, бронецъ, женственность ему не присуща. Онъ не золотомъ славится, а внутренними своими качествами. Эти качества—честность, прямота, откровенность, отсутствіе лукавства, хитрости, личной вражды, готовность положить свою голову въ защиту родины, чести и женщины. Онъ проводитъ время въ борьбѣ съ врагами родины, онъ гордо и надменно относится даже къ общинѣ, когда она занята лишь веселіемъ съ женщинами, забывая интересы родины. Но считается болѣе привлекательной покорность героя волѣ общины. «Гордости я предпочиталъ, говоритъ Ростомъ, смиреніе и покорность». Герой долженъ избѣгать женскихъ совѣтовъ и навѣтовъ, онъ долженъ стоять выше земныхъ наслажденій и заботъ. Поэтому въ пѣсняхъ пшавовъ онъ обращается въ святого: онъ и герой и Божій человекъ. О поэмѣ «Ростомъ» см. первую статью въ настоящей книгѣ.—Май. Имущественное право грузинки въ крестьянской семьѣ. *Ек. Габашивили*: 1) Неотъемлемую собственность грузинки составляетъ капиталъ, отданный ей въ приданое при выходѣ за мужъ и получаемый отъ жениха обязательный денежный подарокъ, половина котораго, впрочемъ, идетъ на приготовленіе вещей, необходимыхъ для женскаго туалета и домашняго обихода. 2) Въ полное владѣніе женщины поступаютъ: «нишани» или «белга», «пириसानахави» и «шабаши». «Нишани»—первый подарокъ

денежный или вещный (натуральный), подносимый женихомъ или его довѣреннымъ лицомъ при помолвкѣ. «Ширисанахави» — даръ, дающій право узрѣть ликъ невесты, по формѣ переживания напоминающій время, когда лицо невесты закрывалось, и она снимала покрывало подъ условіемъ подарка, приносимаго, какъ теперь, не только родственниками и свитой жениха, но и вообще всѣми участниками свадьбы. «Шабаша» — подарокъ денежный, получаемый невестой, послѣ того какъ она протанцовала лезгинку. 3) Личную собственность крестьяни составляетъ корова, подаренная ей матерью послѣ перваго разрѣшенія отъ бремени. 4) Женщинѣ же принадлежитъ «крунчиспури» и «кериснаболари». «Кериснаболари» — часть ячменнаго урожая, а «крунчиспури» — не вымолоченные пшеничные колосья, оставшіеся послѣ вѣянія хлѣба. Женщины собираютъ эти остатки, молотятъ для себя, и полученныя зерна продаютъ или сѣютъ пополамъ съ сосѣдомъ.

Имущество крестьянки переходитъ къ ея дѣтямъ. Если приданое небольшое, то оно поступаетъ все въ собственность дочери; въ противномъ случаѣ дѣлится между сыновьями и дочерями, и поступаетъ въ ихъ полное владѣніе, не идетъ даже на погашеніе долга, падающаго на всю семью. Женщина предпочитаетъ отдавать свой капиталъ на проценты въ чужія руки, но если семья беретъ въ долгъ у нея, то обязана возвратитъ безпрекословно. Если женщина умерла бездѣтной, то право на приданое, принесенное ею, принадлежитъ прежде всего ея роднымъ по отцу и матери, а за отказомъ ихъ — мужу, вступающему въ безраздѣльное владѣніе капиталомъ жены.

Иллюстрированный Міръ, 1. Святки и Новый годъ на Кавказѣ. — 5, 6 и 7. Путешествіе въ Восточную Сибирь. (переводъ статьи *Ж. Мартена* изъ журн. «Illustration»).

Историческій Вѣстникъ. Май. Рец. на «Исторію музыки въ Россіи съ древнѣйшихъ временъ и до нашихъ дней» — Іюнь. *Сорокинъ*, Природа и человѣкъ въ Средней Азій. *Труворовъ*, Волхвы и ворожен на Руси въ концѣ XVII в. — Рец. на изсл. «Расколъ на Дону» Дружинина.

Віевская Старина. Май и іюнь. *Багалъ*, Колонизація Новороссійскаго края и первые шаги его по пути культуры (продолж. въ слѣд. книгѣ). *Н. Сумцовъ*, Культурныя переживанія: плахта, дерга, галанци (штаны), калатало (колотушка), засовка, преданіе объ обрядахъ при основаніи поселка, обряды при закладѣ хаты, къ исторіи хаты, домашніе талисманы (огонь, печь, соръ, ужъ, ласточка, аистъ, конская подкова, растенія и т. д.). *Яцуржинскій*, Весенніе хороводы, игры и пѣсни. *Тиховскій*, Двѣ мнимо народныя пѣсни о панщинѣ и повстаніѣ. *Калинскій*, Къ матеріаламъ, сообщеннымъ г. Савичемъ о «семилѣтнихъ богатыряхъ». *Васильевъ*, «Къ повѣркамъ о цѣлебномъ

значенія зѣби и къ малорусскимъ покореннымъ обрядамъ». — *Илья Барсимокъ*, Русалия (этногр. рассказъ). *Сумцовъ*, Культурныя переживанія (продолженіе): надписи на сводкахъ, човень, сластены, маговники и другія простонародныя «ласощи», обрядовое яйцо, сыръ въ повѣрять и обрядкахъ, священное значеніе обѣденнаго времени, кваша, сомоха и мамалыха, журъ (журило, чурило), глекъ и вглекъ, кушанецъ. *Добко*, Попытка къ уравнию мѣръ и вѣса въ Малороссіи XVIII в. *Н. Б. Медико-топографическая и этнографическая работа д-ра де-ла-Флиза*. — Рец. на «Сябры и сябринное землевладѣніе въ Малороссіи» Луцицкаго, «Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣст. и племень Вавказа» и «Заселеніе харьк. края и общій ходъ его культурнаго развитія до отырытія университета» Багалъя. — Августъ. *Васильевъ*, Рекрутчина въ малорусской пѣснѣ (этногр. очеркъ). *Лилеевъ*, Изъ начальной исторіи раскола въ Стародубѣ. *Сумцовъ*, Культ. переж. (продолженіе): черты, рѣзы, мѣты, бирки, карбиты, равашы, колмыка, каганецъ, живой или Божій огонь, коляда, колодка—колодій, Бупало. *Л. П.* Нѣсколько чертъ быта днѣпровскихъ лощановъ. *Ямуржинскій*, Народный праздникъ св. муч. Маккавеевъ. — Вариантъ пѣсни о Кармелюкъ. Пѣсня сахарно-заводская. Рец. на «Соч. А. Котляревскаго».

Кіевскія Университетскія Извѣстія. Кн. 3. Г. Павлуцкій. Древнегреческія росписныя вазы. Давая описаніе вазъ по ихъ характернымъ періодамъ, кончая періодомъ чернофигурныхъ вазъ, авторъ сравниваетъ помѣщенные на нихъ рисунки, бытовые и религіозные, съ рассказами древнихъ авторовъ о греческихъ нравахъ соответствующаго времени (Иліада). Благодаря такому приему, выясняется не только историческая послѣдовательность этой отрасли искусства, но получается также яркое представленіе о значеніи вазъ для изученія общаго хода культуры и отдѣльныхъ эпохъ. Не даромъ сказалъ Землеръ: «покажите только горшки, выдѣланные какимъ ни есть народомъ, и тогда можно уже сказать вообще, каковъ былъ этотъ народъ и на какой степени цивилизація онъ стоялъ» (*Semper Der Stil in den technischen und tektonischen Künsten. II Band. p. 3*). Въ предисловіи авторъ даетъ отзывы о предшествующихъ изслѣдованіяхъ по исторіи керамики: 1) «*Les céramiques de la Grèce propre*», par Albert Dumont et Jules Chaplain. Paris. Didot. 1881—1888; fasc. 1—5, и 2) «*Histoire de la céramique grecque*», par Oliver Rayet et Maxime Collignon, Paris. 1888. Отмѣчаемъ эту работу г. Павлуцкаго потому, что греческая культура оказала вліяніе на нашу южно-русскую. — **Кн. 6. А. Ясинскій.** Донесеніе о Московіи Марка Фоскарини. Эта краткая замѣтка, предназначенная собственно для историка, имѣетъ значеніе и для этнографа, такъ какъ Фоскарини ставитъ одной изъ своихъ задачъ изображеніе нравовъ Московіи половины XVI в. Правда, по словамъ автора, Фоскарини не заслужи-

ваетъ того громкаго имени, которымъ его надѣляютъ Бестужевъ—Рюминъ (Русская Исторія, I, 182) и др., такъ какъ весь трудъ этого итальянскаго посла представляетъ собою «довольно безцеремонную передѣлку сочиненій Павла Ювія» (De legatione Vesilii); кромѣ того, имъ допущены и невѣрности.

Нива (СПБ). 5. Подлонеціе священному дубу близъ Моздока.—6. *Линдеманъ*. Объ измѣненіяхъ природы въ періодъ челоуѣка.—10. Поклонники дьявола въ Карской области (отзвукъ офитовъ, кайнитовъ и т. д. первыхъ вѣковъ христіанства?)—13 *К. Горбунцовъ*. Александровскій утесъ на Уралѣ, съ надписями 1837 и 66 гг.; разсказъ о путешествіи Александра II по Уралу.—29. Біографія покойнаго академика Кеппена, занимавшагося и этнографіей.

Пантеонъ Литературы. Апрельъ. Рец. на «Русскія Древности». гр. Толстого и Бондакова.—Май. Рец. на «Исторію рус. театра» Морозова и на «Соч. А. А. Ботларевскаго».

Русская Мысль. Январь. *Муромцевъ*, «Соціологическіе очерки». (I. Происхожденіе сотрудничества. Первобытное общество. II. Перениманіе и воспитаніе. III. Развѣтіе сотрудничества). *Прусовскій*, Вольныя крестьянскія школы (ихъ прошлое и настоящее)—Рец. на «Эскизы преданій и быта инородцевъ Глазовскаго уѣзда» Первухина.—Февраль. Рец. на «Исслѣдованіе памятника польскаго обычнаго права» Винавера и на кн. «Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи» Первольфа.—Мартъ. Рец. на «Калевалу» Борисова.—Май. *Колупановъ*. Очеркъ исторіи русскаго театра до 1812 г. (прод. вѣ июл. кн.).—Іюнь. *Русановъ*, Жизнь и сочиненія Бахофена (гинеократія, Mutterrecht и т. д.).—Рец. на 1-ю книжку «Этнографическаго Обзоренія».—Іюль. Рец. на «Заселеніе Харьковскаго края и общій ходъ его культурнаго развѣтія до отырытія университета» Багалѣя, «Село Угодичи» Артынова, «Зап. Имп. Археологическаго Общ.», «А. К. Киркоръ» Н. Янчука, «Сборникъ лирич. пѣсенъ» Лопатина и Прокунина, «По Минской губ.» Н. Янчука, «Исслѣд. о нарѣчіяхъ черемис. яз.» Веске, «Lud» Federowskiego и журн. «Wisła».

Русская Старина. Январь. *Селивановъ*, Ф. И. Буслаевъ.—Май. *Труворовъ*, О кончинѣ царевича Симеова по саняхъ, употреблявшихся при погребеніи царствовавшихъ на Руси особъ (его же въ Рус. Ст. за 1887, 12: «О саняхъ, употреблявшихся при погребеніи русскихъ великихъ князей, царей и царицъ»; ср. Д. Н. Анучина: «Сани, ладыя и кони, какъ принадлежности похороннаго обряда», статья въ „Древностяхъ“ Моск. Арх. Общ. 1889 г. (печатается).

Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Т. 44. *Мотовиловъ*. Симбирская молвь. Къ матеріаламъ для изученія областныхъ нарѣчій.—Т. 45. *Ровинскій*. Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ (географія,

исторія, археологія, современное положеніе, этнографія).—Т. 47. Сочиненія А. А. Котляревскаго. Т. I: Взглядъ на старинную русскую жизнь по народнымъ изображеніямъ. Нѣсколько данныхъ изъ дубочныхъ картинъ. Два вопроса русской исторической науки—о пѣсняхъ, собранныхъ Кирѣвскимъ, о народной поэзіи въ древне-русской литературѣ. Русская народная литература. Сказанія о русскихъ богатыряхъ. Новые труды по русской старинѣ и народности. Старина и народность за 1861 г..

Сѣверный Вѣстникъ. Апрель. *Адрессъ*, Въ защиту крест. семьи. *О В—ский*, Земледѣліе въ Цар. Польскомъ.—Рец. на «Очерки изъ жизни дикой Башкиріи» Ремезова, «Die primitive Familie in ihrer Entstehung und Entwicklung» Starke.—М а й. Рец. на «Расколъ на Дону» Дружинина.—Іюнь. *А. Баловъ*: «Русскій хороводъ» Хороводныя игры въ Ярославской губ. Не смотря на то, что въ настоящее время среди крестьянъ указанной губерніи начинаютъ распространяться и кадрили, и лансье, и полька, и вальсъ,—древнія хороводныя игры еще не вытѣснены окончательно и продолжаютъ игратья народомъ. Для этихъ игръ избираются обыкновенно либо лужайки около воды, либо рощи, либо, наконецъ, кладбища, причѣмъ мѣста для гульбищъ, разъ опредѣленные, не мѣняются подчасъ черезъ цѣны поколѣнія. Общій отличительный признакъ хороводныхъ игръ составляетъ то, что онѣ вмѣщаютъ въ себѣ не одну пляску но и всѣ другіе виды лирико-драматической области: пѣсеню, музыку и сценическую игру. Авторъ излагаетъ 20 видовъ хороводныхъ игръ, между прочимъ старинную «А мы просо съѣли», не останавливаясь, къ сожалѣнію, подробно на тѣхъ, которыя вышли въ настоящее время изъ употребленія, хотя ихъ помнятъ «не только старые но и пожилые люди». Какъ ни сдѣлано много по изслѣдованію русскихъ хороводныхъ игръ различными авторами, болѣе подробное изученіе ихъ тѣмъ не менѣе крайне желательно, и записи ихъ, подобныя составленной г. Баловымъ, съ присоединеніемъ и тѣхъ игръ, которыя если и вышли изъ употребленія, но не утратились еще совершенно изъ народной памяти, являются крайне желательными и для другихъ мѣстностей Россіи, тѣмъ болѣе, что, вѣроятно, не далеко то время, когда, выходя постепенно изъ употребленія, хороводныя игры всюду замѣнятся заносными танцами.—Іюль. *Номикосовъ*. Общинное владѣніе въ Донскомъ краѣ.—Августъ *А. Леонтьевъ*. Русская колонизація въ степяхъ Средней Азіи.—Сентябрь. *Н. Д.* Письма о Грузіи (прод.): О вліяніи Персіи на Грузинскую литературу.

Филологическія Записки (Воронежъ). Вып. I. *Четыркинъ*, Къ вопросу объ отреченныхъ книгахъ древней Руси. *Веревскій*, Вукъ Караджичъ и его сборникъ сербскихъ народныхъ пѣсень.

Юридическій Вѣстникъ. Февраль. Рец. на «Etudes d'histoire

du droit» Daresté. *Астырговъ*, Особенности экономич. положенія Сибири.—Апрѣль. *Спасовичъ*, О гминахъ и гминныхъ судахъ въ Цар. Польскомъ.—Рец. на «Etudes sur l'histoire du droit» Н. Sumner Maine.—М а й. *Рези*, Законъ, жизнь и обычное право.—Іюнь—Іюль. *Н. Добротворскій*. Крестьянскіе юридическіе обычаи въ восточной части Владимірской губ. (уѣзды: Вязниковскій, Гороховецкій, Шуйскій и Ковровскій). Статья г. Добротворскаго является какъ-бы продолженіемъ его статьи, появившейся въ Юрид. Вѣстникѣ въ 1888 г. (№ 6 и 7). Изложивъ въ послѣдней свѣдѣніи о бракѣ, авторъ во второй статьѣ касается семьи, семейныхъ раздѣловъ и права наследованія, причемъ свѣдѣніи свои дополняетъ и подтверждаетъ имѣющимися у него въ распоряженіи рѣшеніями волостныхъ судовъ. Въ своемъ изложеніи авторъ, что является особенно цѣннымъ, старается указать на различія въ юридич. обычаяхъ настоящаго времени сравнительно съ прежнимъ; между прочимъ онъ отмѣчаетъ, также особыя черты, какими отличаются офени отъ остальнаго крестьянскаго населенія—пахарей. *М. М. Ковалевскій*. Сельская община въ Закавказьѣ. Статья написана по поводу книги С. А. Елизарова: «Исслѣдованія по исторіи учреждений въ Закавказьѣ, ч. I. Сельская Община».

III. Газеты.

Акмолинскія Областныя Вѣд. (Прибавленіе, киргизск. газ.).—**5.** *С. Г—нъ*. Джиренше-Шешень и Алдаръ-Косе (киргизск. сказка).—**7.** *Какбай Джанатаевъ*. Общій видъ аула киргиза Чингизской волости Семипалат. уѣз., Ибрагима Кунашбаева, въ моментъ прикочевки на урочище Кобъ-беитъ, при р. Баканасъ (въ стихахъ).—**8.** *Ташмухаметъ Сейфуллинъ*. Басня «Волкъ и лисица».—**9.** *С. Г—нъ*. Киргизская легенда о лошади, верблюдѣ, коровѣ, собакѣ, пѣтухѣ и мыши.—**19.** *А. Н. Муды* въ К—скомъ уѣздѣ.—**23.** *Габдрахимъ Алашбаевъ*. Нужды киргизскаго населенія.

Архангельскія Губ. Вѣд.—**3.** *Н. Ер.* «Что читаютъ въ Архангельской губерніи?» Цифровыя данныя о томъ, какія періодическія изданія выписываются жителями Архангельской губерніи. Нельзя не отнестись съ признательностью къ г. Н. Ер. за его цифровое изображеніе умственного запроса жителей Архангельской губерніи, какъ въ сферѣ политической, такъ въ сферѣ наукъ, искусствъ и проч. Но намъ кажется, что было бы еще интереснѣе, если бы г. Н. Ер. отмѣтилъ, что изъ этого матеріала надаеть на городское населеніе и что на сельское, сколько экземпляровъ выписывается крестьянами исключительно и т. д.—**5.** Ст. г. *Прежняго* «На вечерникѣ»; см. отзывъ въ I кн. Этнограф. Обзор. 152.—**9.** *Васильевъ* «Исторія Сумскаго посада». Названіе посада авторъ производитъ отъ назва-

ніа финскаго племени *Smolalaiset*, которое по мнѣнію автора здѣсь жило, пока не явились сюда новгородцы; лишь 1476 г., когда «Ливонскаго города нѣмцы православныхъ христіанъ Греческаго закона начали изгонять и мучить и тогда отъ ихъ нѣмецкаго озлобленія многіе переселились въ Новгородскую область, на Заонежье и Соловецкое подворье»; передается о разграбленіи Сумскаго посада «Литовскими людьми» и говорится о теперешнемъ видѣ посада. — 19 «Отчетъ о состояніи Архангельскаго губ. Статит. Комитета». Изъ отчета видно, что комитетъ состоитъ изъ 4-хъ почетныхъ, 16 непрѣмныхъ и 32 дѣйствительныхъ, за смертью же и выбытіемъ изъ 49 членовъ; бібліотека состоитъ изъ 4443 названій въ 8820 томахъ (по этнографіи 135); въ музей 1957 предметовъ; число посѣтителей музея сравнительно съ прошлымъ годомъ (446 человекъ) увеличилось на 68 человекъ. — 44 — 50. «Сельская поземельная община въ Архангельской губерніи». Дается описаніе отдѣльныхъ общинъ разныхъ уѣздовъ Архангельской губерніи, такъ, напр., общинъ Зачатьевской, Лошенской, Нюхотской, Сумостровской—по отношенію къ пользованію пахотной землею, сѣнокосами и проч. угодьями. — 50. *Суровцовъ*, «Кой-что изъ медицины нашего сѣвера». Перечень растений съ приписываемыми имъ крестьянскою массою цѣлебными свойствами.

Астраханскія Г. В.—2. Свѣдѣнія о состояніи дѣятельности «Петровскаго Общества изслѣдователей Астраханскаго края» за время съ 7 сент. 1886 г. по 31 дек. 1887. (См. ниже: «дѣятельность уч. обществъ»).—Объ устройствѣ въ 1890 г. въ Казани научно-промышленной выставки произведеній Волжско-Камскаго края и восточной Россіи (см. ниже).

Вессарабскія Г. В.—61. Некрол. О. Ѳ. Миллера.—79. Записка объ обычаяхъ рѣшать судебныя дѣла поединкомъ у кельтовъ, кельтиберовъ, франковъ, германцевъ и другихъ средневѣковыхъ народовъ (Пр. В.)—80. Древнія типографіи на Воляни (изъ Прав. В.).

Варшавскій Дневникъ.—154. Реценз. на «Труды Варшавскаго Стат. Комитета».—162. Некрол. хорватскаго писателя и общественнаго дѣятеля Ив. Букульевича-Сакцинскаго, состоявшаго между прочимъ членомъ И. Моск. Археолог. Общества, членомъ корресп. И. Академіи Наукъ и награжденнаго Имп. Александромъ II орденомъ Владимира въ 1862 г.—160. Корреспондентъ изъ Грубешовскаго уѣз. Люблин. губ. сообщаетъ, что у мѣстнаго народа существуетъ преданіе о временномъ пребываніи св. Антонія Печерскаго въ с. Курмановѣ по пути съ Аона въ Кіевъ. 10 іюля—храмовой праздникъ въ Курмановской церкви, которая, по преданію, построена надъ пещерой св. Антонія. — 164. Въ корреспонденціи за подписью П. У. изъ м.

Борца Новгородъ—Волынскаго у. сообщаютъ историко археологическія свѣдѣнія объ этомъ мѣстечкѣ и его достопримѣчательности.

Виленскій Вѣстникъ.—**46, 48.** О еврейскихъ земледѣльческихъ колоніяхъ въ Трокскомъ уѣз. Вил. г.—**62.** *Ив. Сиротко* въ корр. изъ м. Крево (Ошмян. у.) сообщаетъ о развалинахъ мѣстнаго замка. Мѣстечко возникло раньше Вильны и Трокъ и служило, по предположенію, резиденціею др. литовскаго жреца Криве-Кривейто.—**64.** Графъ Бобринскій отъ имени Московскаго (??) Археологич. Общества предложилъ проф. Кіев. Дух. Академіи В. З. Завитневичу совершить нынѣшнимъ лѣтомъ археологическую поѣздку въ Бѣлоруссію. Проф. Завитневичъ, по словамъ замѣтки, отправляясь по Припечи на Мозырь, Туровъ, Пинскъ, а оттуда къ верховьямъ Березины и Нѣмана, намѣренъ обратить особенное вниманіе на особенности древняго дреговичскаго типа и на границы, отдѣлявшія это племя отъ сосѣдей литовцевъ и др. племенъ. Проф. Завитневичъ приглашенъ къ участию въ изданіи сборника статей по археологич. западнаго края, предпринимаемомъ археологическимъ обществомъ (какимъ?).—**68.** «Аушлявисъ (Жалтисъ), литовскій богъ врачеванія. Историч. изслѣд. *Теобальда* (отрывокъ изъ «Полной Литовской Мифологіи»). Приводятся историч. свѣдѣтельства о почитаніи литовцами этого божества въ видѣ ужа и содержаніе легенды, рассказанной польск. писателемъ Крашевскимъ (въ «Витолераудѣ») о женитьбѣ Жалтиса на одной изъ 3-хъ сестеръ Эгле, одеждою которой онъ завладелъ во время ея купанья, и о шурьяхъ его, которые изрубилъ его косами, вызвавъ обманомъ изъ воды, послѣ чего Эгле обратилась въ ель (эгле-ель), ея старшій сынъ—въ дубъ, младшій—въ ясень, а дочь (выдавшая тайныя слова, какими мать ея вызывала супруга—ужа)—въ вѣчно-дрожащую осину.—**69.** По словамъ «Судеб. Газ.» въ петерб. санитарную комиссію внесено предложеніе о собираніи свѣдѣній черезъ сельскихъ учителей и фельдшеровъ о знахаряхъ и знахарихахъ и объ употребляемыхъ ими врачевныхъ средствахъ.—**70.** *Ив. Сиротко* сообщаетъ изъ м. Крево о культурныхъ переищеніяхъ, внесенныхъ въ жизнь крестьянина-бѣлорусса реформою, сравниваетъ старое поколѣніе съ новымъ и приводитъ два полународныхъ бѣлорус. стихотворенія: одно—насмѣшка надъ «панскимъ игрищемъ» (баломъ), другое—назиданіе молодому поколѣнію.**75.** *Ніола* (жена Поглуса, литов. Плутона) и *Упина* (лит. богиня рѣкъ)—*Теобальда*.—Поглусъ, принявъ видъ цвѣтка, соблазнилъ Ніолу, дочь богини плодовъ земныхъ Крумины, и увлекъ въ преисподнюю. Легенда ата записана литовскимъ историкомъ Нарбутомъ и воспроизведена Крашевскимъ въ поэмѣ «Витолерауда». О богинѣ Упинѣ Нарбутъ писалъ въ 1835 г., что около м. Сапѣжишки, близъ Ковна (на лѣв. бер. Нѣмана) былъ ручей богини Упины, куда на-

родъ собирався для исцѣленія по праздниамъ, особ. въ день Ив. Купалы. По преданію здѣсь существовалъ жертвенникъ Упины и особыя жрицы; потомъ онѣ выродились въ чародѣекъ, которыя ежегодно въ «праздникъ росы» (Петровъ день) собирались сюда ночью на пабахъ и къ нимъ являлась на летающемъ козлѣ мнѣш. старуха Упина для освященія ручья. Все это уничтожено въ 1783 г., и на мѣстѣ жертвенника выстроена часовня.—81, 83. М. З. «Новости бѣлорусской науки». Послѣ общихъ замѣчаній о возрастающемъ въ наукѣ и обществѣ интересѣ къ бѣлорусской странѣ и народности, авторъ останавливается на статьѣ Н. Яичуна въ 1 вып. изданнаго подъ ред. Н. Харузина «Сборника свѣд. для изуч. быта крестьянскаго насел. Россіи» (Моск. 1889) и, давая въ общемъ сочувственный отзывъ, дѣлаетъ автору нѣкоторыя возраженія. Считаемо нужнымъ отмѣтить здѣсь одну симпатичную мысль автора замѣтки, именно, что желательно было бы имѣть возможность вызывать и направлять къ дѣятельности мѣстныя силы, мѣстныхъ дѣятелей, у которыхъ матеріалъ подъ руками. «Этнографъ, прїѣзжающій на короткое время въ страну, замѣчаетъ г. М. З., всегда будетъ поставленъ въ худшія условія, чѣмъ мѣстный наблюдатель; на мѣстномъ интеллигентѣ и должно, какъ намъ кажется, основываться въ подобнаго рода трудахъ, нужно вызывать его къ содѣйствию. Въ этомъ отношеніи столичныя общества уже по одной своей отдаленности могутъ сдѣлать немного. Въ этомъ случаѣ гораздо было бы полезнѣе направить усилія на образованіе научныхъ обществъ въ самомъ краѣ, хотя бы въ видѣ отдѣленій столичныхъ, какъ это дѣлаютъ сельско хозяйств. общества... Важное обстоятельство, подрывающее мѣстную дѣятельность, не дающее ей широкаго и свободнаго развитія,—это отсутствіе въ краѣ высшаго образовательнаго и вообще умственнаго центра... Да, возобновленіе Виленскаго университета является настоятельнѣйшею потребностью для западнаго края. Тогда только и явится возможность устройства мѣстнаго ученаго общества.—87. Замѣтка о сборникѣ бѣлорус. пѣсенъ З. Радченко (см. рец. въ этой кн.).—102—3. Рец. на кн. П. Д. Брянцева: «Исторія Литовск. государства съ древнѣйш. временемъ».—III. Нѣкто *Гаврило Полоцкій* помѣстилъ въ перев. съ англійскаго двѣ египетскія сказки, взятыя изъ повѣсти Вел-Ниг америк. пис. Wallace'a, хотя замѣчаетъ, что онѣ написаны только подъ влияніемъ и въ духѣ др.-египетскихъ сказокъ, недавно изданныхъ во франц. переводѣ директоромъ египт. музея въ Булакѣ Ж. Масперо (въ на стоящее время оставившаго эту должность). Въ изданіи Maisenneuve сборника Масперо: «Les contes populaires de l'Égypte (t. IV, 1882) подобныхъ сюжетовъ нѣтъ, и было-ли пополненное изданіе—не знаемъ, но тѣмъ не менѣе Уоллесъ, повидимому, заимствовалъ откуда-

то сюжеты этих сказокъ. Одна изъ нихъ повѣствуетъ о враждѣ Озириса съ Изидой и о сотвореніи міра и человека—какъ результатъ этой вражды, другая (въ № 112)—объ асуанской красавицѣ Нэ-нэ-Гоффра, кажется, чисто романческаго характера. Переводчикъ дѣлаетъ научныя примѣчанія по исторіи и мифологіи Египта, который ему знакомъ изъ путешествія 1879 г.—113. Виленокое Св. Духовское братство издало для народа сборникъ «Въ память 50-лѣтія со времени возвращенія униатовъ въ православіе», куда между прочимъ вошли статьи: «Начало христіанства въ Литвѣ» и «Русскіе крестьяне подъ владычествомъ Литвы и Польши».

Витебскія Г. В.—15. Перепечатана замѣтка «Прав. Вѣстн.» (на основ. «Олонец. Г. В.»), см. ниже) объ Олонцкомъ естественно-промышл. и историко-этнографическомъ музеѣ при Губ. статистич. комитетѣ.—18. Объ экспедиціи М. В. Пѣвцова въ Тибетъ отъ И. Р. Геогр. Общества.—19. О засѣданіи Геогр. Общ. (см. ниже «дѣятельность ученыхъ обществъ»).—23. Въ замѣткѣ о праздникѣ Пасхи («разн. извѣст.») упоминаются нѣкоторые древнерус. обычаи, впрочемъ общеизвѣстные.—43. Перепечатанъ изъ «Новостей» опубликованный Эварницкимъ документъ 1764 г. о 27-миліонномъ кладѣ, въ 80 вер. отъ Херсона близъ д. Одаренковой, написанный отъ имени 40 запорожскихъ казаковъ.—54. Обычай сожиганія жены по смерти мужа, нѣкогда существовавшій у нашихъ предковъ существуетъ до настоящаго времени въ Китаѣ, гдѣ вдову предварительно удавливаетъ ближайшій ея родственникъ, напр. братъ, послѣ того какъ ее съ церемоніею пронесутъ по всѣмъ улицамъ на носилкахъ. (Нов. Дня, Минскія Г. В. 50).—60. Перепеч. изъ «Вилен. Вѣстн.» статья г. А. Сементовскаго объ открытыхъ имъ въ Полоцкомъ уѣздѣ, на берегу р. Ушача древнихъ курганахъ (Руднянскіе иначе Колтуновскіе или Салатскіе курганы).

Владимирскія Г. В. 5 и 6. «Отхожіе промыслы въ Муромскомъ уѣздѣ», Н. Добрынкина. Авторъ даетъ краткія свѣдѣнія о заработкахъ служащихъ на судахъ и артелей волгарей (крячичниковъ), моноводовъ и лямочниковъ.

Владим. Епарх. Вѣд. 9—10. А. Каючарова. Школьный бытъ питомцевъ Переяславскаго духовнаго училища въ 40-хъ гг.

Волжскій Вѣстникъ. 106. Народный самосудъ въ Китаѣ (смѣсь).—111. Свѣдѣнія объ этнографическо-археол. волонтерціи изъ быта запорожцевъ у не названнаго помѣщика Елатеринскаго г.—114. Изъ Н.-Новгорода извѣстіе о 30-лѣтнемъ юбилей А. С. Гацискаго (въ іюль).—120. О находкѣ въ Кіевѣ 9 предметовъ XII в., купленной Антоновичемъ («Кіев. Сл.»).—122. Корресп. изъ с. Кослякова Свѣтск. у. о мѣстной святыхъ мусульманъ—могилѣ неизвѣстнаго татарскаго святого съ вытекающимъ около нея ключомъ.—

Записка изъ Туркестанскихъ Вѣдом. о коллекціи туркестанскихъ произведеній (этногр., ест.-истор., арх.), собранной Гофманомъ и Варламовымъ. Предполагается выставка ихъ въ городахъ Россіи и Зап. Европы.—Извѣстіе изъ англійск. газетъ о находкѣ чиновникомъ Кемблемъ реликвіи Будды (4 камня, 2 палочки и суставъ пальца—въ металл. ящикѣ) въ 90-футовой могилѣ къ ю.-в. отъ Юнагада, въ Катжарѣ.—125. А. И—съ пишетъ въ фельетонѣ о переселенцахъ, «сибирской уголовщинѣ»—самосудѣ и пр.

Вологодскія Г. В.—3, 4, 10. Отчетъ мѣстнаго Статистическаго Комитета, въ коемъ, между прочимъ, указываются городища, а также помѣщены нѣкоторыя свѣдѣнія о «Панахъ» и «Чуди», преданія о ея нападеніяхъ и исчезновеніи. о могилахъ Чуди и находкахъ въ нихъ.—23. «Нѣчто о городкѣ». Статья содержитъ описаніе древняго городка близъ Спасо-Преображенскаго села, построеннаго по показаніямъ писца Никиты Вышеславцева для защиты отъ набѣговъ Чуди. Такихъ городковъ по р. Вохмѣ довольно много. — 27 и 28. Протоколъ засѣданія Комитета по развитію кустарныхъ промысловъ и докладъ о кустарной выставкѣ въ г. Вологдѣ.

Волынскія Г. В.—2, 29, 30. Редакторъ неофициальной части газеты г. *Братчиковъ* продолжаетъ ст. «Остатки Волынской старины» (см. № 4). Разсматриваются причины бѣгства др. русскихъ людей за границу и условія, помогшія Курбскому водвориться на Волыни, состояніе просвѣщенія (особенно типографскаго дѣла) и группируются разбросанныя по разнымъ изданіямъ свѣдѣнія о вещественныхъ слѣдахъ прошлой жизни на Волыни, въ особенности о г. Острогѣ (30).

Волынскія Еп. В.—1—14. Историко-стат. описаніе церквей и приходовъ Волын. епархіи (№№ 597—677).—3. С. III. Новый годъ въ старину («Нов. Вр.»).—13. О происхожденіи и значеніи нѣкоторыхъ пасхальн. обычаевъ: артось, христосованье, освящ. хлѣба (Подол. Еп. Вѣд. 1887 г. № 14).

Волынь.—27. «На посидѣлкахъ» (народныя повѣрія о 12 пятницахъ).—32. Исторія волынской нѣмецкой колонизаціи.—83. Очеркъ состоянія кустарной промышленности на Волыни.

Воронежскія Г. В.—41. *Веймбергъ*. Распространеніе христіанства на Украинѣ.

Всемирный Путешественникъ (прибавл. къ газ. «Родина» см. ниже).—1—4. Д. *Касказовъ*. Воспоминанія изъ перваго Ахалтекинскаго похода.—5, 6. Андр. *Арментосъ*. Пятнадцать лѣтъ въ Нижнеколымскомъ краѣ (изъ воспоминаній миссіонера).

Восточное Обозрѣніе. Д. П—нъ. Выставка предметовъ буддійскаго культа въ Иркутскѣ.—5. Карагазы.—7. О средствахъ сдѣлать кочевниковъ осѣдлыми.—8. Разоблаченныя тайны тибетской меди-

чины и средства борьбы съ ламами.—15—16. *Н. Яримцевъ*. Забайкалье и въ гостяхъ у ламайскаго епископа.—18. *Н. Яримцевъ*. Поѣздка въ Забайкалье.

Вятскія Г. В. 23. *Юрьевъ* «Матеріалы для исторіи Вятскаго края первой четверти XVIII в.»—27. Владѣнная вынись вотякамъ Круглой и Омсикской деревень на сѣнные покосы по рѣкѣ Чепцѣ.—28, — 32, 53, 56, 58. *Н. Первухинъ*. «Эскизы преданій и быта инородцевъ Глазовскаго уѣзда» (продолж.). Настоящія статьи посвящены обрядамъ, слѣдующимъ непосредственно за рожденіемъ ребенка, связанныхъ съ приготовленіями къ крещенію (глазовскіе вотяки официально хрістіане) и т. д. Интереснымъ является указаніе автора, что въ кумовья нельзя приглашать никого изъ членовъ семьи, живущей общимъ хозяйствомъ и что лучше приглашать родственниковъ жены, чѣмъ мужа. Если ребенокъ начинаетъ хилѣть, то надъ нимъ совершается обрядъ «нимъ воштонъ» (перемѣна имени) двумя способами: одинъ изъ нихъ заключается въ передачу ребенка первому пѣзъ проходящихъ мимо данной избы съ тѣмъ, чтобы тотъ внесъ его въ избу, гдѣ происходитъ либо перемѣна имени, либо ограничиваются произнесеніемъ установленной формулы; второй способъ совершенія этого обряда состоитъ въ томъ, что ребенокъ, совершенно голый, лишь завернутый въ тряпку, относится въ заранѣе приготовленную около крыльца кучу сора, выметеннаго изъ избы, и приглашенный въ «кумовья» поднимаетъ ребенка, вноситъ въ избу и поздравляетъ отца и мать съ новорожденнымъ. Этотъ обрядъ, по мнѣнію автора, является отголоскомъ глубокой старины, когда хилыхъ дѣтей убивали и замѣняли пріемышами. Весьма интересны также указанія г. Первухина на обязанность принесенія жертвъ дѣду и бабѣ новорожденнаго, если они умерли ранѣе его рожденія, свѣдѣнія о талисманахъ отъ болѣзней и т. д.—42. Краткія извѣстія о командировкахъ нынѣшняго лѣта отъ Этногр. Отдѣла И. О. Л. Естествозн., Антр. и Этнографіи, объ изданіи «Этногр. Обзорѣнія» и о засѣданіи въ Этногр. Отдѣлѣ этого же Общества 8 мая. (Изъ «Рус. Вѣд.» № 129, 130).—62. *А. Спицынъ*. «Чудскія древности въ Зюзиноскомъ краѣ» (ожонч.). Село Зюзино-Аванасеевское, расположено на р. Камѣ. Описывая урочища и отдѣльные археологическіе предметы, авторъ сообщаетъ также мѣстныя народныя преданія и т. п.

Домскія Ем. В.—4. Свящ. С. въ замѣткѣ «Безъ вины виноватые», въ объясненіе причинъ неточности метрическихъ записей, говорить: «Были случаи, что крестные записывали младенца по дѣду, желая тѣмъ возстановить родовую фамилію, а не зятевскую». Кроме того, крестные повергаютъ имена до неузнаваемости: Анндрей Трапеныч (?), Правоторъ (Провъ?), Нотарей (25 окт.), Вертуха—Фер-

вуфа и пр.—5. Замѣтка «Изъ современ. жизни ирѣотнаго раскола».—7. *Ө. Сланскій* въ статьѣ «Распространеніе книгъ въ Васильевск. поселкѣ Таганрог. округа» жалуется на вредное вліяніе нѣхъ продавцевъ-армянъ, странниковъ, «гребячунковъ»—играющихъ на гребенкѣ, богопродавцевъ и т. п.—*Ө. I. Городецкій*. О хоздествѣ причтовъ съ инонами на св. недѣлѣ. Приводятся нѣкотор. черты современ. жизни казачьихъ хуторовъ.—13. *Ис. Сулинь*, Краткое описаніе станицъ Обл. Войска Донскаго. По заявленію автора, оно имѣеть цѣлью служить матеріаломъ для будущаго историка поселеній Области и источникомъ, на основаніи котораго можно будетъ впоследствии составить карту поселеній Донскихъ казаковъ 16, 17 и 18 столѣтій. При краткомъ историческомъ очеркѣ станицъ упомянутая статья указываетъ происхожденіе урочныхъ, замѣчательныхъ въ историческомъ и археологическомъ отношеніи, передаетъ мѣстные преданія и наконецъ даетъ списки характерныхъ фамилій, которыя бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на составъ населенія.

Донская Ичела.—25 и 26. Пасха у евреевъ.—32. *И. Литвиновъ*. Съ береговъ Донца. Историч. воспоминанія; населеніе станицы Каменской.—34. Персидская сказка (искусств.?).—35. Некрологъ проф. СПб. университета К. П. Патканова († 2 апр.).

Екатеринбургская Недѣля.—3, 4. Статья «Дѣсоворы» сообщаетъ нѣсколько интересныхъ бытовыхъ данныхъ о краѣхъ дѣса въ приуральскомъ краѣ.—5, 12, 19. «О непорядкахъ въ крестьянскомъ землепользованіи».—7, 8. Пережитки древности, какъ опасныя суевѣрія настоящаго времени (по помоду Бѣлгородскаго дѣла объ убійствѣ дѣвочки съ цѣлью добыть человѣческое сало).—2, 9, 10, 12, 13, 16, 18, 20, 23. Къ изученію Пермской губерніи (библіографич. замѣтки).—17. Къ вопросу объ организаціи артели въ Каменскомъ заводѣ.—20—23. Крестьянское землепользованіе въ Соликамскомъ уѣздѣ.—21, 22. Изъ набросковъ золотопромышленника (по новоду старательскихъ работъ).—24. Общественная записка въ с. Юсовѣ.

Екатеринславскія Г. В.—17. *Я. Новицкій* «Пѣсни казакаго вѣла» (Морозенко).—26, 27. Нар. сказаніе о морплахъ и камен. бабахъ (изъ Елисаветгр. Вѣстн., см. ниже).—28. *Новицкій*. Изъ области нар. преданій, повѣрій и рассказовъ: исчезновеніе о-ва Дубоваго на Днѣпрѣ, оскудѣніе рыбъ, звѣрей и птицъ послѣ паденія Сѣчи, змій, плачъ невидимаго чудовища).—32, 41. *Чайкинъ*. Отчеты о курганныхъ раскопкахъ Д. И. Эварницкаго въ д. Богодарѣ, Александр. у.—40. Отчетъ самаго Эварницкаго о тѣхъ же раскопкахъ.—37, 40, 43. «Матеріалы для исторіи колонизаціи Новороссійскаго края» (документы).—41. «День св. Троицы». Вкратцѣ объясненіи троицкіе обычаи, преимущественно завываніе вѣнковъ, употребленіе березовъ и др. растений.—45. *Д. И. Эварницкій*, «Замѣчательная страница

изъ исторіи Запорожскихъ казаковъ» (изд.). Описывается Старая Січа иначе Чертомлиняная (у устья р. Чертомлыка, гдѣ дер. Копуляка Екатерин. у.), внутреннее устройство куреней и наивдѣіе крымской орды.—49. *Ею-же.* «Изъ новыяди по бывшимъ запорожскимъ владѣніямъ». Приведены двѣ легенды, рассказанныя возницею—холомъ: о происхожденіи владовъ и о средствѣ найти владъ при помощи вырваннаго у покойника «кутняго зуба», который даетъ также слуху отпирать замки и «обертать» къ собѣ двѣцать.—53. *Д. И. Эвартицкий* сообщает документъ «Дарственная грамота (1776 г.) премьер-маіору А. М. Синельникову на владѣніе д. Норовки, томъ Алексѣевки или Любимовки»,—изъ бумагъ А. Н. Синельникова, съ дополненіями изъ межевыхъ книгъ 1779 и 1827 гг.—54, 57. Возраженіе г. А. Елюрова по поводу статьи *Д. И. Эвартицкаго.* (въ № 21 той же газ., перепеч. изъ 3 кн. «Историч. Вѣстн.») о внесеніи сасудъ въ музей А. Н. Поля (изъ Од. Нов., № 1333.—55. Дарственная грамота царей Ивана и Петра Алексѣевичей полк. Данилу Апостолу 1676 г. Сообщ. *Д. И. Эвартицкий.*—60, 63. *Д. Эвартицкий* сообщает двѣ малор. сказки: «Дурному ни въ людяхъ ни дома» (ей предположены общія замѣчанія объ историч. развитіи этнографич. изысканій въ Россіи),—какъ жена, играя новидимому роль послушнаго орудія мужней воли, всегда беретъ перевѣсъ и ставитъ на своемъ. «Присказка для нохрей»—своего рода малор. «Горе-алосчастіе», по замѣчанію изслѣдователя, переданное хотя въ простомъ, не особенно поэтической формѣ, но съ неподражаемымъ малороссійскимъ юморомъ. Для интересующихся этимъ отдѣломъ народной словесности можемъ указать статью П. В. Шейна: «Приговоры или причеты о табагѣ», напечат. въ VIII кн. «Трудовъ этнографич. отдѣла Имп. Общ. люб. Ест., Антр. и Этнографіи» («Извѣстія» Общества, т. 48, в. 1, стр. 180).—65. Кустарный промыселъ въ Екатери. г.

Елисаветградскій Вѣстникъ. 4. Смѣсь: рождественскія эмблемы; святочные пѣсни загранич. —11. *Танъ.* О сельскихъ обычаяхъ подъ праздниками (святки): Святый вечеръ (сочельникъ); обычай «смазывать дѣда» — зажиганіе подъ Новый годъ огнемъ по садкамъ для окуриванія и пережиганія «пошляницъ» (сорныхъ ямъ) втеченіе всей ночи.—Вышла изъ ст. Максимова (Новости) о томъ, что Петровский Новый годъ не привнесъ въ народъ.—16. Въ фельетонѣ изложено дѣло объ убійствѣ тремя мальчиками дѣвочки изъ желанія добыть теловѣческаго сала, которое будто бы помогаетъ совершать безнаказанно всякія преступленія (разбиралось въ Бѣлгородѣ).—22. Библиогр. замѣтка о 1 выд. «Матеріаловъ для археологій Бѣлгваз», изданныхъ И. Моск. Археологическимъ Обществомъ. (Рус. Вѣд.).—23. Смѣсь: о музыкальныхъ бояхъ въ Глуховѣ на Новый годъ, Рождество и Крещеніе. Въ фельетонѣ замѣтка о статьѣ Берендѣева въ «Сѣв. Вѣстн.» (см.

ки. I, «Этногр. Обзор.»).—25. Записка объ археол. коллекціи при елисаветградск. земскомъ реальн. училищѣ подъ завѣдываніемъ учителя В. Н. Ястребцова (предметы костюма, вооруженія и т. д.). — 28. «Елисаветградъ въ 1774» по показаніямъ путешест. академика І. А. Гильденштедта.—29. Записка о шахматной игрѣ, при чемъ доказывается, что она къ намъ принесена не съ запада, а съ востока, вѣроятно, во времена татарщины. — 35, 38, 41, 42, 44, 49, 51, 53, 60, 64, 65, 69. Елисаветградская провинція, по свидѣтельству Гильденштедта (Reisen durch Russland, изд. П. С. Палласомъ, СПб. 1787).—36. Въ Волынской губ. сохранился свадебный обычай испытанія огнемъ для засвидѣльствованія невинности дѣвушки. Въ прежнее время невеста, если она сознавала себя «не честною», не рѣшались перешагнуть черезъ разложенный костеръ; теперь обычай служить развлеченіемъ (смѣсь). — 39. О Киев. Старинѣ 1889 г. — 40. Записка объ экспедиціи капитана Б. Д. Громбчевскаго изъ Ферганы къ верховьямъ Инда въ 1888 г. отъ И. Р. Геогр. Общ. (см. ниже «дѣят. уч. обществъ»). — 45. «Женская доля по Кобзарю». 28-я годовщ. смерти Шевченка.—55. Бр. «Народное сказаніе о могилкахъ и каменн. бабахъ». Около с. Веселые Терны на лѣв. бер. р. Саксагани (Верхнеднѣпр. у. Екатериносл. г.) есть могилы; одна распонана еще во времена «павщины», найденъ золотой гробъ. Двѣ парныя могилы назыв. *Баба* и *Пидбабокъ*. Нѣкогда въ здѣшней степи жили волосатые люди; солнца еще не было, одна тьма. По ихъ просьбѣ Богъ далъ солнце, луну и звѣзды; но они, собравшись на вершину Бабы, стали плевать на солнце, за что были обращены въ камни. Потомъ пришли сюда запорожцы, наконецъ паны; при распаиваніи Бабы находили окаменѣлыхъ людей—кам. бабы.—56. Я. П. Новицкій. Изъ области народн. преданій: татарскіе набѣги; раздѣлъ запорожскихъ вольностей, поселенцы-великороссы при Екатеринѣ В.—58. Выдержки изъ «Гражданина» о современной пѣснѣ («періодич. печать»). Легенда о Сем. Паліѣ противникѣ Мазепы, взятая изъ записки Мордовцева въ «Новостяхъ» (смѣсь); см. выше стат. «Палій и Мазепа». —59. Z. Кое-что изъ сравнит. антропологии. На основаніи статей Конерницкаго, Мейера, Эмме, Дибольта и др. авторъ излагаетъ результаты сравненія трехъ народностей: великоруссовъ, малорусс. и поляковъ — относительно внѣшнихъ физическихъ признаковъ, характера, инерваціи и т. д. — 60. Перерожденцы (секта).—61. Тунгусское племя Орочи (содержаніе реферата Гондатти въ засѣданіи Этногр. Отдѣла И. О. и. Ест., Антр. и Этногр. 8 февр.).—66, 68, 74. Воспоминанія М. Кропивницкаго изъ бытвой южно-рус. жизни.—69. Мартъ мѣсяць по народнымъ предствленіямъ (изъ Киевлянина).—72. Объ образованіи при И. Рус. Геогр. Обществѣ комисіи для обсужденія вопроса объ изслѣдованіи литов-

скихъ губерній.—75. С. Р. Рец. на 1-й вып. «Матер. по археологій Кавказа», изд. И. Моск. Арх. Общ. *И. Сумцовъ*. Вниманію сельскихъ жителей (о гранангахъ). — 76. О празднованіи Вербной недѣли (Кіевлян.). — 77. Случай отравленія зиахарной. — 78. «1-е апрѣля». Слѣды обычая обманывать у древнихъ индійцевъ (празднество въ честь коварнаго и свирѣлаго Шивы) и у римлянъ (праздн. въ честь бога Сивѣа). Дополн. къ этому въ № 79 (снѣсь). — 79. Пасха въ Малороссіи и у южн. славянъ (Кіевлян.). — 81. Свѣтлый праздникъ Пасхи въ старину («Х. В.»).—*Носицкій*. Изъ области нар. преданій: исчезновеніе о-ва Дубоваго на Днѣпрѣ; осудѣніе рыбъ, звѣрей и птицъ послѣ паденія Сѣчи; змій; плачь невидимаго чудовища («Ек. Г. В.»).—82. Илья Муромецъ въ пересказѣ малороссійскаго тѣвца.

Зоря. 3, 4. Набожни казки болгарски (дуалистическія космогоническія легенды и параллели къ нимъ).—4, 5. Библиографія: рец. на Коперницкаго: «O goralach guskich w Galicyi».

Кавказъ.—62—64, 67, 71, 78. Событія въ Персіи послѣ смерти Надиръ-шаха, прод. статьи ген.-маіора *Киммичева*. Нѣсколько главъ посвящено варварскому вторженію перс. шаха Ага-Магометь-хана въ Тифлисъ.—132. *Е. Т. А.* Праздникъ Вознесенія Г. у Армянъ. У тифлисскихъ армянъ праздникъ называется «телетоба» отъ имени села Телеты, въ которомъ есть церковь св. Георгія. По дорогѣ въ это село находится скала, представляющая двѣ фигуры. Каждый проходящій считаетъ долгомъ крикнуть: «Беременная скала, что у тебя: сынъ или дочь?» Если эхо слышнѣе повторитъ «сынъ», то къ счастью, а «дочь»—къ несчастью. Фигуры, по преданію, представляютъ окаянѣлыхъ невѣрныхъ женъ. Праздникъ Вознесенія (Амбарцумъ) сопровождается джигитовкой, представленіемъ «джамбазы» (акробатъ) и «такимасхара» (шутъ) при звукахъ туземной музыки. Устраняются гаданія о судьбѣ (вечна хагъ), праздникъ цвѣтовъ (джалъ гулумъ), описанія которыхъ авторъ сообщаетъ. Бромъ того существуютъ нѣкот. домашніе обычаи. Хозяинъ утромъ отправляется въ садъ, кладетъ камень между вѣтвями большого дерева, чтобы его плоды окрѣпли, на корни подсыпаетъ золу, чтобы въ нихъ не завелись черви. Свѣже выдоенное молоко раздають сосѣдямъ, чтобы у коровы былъ обильный удой. На канунъ Вознесенія всѣ растенія говорятъ, какое цѣлебное свойство имѣетъ каждое изъ нихъ. Отыскивають четырехлистую травку и разрѣзываютъ золотымъ кольцомъ, вѣри, что всякая просьба при этомъ исполнится; черпають молча изъ рѣки воду, которая помогаетъ отъ головной боли и т. п.

Казанскія Г. В.—41. *В. К. Мамичкій*, Тяжелые документы чувашъ Козьмодемьянскаго уѣз. 17 и 18 столѣтій—двѣ жалеважныя грамоты на Княрскій островъ на Волгѣ. 141. Въ годовомъ собра-

ніи лондонскаго Географическаго Общества, проходившемъ 15-гоя членъ Ини. Русскаго Географическаго Общества Г. И. Раде, директоръ тифлискаго музея былъ увѣнчанъ одной изъ высшихъ наградъ, которыми располагаетъ общество, а именно большою медалью королевы Викторіи (the Patrons Medal). Въ представленіи совѣту общества, по словамъ «Нов. Вр.», сказано, что «медаль эта присуждается русскому ученому за его долготѣвшее служеніе географической наукѣ въ качествѣ путешественника, наблюдателя и писателя, въ особенности же за его пятнадцатилѣтнее путешественіе по Восточной Сибири (1855—1860 г.), за его обстоятельное изслѣдованіе Кавказскаго горнаго хребта, Мингрелии, Абхазіи, страны Каргозовъ, Дагестана и Армянскаго плоскогорія, а также Каспійскаго побережья (1875—1880) и во вниманіе къ его услугамъ въ качествѣ начальника закаспійской экспедиціи въ 1886 г.; равнымъ образомъ за капитальные труды Г. И. Раде, въ которыхъ изложены результаты его изслѣдованій, а именно: 1) путешествія по восточной Сибири, 2) путешествіе въ мингрельскихъ альпахъ и въ трехъ ихъ верхнихъ продолжительныхъ долинахъ, 3) четыре публичныхъ чтенія о Кавказѣ, 4) изъ дагестанскихъ альпъ, 5) путешествія вдоль русско-персидской границы, 6) предварительный отчетъ объ экспедиціи въ Закаспійскій край и Хорасанъ; въ особенности же за талантливое изложеніе, въ которомъ Г. И. Раде сумѣлъ связать разработку матерьяловъ по части этнографіи, орнитологии и ботаники съ обзоромъ общегеографическаго свойства, касающимися изслѣдованныхъ имъ странъ; наконецъ, за энергію и умѣнье, которыя онъ выказалъ при устройствѣ въ Тифлисѣ естественно-историческаго музея». Какъ извѣстно медаль Королевы Викторіи была также присуждена Н. М. Пржевальскому въ 1879 г.

Калужскія Г. В.—34. «Кирпичныя избы въ воронежскомъ и землянскомъ уѣздахъ». Въ указанныхъ мѣстностяхъ Воронежской и Тамбовской губ. за послѣдніе годы начинается распространяться постройка избы изъ кирпича, вмѣсто прежнихъ деревянныхъ. Описывается подробно способъ постройки (изъ Ворон. Телегр.).—**53.** Замѣтка о клѣточномъ промыслѣ въ Медынскомъ у., Калужской губ.

Карск.—1. Описаніе храма, построеннаго въ византійскомъ стилѣ въ 937—942 г.; вмѣстѣ съ тѣмъ передается исторія вторженія Абхазскаго царя Бера въ 943 г. въ Арменію.

Кіевлянинъ. 69. Обычай освобождать въ Кіевѣ 25 марта птицъ на волю.—**74** Вербная недѣля.—**79.** Пасха въ Малороссіи и у южныхъ славянъ.—**83.** Воинова недѣля.—**89.** Юрьевъ день.—**93—96.** Легенда о Петрѣ Великомъ. **137.** Иванъ Купало.

Кіевское Слово. 558. Корресп. изъ Кобеляк. у. Полт. губ. о народныхъ обычаяхъ на Рождество и Новый годъ.—**583, 599, 606.**

Иноземная колонизація въ юго-западномъ краѣ.—648. Праздникъ Пасхи въ Брацл. у. Подол. губ. и канія любви (волын. легенда).

Евминновскія Мн. В.—5. *Докл. Статистикій «Мѣры о развитіи просвѣщенія въ Бессарабіи по присоединеніи ея къ Россіи» (1812). Нѣкоторыя черты для характеристики мѣстныхъ нравовъ конца 18 и нач. 19 в., вредное вліяніе грековъ и французовъ. Въ связи съ этимъ его же ст. въ № 6: «Попытка открытія 1-го женскаго училища въ Бессарабіи».—8, 9. Состояніе раскола и сектантства въ Бессарабіи за 1888 г. 8. Обычай др. христіанъ съ празднискъ Паски («Воскр. день»).*

Ковенскія Г. В.—39. Замѣтка о символич. значеніи дерева вербы въ народныхъ вѣрованіяхъ особенно у малоруссовъ. Она имѣетъ вліяніе на чадородіе женъ (Нарбуць); свитою вербою ударяють другъ друга для здоровья, приговаривая: «будь великъ, якъ верба, а здоровъ, якъ вода»; или: «не я бью, верба бьетъ (бьетъ?), за тыждень великъ—день»; верба ограждаетъ еданія отъ грозы и пожара. Въ нашихъ (?) обрядахъ верба играетъ роль «Перуновой лозы». Въ вербу превращается «облачная жена»—туча (изъ Арх. Г. В.).

Костромскія Г. В.—35. «Бесѣдки» и «свозы» въ Солигаличскомъ уѣздѣ. Авторъ даетъ интересное описаніе деревенскихъ увеселеній, отиѣчал, впрочемъ, вліяніе на нихъ фабричной культуры. Различіе между «бесѣдками» и «свозами» главнымъ образомъ заключается въ томъ, что на послѣдніе съѣзжаются дѣвушки различныхъ деревень, участвуя въ увеселеніяхъ иногда по недѣлѣ. Особеннымъ многолюдствомъ отличаются «свозы», называющіеся «сигрицами». Они происходятъ съ первыхъ дней Рождества и до Крещенья. «Бесѣдки» носятъ характеръ вечеринокъ у зажиточныхъ городскихъ мѣщанъ. Участвующіе парни носятъ названіе «женниковъ», при чемъ въ одинъ вечеръ они успѣваютъ побывать на нѣсколькихъ бесѣдкахъ. Замужнія и дѣвушки старше 23 л. не участвуютъ на бесѣдкахъ.

Крај (СПБ.).—21. *Ал. Ельскій* сообщаетъ мимоходомъ въ корреспонденціи изъ Минской губ., что въ Игуменскомъ уѣз. употребляется при колдовствѣ осинное дерево: парень, которому не позволили жениться на любимой дѣвушкѣ, перегородилъ съ наюмо-то таинственною цѣлью дорогу къ ней осиновыми колышнями, за что былъ избитъ. Въ литературномъ прибавленіи тотъ же авторъ сообщилъ «Нѣсколько словъ о Минской епархіи по поводу 50-лѣтняго юбилея возсоединенія униатовъ».—22 (фельет.). О 50-лѣтнемъ юбилейѣ этнографа Оскара Кольберга въ Краковѣ; къ этому прибавимъ упоминаніе объ этомъ юбилейѣ въ корресп. изъ Львова въ № 21 «Крај» съ выпиской изъ одного почетнаго адреса, гдѣ указаны въ общихъ чертахъ заслуги юбиляра, которому въ настоящей книгѣ нашего изданія посвящена особая статья.

Кубанскій Вѣд. 11. Въ Духовно-Кубанскомъ аудѣ Баталнашинскаго отдѣла, было совершено торжественное жертвоприношеніе по случаю катастрофы 17 окт. 1885 г. Собравшіеся, ставъ лицомъ къ югу, подняли въ уровень съ грудью руки; затѣмъ, когда водворилась тишина, эфенди, стоя впереди, сталъ читать соответственныя молитвы изъ Корана. Въ это время былъ принесенъ жирный барабанъ, котораго эфенди обливалъ во время чтенія, положивъ на землю и связавъ ему три ноги полотенцемъ, а потомъ сталъ пѣть стихи изъ Корана. Послѣ этого барабанъ былъ зарываемъ и тутъ же приготовленъ изъ него шашлыкъ, котораго каждый присутствующій долженъ былъ съѣсть кусокъ.

Курляндскія Г. В.—49. Въ замѣткѣ „Народная Медицина“ говорится, что на Кавказѣ и въ Поволжьѣ употребляется противъ болотныхъ лихорадокъ настой подсолнечныхъ цвѣтовъ и стружекъ ствела («Медицина», № 21).

Курскій Листокъ.—43. Огонь и вода въ народ. повѣртіяхъ, *Бодановича*.—**45.** Радунца и день Св. Георгія, *Бодановича*.

Курскія Еп. В.—1. *Д. Куклярскій.* Краткая исторія празднованія Нового года.—**2, 3, 8, 9.** *А. Танковъ,* Изъ исторіи раскола въ Курской епархіи.—**3—5, 11, 14, 15, 17, 19.** Матеріалы для исторіи Курск. епархіи.—**7.** *Г. Харлановъ.* Нѣсколько словъ о религіозномъ состояніи православныхъ цыганъ.

Кутанскія Г. В. 21, 22. *К. Мачаваріани.* Религіозное состояніе Абхазіи. Перечисленіе древнихъ и нынѣ существующихъ абхазскихъ храмовъ и монастырей, частью, по словамъ автора, не вошедшихъ въ описаніе гр. П. С. Уваровой, съ обозначеніемъ тѣхъ изъ нихъ, которые были резиденціями епископовъ.

Минскія Еп. В.—4. Замѣтка о паденіи семьи въ деревнѣ, преимущественно жалоба на семейные раздѣлы (изъ Паст. Соб.).—**6.** Подгъсье и Ю. Несвижъ (Моск. В. № 42)—объ статьѣ изъ «Очерка» В. Случевского (см. 1 кн. Этногр. Обзор. 163).

Минскій Листокъ.—35. Отзывъ *В. К. С—*, о 2-мъ изданіи книги *Н. В. Ремезова.* „Очерки изъ жизни дикой Башкиріи“, имѣющей впрочемъ публицистическій характеръ.—**37.** Въ фельетонѣ напечатана въ 1-й разъ бѣлорусская поэма „Тарасъ“. Въ примѣчаніи сказано, что она „принадлежитъ перу неизвѣстнаго бѣлорускаго поэта-юмориста“, между тѣмъ, какъ извѣстно, что авторъ ея—Викентій Дунинъ-Марцинкевичъ (1807—1885), писавшій на бѣлорусскомъ языкѣ стихи и театральныя вещи на народныя темы. Въ «Балендарѣ сѣв. зап. края» на 1890 г., изд. подъ ред. г. *М. Запольскаго,* ожидается біографія этого полу-народнаго поэта, составленная старожиломъ и знаткомъ Бѣлоруссіи г. Александромъ Карловичемъ *Ельскимъ,* въ архивѣ котораго хранятся подлинники нѣкоторыхъ не-

напечатанныхъ еще произведеній Марциневича, въ томъ числѣ и поэмы «Тарасъ на Парнасъ», какъ гласитъ ея полное заглавіе *). Эта поэма уже въ рукописи получила нѣкоторое распространеніе, а намъ между прочимъ также былъ доставленъ въ запрошломъ году ея списокъ въ нѣсколько исказенномъ видѣ. Благодаря любезности г. Бельскаго, приславшаго намъ копию подлинника, мы можемъ сказать, что въ «Мин. Л.» поэма напечатана въ исказенномъ видѣ, при чемъ недостаетъ 7 стиховъ, до нормальнаго числа 308.—41. О сожженіи старухи (изъ „Кавказа“, см. „Минск. Г. В.“).—43. Некрологъ Ор. Фед. Миллера (+ 1 іюня). Выражена между прочимъ мысль, что «самое нѣмецкое происхожденіе покойнаго давало поводъ говорить, что онъ способенъ къ патриотическому самовосхваленію». Раздѣляеть-ли самъ авторъ эту мысль—неясно. Въ общемъ указаны также заслуги покойнаго по изслѣдованію рус. народнаго эпоса.—53. Въ Игуменск. уѣздѣ, въ дер. Русаковичахъ, нынѣшнимъ лѣтомъ для прекращенія засухи, по совѣту старшины, было устроено «вспахиваніе рѣки». Нѣсколько женщинъ впряглись въ соху и подъ управленіемъ самой сильной въ деревнѣ бабы, бороздили дно рѣки. По словамъ старшины, къ тому же средству прибѣгаетъ знакомый ему помѣщикъ.

Минскія Г. В.—32. Извлеченіе изъ корресп. „Кавказа“ о сожженіи мнимой колдуньи въ с. Тамуши, Кодорскаго участка Сухумск. округа. По указанію ворожей, крестьяне стали пытать старуху раскаленнымъ желѣзомъ, чтобы удостовѣриться, она-ли виновна въ болѣзни своихъ двухъ сыночекъ и смерти одного изъ нихъ. Старуха отъ неожиданнаго ужаса онѣмѣла, а народъ, добываясь, чтобы она созналась, сталъ поджаривать ее надъ костромъ, привязавъ къ палилѣ, отчего она и умерла.—40. Преданіе о происхожденіи чая отъ бровей одного индійца, который, проповѣдывая въ Китаѣ буддизмъ (около 519 года Даема), велъ очень строгую жизнь и рѣшилъ никогда не предаваться сну, но не могъ выполнить этого обѣта, и въ досадѣ остригъ себѣ брови, превратившіяся вскорѣ въ лепестки чайнаго растенія, которое онъ сталъ употреблять для подкрѣпленія силъ. Тутъ же рецептъ китайскаго врача, составленный изъ снадобій, отчасти извѣстныхъ и нашему народу, а именно: ящерицъ, змѣй, кузнечиковъ, птичьихъ костей, плавниговъ рыбы (акулы), оленьяго рога, имбирю, корня женченга, побѣговъ батана (?), бѣлыхъ (?) орѣховъ, черныхъ флижковъ, листьевъ лотоса, илимовой коры и гвоздей отъ старыхъ гробовъ.—42. „Застольные обычаи“ (изъ Харьк. Г. В.), краткія замѣтки о томъ, какъ обѣдали въ древности, о появленіи

*) Того же Марциневича полу-народная стихотворная повѣсть „Гапонъ“ напечатана въ извлеченіи въ календарѣ г. Запольскаго на 1889 г. (Москва) видѣть съ историко-литературнымъ вступомъ издателя обѣлорусской литературѣ.

вляки, о происхожденіи слова „кувертъ“, о застольныхъ правилахъ для малыхъ и взрослыхъ. Составлено по сочиненію франц. историка Альфр. Франкена (т. VI), занимающагося изслѣдованіемъ домашней жизни французовъ съ XII по XVII в. Нѣкоторые обычаи и предразсудки, наблюдавшіеся еще въ средніе вѣка во Франціи и другихъ странахъ удержались до сихъ поръ, а также извѣстны и у насъ: напр. о числѣ 13, объ опрокидываніи солонки и пр. Правила сидѣнія за столомъ, взятая изъ французскихъ „руководствъ хорошаго тона“, распространились, какъ извѣстно, въ русскомъ переводѣ, особенно съ Петра I. — 46. Въ объясненіе народнаго вѣрованія въ мстительность анта, поджигающаго своего обидчика, приводится сообщеніе газ. „Волянъ“, что въ апрѣлѣ антъ поджегъ въ мѣстечкѣ Ольки усадьбу мѣщанина, принеся въ гнѣздо, находившееся на его клувѣ (сарай) головню (изъ мести?)—47. „Минскъ въ 1812 г.“, по статьѣ Игнатѣева въ той же газетѣ 1877 г.

Могилевскія Г. В.—65. Сообщеніе о присужденіи Им. Академіей Наукъ серебряныхъ медалей крестьянкѣ Л. С. Егоровой, за доставленіе сборника XVII в., содержащаго между прочимъ отрывокъ былины о Михаилѣ Потоцкѣ Ивановичѣ, и крестьянину Савченкову за доставленіе статей: «Исторія крестьянской одежды, обуви, бѣлья и головныхъ уборовъ въ Радомысльскомъ уѣздѣ» и «Народныя вѣрованія о дождѣ, громѣ и другихъ атмосферныхъ явленіяхъ. Народный календарь».

Могилевскія Еп. В.—3, 4. Содержаніе неофици. части изданія за 1888 г.—11, 12. Объ употребленіи красныхъ яицъ въ праздникъ Св. Хр. Воскресенія (духовное значеніе обычая).—5—13. Сильвестръ II (вн. Святоп. Четвертинскій) еп. Могилевскій и состояніе при немъ Могил. енархіи.

Московскія Вѣдомости.—158, стр. 4. Дѣло о разрытіи крестьянами с. Елшанки Саратовскаго у., Саратовской губ. могилы вслѣдствіе суевѣрнаго понятія, что смерть человѣка опившагося водкою влечетъ за собою засуху и что для устраненія ея необходимо разрыть могилу и трупъ «опиоцы», сплавить по рѣкѣ или сбросить въ какое либо болото или трясины (корресп.).—159. *И.* Мараловодство на русскомъ Алтаѣ (олений промыселъ; продажа роговъ въ Китай, какъ дѣларственнаго средства). — 210. *Хозарскій.* «Вѣнская жизнь» (отзывъ о статьѣ *Францога*: «Das Volkslied der Ruthenen»).—228. Празднества въ храмахъ Флора и Лавра. «...18-го августа, въ день памяти свв. мучениковъ Флора и Лавра, по заведенному на старинномъ обычаю, къ обоимъ въ Москвѣ храмамъ, посвященнымъ ихъ имени, на Мясницкой и на Зацѣпѣ, еще до начала литургіи стали приводить лошадей для окропленія ихъ Св. водой. Окропленіе лошадей совершилось послѣ литургіи и молебствія. Особенно много приводится лошадей къ храму на Зацѣпѣ (сегодня было

до 700), причѣмъ дорогіе рысаки приводятся съ цвѣтами и листьями въ гривахъ, а извозчицы лошади съ дешевыми ситцевыми доскутками. Для окропленія св. водой лошади въ порядкѣ проводились, одна за другой, мимо церковной паперти».

Московскія Церковныя Вѣд.—18. *Н. Катановъ.* „Шаманскій бубенъ и его значеніе». Подробно описанъ одинъ бубенъ, принадлежащій шаману Степной думы Кчеху Чанкову, занимавшемуся 45 лѣтъ шаманствомъ (изъ Евсейск. Еп. В.).—20 «Изъ религіозной жизни самоѣдовъ—шаманы, шаманство, и загробная жизнь» (изъ Томск. Еп. Вѣд. 1888, № 44). Для того, чтобы быть тадибеемъ-шаманомъ требуются особыя физическія качества, такъ какъ для бесѣды съ духами шаманъ долженъ истязать себя. Необходимою принадлежностью шамана является барабанъ, украшенный мѣдными кольцами и бляхами. Костюмъ шамана состоитъ изъ замшевой рубашки съ красной суконной каймой и яркими наплечниками. При вопрошаніи духовъ шаманъ спускаетъ на лицо доскутъ сукна, такъ какъ въ міръ духовъ онъ проникаетъ не тѣлесными очами. Къ шаману самоѣды прибѣгаютъ въ тяжелыя минуты: при пропажѣ оленя, при его болѣзни, въ случаѣ личнаго недуга и т. п. Вѣры въ загробное существованіе у самоѣдовъ нѣтъ; только шаманъ послѣ своей смерти переселяется въ міръ духовъ, не разрывая впрочемъ связи съ этимъ міромъ. Давно жилъ на землѣ шаманъ по имени Уріеръ. Надоѣло жить Уріеру среди самоѣдовъ. Сталъ онъ замѣчать, какъ съ каждымъ годомъ стада оленей стали уменьшаться и какъ сами самоѣды стали хуже. И задумалъ Уріеръ переселиться на небо. Для этой цѣли онъ приказалъ своимъ двумъ женамъ изготовить совершенно новыя одежды и для оленей справить новую упряжь, при томъ такъ, чтобы ни одной старой нитки не было употреблено въ дѣло. Когда все было сдѣлано, Уріеръ и его двѣ жены стали подниматься на небо. Достигнувъ половины пути, Уріеръ сталъ замѣчать, что олени его слабѣютъ и они начинаютъ спускаться къ землѣ. Тогда Уріеръ спрашиваетъ у своихъ женъ, не употребили ли онѣ при работѣ чего-нибудь стараго. Одна изъ женъ созналась, что въ упряжи ея оленя есть старая нитка, и стала просить мужа, чтобы онъ отпустилъ ее на землю, гдѣ у нея осталось два ребенка. Уріеръ отпустилъ ее, а самъ съ другой женой благополучно поднялся на небо.

Нижегородскія Г. В.—13. *Н. Боцаровъ.* День Благовѣщенья (историко-этнографич. справкa).—17, 19. Пѣсни, записанныя въ Хохловской вол. Семеновск. у. (всего 5, изъ нихъ 3 болѣе старинныя).—27, 29. *И. А. Милотворскій* помѣстилъ два раскольничьи стиха, запис. въ д. Анниковкѣ Богоявл. вол., Семеновск. у.: «Стихъ зѣло душѣ полезень» и «Стихъ о юности.» Замѣтимъ при этомъ, что въ распоряженіи нашего Этнографич. Отдѣла имѣется собраніе

раскольничьихъ стиховъ, къ которымъ желательны были бы дополненія.—27. Пѣсни, запис. въ д. Харенгъ Балахнинск. у. (4 пѣс.—любовнаго содержанія).—31. Деревянные мазанки на кустарной выставкѣ въ Н.-Новгородѣ. Сундучное производство въ г. Макарьевѣ. О промыслахъ въ Балахнинск. у.—32. *П. Коттевъ*. Пѣсни, запис. въ Танайковской вол. Бягининск. у.

Новгородскія Г. В.—5. «Мысли бывшаго крестьянина собственника Демянскаго уѣзда объ улучшеніяхъ въ крестьянскомъ быту и хозяйствѣ».

Новое Время.—4773. Народная медицина.—4810. *Сильчешскій*. «Подводная сѣчь, современная (?) украинская легенда» (переложене и названнаго разсказа Нечуя-Левицкаго: «Запорожці»).

Новое Обозрѣніе (Тифлисъ).—1819. Путевыя замѣтки туриста *Варламова*. Приводятся нѣкоторые интересныя преданія (напр. о Тамерланѣ).—1870. Въ засѣданіи мѣстнаго юридическаго общества обсуждался вопросъ о программѣ для собиранія свѣдѣній о закавказскомъ разбоѣ.—1875. *А. Хаз-овъ*. Библиогр. замѣтка о 1-й кн. «Этнографич. Обозрѣнія».—1895. Изъ грузинскихъ сказокъ: «Сновидецъ», запис. *Ө. Мтаарелишвили* въ Сигнахскомъ уѣзд. по порученію Общества распространенія просвѣщенія въ грузинск. краѣ.—1903 и 1907. *Васильевъ*. Горскіе евреи. Авторъ касается ихъ занятій, характера, вопроса о происхожденіи и антропологическаго типа.—1912. Имеретія въ 1650 г. Печатается статеинный списокъ посольства Толочанова къ имеретинскому царю Александру; былъ напечатанъ Новиковымъ въ «Россійской Вивліюнкѣ», ч. V.

Новороссійскій Телеграфъ.—4388. Крымскія легенды о пасхѣ (корр. изъ Симферополя).—4425. Экономич. письма о Новороссіи (о дробной передачѣ частно-владѣльческихъ земель и о десятиницахъ въ новороссійскихъ губерніяхъ).

Новости. 66. Нѣчто для гг. ученыхъ, *Мордовцевъ* (легенда о Паліѣ, воспроизведенная нами выше).—108. *Эварницкій*. Илья Муромецъ въ пересказѣ малороссійскаго слѣпца.

Одесскій Вѣстникъ. 5. *Эвраничскій*. Какъ встрѣчали запорожскіе казаки новый годъ.—93. Вопросы мѣстной этнографіи.—102. Рец. на «Малорус. бытовыя пѣсни» Чугуевца (Харьковъ 1889).—149. Описаніе ярмарки въ г. Балтѣ Подол. г.

Одесскій Листокъ. 94. Рец. на «Рус. Древности» гр. Толстаго и Кондакова.—95. Праздникъ Пасхи въ деревнѣ.

Олоонецкія Г. В.—10. Отчетъ о дѣятельности Олонецкаго губернскаго статистическаго комитета: описаніе находящагося при комитетѣ естественно-промышленнаго и историко-этнографическаго музея. Музей основанъ въ 1873 г. на частныя и земскія средства и поддерживается ежегодной субсидіей отъ земства въ 300 р. Оба

главные отдѣлы музея довольно богаты коллекціями.—34. *Г. И. Куликовскій*. «Олонецкія помочи»—при постройкѣ хатъ, въ полевыхъ работахъ, а также на «супрядкахъ». 46, 48. *М. Георгиевскій*. «Святки въ деревняхъ Олонецкой губерніи и различныя гаданія» (описаніе святочныхъ увеселеній, сельскаго маскарада и разнаго рода гаданій о судьбѣ).—49. Промысла городскаго и сельскаго населенія Олонецкой губерніи въ 1888 г., свѣдѣнія какъ о мѣстныхъ, такъ и отхожихъ промыслахъ и вустарничествѣ.—60. *Савичевъ*. «Рыболовство въ Большешальскомъ приходѣ». Описаніе снарядовъ, способовъ и времени рыбной ловли въ Большой Шалѣ Каргопольскаго уѣзда Олонецкой губерніи.

Оренбургскія Г. В. 11. Объ избраніи Султана Ишима Ханомъ Киргизъ—кайсацкой меньшей орды въ 1794 году. Послѣ краткаго очерка управленія Киргизами со времени вступленія ихъ въ подданство Россіи и до настоящаго момента, авторъ, переводя на русскій языкъ прошенія нѣкоторыхъ киргизскихъ родовъ, даетъ картину избранія въ прежнее время султановъ на ханскій престолъ. Статья эта сообщаетъ интересный фактъ относительно «баранты».—23. Турмены въ 1858 году. *А. В. Орловъ* переводитъ письмо турменскаго хана Амурадъ Рысмухамедова, характеризующее общественное состояніе турменъ въ 1858 г.

Орловскія Г. В.—61. Способы привѣтствовать другъ друга при встрѣчѣ у разныхъ народовъ («разн. изв.»).

Пензенскія Г. В.—61, 63 и др. Приходская лѣтопись с. Подливанова-Сергіевскаго Керенск. у. (опытъ исторіи села).—173. Перепеч. изъ «Новостей» извѣстіе о пожертвованіи И. С. Полянова музеемъ при Имп. Академіи Наукъ этнографической коллекціи, составленной имъ во время путешествія по Вост. Азіи, Японіи и Китаю.—13. Приложенъ указатель къ неофиц. части; составленъ систематически и обнимаетъ до 40 названій статей, касающихся преимущественно русскаго населенія.

Меремскія Г. В.—65. Сообщеніе о дѣйствіяхъ мѣстной администраціи для облегченія кустарямъ сбыта своихъ произведеній въ Петербургъ.

Подольскія Еп. В. (Прибавленія).—2 и 3. *Е. Стципскій*. Древнѣйшія правосл. церкви въ Подоліи (церковь-замокъ въ с. Сутюговцахъ Летичевск. у.).—3. *Ал. Оп. съ.* Мірской (не богослужебн.) костюмъ древняго и современнаго священника.—6, 7, 9, 11, 12, 15—17. *Соз. Лобатынскій*. Движеніе униатовъ къ православію въ Брацлавщинѣ при еп. Гервасіи и Іовѣ (1757—1776).—7. Объясненіе названій мѣсяцевъ.—*Евф. С.* «Набожныя» пѣсни въ честь Тывровской (Винниц. у. Под. г.) Б. Матери. Краткая исторія иконы (1740) и духовныя пѣсни о ней: а) изъ статьи въ томъ же изданіи

1873 № 23, 6) изъ вн. Донгннова: «Червенскіе города» (Варш. 1885), в) двѣ запис. авторомъ: одна отъ дирника Федька Хоптоваго изъ Остапковецъ Проскуровск. у., другая (явившаяся подъ вліяніемъ пѣсенъ почаевского «Богогласника») — въ с. Мытникъ Литвинск. у. — 19. Историч. свѣдѣнія о Каменцѣ Подольскомъ и его церквахъ въ связи съ гражданскою и церковною жизнью Подолія. Авторъ между прочимъ касается вопросовъ «объ основномъ элементѣ Подольскаго и въ частности каменецкаго населенія — славянъ», о «бытѣ подольскихъ славянъ и ихъ первоначальной религіи» и т. д. (нач.) — 20. Бы исторія униі въ Подоліи.

Полтавскія Еп. В. — 5. *І. Костенко*. Прошлое и настоящее Старомлинской слободы (Старые Млины или Велико-Будищскій жен. монастырь). — 4—6, 8. Матеріалы для исторіи Переяславско-Полтавской семинаріи. Изъ архивныхъ дѣлъ Полт. Консисторіи и Семинаріи за 1812—1862 гг. (прод., см. 1888 г. № 22). — 7. О происхожденіи и значеніи нѣк. пасх. обычаевъ (изъ Подолск. Еп. В. 1887 № 14; см. Волин. Еп. В. 1889, 13).

Исковскія. Г. В. — 12 и 13. Библиографическій указатель книгъ и статей относящихся къ Псковской губерніи, начатый печатаніемъ еще въ 1888 г. въ №№ 20, 22, 24 и 41; въ № 12 помѣщенъ указатель этнографическій, въ № 13 по сельскому хозяйству, промышленности и торговлѣ.

Радомскія Г. В. — 14. *М. С.* въ статьѣ о «Губернскихъ Вѣдомостяхъ» жалуется на мертвенность этихъ изданій, между тѣмъ какъ неофициальная ихъ часть, даже въ рамкахъ допускаемыхъ закономъ (ст. 867, т. II. Общ. Учр. Губ.) могла бы быть интересною и должна бы замѣнить собою мѣстную газету. Законъ допускаетъ помѣщеніе въ неофициальной части статей географическихъ, топографическихъ, историческихъ, археологическихъ, этнографическихъ и пр. и вообще статей, не заключающихъ въ себѣ вымысла. Кому-жъ, казалось бы, доступнѣе давать разнообразныя матеріалы по внѣшнему и духовному быту мѣстнаго населенія, какъ не Губернскимъ Вѣдомостямъ? И между тѣмъ очень рѣдко онѣ даютъ что-нибудь дѣльное, самостоятельное. Скучность смлѣ, энергіи, инициативы въ нихъ поразительна, и инны доходятъ до того, что даже свѣдѣнія о состояніи погоды въ своей губерніи перепечатываютъ изъ «Правит. Вѣстника». — 15. Въ статьѣ: «Нынѣшнія деревни» высказываются общія жалобы на порчу нравовъ въ деревнѣ, на развитіе воровства и т. п. (перепеч.?). — 22, 23, 25—27. Продолжается (см. 11, 12). «Краткій историческій очеркъ Радомской губ. и ея городковъ, составленный по матеріаламъ для статистическаго описанія Радом. губ.» Сандомірь (22, 23, 25), г. Козенице (26), г. Опатовъ (27), Опочно (29), Пржедборжъ Конск. у. (30), Шидловець Кон. у. (31). —

—26, 27, 29. Реценз. на I-й т. «Трудовъ Варшавскаго Статистич. Комитета».—30. Въ корресп. изъ пос. Скржино Опочненск. у. сообщаются историко-бытовые свѣдѣнія и обращается вниманіе на необходимость научныхъ раскопокъ въ посадѣ.

Рижскій Вѣстникъ.—1. Имена у евреевъ.—25. Одѣятельности «Латынскаго общества» (см. ниже).—66. Сektанты «читальщики» въ Ревельск. у. ожидали весной этого года конца міра.—92. Словаки въ Венгріи.

Родина. 1—4, 8—9. С. В. Максимовъ. Изъ чудесъ и диковинокъ на Русской землѣ.—26. Д. Дмитриевъ. Иванъ Купала.— При газетѣ издается прибавленіе «Всемирный Путешественникъ» (см. выше)

Русская Рада (изд. въ г. Коломыѣ).—4. Запѣтка о народныхъ средствахъ, употр. противъ бѣшенства и водобоязни въ Россіи (дуговая крапива, листь ханѣиш риновиш, корень euphorbia nizzuensis).—5. Корреспонденція изъ Грохова Волинск. г. съ краткими свѣдѣніями о бытѣ мѣстныхъ крестьянъ, мѣщанъ и евреевъ.

Русскія Вѣдомости. 2. Наука въ 1888 г. (есть рѣчь и объ этнографіи). 9. Забытые люди забытаго края.—10, 81, 99, 130. Отчеты о засѣданіяхъ Этнографич. Отдѣла И. О. Л. Естествозн., Антр. и Этн.—45. Н. С. Изъ области науки (антропология и фотография).—53. Рец. на «Сборникъ свѣд. для изуч. быта крест. населенія Россіи», вып. I, изд. подъ ред. Н. Харузина. (Москв 1889).—110. Глѣбъ Успенскій. «Новыя народныя пѣсни.» Изъ деревенскихъ запѣтокъ. Авторъ останавливается на новѣйшихъ произведеніяхъ народнаго творчества, преимущественно на т. н. «частушкахъ», мелкихъ стихотворныхъ отрывкахъ, которыми народъ до сихъ поръ продолжаетъ отзываться на новыя явленія деревенской частной и общественной жизни. Онѣ показываютъ что «творческая мысль народа живетъ непрестанно», только она «сбита съ толку». Собравъ эти частушки съ такою же тщательностью, какъ собираются статистическія свѣдѣнія о всякихъ даже мелкихъ подробностяхъ крестьянскаго хозяйства на дворѣ, можно было бы имѣть поучительный матерьялъ о широтѣ духовной народнои жизни. Собранныя тысячами, сотнями тысячъ, но разработанныя соответственно тѣмъ сторонамъ народнои жизни, которыхъ онѣ касаются, частушки дали бы поистинѣ предельнѣйшую картину нравственнои жизни народа. Въ подтвержденіе сказаннаго авторъ приводитъ нѣсколько (до 33-хъ) частушекъ, относящихся къ различнымъ сторонамъ народнаго быта. Вполнѣ присоединяясь къ сказанному авторомъ относительно возможности и плодотворности собиранія и изученія этихъ частушекъ, мы не можемъ не находить мнѣнія его о поэтическихъ достоинствахъ этихъ произве-

деній и объ ихъ значеніи для характеристики народной жизни преувеличеннымъ. Произведеніе современнаго народнаго творчества, частушки далеко не обладаютъ тѣми свойствами, которыя давали бы имъ возможность свидѣтельствовать о «широтѣ» современной народной духовной жизни. Бѣдность мысли малая характерность, часто банальность образовъ вмѣстѣ съ общою всѣмъ имъ необыкновенною краткостью—вотъ черты частушекъ, гораздо болѣе подтверждающія общераспространенный взглядъ, который видятъ въ нихъ не проявленіе, а упадокъ истиннаго творчества. Приводимыя авторомъ частушки какъ нельзя болѣе подтверждаютъ это. Едва-ли кто усмотритъ особенныя поэтическія достоинства въ безобразныхъ куплетахъ въ родѣ слѣдующаго, какой намъ приходилось слышать:

Дайте ножикъ, дайте вилку,
Я зарѣжу сваю милку.

Или: Пеужели ты завянешь, травушка шелковая?
 Неужели замужъ выйдешь, дура безтолковая?

Не болѣе высокое мнѣніе можно имѣть и о частушкѣ какъ матерьялѣ для характеристики народной жизни. Частушка игнорируетъ рядъ явленій, и до сихъ поръ еще занимающихъ значительное мѣсто въ современной народной жизни. Частушка не отражаетъ въ себѣ всей той массы явленій современной народной жизни, которыя въ большей или меньшей мѣрѣ до сихъ поръ удержали свою связь со старинной, отразили на себѣ слѣды старинныхъ понятій, стариннаго склада жизни. Но и явленій чисто современной жизни частушка также касается лишь поверхностно и какъ бы мимоходомъ; въ коротенькомъ стихотвореніи—частушкѣ народъ лишь называетъ, если можно такъ выразиться, то или другое отношеніе, ту или другую тему, иллюстрируя ее однимъ, много двумя сравненіями, метафорами или параллелизмами; но она далеко не исчерпываетъ всего явленія, котораго касается, съ тою полнотою, какой это явленіе часто заслуживало бы. Какъ произведеніе нашего времени, частушка въ ряду другихъ явленій народной жизни безспорно заслуживаютъ внимательнаго собранія и изученія для болѣе полнаго уразумѣнія этой жизни. Поэтическое произведеніе, какія бы ни были его достоинства и недостатки, не можетъ въ большей или меньшей мѣрѣ не отражать на себѣ условія мѣста и времени, и матерьялъ, представляемый частушками, является съ этой точки зрѣнія цѣннымъ для всякаго изслѣдователя современнаго народнаго быта. Самая бѣдность творчества въ частушкахъ есть явленіе, характерное для нашего времени. Но трудно быть высокаго мнѣнія о самостоятельныхъ достоинствахъ этого рода произведеній которыя наглядно свидѣтельствуютъ объ упадкѣ творчества.—157.
Рец. на кн. В. Θ. Миллера: „Систематич. описаніе коллекцій Даш-

ковскаго этногр. Музея", в. I.—216. О подворномъ землевладѣніи въ Вятской губ. 239. А. Форма крестьянскаго землевладѣнія въ Могилевской губ. (корресп.). 135. Рецензія на кн. А. Харузина: „Кургизы Букеевской орды“, вып. I. (Труды Антроп. Отдѣла Имп. Общ. Люб. Естеств., Антр. и Этногр. т. X) Моск. 1889 г. Отзывъ о 1-й кн. „Этногр. Обзорнія“.

Рязанскія Г. В. — 2. Рождество Христово у разныхъ народовъ.—6. Описание Бухарскихъ тюремъ, сдѣланное бухарскимъ корреспондентомъ Туркест. Вѣдомостей. Отвратительное содержаніе этихъ тюремъ и крайне жестокое обращеніе съ преступниками характеризуетъ тамошніе грубые нравы (изъ Сам. Вѣд.).—19. Очерки дикихъ народовъ: Островитяне Тонга. Описание острова Тонга (архипелагъ его составляетъ часть Индо-Малайскаго архипелага) и его жителей, ихъ нравовъ, обычаевъ, наружности, занятій и игръ. (Вопр. Свѣта, 9).—20. Обычай привѣтствія при чиханьи; его происхожденіе и значеніе, какое приписывали чиханью въ разное время у различныхъ народовъ (Новъ).—60, 61. Село Ильицыно, Зарайск. у. Обычаи и особенности тѣ же, что въ опис. с. Ильинскаго (Ряз. Еп. В. 10), лишь съ нѣкоторыми добавленіями.

Рязанскія Еп. В. 5—10. Матеріалы для историко стат. описанія епархіи. Кромѣ историч. данныхъ приводятся изрѣдка повѣрья, обычаи и т. п. Такъ, въ № 6, въ описаніи с. Рожнова, Зарайск. у. находимъ слѣд. свѣдѣнія: существуетъ вѣра въ дворного (домового), который то холитъ, то мучитъ скотину на дворѣ; вѣра въ огненнаго змѣя, который прилетаетъ съ заходомъ солнца къ избранной женщинѣ въ образѣ ея мужа и пропадаетъ съ восходомъ солнца; вѣра въ дѣшаго, который любитъ потѣшаться надъ пьяными. До освобожденія крестьянъ было много кликушъ, которыя во время херувимской подымали вой и крикъ; отчитывателемъ ихъ славился діаконъ ѳома Иларіоновъ. На дѣвичникѣ интересно убираніе елки цвѣтами. Женихъ, пріѣхавъ, окупаетъ елку, сваха накрываетъ ее платномъ, невѣсту съ подругами отводятъ въ чуланъ или клѣть. Въ день свадьбы женихъ выкупаетъ еще и самую невѣсту; продавщицами являются братъ ея и крестная мать, которая послѣ выкупа сажаетъ жениха на свое мѣсто. Передъ отъездомъ къ вѣнцу на дворѣ послѣ благословенія образомъ «къ суду Божию» поддружье слегка стегаетъ невѣсту плеткой, приговаривая: «бросай дѣвичьи привычки, привыкай къ бабьимъ!» Молодые ѣдутъ въ разныхъ перевозахъ. Отъѣхавъ немного, женихъ съ дружкой возвращаются. Молодые женщины, придерживая дверь, выпрашиваютъ денегъ, прежде чѣмъ впустить. Женихъ приглашаетъ къ себѣ на пиръ тестя съ тещей и уѣзжаетъ къ вѣнцу. Иногда во время вѣчанія ударяютъ три раза въ колоколь, чтобы «завѣнчать» болѣзнь на молодыхъ. Моло-

дыхъ отъ вѣнца встрѣчаетъ кто-нибудь въ вывороченой шубѣ, чтобы ихъ не испортили; въ такомъ же видѣ встрѣчаетъ всѣхъ прїѣзжихъ сваха съ хмѣльной гущей и брызгаетъ на всѣхъ, окунувъ въ гущу шапку. За столомъ дружка съ полотенцемъ черезъ плечо обноситъ короваешъ. На крестинахъ младенца послѣ крещенья кумовья кладутъ на разостланную шубу приговаривая: „какъ видѣли тебя подъ крестомъ, чтобъ видѣть и подъ вѣнцомъ“. Въ заключеніе крестинаго обѣда повитуха подаетъ въ шапкѣ горшокъ съ кашей, и когда потчуютъ отца новорожденнаго, то насыпаютъ ему въ кашу соли, чтобы чувствовать, какъ солоно приходится матери при родахъ. Ворона вѣщая птица: на чью крышу сядетъ—быть тамъ покойнику. Тутъ-же замѣтка о городкахъ икладахъ.—Въ № 10, сообщаются нѣкоторыя свѣдѣнія о мѣстныхъ обычаяхъ с. Ильинскаго и нѣкоторыхъ окрестныхъ селъ и деревень: 1) По крещеніи младенца крестная мать разстилаетъ въ переднемъ углу овчинную шубу и кладетъ на нее младенца съ пожеланіемъ ему счастья, богатства и т. д. Въ концѣ обычнаго угощенія подаются двѣ каши отъ родильницы и повив. бабки, въ пользу которыхъ собираются затѣмъ деньги. Отцу новорожденнаго бабка подноситъ ложку каши пополамъ съ солью. 2) Когда женихъ съ поѣздомъ прїѣзжаетъ за невѣстой, свахи обѣихъ сторонъ сходятся въ сѣняхъ, угощаютъ другъ друга брагой и затѣмъ опровериваютъ стаканъ на стаканъ. Женихъ съ поѣздомъ ждетъ за воротами, а его дружка входитъ въ избу съ плетью за поясомъ и торгуетъ невѣсту у ея крестнаго отца, который сидитъ съ нею рядомъ за столомъ на разостланной шубѣ. По окончаніи торгоа входятъ женихъ съ поѣзжанами. Жениха сажаютъ рядомъ съ невѣстой, предъ ними кладутъ по ломтю пирога и по новой ложкѣ, которые по обычномъ угощеніи относятся въ домъ жениха. На пути къ вѣнцу и отъ вѣнца свадебному поѣзду преграждаютъ путь на околицахъ и перекресткахъ и за освобожденіе требуютъ выкупъ. 3) При помазаніи елеемъ замѣчаютъ, входятъ-ли елей въ тѣло больного или стекаетъ; въ первомъ случаѣ больной выздоровѣетъ, во второмъ — умретъ. 4) При смерти больного ставятъ на окно воду для омовенія души, а въ головахъ покойника кладутъ первый блинъ, когда пекутъ блины для поминованія. 5) Въ полночь подъ Крещенье ходятъ на рѣку, черпаютъ воду, пьютъ, умываются и несутъ домой какъ освященную свыше. 6) На Вознесенье пекутъ изъ тѣста лѣстамицы. 7) На заговѣнѣ, подъ Петровки (русальское загов.) молодыя бабы и дѣвчии идутъ въ поле «проводить русальну». 8) Подъ Ивана Купалу женщины собираютъ росу, какъ цѣлебную. Впрочемъ по словамъ мѣстнаго священника соблюденіе этихъ обычаевъ съ каждымъ годомъ сокращается.—13. Описаніе с. Козлова (Зарайск. у.) и характеристика его жителей.—14. Описаніе села Астрамьева и окрестностей.

Самарская Газета.—135. Какъ прежде пили и ѣли (Нов. Вр.)—57. Ильинъ день (компилятивн. статья).

С.-Петербургскія Вѣдомости.—257. Король Менеликъ, властелинъ Шоа, слѣдующимъ образомъ воспроизводитъ одну легенду (о происхожденіи негра), примыкающую къ циклу космогоническихъ. Во время сотворенія міра и перваго человѣка Адама злой духъ выпросилъ у Бога позволеніе тоже сотворить человѣка изъ комка земли. Господь согласился на это; человѣкъ довольно хорошо удался дьяволу, но такъ какъ все, до чего онъ дотрогивался, дѣлалось чернымъ, то и человѣкъ вышелъ у него такого же цвѣта. Сатанѣ это не понравилось; онъ вздумалъ вымыть свое произведеніе, и бросилъ негра въ Іорданъ; но воды священной рѣки тотчасъ разступились и только ладони и подошвы намокли немного, отчего и сдѣлались свѣтлѣе. Разгнѣванный неудачею, сатана ударилъ своего человѣка по носу и приплюснулъ его. Бѣдный человѣкъ сталъ просить о пощадѣ, и такъ какъ дьяволъ понялъ свою несправедливость, то въ видѣ ласки провелъ рукою по головѣ своего созданія; рука дьявола была, конечно, раскаленная, и потому волосы негра тотчасъ сдѣлались курчавы. Вотъ отчего произошла такая разница между сынами Іафета и Сима и между отродьемъ Хама. Однако черезъ три или четыре поколѣнія Богъ полюбилъ одного маленькаго негра и пересоздалъ его сердце, сдѣлавъ этого ребенка честнымъ, вѣрнымъ, склоннымъ ко всякимъ добрымъ дѣяніямъ. Этотъ-то ребенокъ и основалъ позже королевство Шоа, и король Менеликъ—его потомокъ.

Свѣтъ.—128. Сообщение о разрытіи могилы опоицы для прекращенія засухи (см. Моск. Вѣд.).

Сибирскій Вѣстникъ.—9 и 10. Миссіонеръ *Сергій Ивановскій*. «Изъ путевыхъ записокъ миссіонера» (о киргизахъ).—18. *Ө. К—вз*. «Экскурсія въ вершины Бѣлаго и Чернаго Юссовъ» этнографическіе наброски о качинцахъ, кизильцахъ, сагайцахъ и койбальцахъ.—42 *Н. П.* «Иородцы Минусинскаго округа».—52 *И Аларовъ*. «Къ вопросу объ иммиграціи китайцевъ въ Приамурскій край».—64. *Н. П.* Законы Сперанскаго объ инородцахъ и ихъ примѣненіе теперь. Авторъ говоритъ только о трехъ родахъ качищевъ: Тубинскомъ, Тинскомъ и Шалошиномъ.

Смоленскій Вѣстникъ.—2. *Калушинъ*. «Два слова о с. Княжинѣ, Бѣльск. у.» (Андреевское тожъ, осн. въ 1769 г.; исторія, мѣстополож., промыслы).—24, 48, 53, 82. Перечень пожертвованій въ Смоленскій историко археологич. музей (см. ниже «извѣстія и замѣтки»).—25, 26. *Г. А. Цептеевъ*. Некрологъ Ив. Ник. Харламова († 8 мар. 1887), занимавшася изслѣдованіемъ народной жизни, преимущественно раскола—его исторіи и современныхъ ученій и толковъ, равно какъ семейной и общественной жизни раскольниковъ.—26.

А. Ступневъ. «Святочныя игрища въ Ельнинск. у.» Игрища устраиваются въ Рождеств. вечера и подъ Новый годъ или поочередно въ каждомъ домѣ, или по общему соглашенію, гдѣ просторнѣе. Музыкантъ (скрипка или гармонія) назыв. *скоморохомъ* или *посмыкалою*; ему платятъ всѣ участницы поровну деньгами около 2 р. и припасами. Сначала танцуютъ однѣ женщины, потомъ неожиданно являются парни, и начинаются игры и представленія, особенно — «женитьба» и «показываніе чуда». При «женитьбѣ» двое парней при помощи «ожметка» (жгута) заставляютъ своихъ товарищей выбирать себѣ «жонку», затѣмъ каждой парѣ подносятъ «угощеніе» въ видѣ ударовъ жгута, наконецъ является продащикъ съ сундукомъ и будто продаетъ молодымъ красный товаръ, вмѣсто котораго опять сыплются удары ожметка. «Чудо» большею частью представляетъ громадную лошадь, туловище которой составляютъ двое мужчинъ прикрытыхъ дерюгами, а голова искусственная. Продавцомъ ея является цыганъ, но она околѣваетъ и цыганъ изгоняется. Сцена эта имѣетъ связь съ «вертепной драмой». Игрища оканчиваются общимъ «скажаніемъ» и «играніемъ» пѣсень, заимствованныхъ изъ свадебныхъ и другихъ празднествъ; иногда «гуляютъ» въ карты «по носкамъ» и т. п.; водки не бываетъ. — Въ Смолен. у. въ числѣ способовъ народнаго лѣченія практикуется «окуриваніе золотухи» у ребятъ. Среди избы жжется сулема на жаровнѣ, надъ которою держатъ завернутаго ребенка съ $\frac{1}{4}$ часа. Противъ грыжи пьютъ царскую водку, которую предварительно «томятъ» положеннымъ въ нее оловомъ, пока она не сдѣлается бѣловатою (перенеч. въ Тамб. Г. В. 39). — 27. Въ «мѣст. хрон.» по свѣдѣніямъ изъ Писковской вол. Сычевск. у. сообщается о «бракахъ уходомъ» среди мѣстныхъ старообрядцевъ. Молодыя старообрядки, видя безправное положеніе жены старообрядца, который въ каждое время можетъ ее прогнать, предпочитаютъ вѣнчаться въ церкви съ православными, и въ случаѣ сопротивленія старшихъ дѣлаютъ это «уходомъ». — 28. Изъ Сычевск. у. корресп. о масляничныхъ ватняхъ и ряженіи въ д. Замошѣ, Гривской вол. — 34. Мѣстные смоленскіе археологи съ завѣдующимъ археол. музеемъ С. П. Писаревымъ во главѣ предполагали отправиться этимъ лѣтомъ для раскопокъ кургановъ въ с. Гнѣздово. Результаты пока неизвѣстны. — 40. «Деревенскіе признаки весны»; сообщены нѣкоторыя примѣты. — 43. Въ Саложской вол. Бѣльск. у. знахарь употребляетъ слѣд. составъ противъ сифилиса: киноваръ, ртуть, окись ея, азотную кислоту, и еще какое-то вещество; все смѣшивается и дается 3 приема по стол. ложкѣ. — 44. Перенеч. изъ «Кіев. Старины» (апр.) замѣтка Петрова о г. Смоленскѣ. — Въ «мѣстн. хрон.» сообщено о «Бурцевой горѣ» въ г. Рославлѣ, возникшей по предположенію въ Х в. По преданію подъ этой насыпью скрыта церковь первыхъ христіанъ въ данной мѣст-

ности, принужденныхъ скрываться отъ язычниковъ. На горѣ былъ также замокъ удѣльнаго князя.—44, 45, 47. Статья «Въ бабьемъ царствѣ» даетъ свѣдѣнія по артелямъ.—49. Извѣстіе о пособіи отъ И. Р. Геогр. Общ. его чл.—сотр. В. Н. Добровольскому на собраніе памяти. народн. творчества въ Смоленск. г.—50. С. Б. «Первое мая»,—празднованіе этого дня, большею частью по печати. источникамъ.—51. Въ Вязьмѣ въ теченіе всей Святой совершаются крестн. ходы изъ собора ко всѣмъ приход. церквамъ (опис. въ Нам. Кн. Смол. г. 1858). При этомъ существуетъ обычай, что прихожане каждаго прихода поочередно угощаютъ у себя своихъ родственниковъ, друзей и знакомыхъ. Преданіе относитъ установленіе ходовъ къ Алексію Михайловичу, который жилъ въ Вязьмѣ, когда повсемѣстно, исключая этого города, свирѣпствовалъ моръ.—52. Ф. Пивоваровъ. «Народное дѣченіе бѣшенства».—55. «Краснинское житье»—сборъ вол. писарями по мѣрѣ всякаго хлѣба съ каждаго двора во время Коляды.—60. И. Б. въ корресп. изъ Сычевки замѣчаетъ мимоходомъ, что нѣкоторые случаи болѣзни на скотѣ мѣстныхъ знахарки объясняютъ тѣмъ, что «полевой въ ухо пролетѣлъ».—62. Н. Селезневъ пересказалъ «сказку печника Лисея изъ д. Ивонина»—про охотника, который, освободивъ змѣю изъ огня, получилъ даръ понимать языкъ природы. На сколько она искусственна—не беремъ судить.—64. О кликушахъ въ Сычевск. у.—71. Свѣдѣнія о «толокахъ» при уваживаніи—изъ Сычевки.—72. И. С. Свѣдѣнія о курганахъ, раскопкахъ и находкахъ въ Юхновск. у. (дополн. въ № 82).—75. О мѣстномъ цѣлебномъ ключѣ (железист.)—въ с. Дубровѣ, Юхновск. у.—77, 78, 80, 81, 87, 89. Н. П. Виноградовъ. «Историческій очеркъ г. Вязьмы» (см. №№ 37 и 45).—84. Изъ Рославля въ «мѣстн. хр.» сообщено о цѣлебной крыницѣ (ключѣ), называемой Василевскій ровъ и считающейся чудодѣйственною.—89. Перепеч. изъ «Недѣли» корр. изъ Смол. г. съ нѣкоторыми данными о землевладѣніи, о поселеніяхъ на „лѣдахъ“ и т. п.

Смоленскій Еп. В.—7, 8. Н. Соколовъ. «Нѣсколько чертъ изъ періода управленія Смол. епархіей пр. Геденомъ» (1728—1761)—на основ. архивныхъ дѣлъ Смол. дух. консисторіи. Кандалы, плеть, нещадное сѣченіе передъ консисторіей мужчинъ, женщинъ и дѣтей, сыскъ съ поличнымъ и т. п.—были обычными средствами наказанія, къ какимъ прибѣгалъ преосвященный. Въ консисторіи хранится т. н. *миссиа*—дубовый обрубокъ съ цѣпью и ошейникомъ для наказанія провинившихся священно—и церковно-служителей. При немъ были особыя должностныя лица не духовнаго званія; альдерманы, боярскіе сыны, пристава съ солдатами. Боярскіе сыны исполняли полицейскія обязанности, совершая «доѣзды» по его порученію для разслѣдованія дѣлъ и ареста виновныхъ; альдерманы—живописные мастера.

Судебная газета.—23. *Фридманъ*. Крестьянскіе суды.

Сѣверный Кавказъ (Ставрополь). 53—55. *Изъ Акинфьева*. Изъ поѣздки на Кавказъ (путевыя впечатлѣнія отъ Кисловодска до Тифлиса).—59. Сообщение *Тултова* о восхожденіи на обѣ вершины Казбека (изъ Терск. Вѣд.).

Тамбовскія Г. В.—50—55. *Н. Нечаевъ*. Свадебные обычаи въ с. Хворостянкѣ Пушкинской вол. Усманскаго уѣзда, Описываются обряды при сватовствѣ, запоѣ, сказываньи (уговоръ о величинѣ кладки), вечерины и самый день свадьбы; приводятся величальныя и другія свадебныя пѣсни и причитанія невѣсты. Авторъ прислалъ намъ письменное дополненіе къ этому очерку; онъ сообщаетъ между прочимъ, что мѣстные крестьяне—бывшіе крѣпостные, получившіе полный надѣлъ 3 дес. на душу: всѣ православные—сектантовъ нѣтъ. Отхожихъ промысловъ нѣтъ; главное и почти исключительное занятіе—земледѣліе: на работы ходятъ только къ окружнымъ крупнымъ землевладѣльцамъ—купцамъ. Живутъ вообще зажиточно. Ярмарокъ кругомъ по близости много.—57. Отчетъ о послѣднемъ засѣданіи комиссіи (при И. Рус. Геогр. Общ. въ Петерб.) для собранія народныхъ юридическихъ обычаевъ (повидимому изъ «Нов. Вр.» № 4709). Въ настоящее время эта комиссія издала программу для собранія народныхъ юридич. свѣдѣній; подробнѣе о ней см. ниже, стр., 230.

Тамбовскія Еп. В.—4. Извѣстіе о томъ, что Могилевскій епископъ Сергій основываетъ историко-статистическій комитетъ. Предполагается разослать по епархіи особую программу съ вопросами не только по церковной археологій, но и относительно современнаго положенія церквей приходоѡ, количества деревень съ объясненіемъ ихъ названій, особенностей и обычаевъ.—11. Молоканство въ с. Чувеской Алабушкѣ. Престѣдованіе штундистовъ самимъ населеніемъ—12, 13. Тайны ученія хлыстовъ.

Тверскія Еп. В. Въ № 2, 3, 4, 6. описаны нѣкот. церкви и монастыри—прежде и теперь.—10. «По поводу празднованія всеннихъ и лѣтнихъ пятницъ», извлеч. изъ поученія свящ. Цюковскаго. Проповѣдникъ думаетъ, что этотъ обычай перенять отъ татаръ.

Томскія Епарх. Вѣд.—6. Записки миссіонера Кебезенскаго отдѣленія Алтайской духовной миссіи священника *Сергія Иваноскаго* за 1888 г.—8, 9 и 11. Записки киргизскаго миссіонера, священника *Филарета Симькоескаго* за 1888 г.—13. *С. Борисовъ*. Бесѣда съ указнымъ муллою.

Уральскія Войсковныя Вѣд.—4. Запѣтка объ устройствѣ войсковаго музея, въ которомъ имѣютъ быть сосредоточены всѣ предметы, имѣющіе отношеніе къ прежней жизни уральскаго войска.—7. «Къ вопросу объ открытіи въ г. Уральскѣ войсковаго музея».

«Только тогда, говоритъ авторъ, музей могъ бы дать наглядное понятіе о прошедшей жизни Уральцевъ, если въ немъ, на ряду съ вещественными памятниками старины Ур. Каз. войска, будетъ дано мѣсто памятникамъ старины инородцевъ, кочевавшихъ и кочующихъ въ предѣлахъ Уральской области, со включеніемъ въ него предметовъ, относящихся до религіозно обрядовой жизни тѣхъ и другихъ». —15, 17. *П. И. Обротовъ*, «Очеркъ нашего садоводства». Сообщаются данныя о садоводствѣ уральскихъ казаковъ.—18. «Киргизская легенда». Рассказывается, почему именовъ мыши называется первый годъ каждаго двѣнадцатилѣтія. Послѣ того, какъ различныя животныя, выставляя каждое свои заслуги, не могли прійти къ соглашенію относительно того, чьимъ именовъ назвать первый годъ двѣнадцатилѣтія, «мучеля» (мышь) предложила назвать этотъ годъ именовъ того изъ нихъ, кто первый увидитъ восходъ солнца при наступленіи названнаго года. Взобравшись на спину верблюда, она имѣла возможность увидѣть первую восходъ солнца, а потому ея именовъ и названъ начальный годъ «мучеля». —20, 21. *Н. А. Бородинъ*. О нуждахъ уральскаго рыбнаго промысла и мѣрахъ къ улучшенію его постановки.

Харьковскія Г. В.—119. *В. А.* Рецензія на изданный Отдѣломъ Этнографіи И. О. Л. Е. подъ ред. Н. Харузина. «Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи». Указывается на необходимость участія въ этомъ изученіи мѣстныхъ жителей, отъбняется особенная важность изученія обычнаго права и называются существующія въ литературѣ программы для изученія народнаго быта.—137. Въ корреспонденціи изъ г. Остра сообщается о тщетномъ исканіи 20-милліоннаго клада. 20 рабочихъ рыли около мѣсяца и вырыли нѣсколько чел. скелетовъ и желѣзные замки (безъ точнаго указанія мѣстности).—149. Въ замѣткѣ о кладоискательствѣ на югѣ Россіи (обзоръ період. печ.) припоминаются прежніе случаи неудачныхъ разысканій по словеснымъ и письменнымъ указаніямъ (близъ г. Остра, недалеко отъ Новгорода-Сѣверска) и приводится изъ «Новостей» сообщенный археологомъ Д. И. Эварницкимъ документъ въ родѣ завѣщанія отъ 1764 г., съ указаніемъ клада въ 27 милліоновъ, зарытыхъ какими-то «40 братьями запорожцами», которые лишены вѣчно страны российской. Мѣстность указана такъ: «Отъ г. Херсона въ 80 верст., на дачи Дюфимской деревни Одаренкова, въ 2-хъ верст. отъ одной (оной?) деревни, есть трактиръ, а отъ трактира въ 1 верстѣ есть кошара, а отъ кошары есть дикой камень 5 саж. длины, на немъ надпись, на томъ мѣстѣ погребѣны 40 казаковъ запорожскихъ»... Дальнѣйшее направленіе подробно указывается въ сажняхъ, въ аршинахъ и шагахъ по примѣтамъ, отъ которыхъ, вѣроятно, не осталось и слѣда.

Червоная Русь. — 30. Иноземная колонизація въ юг.-зап. Руси. — 78. Великодни крашанки. — 85. Русскія колоніи въ угорской Руси.

Черниговскія Г. В. — 5. Къ исторіи края, *Ковчинца*. Преданіе объ Екатеринѣ II, графѣ Куселевѣ и раздачѣ земель. Легенда о Петрѣ Великомъ, его борьбѣ съ Лютрой и Утеранкой и солдатѣ Иванѣ. Любопытна одна изъ подробностей легенды: „Петро выпросивъ земля на шкуру у Утеранки, порѣзавъ шкуру на дробненьки ремешкы, посшивавъ ихъ, отъ Двини до Двини обовьевъ землю и построивъ крепость“. Срв. преданіе о Кароагенѣ и т. д. (Худяковъ, Мат. для изуч. нар. слов., СПб., 1863, стр. 42. Николичъ, Народне српске приповијетке, прва свезка, Београдъ, 1842, № 9. Якушкинъ, Соч., 1884, письма изъ Псковск. губ., стр. 243. Köhler, Sag-n von Landerwerbung durch zerschnittene Häute, Orient und Occident, III, 185—187; Justinus, XVIII, 5; Grimm, Rechtsalterthümer, 90 слѣд. 939; Dunlop-Liebrecht, Gesch. der Prosadichtungen, 514; James Told, Annals and antiquities of Rajasthan, London, 1832, II, 235; Pott, Die quinaire und vigesimale Zählmethode, 2; Meyer въ Kuhn's Zeitschrift, VII, 285 слѣд.; Bulletin des sciences historiques de l'Académie de st. Petersbourg XVI, 460; Kottenkamp, die ersten Amerikaner im Westen, 382; Pott въ Supplementband des Philologus, 258; Кулишъ, Очерки сравн. этн. и культ., СПб., 1887, стр. 122—3. Sjögrens gesamt. Schriften I, 301; Rabst, Bunte Bilder, Reval 1856; I Heft, 26—7, 32—45. — Преданіе было перепеч. въ Кіевлянинѣ и Кіевск. Стар. 1889.

Черниговскія Г. В. — 26. Корреспондентъ изъ с. Рожновки Борзенск. у. сообщаетъ о шарлатанѣ знахарѣ «литвинѣ» и при этомъ замѣчаетъ: «Литвинами украинцы называютъ бѣлоруссовъ. Литвины считаются въ Украинѣ знающими, какъ говорятъ, куриное слово. Литвинъ можетъ напустить на человѣка такую чуму, что тотъ будетъ поступать противно своимъ интересамъ; можетъ заворочить злодія, такъ что тотъ не двинется съ мѣста своего преступленія; изъ Литвы бѣгають вовкулаки» и т. п. — 42—44. Изъ архива гр. Милорадовича — два поземельныхъ документа 1714—8 гг. — 57. Къ исторіи края, *А. Чубатаго*. Легенда о происхожденіи названія м. Салтыкова—Дѣвица, Черниг. у., отъ утонувшей возлѣ мѣстечка дочери помѣщика Салтыкова; подобное преданіе рассказываетъ объ озерѣ Твань, возлѣ села Ковчина.

Южный Край — 2747. Рождество Христово въ поэтическихъ представленіяхъ малорусскаго народа (1888 г.) — 2810, 2815, 2822. Козачья колонизація въ XIX в. — 2844. Послѣ разговѣнья, этногр. замѣтка Чугуевца.

Ярославскія Г. В. — 29, 30. и слѣд. П. Васильевъ. Кустар-

ная промышленность въ Ярославской губ.—30 и 51. А. *Архангельскій*. Пѣсни и причеты Дмитровскаго прихода, Пошехонскаго у., Ярославск. губ. (продолженіе: 10—18).—34, 37 и 38. В. *Ивановскій*. Святочные обычаи—«ряженье» и «гаданье» въ Вощажниковской волости, Ростовскаго у. Обычай рядиться на святкахъ, по словамъ автора, очень распространенъ среди мѣстныхъ жителей не только между молодежью обоюго пола, которая для этого собирается въ «компанію», но и между замужними женщинами и пожилыми мужчинами. Парни одѣваются обыкновенно стариками, старухами, колдуномъ, солдатомъ или урядникомъ. Дѣвушки дѣлятся на двѣ группы: одна одѣвается парнями; другая не ряженая сопровождаетъ первую для того, чтобы танцевать съ ними. Бабы рядятся только въ одиночку и лишь самыя разудалыя, чаще всего—«цыганками». Мужики рядятся вожаками медвѣдя, котораго изображаетъ одинъ изъ участниковъ. Покупныя маски употребляются, хотя рѣдко. Авторъ, къ сожалѣнію, указываетъ лишь вскользь, что въ старину рядились и «пурочкой» и «разбойниками» и т. п. Между тѣмъ было бы крайне интересно познакомиться со старинными способами ряженья и сравнить ихъ съ современными. Кромѣ общезвѣстныхъ способовъ гаданія на оловѣ, при помощи женой бумаги, пѣтуха, зеркала и т. п., встрѣчается интересный способъ гаданія на лучинахъ. Каждая изъ гадающихъ беретъ огарокъ первой зажженой утромъ при затопкѣ печи лучины; затѣмъ всѣ вмѣстѣ отправляются съ лучинами къ пруду или проруби, куда и опускаютъ лучины; послѣ этого собираются въ избу, гдѣ «сидятъ» и стараются зажечь лучины: чья лучина загорится первой, той дѣвушкѣ предстоитъ и наиболѣе скорое замужество.—35. Последствія деревенскаго самоубіенія. Статья содержитъ нѣкоторыя указанія на народные способы лѣченія.—37. А. *Незоровъ*. Рецензія на «Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи» (Т. IX Трудовъ Этнографическаго Отдѣла И. О. Л. Е., А. и Э).—39. К. *Родосскій*. Народные величнопостные «стихи», записанные въ Рыбинскомъ уѣздѣ (6 стиховъ).—42. «Изъ области предрасудиновъ и суевѣрій, преимущественно существующихъ въ Романово-Борисоглебскомъ уѣздѣ». Авторъ приводитъ встрѣчаемый имъ у мѣстныхъ жителей списокъ «Сказанія о 12 пятницахъ» и даетъ краткія свѣдѣнія о вѣрѣ населенія въ колдуновъ, объ обрядѣ опахиванья полей, о способахъ толкованія сновъ и нѣкоторыхъ примѣтахъ.—43. О кустарной промышленности въ Николо-Тропской волости, Рыбинскаго у. *Н. Оп—на*.—44. Особенности народнаго говора населенія Рыбинскаго у. *Н. Оп—на*.—49 и 50. Бодобановская волость, Рыбинскаго у. въ экономическомъ и бытовомъ отношеніи.—51. Замѣтка по поводу статьи А. В. Балова: «Русскій хороводъ. Хороводныя игры въ Яро-

славской губ.» (см. Сѣв. Вѣст. июнь).—53 и 54. *А. В. Баловъ.* Крестьянскіе похоронные обычаи въ Пошехонскомъ у. Авторъ указываетъ на примѣты, на основаніи которыхъ лица, окружающія больного, узнаютъ объ исходѣ болѣзни и приближеніи смерти. Подробнѣе объ этомъ *А. В. Баловъ* говорилъ въ своей статьѣ «Народныя суевѣрія и предрасудки Пошехонскаго у.» (Яросл. Г. В. 1888 № 43 и 52). Послѣ кончины больного употребителенъ извѣстный и въ другихъ мѣстностяхъ обычай вывѣшивать въ окно полотенце и сохранять въ рукомойникѣ воду для того, чтобы душа могла обмыться. Интересенъ также обычай класть умершему въ руку мелкую мѣдную монету, чтобы онъ могъ заплатить на томъ свѣтѣ за перевозъ черезъ огненную рѣку, отдѣляющую рай, или же для того, чтобы онъ могъ купить себѣ у другихъ покойниковъ мѣсто на кладбищѣ. Съ умершею женщиною кладутъ иногда пряжу. Приводятся употребительныя въ уѣздѣ похоронныя причитанія. Послѣ выноса покойника хозяйка дома садится на нѣсколько минутъ на мѣсто, на которомъ лежалъ покойникъ; затѣмъ выметаетъ полъ, моетъ столъ и лавки, а тряпки, которыми она пользовалась для этого, равно какъ и солону, на которой лежалъ покойникъ, горшокъ, изъ котораго брали воду для омыванія тѣла умершаго, и гребень, которымъ его причесывали, выбрасываетъ за околицей на первомъ перекресткѣ. Далѣе описывается погребальный обѣдъ и поминки, которыя совершаются обыкновенно въ 3, 6, 9, 20, 40 дни послѣ смерти, а также и въ годовщину смерти.—61. *А. В. Баловъ.* Дѣтскія народныя игры, пѣсни и присказки въ южной части Пошехонскаго уѣзда. Авторъ приводитъ двѣ колыбельныя пѣсни и 7 дѣтскихъ пѣсенокъ и присказокъ, употребительныхъ въ указанной мѣстности, а также нѣсколько дѣтскихъ игръ; наиболее часто играютъ въ «черненькіе», «прятки», «вѣрова», «жгутъ», «горѣлки», «жмурки» и т. п.

Ярославскія Еп. В.—2. Рафли у раскольниковъ.—3. *А. Соловѣвъ.* С. Погорѣлое на Ухтомѣ Пошехонск. у.—5. *Ею же.* Къ лѣтописи с. Кіова Любимск. у.—7, 11—13. *Ею же.* Село Пилатики Романовск. у. (преданіе о приплывшей иконѣ Б. М.)—16. Индійскій праздникъ богини Сангеи.—Китайское ученіе.—17. *Н. Лавровъ.* Село Семеновское Пошех. у. по писцовымъ книгамъ 1627 г. По мѣстному преданію, деревни обращались въ пустоши вслѣдствіе разоренія ихъ «панами» (полягами) или выселенія въ низовыя губерніи во время голода.

ДОПОЛНЕНИЕ КЪ ВИБЛЮГРАФИИ *).

Н. И. Гроденовъ.—Киргизы и каракиргизы Сыръ-Дарьинской Области. Томъ первый: юридическій бытъ. Ташкентъ. 1889. in 8°, стр. 298+205. Цѣна 3 руб.

Литература о киргизахъ обогатилась новымъ обширнымъ сочиненіемъ Н. И. Гродекова—юридическій бытъ киргизовъ и каракиргизовъ Сыръ-Дарьинской области. Это сочиненіе заключаетъ слѣдующій длинный рядъ главъ: преданіе о происхожденіи киргизовъ и каракиргизовъ, тамга, бѣлая кость, старшинство, мѣстничество, родовое начало, степени родства, власть родителей, совершеннолѣтіе, родъ матери, усыновленіе, опека, побратимство, выдѣленіе сыновей, наследство, свадебные обычаи и обряды (съ большими подробностями), пользование земель и водой, кочеваніе, общее имущество, гостепріимство, наемъ, находка, подарки, долги, торговля, преступленія, воровство, баранта, давность, устройство народнаго суда, бій (судьи), порядокъ разбора дѣлъ, свидѣтели, поручители, улика, присяга, штрафы, тѣлесныя наказанія, посрамленіе, изгнаніе, пари, метаніе жребія, духовенство и школы, игры, похороны; затѣмъ помѣщено 258 пословицъ и поговорокъ, списокъ урановъ (боевыхъ криковъ), списокъ и рисунки тамговъ (родовыхъ знаковъ), нѣкоторыя свадебныя пѣсни, до четырехъ сотъ рѣшеній биевъ и др. — все на 503 довольно большихъ страницахъ. Уже просто переченъ всѣхъ этихъ вопросовъ, которые задѣты въ сочиненіи Н. И. Гродекова, дѣлаетъ каждому очевиднымъ, что намъ переданъ цѣлый кладъ. Если же принять во вниманіе ту детальность, которую мы встрѣчаемъ въ тѣхъ или другихъ вопросахъ, и почти полное отсутствіе въ существующей до сихъ поръ литературѣ о киргизахъ свѣдѣній объ юридическомъ бытѣ этихъ ввородцевъ, то цѣнность сочиненія Н. И. Гродекова возрастаетъ еще больше. Вообще говоря, литература по киргизскому племени весьма обширна, на что бы мы ни взглянули, уже не говоря о топографіи мѣстности, на религію ли, на исторію, на одежду, свадебные обряды, кочевой образъ жизни, хозяйство, торговлю, судоустройство и судопроизводство и т. д.,—по всѣмъ этимъ вопросамъ встрѣчаемъ мы многочисленныя замѣтки, статьи, брошюры, даже цѣлыя сочиненія.

* Отдѣлъ рецензій былъ уже оконченъ печатаніемъ, когда были доставлены эти два замѣтки. Одна изъ нихъ тѣсно примыкаетъ къ замечанной выше замѣткѣ о новой книгѣ о киргизахъ, другая касается одного изъ весьма существенныхъ и настоятельныхъ вопросовъ—программы этнографическихъ изслѣдованій. Въ виду этого мы не откладываемъ этихъ статей до декабрьской книжки, чтобы онѣ не были слишкомъ запоздалыми. Ред.

Мнѣ лично извѣстно слишкомъ 500 сочиненій, брошюръ, газетныхъ и журнальныхъ статей, касающихся и быта, и жизни киргизовъ, и исторіи ордъ, и топографіи страны. Но, не смотря на это количество статей, киргизская народность считается неизслѣдованной. Это имѣетъ свою долю правды. Громадное большинство сочиненій, относящихся къ киргизамъ, начиная съ конца прошлаго столѣтія и до настоящаго времени, страдаютъ отрывочностью данныхъ, отсутствіемъ системы. Но этого сказать нельзя про всѣ сочиненія—въ большого ряда краткихъ статей и замѣтокъ выдаются весьма полныя сочиненія и статьи слѣдующихъ авторовъ: Аткинсона, Радлова, Георги, Залескаго, Левшина, Даля, Маковецкаго, Палласа, Бларамберга, Евреинова, Зеланда, Ханькова, Эверсмана, Иванина, Гёбеля, Красовскаго, Мейера, Островскаго и нѣкоторыхъ другихъ. Эти авторы своими сочиненіями могутъ дать основу для изученія киргизовъ. Въ теченіе долгаго времени измѣнялась въ своемъ быту киргизская народность, соответственно ея столкновенію преимущественно съ русской культурой, въ силу чего многія статьи устарѣли: онѣ интересны теперь только какъ матеріалъ для сравненія. Напримѣръ, сочиненіе А. Левшина, нѣкогда классическое по своей полнотѣ, утратило до извѣстной степени свое значеніе въ виду того, что съ 20-хъ годовъ киргизская народность въ своемъ быту сильно измѣнилась, даже больше—мѣстами окончательно переродилась. Прослѣдить это постоянное измѣненіе въ киргизскомъ быту за разные годы и въ разныхъ мѣстностяхъ было бы весьма интереснымъ. Многія статьи заключаютъ въ себѣ краткое описаніе топографіи мѣстности, дѣленіе киргизскаго племени на орды и роды, описаніе одежды, элементарныя указанія на свадебные обряды, на кочевую жизнь (эти свѣдѣнія, повторяющія одно и то-же, имѣются сотнями), но лишь не многіе изъ авторовъ вникаютъ въ суть быта этой интересной народности. Нѣкоторыя статьи страдаютъ и тѣмъ недостаткомъ, что въ нихъ нѣтъ точнаго указанія на мѣстность, гдѣ тѣ или другіе обычаи въ ходу, далѣе къ какому времени относится тотъ или другой обычай или обрядъ.

Въ текущемъ (1889) году появилось въ свѣтъ новое сочиненіе, посвященное специально юридическимъ обычаямъ киргизовъ; по полнотѣ и по количеству данныхъ ему нѣтъ равнаго въ современной литературѣ о киргизахъ ни одного сочиненія. Авторъ его Н. И. Гродековъ, какъ видно изъ его предисловія, въ началѣ 80 хъ годовъ вступилъ въ управленіе Сыръ-Дарьинской Области и, подмѣтя пробѣлъ въ свѣдѣніяхъ по обычному праву киргизовъ, рѣшилъ собрать возможно полныя свѣдѣнія по этому вопросу и съ этою цѣлью побудилъ В. П. Наливкина составить программу для «сбора постановленій киргизскаго обычнаго права» и пригласилъ А. Н. Вышнегорскаго собрать по этой программѣ возможно больше свѣдѣній. При-

чина, побудившая Н. И. Гродекова собирать свѣдѣнія по обычному праву киргизовъ и каракиргизовъ, заключается въ важности и значеніи обычнаго права «для правильнаго устройства управленія и суда въ средѣ кочеваго населенія нашихъ среднеазиатскихъ областей». Цѣль, которую преслѣдовалъ авторъ, очевидно, составленіе «свода современныхъ юридическихъ обычаевъ киргизовъ и каракиргизовъ Сыръ-Дарьинской Области». Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ автора, что изученіе обычнаго права не только важно, но и необходимо для устройства правильнаго управленія данной народностью. Именно незнаніе обычнаго права нашихъ инородцевъ заставляло насъ неоднократно дѣлать крупныя промахи и ошибки, которыя впоследствии тяжело ложились на насъ же самихъ, и съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ отдать должную честь Н. И. Гродекову за его трудъ. Если и существуютъ нѣкоторыя пробѣлы, то о нихъ, въ виду общей полноты свѣдѣній, упоминать не имѣетъ смысла.

Но существуетъ и другая сторона, о которой упоминаетъ самъ авторъ—это сторона научная. Съ точки зрѣнія науки это сочиненіе можетъ интересовать въ одинаковой степени юриста и этнографа. Объ юридическомъ значеніи сочиненія Н. И. Гродекова мы говорить не станемъ, но остановимся на значеніи этнографическомъ.

Обычное право стоитъ въ тѣсной связи съ этнографіею, и мы поступили бы несправедливо, если бы эту отрасль знанія исключили изъ этнографической науки, напротивъ мы должны положить возможно болѣе усилій для изслѣдованія обычнаго права съ точки зрѣнія этнографической; правда, мы столкнемся съ нѣкоторыми вопросами чисто юридическаго характера, но несправедливо будетъ выдѣлать на этомъ основаніи обычное право, какъ отрасль знанія, принадлежащую исключительно юридическимъ наукамъ. Вотъ почему и для этнографа трудъ Н. И. Гродекова представляетъ большую цѣнность.

Мы выше говорили о цѣляхъ, которыя преслѣдовалъ авторъ при своей работѣ; повторяемъ, если имѣть исключительно въ виду составленіе «свода современныхъ юридическихъ обычаевъ», то сочиненіе вполне удовлетворяетъ предначертанной программѣ, но мы въ правѣ требовать отъ сочиненія болѣеаго. Перечисленіе обычаевъ и обрядовъ насъ удовлетворить никакъ не можетъ: нужна мысль, руководящая нить, освѣщеніе,—именно то, чѣмъ очевидно не задавался авторъ. Возьмемъ, какъ примѣръ, главу II—«родовое начало». Она начинается слѣдующими словами: «Огромное значеніе родового начала вытекаетъ изъ права сильнаго: личность находитъ защиту только у своего рода, за поступки ея отвѣчаетъ родъ. При неуплатѣ хуна убивается не непременно убійца, а любой человѣкъ изъ его рода. Невѣста принадлежитъ не лицу, а роду» и т. д.,—свѣдѣнія, конечно, весьма цѣнныя, но въ изложеніи нѣтъ связи; это простое пере-

численіе того, что есть, это кодексъ, пользоваться которымъ вообще трудно именно потому, что нѣтъ ни связи, ни выводовъ. Далѣе авторъ предполагаетъ, что многое читателю уже извѣстно, и не останавливается на самыхъ, съ перваго взгляда, простыхъ вещахъ, которыя между прочимъ должны освѣтить все: онъ, напримѣръ, не говоритъ ничего объ родовомъ началѣ вообще у киргизовъ, объ родовомъ устройствѣ какъ идеѣ. Тоже самое встрѣтимъ мы въ любой главѣ, тоже самое и въ приложеніяхъ: такъ авторъ приводитъ списокъ урановъ и рисунки тамговъ, не распространяясь ни о томъ, ни о другомъ. Какъ намъ кажется, на каждомъ лицѣ, обладающемъ такимъ цѣннымъ и большимъ матеріаломъ, какъ Н. И. Гродековъ, лежитъ непрѣйменная обязанность разработать его, поставить въ систему и тѣмъ облегчить трудъ лицъ, которыя интересуются даннымъ вопросомъ, освѣтить свой матеріалъ, что сравнительно не трудно при хорошемъ знакомствѣ съ данной народностью, а не оставлять свой матеріалъ просто матеріаломъ для будущихъ изслѣдователей, которые въ свою очередь, быть можетъ, не имѣя возможности изслѣдовать киргизовъ лично, не имѣя возможности познакомиться съ условіями жизни киргизовъ на мѣстѣ, дадутъ не всегда вѣрное объясненіе тѣмъ фактамъ, которые представлены столь обильно въ книгѣ Н. И. Гродекова. Сочиненіе его всегда будетъ занимать одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ литературѣ о киргизахъ, занимаетъ теперь первое мѣсто въ обычномъ правѣ киргизовъ, но останется всегда лишь матеріаломъ для изслѣдованія юридическаго быта киргизовъ. Въ книгѣ приложено 11 гравюръ и этнографическая карта Сыръ-Дарьинской области.

А. Х.

Программа для собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ. (Изданіе Комиссіи собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ, состоящей при Отд. Этнографіи Им. Русск. Геогр. Общества. СПб. 1889 ., стр. IX+85 in 8°. ц. 40 в.)-

Изученіе народнаго быта, развивающееся съ каждымъ годомъ, вызвало появленіе инструкцій и программъ для облегченія изучающимъ бытъ народный ихъ нелегкой задачи. Начиная съ 1847 года, времени, когда впервые Императорскимъ Русск. Географическимъ Обществомъ была издана первая программа для собиранія этнографическихъ свѣдѣній, мы видимъ цѣлый рядъ программъ, заключающихся вышедшей на дняхъ программой, заглавіе которой выписано выше. Эта послѣдняя, касаясь вопросовъ, относящихся къ юридической жизни народа, ставитъ и другіе, которые находятся въ ближайшемъ соотношеніи съ вопросами права, тѣмъ изслѣдователю дается болѣе большой просторъ при изслѣдованіяхъ, возможность не ограничивать ихъ узкой рамкой

вопросовъ чисто юридическихъ. По своему содержанию она является наиболее полной, такъ какъ, кромѣ права гражданскаго и уголовнаго, въ нее включены еще отдѣлы о судопроизводствѣ и общинномъ владѣніи, чего не было сдѣлано въ наиболее полной до сего времени «Программѣ для собиранія свѣдѣній объ юридическихъ обычаяхъ» изданной Отдѣломъ Этнографіи при Императорскомъ Обществѣ Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи въ 1887 году *). Являясь такимъ образомъ по количеству затрагиваемыхъ отдѣловъ наиболее полной, программа, къ сожалѣнію, не является таковой же и въ отношеніи разработки вопросовъ по перечисленнымъ отдѣламъ. Такъ, напримѣръ, такому интересному явленію народной жизни, какъ артели, программа посвящаетъ лишь 5 вопросовъ (217—221); принимая во вниманіе, что нѣкоторые вопросы разбиты на нѣсколько пунктовъ, окажется, что артелямъ посвящено всего 13 вопросовъ. Вслѣдствіе этого такія рубрики, какъ о личномъ составѣ артели, ея имущества, правахъ и обязанностяхъ членовъ артели, составляющія въ «Программѣ для собир. свѣдѣній объ юрид. обыч.» 1887 года—124 вопроса, заключаются въ новой программѣ въ одномъ вопросѣ: «Каково устройство артели?». Естественно, что такой общій и широкій вопросъ затрудняетъ съ одной стороны собирателя, съ другой не даетъ ему возможности подиѣлать тѣхъ разнообразныхъ отгѣнковъ, которыми такъ богаты разные виды русскихъ артелей. Не касаясь другихъ подобныхъ сокращеній, могущихъ вредно отразиться на отвѣтахъ собирателя, укажемъ еще на одинъ, и въ данномъ случаѣ пожалуй болѣе существенный недостатокъ: «Хотя вниманіе собирателя, читаемъ мы въ предисловіи къ программѣ, согласно содержанию и цѣли программы должно быть сосредоточено главнымъ образомъ, на изученіи быта русскаго населенія, но при благопріятныхъ условіяхъ было бы желательно, чтобы отмѣчались и племенные особенности быта живущихъ въ предѣлахъ Россіи инородцевъ». Слѣдовательно программа рассчитана до известной степени и на инородцевъ. Между тѣмъ всякій, кто для ознакомленія съ бытомъ инородцевъ сталъ бы пользоваться этой программой, менѣе всего могъ бы отгѣнить особенности инородческаго быта. Многія черты быта инородцевъ, налагающія на нихъ обычное право своеобразный отпечатокъ, почти совсѣмъ не освѣщены въ программѣ. Такъ относительно родового устройства, имѣющаго такое большое вліяніе на все право народа, мы встрѣчаемъ въ программѣ лишь одинъ вопросъ (вопр. 1-й главы I-й). О сословномъ устройствѣ у инородцевъ нѣтъ никакого упоминанія. Между тѣмъ въ программѣ, изданной Отдѣломъ

*) Программа эта имѣется еще въ запасѣ при Этнографическомъ Отдѣлѣ, равно какъ и общал „Программа для собиранія этнографическихъ свѣдѣній“.
Ред.

Этнографіи Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, этимъ пуянтамъ посвящено 67 вопросовъ. Относительно вѣрной мести и выкупа за убійство мы встрѣчаемъ въ нововышедшей программѣ нѣсколько разбросанныхъ вопросовъ, далеко не обнимающихъ того, что сдѣлано по этимъ отдѣламъ программой, изданной Императорскимъ Обществомъ Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи и т. д. Въ виду важности собранія данныхъ объ юридическихъ обычаяхъ народа является желательнымъ, чтобы всякая, выходящая вновь программа пополняла и совершенствовала предшествовавшую ей; этого, къ сожалѣнію, нельзя сказать про новозданную въ Петербургѣ программу. Вводя въ свое содержаніе новые отдѣлы сравнительно съ программой изданной въ Москвѣ 1887 г., она исполнила часть задачи. Но, сокращая до minimum'a вопросы, она сдѣлала шагъ назадъ и вмѣсто того, чтобы облегчить, скорѣе затруднить изслѣдователя. Что касается новаго отдѣла, введеннаго программой, то и онъ выполненъ далеко не тщательно. Относительно судоустройства и судопроизводства программа упустила изъ виду важность судовъ неофициальныхъ: имъ посвящено лишь 5 вопросовъ. Между тѣмъ третейскіе суды, суды родственниковъ и т. д. господствуютъ не только въ быту нашихъ инородцевъ, но и среди русскаго крестьянскаго населенія, а въ иныхъ мѣстахъ замѣняютъ почти всецѣло суды официальные. Фактъ существованія ихъ въ крестьянской средѣ, а также и то, что они хранятъ въ себѣ много переживаній далекаго быта, дѣлаетъ ихъ важными для науки обычнаго права, заслуживающими большаго вниманія, чѣмъ имъ удѣлено въ программѣ. Въ общемъ слѣдуетъ замѣтить, что если и нельзя не отнестись сочувственно къ факту изданія программы, то нельзя и не пожалѣть, что она выполнена такъ, что позволяетъ желать много лучшаго, въ особенности если знать, что она издана такимъ ученымъ Обществомъ, какъ Императорское Русское Географическое Общество.

Н. Х.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Дѣятельность ученыхъ обществъ, музеев, выставокъ, съездовъ, публичныя чтенія и пр.

— Этнографическій Отдѣлъ Импер. Общ. Любит. Естествозн., Антроп. и Этнографіи при Московскомъ университетѣ имѣлъ въ текущемъ году еще два засѣданія (см. 1 кв. „Этн. Обзор“ 177), а именно: 1) 8 мая выслушаны были доклады *Н. Л. Абазадзе*: «Грузинская семейная община» и *Н. А. Янчука*: «Рождественскій вертепъ на Подлясьѣ» (дополненная обработка тѣхъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ, которыя нѣсколько раньше, въ виду обилія польскихъ текстовъ, были имъ напечатаны въ варш. журналѣ *Wiśła* 1888, кн. 4); предназначавшійся къ чтенію третій докладъ *В. Н. Сеттэ*: «Этнографическія данныя изъ Тарасовской слободы Харьк. г.» былъ отложенъ, но онъ вошелъ въ 1 ю кн. „Этногр. Обзорнія“. 2) 28 сент. читаны были рефераты: *Н. А. Янчука*: „50-лѣтній юбилей этнографа О. Кольберга“ (напеч. въ этой книжкѣ), *А. А. Ивановскаю* „Историко-этнографическій очеркъ торгоутовъ“, и имѣлъ быть читанъ, но отложенъ до слѣд. засѣданія рефератъ *В. В. Каллаша* „Историческія лица и событія прошлаго вѣка въ народныхъ преданіяхъ“, часть коего составляетъ статья „Падій и Мазепа“ въ этой книжкѣ. Отчетъ о первомъ изъ этихъ засѣданій см. въ „Рус. Вѣд.“ № 130 и въ „Моск. В.“ № 129, о послѣднемъ въ „Рус. В.“ № 272 и въ „Моск. Вѣд.“ № 271; въ дополненіе къ этому отчету можемъ указать на корр. въ „Моск. Вѣд.“ № 262, заключающую свѣдѣнія о ходѣ экспедиціи г. Ивановскаго въ Китай къ торгоутамъ.

— Импер. Московское Археологическое Общество дѣятельно готовится къ восьмому археологическому съезду, который имѣеть быть въ Москвѣ въ Историческомъ Музее съ 8 по 24 янв. 1890 г. При съездѣ будетъ устроена богатая выставка въ залахъ Историч. Музея и отчасти Моск. Архива Иностранныхъ дѣлъ. Коллекціи на выставку уже присылаются отовсюду, какъ отъ учреждений, такъ и отъ частныхъ лицъ. Въ члены съезда можетъ записаться всякій, кто изъявитъ желаніе принять участіе въ его занятіяхъ и внесеть

4 руб., послѣ чего ему выдается или высылается по почтѣ членскій билетъ, дающій между прочимъ право льготнаго проѣзда по желѣзнымъ дорогамъ и на пароходахъ. Записываться заблаговременно можно въ Моск. Археологич. Обществѣ (Москва, Берсеневка), или же въ Петербургскомъ. Съѣздъ будетъ раздѣляться на девять секцій: 1) Древности первобытныя. 2) Древности историко-географическія и этнографическія. 3) Памятники искусствъ и художествъ. 4) Русскій бытъ—домашній, юридическій и общественный. 5) Памятники церковныя. 6) Памятники славяно-русскаго языка и письма. 7) Древности классическія, славяно-византійскія и западно-европейскія. 8) Древности восточныя и языческія. 9) Памятники археологическія. По всѣмъ этимъ отдѣленіямъ уже заявлено разными лицами 73 сообщенія, *) въ томъ числѣ по историко-географическо-этнографическому отдѣленію 15 рефератовъ. Заглавія ихъ перечислены въ недавно изданной Обществомъ и разосланной брошюрѣ: «Восьмой Археологическій съѣздъ въ память 25-ти лѣтъ со времени основанія Имп. Моск. Археологическаго Общества»; тутъ же правила съѣзда, составъ предварительнаго комитета и 50 запросовъ, на которыя желательно получить разъясненія на съѣздѣ. (Эту брошюру не слѣдуетъ смѣшивать съ изданною раньше, о которой было говорено въ 1 кн. «Этногр. Обзорнія» 172).

Имп. Рус. Географич. Общество снарядило въ этомъ году нѣсколько экспедицій, которыя имѣютъ въ виду и этнографическія цѣли. Полковникъ генеральнаго штаба *М. В. Пыцовъ* въ сопутствіи офицеровъ *В. И. Роборовскаго* и *К. П. Козлова*, геолога *К. И. Богдановича* и др. продолжаетъ изслѣдованія покойнаго *Н. М. Пржевальскаго* въ Азіи (Тибетъ). Экспедиція продолжится до конца 1890 г. („Новости“). Отрывочныя свѣдѣнія о ходѣ экспедиціи попадаются въ частныхъ телеграммахъ, напр. отъ 29 сент.—При обществѣ отырыта подписка на учрежденіе преміи и медали имени Пржевальскаго.—Капитанъ *Б. Г. Громбчевскій*, старшій чиновникъ особ. порученій при начальникѣ Ферганской области, предпринялъ вмѣстѣ съ другими экспедицію въ Среднюю Азію отъ имени Геогр. Общ. на средства *Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича*. Экспедиція продлится 8—12 мѣсяцевъ („Краі“, № 14). Въ прошломъ году г. Громбчевскій тоже былъ въ экспедиціи отъ имени Геогр. Общества при поддержкѣ ген. адъют. *Розенбаха*. Прошлагодняя

*) Новыя заявленія могутъ быть присланы на имя предсѣдателя Общества гр. П. С. Уварова, (Москва, Берсеневка, д. Археол. Общ.).

экспедиція длилась въ теченіе мѣсяцевъ іюля—ноября. Между прочимъ собраны этнографическія коллекціи, около 120 фотографич. снимковъ видовъ и типовъ, составлены словари канжутскаго и ваханскаго нарѣчій. («Елисаветгр. Вѣстн.» 40, смѣсь: отчетъ о сообщеніи г. Громбчевскаго въ засѣданіи И. Р. Геогр. Общества 1 февр.).—Секретарь этнографическаго отдѣленія И. Р. Геогр. Общ. *Θ. М. Истомина* предпринялъ весною поѣздку въ Печорскій край вмѣстѣ съ сѣверной экспедиціею, снаряженной министерствомъ госуд. имуществъ съ геологическою цѣлью. Г. Истомина предпологаетъ заняться мѣстной стариной и имѣть въ виду распространить этнографическія наблюденія не только на русскихъ, но и на инородцевъ, какъ напр. зырянъ, самоѣдовъ («Вит. Г. В.» № 19, «Сынъ Отеч.»).—При Обществѣ образована коммиссія для обсужденія вопроса объ изслѣдованіи литовскихъ губерній («Вилен. Вѣстн.» 70, «Елисаветгр. В.» 72).

— Петровское Общество изслѣдователей Астраханскаго края, возникшее яч. 1874 г. по случаю празднованія въ Астрахани 30 мая 1872 г. двухсотлѣтней годовщины дня рожденія Петра I (въ память пребыванія Петра въ Астрахани въ 1722 г.) и закончившее было свою дѣятельность послѣ годичнаго существованія, вызвано опять къ жизни съ 1886 г. и въ настоящее время постепенно развиваетъ свою дѣятельность, какъ видно изъ «Отчета» за время съ 7 сент. 1886 г. по 31 дек. 1887 г. (изд. въ Астрах. 1889, 8^о стр. 52), заключающаго въ себѣ и исторію Общества. Дѣятельность Общества въ новомъ періодѣ его существованія первое время была направлена: 1) на изданіе сборника, который бы заключалъ цѣнныя и рѣдкіе матеріалы объ Астрахани и Астраханскомъ краѣ, 2) на разработку мѣстныхъ архивовъ при посредствѣ особой коммисіи, 3) на устройство въ Астрахани публичнаго музея. Сборникъ приготовленъ къ печати; музей пополняется коллекціями и состоитъ изъ 3-хъ отдѣленій: историко-этнографическаго, естеств. историч. и торгово-промыш. Съ 1887 г. при Обществѣ образованы двѣ секціи: историко-этнографическая и естественно историческая. Секція историко-этнографическая была занята: 1) составленіемъ и распространеніемъ программы для собиранія археологическихъ, нумизматическихъ, историческихъ и этнографическихъ свѣдѣній по Астраханскому краю (обработана чл. Н. Ф. Леонтьевымъ), 2) составленіемъ указателя матеріаловъ по Астрах. краю, 3) выработкою плана «Словаря достопамятныхъ лицъ Астрах.

края», составленіе коего уже начато, 4) учрежденіемъ архивной комиссіи, 5) научными экскурсіями и сообщеніемъ рефератовъ.

— Уральское Общество Любителей Естествознанія (въ Екатеринбургѣ) занято въ послѣднее время приведеніемъ въ порядокъ коллекцій своего музея и ихъ систематическимъ описаніемъ. Недавно изданъ и поступилъ въ продажу II отдѣлъ «Каталога» составленнаго хранителемъ музея *Д. И. Лобановымъ* (Екатеринб. 1889. стр. 20 in 8°, ц. 40 к.), Онъ заключаетъ въ себѣ этнографію и археологію. Этнографическая часть раздѣлена по народностямъ, при чемъ описываемые предметы распределены по рубрикамъ: жилище, одежда и обувь, пища, художественные предметы и орудіе, религиозные предметы, перевозочные предм., музыкальные инструменты, дѣтское воспитаніе, медицина и т. д., иногда съ объясненіемъ ихъ употребленія, съ указаніемъ мѣстности и жертвователей. Изъ народностей представлены въ вещевыхъ коллекціяхъ пермяки (161 номеръ), вогулы (92 номера), вотяк. (62 №), черемисы (87 №), башкиры (71 №), дунгане (82 №), самоды (22 №), витайцы (13 №), тунгусы (1 №), киргизы (19 №), буряты (13 №), якуты (31 №). По каждой народности даются предварительныя свѣдѣнія о ея мѣстожителствѣ, образѣ жизни, религіи, занятіяхъ и т. д. Археологическій отдѣлъ каталога содержитъ рубрики: предметы доисторическіе, старинныя вещи, фотографіи и пр.

— Харьковское Историко-филологическое Общество въ одномъ изъ своихъ засѣданій слушало докладъ проф. *Н. Ѳ. Сумцова* о народныхъ воззрѣніяхъ на демоническое происхожденіе болѣзней вообще и въ особенности колтуна, сумасшествія и эпилепсіи. Краткій отчетъ см. въ «Харьк. Г. В.» № 90. Въ томъ же засѣданіи рѣшено было перепечатать программу (какую?) для собранія историческихъ, археологич. и этнографическихъ матеріаловъ съ дополненіями, предложенными проф. *Д. И. Багадѣемъ*. Новую редакцію программы взялъ на себя чл. общества. *М. П. Савиновъ*.

— «Латышское Общество» въ Ригѣ образовало при себѣ особую комиссію для собранія народныхъ древностей. Въ февралѣ Общество праздновало свою 21-ю годовщину. Предсѣдателемъ вновь избранъ г. Гросвальдъ («Риж. Вѣсти.»).

— Научно-промышленная выставка въ Казани, устраиваемая по инициативѣ мѣстнаго университетскаго

Общества Естествоиспытателей при поддержкѣ города и земства, имѣеть быть съ 1 мая будущаго года по 15 сентября. Въ числѣ отдѣловъ ея первымъ поставленъ научный, вмѣщающій въ себѣ между прочимъ отдѣленія: историко-этнографическое, антропологическое и археологическое. Проектируется также устройство особаго отдѣла—«книжнаго», въ которомъ имѣють быть сосредоточены всѣ статистико-экономическія, этнографическія и другія изслѣдованія Волжско-Камскаго края, Сибири и Средней Азии. Положеніе о выставкѣ уже утверждено оффиціальнымъ путемъ и начинаютъ поступать въ комитетъ выставки заявленія объ участіи.

— Восьмой съѣздъ русскихъ естествоиспытателей и врачей имѣеть быть въ Петербургѣ (въ зданіи университета) съ 28 декабря по 7 янв. 1890 г. Членомъ съѣзда (со взносомъ 3-хъ руб.) можетъ быть всякій, кто занимается естествознаніемъ; но правами голоса на съѣздѣ пользуются только ученые, напечатавшіе самостоятельное сочиненіе или изслѣдованіе по естественнымъ наукамъ, а также преподаватели этихъ наукъ въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Область естествознанія съѣздъ понимаетъ очень широко, и въ свою программу онъ включилъ между прочимъ отдѣлы географіи, этнографіи и антропологіи. Засѣданія секцій имѣють быть 29, 30, 31 декъ и 3, 4, 5 янв. Заявленія объ участіи въ съѣздѣ принимаются до 15 декъ въ университетѣ. Подробности въ газетахъ (напр. въ «Варш. Дневн.» № 157).

— Въ Елисаветградѣ устроенъ музей при земскомъ реальномъ училищѣ и находится подъ завѣдываніемъ учителя *В. Н. Ястребцова*. Кромѣ чисто археологическихъ вещей, музей содержитъ и вещи этнографическія: предметы быта, костюма и т. п.

— Въ г. Уральскѣ устраивается войсковой музей, въ которомъ будутъ сосредоточены коллекціи, касающіяся быта уральскаго войска, особенно прежней его жизни (см. выше «Уральск. Войск. Вѣд.»).

— Смоленскій археологическій музей, находящійся въ зданіи городской думы подъ завѣдываніемъ *С. П. Писарева*, постоянно пополняется этнографическими и историко-археологическими предметами. Перечни жертвуемыхъ предметовъ печатаются въ „Смол. Вѣсти.“ (№ 24, 35, 48, 53, 82), откуда можно познакомиться съ коллекціями музея. Члены музея принимаютъ также научныя повѣдки (см. библиогр. „Смол. В.“).—

Съ 8-го сент. открыта въ Смоленскѣ сельско-хозяйственная и научно-промышленная выставка (Моск. Вѣд. № 252).

— По сообщенію „Смоленскаго Вѣстника“ (№ 37), въ г. Вязьмѣ 5 и 12 марта преподаватель гимназіи *Н. П. Виноградовъ* прочелъ двѣ публичныя лекціи по исторіи города Вязьмы въ пользу „Общества вспомошествованія недостаточнымъ ученикамъ Вяз. гимназіи.“ Помимо объясненія той роли, какую игралъ этотъ городъ во вѣдшей политич. исторіи Россіи и Литвы, лекторъ касался и другихъ историко-этнографич. вопросовъ, напр. вопроса о древнѣйшемъ населеніи мѣстнаго края, о нравахъ мѣстнаго общества XVII и XVIII вв. и т. д. Древнѣйшимъ населеніемъ края были финны, отъ которыхъ, по объясненію лектора, и городъ получилъ свое названіе (вязь-племя). Къ сожалѣнію, репортеръ „Смоленскаго Вѣстника“ отнесся нѣсколько иронически къ хорошему начинанію (отвѣтъ г. Виноградова, см. въ № 45 той-же газ.). Лекціи печатаются въ „Смоленскомъ Вѣстн.“ (см. библиогр.).

— Въ Парижѣ во время всемірной выставки, именно съ 18 (30) сентября втеченіе одной недѣли происходилъ международный этнографическій конгрессъ въ Трокадеро подъ предсѣдательствомъ *Жюль Оттерта*. Изъ русскихъ въ числѣ делегатовъ были названы кн. Гагаринъ (Одесса), Юферовъ (СПБ) и Кукурановъ (Казань), Этнографическій Отдѣлъ Моск. Общества Люб. Естествознанія привѣтствовалъ конгрессъ сочувственной телеграммой. Конгрессъ подраздѣлялся на секціи: 1) общей этнологіи, 2) этики, народнаго права и социологіи, 3) этнографич. психологіи, 4) сравнительныхъ религій (въ числѣ референтовъ въ этой секціи былъ намѣченъ д-ръ *Михаловскій*: „Религія древн. славянъ“), 5) лингвистики, 6) археологіи и изящныхъ искусствъ.

— По газетнымъ извѣстіямъ Краковская Академія Наукъ издала этнографическія записки о Польсѣ въ волынскомъ, составл. кс. *Брыжчинскимъ*. Онѣ заключаютъ свѣдѣнія объ обычаяхъ и обрядахъ, семейныхъ и общественныхъ празднествахъ, занятіяхъ, съ прибавленіемъ большого количества пѣсень („Мин. Лист.“ 34, изъ „Нов.“).

— Семейство покойнаго галицко-русскаго историка и этнографа *Я. Ѳ. Головацкаго*, умершаго 1 мая 1888 г., пожертвовало оставшіяся послѣ него русскія книги и журналы въ Народный Домъ во Львовѣ; галицко-русскія изданія — въ Импер. Публичную

Библиотеку, съ тѣмъ чтобы при ней было основано особое галицко-русское отдѣленіе; нѣмецкія изданія и книги на другихъ славянскихъ языкахъ отданы въ Виленскую публичную библиотеку, которою онъ завѣдывалъ въ послѣднее время, а рукописи общаны галицко-русской Матицѣ. („Вил. Вѣстн.“ 76). Свѣдѣнія о происхожденіи и семьѣ покойнаго приводитъ „Вил. Вѣстн.“ (№ 101) изъ „Червонной Руси.“ — Замѣтимъ кстати, что мѣсто завѣдующаго Виленскою публичною библиотекою и музеемъ послѣ Головацкаго занялъ г. *Крачковскій*, извѣстный изслѣдователь западнаго края, въ особенности Гродненской губ. Будемъ надѣяться, что г. Крачковскій оживитъ мѣстныхъ ученыхъ, замершихъ въ бездѣйствіи, сумѣетъ сплотить вокругъ себя новыя силы и направить ихъ на изслѣдованіе мѣстнаго края, что является крайне настоятельною потребностью. Отъ него именно можетъ итти инициатива образованія такого мѣстнаго ученаго общества, о какомъ уже были высказаны пожеланія и въ печати (см. выше библиогр. „Вил. Вѣстн.“).

— Между бумагами, оставшимися послѣ покойнаго знаменитаго натуралиста доктора *Альфреда Брема*, найдены записки о семейной и общественной жизни киргизовъ. Сынъ покойнаго приступаетъ теперь къ опубликованію этихъ записокъ („Акмолин. Обл. Вѣд.“).

О П Е Ч А Т К И.

<i>Стр.</i>	<i>стр.</i>	<i>см.</i>	<i>чит.</i>
5	13 св.	578	678
65	3 св.	давай	давай
79	1—2 св.	стоіря	сторія
84	13 св.	знатное	значное
92	20 св.	ротыще	ратыще
—	22 —	Прійшовъ хлопъ	Прійшовъ,—хлопъ
94	13—14 св.	впри... Dichtun... on... ...Sichlerg	при... Dichtung... von... ...Sichler
—	16 св.	483	482
—	15 св.	1887	1877
101	9 св.	та—	такій
123	4 св.	Чайковичъ	Чойковичъ
138	10 св.	выше	ниже
141	12 св.	des	de
142	4 св.	ибо	ибо вельзя

Труды Этнографического Отдѣла (9 книгъ) содержатся въ слѣдующихъ томахъ «Извѣстій Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологій и Этнографіи» *).

т.

VII. (кн. 1). Сборникъ антропологическихъ и этнографическихъ статей о Россіи и странахъ ей прилежащихъ. Изд. В. А. Дашкова, 1868 г. Ц. 3 р.

XII. (кн. 2). Народныя пѣсни Латышей, Ө. Я. Трейланда. Изд. В. А. Дашкова. 1873 г. Ц. 4 р.

XIII. (кн. 3), вып. 1—2, 1874 г., по 1 р. 15 к.

Содержаніе. Вып. 1: Протоколы засѣданій Этногр. Отдѣла 1867—74 г. *Статьи:* 1) Описаніе быта болгаръ, населяющихъ Македонію, Ст. Вервонча.—2) О появленіи ламанна въ Забайкальѣ и о влияніи его на бытовую жизнь бурята-кочевника, Н. Г. Керцелля.—3) Программа этнографическаго народнаго календаря, А. Л. Дювернуа.—4) Объ этнографическихъ трудахъ митрополита Иннокентія, докладывающ. Н. А. Попова.—5) Обзоръ этнографической литературы о чехахъ и словакахъ (два статьи). Колосова.—6) Одежда каменнобродскихъ русскихъ и мордвиновъ, А. Примаѣровъ.—7) Домашній бытъ Мариупольскихъ грековъ, А. Анторинова.—8) О перикахъ, П. Володина.—9) Свадебные обычаи у болгаръ, Жинничева.—10) Раскопки миломенскихъ кургановъ, Анастасьева.—11) Проектъ этнограф. изслѣдованія о-ва Эвеля, бар. Зассъ-Касселя.—12) Этнографическія замѣтки, Н. Г. Керцелля.—13) О свадебныхъ пѣсняхъ и обрадахъ Вологодской губ., К. Попова.—14) О мезенскихъ самоодахъ, Н. Г. Керцелля.—15) Сельскіе обычаи въ некоторыхъ мѣстахъ Суражскаго у., Дударева.—16) Обзоръ этнограф. данныхъ, помѣщенныхъ въ разныхъ губернскихъ гѣдомостахъ за 1873 г., Е. В. Барсова.—17) Объ историческомъ значеніи праздниа въ честь Бурхана-Майдери, совершаемаго бурятами. Н. Г. Керцелля.—18) Сѣверныя сказанія о лембохъ и удальницахъ Е. В. Барсова.—19) Замѣтки изъ этнографіи сѣвернаго края, Е. В. Барсова.—20) Обычай хороненія Костромы въ Муромскомъ у., Е. П. Добрянкиной, съ замѣткой Е. В. Барсова.—21) Изъ исторіи народнаго двоевѣрія Н. А. Покровскаго.—22) Юрьевъ день, Е. В. Барсова.—23) О кладосвателяхъ въ Зубцовск. у., Евашина-Самарина.

Вып. 2. Зыряне и Зырянскій край, К. А. Понева.

XXVIII, (кн. 4). Протоколы засѣданій Этногр. Отдѣла (1874—77 г.), съ приложеніями. Ц. 2 р.

Статьи: 1) Французскомъ художникѣ-этнографѣ Теодорѣ Валеріо, Н. А. Попова.—2) Обрядъ похоронъ мужъ и другихъ насѣкомыхъ, П. В. Шейна, съ замѣчаніями В. Ө. Миллера.—3) Варованіи и обряды бѣлоруссовъ, В. и А. Зенковичей.—4) Петръ Великій въ народныхъ преданіяхъ и сказкахъ сѣвернаго края, Е. В. Барсова.—5) Этнографическія наблюденія по Волгѣ, Ф. Д. Нееждовъ.—6) Васильевъ вечеръ и Новый годъ въ Муромскомъ у., Е. П. Добрянкина.—7) Обряды при рожденіи и крещеніи дѣтей на Орелѣ, Е. В.

* Получать можно въ канцеляріи Общества (Москва, Медико-натуральной Музей), а также въ книжныхъ магазинахъ комиссіонера Общества А. Суворина. Первая 2 книги, изд. Дашкова, остались въ незначительномъ количествѣ только у издателя (Москва, П. бачинскій и Румянцевскій Музей).

- Барсова.—8) Обзоръ этнографич. данныхъ, помѣщенныхъ въ „Намѣгородецъ. Сборникъ“ И. Ф. Кудрявцева.—9) Охотячье право собственности у Зырянъ, К. А. Попова.—10) Очерки жизни крестьянскихъ дѣтей Казанской г., А. Ф. Можаровскаго.—11) Крестьянская свадьба въ Мценскомъ у., П. М. Апостольскаго.—12) Башкирское преданіе о лунѣ, Л. В. Лосіевскаго.—13) О происхожденіи первобытныхъ вѣрованій по теоріи Спенсера, П. М. Апостольскаго.—14) Восточные и западные родичи одной русской сказки, В. Ф. Миллера.
- XXX,** (кн. 5, въ 2-хъ част.). Матеріалы по этнографіи русскаго населенія Архангельской губ., П. Е. Ефименка. Ц. 4 р.
 Часть 1: Описаніе внутренняго и вѣшняго быта. 2 р. 50 к.
 Часть 2: Народный языкъ и словесность. Ц. 1 р. 50 к.
- XL,** (кн. 6). Матеріалы по этнографіи латышскаго племени, Ф. Я. Трейланда (Бривземніаксъ). Пословицы, загадки, заговоры, врачеваніе и колдовство. Ц. 3 р. 50 к.
- XLVIII,** (кн. 7 и 8). Протоколы засѣданій и приложенія. Ц. 4 р.
 Вып. 1. *Статьи:* 1) Потеряла ли законную силу бытующая старина въ сознаніи русскаго народа? Н. А. Покровскаго.—2) Малорусская свадьба въ Константиновск. у., Садлецкой губ., Н. А. Янчукова.—3) Приговоры и причеты о тѣбѣхъ, П. В. Шешина.—4) О глыцкомъ языкѣ. Д-ръ Зеланда. (2 р).
 Вып. 2. *Статьи:* 1) Гр. Ал. Серг. Уваровъ (некрологъ). В. Ф. Миллера.—2) Н. И. Костомаровъ (некрологъ). Его-же.—3) А. Л. Двернуа (некрологъ). Его-же.—4) Характерныя дѣтскія игры нѣкоторыхъ русскихъ вѣроудцевъ. Е. А. Покровскаго.—5) О юридическомъ бытѣ татовъ. М. М. Ковалевскаго.—6) Слѣды языческихъ вѣрованій у маньзовъ. Н. Л. Гондатти.—7) Культъ медведя у вѣроудцевъ сѣв.—зап. Сибиря. Его-же.—8) Программа для собранія этнографич. свѣдѣній, сост. Н. А. Янчукова.—9) Программа для собранія свѣдѣній объ юридическіяхъ обычаяхъ, сост. М. Н. Харузина (2 р.)
- LXI,** (кн. 9). Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи (съ приложеніемъ портрета М. Н. Харузина). 2 р.
Статьи: 1) Памяти М. Н. Харузина. В. Ф. Миллера.—2) Замѣтки о юридическомъ бытѣ крестьянъ Сарapulьскаго уѣзда, Вятской губерніи. П. М. Богаевскаго.—3) О наказаніяхъ по рѣшеніямъ волостныхъ судовъ Московской губ. В. Кандиискаго.—4) О доказательствѣхъ на волостномъ судѣ. А. Паппе.—5) Современные бракъ и свадьба среди крестьянъ Тамбовской губ., Елатомскаго уѣзда. А. П. Звонкова.—6) Объ участіи сверхъ-естественной силы въ народномъ судопроизводствѣ крестьянъ Елатомскаго уѣзда, Тамбовской губ. П. И. Астрова.—7) По Минской губерніи (замѣтки изъ поездки въ 1886 году). Н. Янчукова.—8) Петербургскія балаганныя прибаутки, записанныя В. И. Кельсиевымъ. А. Бельсѣева.—9) Изъ русской народной космогоніи, изданаго С. Я. Деруновымъ.—10) Изъ матеріаловъ, собранныхъ среди крестьянъ Пудожскаго уѣзда, Олонечкой губерніи. Николая Харузина.—11) Описаніе дѣтскихъ игрушекъ и игръ въ селѣ Мазунахъ, Сарapulьскаго уѣзда, Вятской губ. Вас. Тихонова.—12) О народномъ глеченіи въ Казанскомъ уѣздѣ. В. Н. Аршинова.—13) Рѣшенія волостныхъ судовъ Сарapulьскаго уѣзда, Вятской губ. (прилож. къ статьѣ П. М. Богаевскаго).—14) Напѣвы бѣлорусскихъ пѣсень (прилож. къ статьѣ Н. Янчукова).

